

06
К

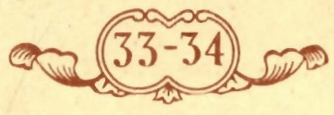
23/24

114

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

06
К-

п. 8532

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

Редакционная коллегия:

КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Н. П. БОБРИК, Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, А. И. ВИНОГРАДОВА,
В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА

РЕЗОЛЮЦИЯ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

24—27 января 1961 г. в Москве состоялось Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, созданное Институтом славяноведения Академии наук СССР по поручению Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения. В работе совещания приняли участие представители 39 научно-исследовательских институтов и учреждений Академии наук СССР, Академий наук союзных республик и других ведомств (Институт славяноведения АН СССР, Институт истории АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институт истории искусств АН СССР, Институт теории и истории искусств Академии художеств СССР, Институт археологии АН СССР, Институт русского языка АН СССР, Институт языкознания АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Институт государства и права АН СССР, Институт народов Азии АН СССР, Институт истории АН УССР, Институт археологии АН УССР, Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Институт языковедения им. А. А. Потемби АН УССР, Институт общественных наук АН УССР, Институт истории АН БССР, Институт литературы им. Я. Купалы АН БССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Институт языкознания им. Я. Коласа АН СССР, Институт истории АН Литовской ССР, Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР, Институт истории АН Армянской ССР, Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии Молдавского филиала АН СССР, Археографическая комиссия Отделения исторических наук АН СССР, Отделение исторических наук и Отделение литературы и языка АН СССР, Отделение общественных наук АН БССР, Отделение общественных наук АН Литовской ССР, Славянский комитет СССР, Советский комитет славистов, Украинский комитет славистов, Белорусский комитет славистов, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук и Высшая партийная школа при ЦК КПСС), 19 университетов (Московского, Ленинградского, Киевского, Белорусского, Вильнюсского, Львовского,

Харьковского, Черновицкого, Одесского, Ужгородского, Латвийского, Воронежского, Саратовского, Тартуского, Уральского, Киргизского, Ереванского, Узбекского, Дальневосточного), педагогических институтов 19 городов (Москвы, Ленинграда, Грозного, Запорожья, Тобольска, Архангельска, Сталино, Драгобыча, Тамбова, Житомира, Пензы, Саратова, Ярославля, Владимира, Вильнюса, Алма-Аты, Мурманска, Кирова, Великих Лук), Московского государственного института международных отношений, Союза советских писателей, Литературного Института им. А. М. Горького при ССП и др. и 25 различных учреждений (Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Архивное управление Литовской ССР, Центральный государственный архив древних актов, Центральный государственный исторический архив, Центральный государственный военно-исторический архив, Издательство Академии наук СССР, Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», Гослитиздат, Соцэкгиз, Издательство восточной литературы, Издательство иностранной литературы, Издательство иностранных и национальных словарей, Издательство литературы на иностранных языках, Всесоюзная государственная библиотека им. Ленина, Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Государственная историческая библиотека, Государственная библиотека иностранной литературы, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный комитет по радио и телевидению при Совете Министров СССР, Всесоюзный музей А. С. Пушкина; журналы «Вопросы истории», «Новая и новейшая история» и «Вопросы языкознания»; «Учительская газета»).

Координационное совещание объединило славистов-историков, литературоведов, фольклористов, лингвистов, археологов, этнографов, представителей других гуманитарных наук и некоторых представителей точных наук — всего 516 человек, из них академиков и членов-корреспондентов союзной и республиканских академий — 23, докторов наук — 29, кандидатов наук — 247. В совещании приняли активное участие ученые 36 родов.

Обсуждение показало необходимость и полезность настоящего совещания и целенаправленность программы его работы.

Участники совещания, созванного с целью установления делового сотрудничества советских ученых-славистов в масштабах всей страны, видели свои задачи в том, чтобы *обмениваться информацией о главных результатах*, достигнутых в разработке проблем славяноведения, *определить основные направления* дальнейшего развития научно-исследовательской работы в области изучения истории, истории культуры и языков зарубежных славянских народов, межславянских исторических и культурных связей и отношений славянских народов с другими народами, *наметить наиболее важные, первоочередные проблемы*, на решение которых должны быть направлены творческие усилия советских ученых-славистов в ближайшие годы, *согласовать вопросы о формах координации* научной работы в области славяноведения.

Подводя некоторые итоги проделанной работы, совещание констатирует, что за последние годы достигнуты определенные успехи в реше-

нии ряда важных научных проблем истории и истории культуры зарубежных славянских народов, славянского языкознания.

Основным научным центром изучения в СССР истории культуры и языков зарубежных славянских народов и межславянских связей является Институт славяноведения АН СССР. Научно-исследовательская работа в этих направлениях ведется также в ряде других институтов АН СССР, в институтах Академий наук союзных республик, на кафедрах многих университетов и педагогических институтов — в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, в Литве и в других республиках и городах нашей страны.

Однако надо признать, что координация научно-исследовательской деятельности этих научных учреждений и вузов до сих пор была очень слабой, что являлось одной из главных причин существенных недостатков в развитии советского славяноведения.

Обсудив состояние и дальнейшие задачи развития славяноведческой науки, являющейся важным участком общественных наук, призванных активно участвовать в строительстве коммунизма в нашей стране, в коммунистическом воспитании масс, участники совещания считают, что силы советских ученых-славистов должны быть объединены вокруг главных, актуальных в научном и политическом отношении проблем.

Исходя из указаний ЦК КПСС по идеологическим вопросам и программных положений Заявления Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий, *совещание подчеркивает, что в центре внимания советских славистов должна быть разработка проблем социалистического строительства в европейских странах народной демократии, изучение процессов создания социалистической культуры, возникновения и развития социалистических наций, складывания и укрепления мировой системы социализма.* Важной задачей общественных наук, в том числе и славяноведения, является решительная борьба против всех проявлений ревизионизма и оппортунизма, а также догматизма и сектантства, разоблачение националистических взглядов и концепций. Одной из первоочередных задач советских славистов является разоблачение югославской разновидности международного оппортунизма.

Наряду с изучением проблем, связанных с периодом строительства социализма в европейских странах народной демократии, должен, безусловно, разрабатываться и целый ряд других важных направлений славяноведения.

В области *истории и истории культуры* такими основными направлениями являются:

1. История рабочего и крестьянского, революционного и национально-освободительного движения, история прогрессивной общественной мысли славянских народов, история их коммунистических партий.
2. История межславянских связей, прежде всего революционных связей.
3. История славяно-германских отношений и связей.
4. Генезис капитализма у южнославянских и западно-славянских народов.

5. Вопросы славянского этногенеза и образования славянских государств, генезис феодализма у славянских народов.

6. Роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры.

Важной задачей историков-славистов является борьба против идеологии западногерманского ревизионизма, разоблачение антиславянской политики империалистических держав и Ватикана.

В области изучения истории славянских литератур и фольклора славянских народов, наряду с созданием обобщающих трудов по истории славянских литератур, наиболее важными направлениями являются:

1. Теория и история социалистического реализма.
2. Развитие критического реализма в славянских странах и его соотношение с другими творческими методами на разных исторических этапах.
3. Взаимосвязи славянских литератур между собой и с другими национальными литературами.
4. Развитие устного поэтического творчества славянских народов. Вопросы периодизации истории жанров.

Разработка этих проблем должна вестись под знаком решительной борьбы против буржуазной идеологии, против ревизионизма и модернизма в эстетике и литературной критике.

В области славянского языкознания наиболее важными направлениями являются:

1. Изучение славянских языков и исторических связей между ними.
2. Сравнительная грамматика славянских языков.
3. Структурная типология славянских языков. Описание фонологических систем с помощью единого набора дифференциальных признаков. Широкое статистическое обследование славянских языков.

4. Составление общеславянского и региональных лингвистических атласов.

5. Исследования в области балто-славянских, славяно-иранских, славяно-германских, славяно-романских, славяно-тюркских и славяно-финских языковых связей.

6. Топонимические и этимологические изучения на материале славянских языков в связи с разработкой вопросов славянского этногенеза.

7. Становление и развитие славянских литературных языков.

Работа в области указанных выше направлений требует объединенных усилий историков, лингвистов, литературоведов, этнографов, специалистов других общественных наук. Это в полной мере соответствует уже определенному облику советского славяноведения как комплексной науки.

Советские ученые считают целесообразным в рамках указанных направлений сосредоточить внимание на исследовании прежде всего следующих конкретных проблем, определив головные институты для руководства этой работой:

1. Проблемы социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Головной — Институт истории АН СССР с участием институтов славяноведения, экономики мировой социа-

листической системы, философии, государства и права Академии наук СССР, соответствующих институтов республиканских Академий наук и университетов УССР, БССР, Литовской ССР и других научных учреждений и вузов.

2. Узловые проблемы строительства социализма и социалистической культуры в зарубежных славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием институтов истории, экономики мировой социалистической системы, философии, истории искусств АН СССР, соответствующих институтов Академий наук и университетов УССР, БССР, Литовской ССР и других научных учреждений и вузов.

3. Общие закономерности развития мировой социалистической системы и их проявление в славянских странах народной демократии. Головной — Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР с участием институтов истории, славяноведения, философии, государства и права Академии наук СССР, соответствующих институтов республиканских Академий наук и университетов УССР, БССР и других научных учреждений и вузов.

4. Генезис капитализма, национальное движение, формирование национальной культуры в славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием других научных учреждений и вузов.

5. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на разрывание революционного движения и формирование национальных государств в зарубежных славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института истории АН СССР и институтов истории АН УССР, БССР, Литовской ССР, университетов и других научных учреждений и вузов. Работа должна вестись в рамках Научного совета по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция».

6. Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны. Головной — Институт истории АН УССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института истории АН БССР и других научных учреждений и вузов.

7. История славяно-германских отношений. Борьба против идеологии западногерманского реваншизма. Головной — Институт истории АН СССР с участием институтов славяноведения и философии АН СССР, институтов истории и философии АН УССР, БССР, Литовской ССР, университетов и других научных учреждений и вузов.

8. Русско-польские революционные связи XIX — начала XX вв. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием институтов истории АН УССР, БССР и Литовской ССР и других учреждений и вузов.

9. Вопросы славянского этногенеза. Головной — Институт археологии АН СССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института археологии АН УССР, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и других учреждений и вузов, разрабатывающих эти вопросы.

10. Общеславянский лингвистический атлас. Головной — Институт русского языка АН СССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института языковедения АН УССР, Института языкознания АН БССР, Московского, Киевского, Белорусского, Львовского и других университетов.

11. Региональный западноукраинский лингвистический атлас. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института общественных наук АН УССР (Львов), Львовского, Ужгородского и Черновицкого университетов и др. научных учреждений и вузов.

12. Полесский диалектный словарь. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института языковедения АН УССР, Института языкознания АН БССР.

13. Славяно-германские языковые связи. Головной — Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР с участием Института славяноведения АН СССР и других научных учреждений и вузов.

14. Славяно-балтийские языковые связи. Головной — Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР с участием Института славяноведения АН БССР, Вильнюсского государственного университета и других научных учреждений и вузов.

15. Славяно-иранские и славяно-романские языковые связи. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием других научных учреждений и вузов.

16. Славяно-тюркские языковые отношения. Головной — Институт языковедения им. А. А. Потемни АН УССР с участием других научных учреждений и вузов.

17. Топонимические исследования (топонимический атлас и др.) Головной — Институт языковедения им. А. А. Потемни АН УССР с участием институтов славяноведения, русского языка АН СССР, Института языкознания АН БССР и других научных учреждений и вузов.

18. Структурно-типологические исследования славянских языков. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института русского языка АН СССР, Института языковедения АН УССР, Института языкознания АН БССР и других научных учреждений и вузов.

19. Генезис и развитие социалистического реализма в литературе и искусстве зарубежных славянских стран; современный этап социалистического реализма в литературе и искусстве зарубежных славянских стран. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института мировой литературы АН СССР, Институтов литературы АН УССР и БССР и других научных учреждений и вузов.

20. Межславянские литературные связи. Головной — Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института мировой литературы АН СССР, Института литературы АН БССР и других научных учреждений и вузов.

21. Развитие критического реализма в славянских странах и его соотношение с другими творческими методами на разных исторических этапах.

Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института мировой литературы АН СССР, Институтов литературы АН УССР, БССР и других научных учреждений и вузов.

22. Изучение фольклора западных и южных славян (основные жанры фольклора, взаимосвязь и взаимовлияние литератур и фольклора, межславянские фольклорные связи). Головной — Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР с участием Институтов славяноведения, этнографии и русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН БССР и других научных учреждений и вузов.

23. Общеславянский и региональные этнографические атласы. Головной — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР с участием институтов искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и АН БССР, других научных учреждений и вузов.

Совещание просит головные институты вместе с представителями заинтересованных научных учреждений и вузов подготовить конкретные планы исследований и предложения об издании работ по этим проблемам и представить эти планы и предложения на утверждение Бюро Объединенного научного совета по координации исследовательской работы в области славяноведения.

Совещание обращает внимание на необходимость усиления подготовки к V Международному съезду славистов, который состоится в 1963 г. в Софии. Совещание предлагает всем научным учреждениям, институтам и университетам, разрабатывающим проблемы славяноведения, представить Советскому комитету славистов конкретные предложения по тематике V Международного съезда славистов, а также предложения о докладах и докладчиках.

Совещание обращает внимание на отставание исследовательской работы в области комплексного изучения *истории культуры* славянских народов. Значение этой области славяноведения, определяющееся выдающимся вкладом славянских народов в развитие мировой культуры и необходимостью разоблачения буржуазных фальсификаторов, стремящихся исказить и принизить роль славянских народов в истории мировой культуры, требует усиления научной работы по истории материальной и духовной культуры славянских народов, рассматриваемой на широком историческом фоне. Совещание рекомендует Объединенному научному совету по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения, Институту славяноведения и Институту истории искусств АН СССР, всем научным учреждениям — участникам настоящего совещания принять меры для развития научной работы по истории культуры славянских народов.

Совещание считает, что дальнейшему развитию советского славяноведения и координации научно-исследовательских работ в этой области содействовало бы издание специального славистического журнала и реферативного бюллетеня по славяноведческим дисциплинам.

Совещание считает необходимым улучшение полиграфической базы для издания трудов по славяноведению.

Совещание просит Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Министерства просвещения союзных республик рассмотреть вопрос о расширении славяноведческой проблематики в программах соответствующих факультетов университетов и педагогических институтов.

Учитывая большой положительный опыт настоящего совещания, участники его считают необходимым и впредь по мере надобности проводить подобного рода совещания, как общие, так и отдельные по актуальным проблемам.

Совещание просит Институт славяноведения издать материалы Координационного совещания.

Совещание считает целесообразным, чтобы Объединенный научный совет по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения и Институт славяноведения АН СССР на основе изучения решений секций и протокола совещания разработали дальнейшие мероприятия по координации научно-исследовательской работы по славяноведению.

ДОКЛАДЫ, СООБЩЕНИЯ, ВЫСТУПЛЕНИЯ¹

Работа совещания началась пленарным заседанием, которое открыл Председатель Объединенного научного совета по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения академик Е. М. Жуков.

Академик Е. М. Жуков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В своем вступительном слове Е. М. Жуков отметил, что советское славяноведение, восприняв лучшие черты и традиции русского славяноведения дореволюционной эпохи и прочно став на позиции марксистско-ленинской теории, успешно развивается. В настоящее время Москва, Ленинград, Киев, Львов, Минск, Вильнюс и другие города Советского Союза располагают многочисленными научными кадрами, ведущими работу в области славяноведения.

В 1947 г. в составе Академии наук СССР был организован Институт славяноведения, ставший теперь таким научно-исследовательским учреждением, научная деятельность которого нашла признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Положительное в целом развитие славяноведения обнаруживает, однако, определенные недостатки. Основным из них является то, что славяноведческие исследования ведутся в значительной мере разрозненно, научные коллективы часто работают разобщенно. Возникает опасность параллелизма, несогласованности в изучении и разрешении актуальных проблем славяноведческой науки, что ощущается даже в Москве.

Президиум Академии наук СССР в марте 1960 г. рассмотрел вопрос о состоянии славяноведения в нашей стране. Отметив бесспорные достижения в области изучения истории, литературы и языков славянских народов, Президиум Академии наук СССР указал, что недостаточно глубоко изучаются коренные социальные и культурные преобразования в социалистических славянских странах; недостаточно разрабатываются проблемы истории славяно-германских отношений; мало уделяется внимания разоблачению идеологии германского реваншизма; слабо исследуются исторические и культурные связи революционной, национально-освободительной борьбы славянских народов.

¹ Доклады и выступления на пленарных заседаниях, так же как и прения по сделанным на секциях докладам, даются в кратком изложении. Доклады, прочитанные на межсекционном заседании, а также на заседаниях секций: исторической, литературоведения и фольклора, лингвистической, печатаются сокращенно. В подготовке к печати материалов координационного совещания, кроме членов редколлегии, участвовали З. М. Волоцкая, К. П. Гогина, Т. Ю. Григорьянц, В. А. Дыбо, Г. С. Можарова, Г. П. Мурашко, Е. П. Наумов, Л. А. Обушенкова, В. С. Парсиданова, Д. С. Прокофьева, М. Г. Рожковская, Л. Н. Смирнов, Ю. И. Смирнов, В. И. Фрейдзон.

Одной из главных причин этих недостатков Президиум Академии наук СССР считает слабую координацию научной деятельности научных учреждений как внутри Академии наук, так и вне ее, в масштабах всей страны, вследствие чего усилия специалистов-славяноведов не объединены. С целью устранения указанных недостатков был создан Объединенный научный совет по координации научно-исследовательской деятельности в области славяноведения с двумя секциями: исторической и филологической.

Объединенному научному совету было поручено активизировать научные исследования в области славистики, определять дальнейшие перспективы, рассматривать и координировать изучение важнейших проблем, заслушивать отчеты о состоянии научной работы по славяноведению в СССР и за рубежом, ежегодно подводить итоги работы по этим вопросам в нашей стране и принимать рекомендации по реализации заданий в области важнейших проблем славяноведения. С целью обсуждения состояния исследовательской работы по славистике, согласования программы научных исследований Объединенный научный совет решил созвать первое координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения.

И. И. Удалцов

**СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ
СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ
СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В своем докладе И. И. Удалцов напомнил, что в постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», отметившем большое значение и положительную роль общественных наук и их кадров в разработке и популяризации марксистско-ленинской теории, в идейном воспитании советских людей, было также указано на наличие известного отставания общественных наук от практики коммунистического строительства и задач идеологической работы. ЦК партии подчеркнул, что любая общественная наука сможет выполнить свои задачи только в том случае, если она органически связана с практикой коммунистического строительства и идеологической работы, если она активно участвует в коммунистическом воспитании народа.

Эти указания ЦК партии, — отметил докладчик, — требования предъявляемые им к общественным наукам, в полной мере относятся к советскому славяноведению, сложившемуся как комплекс научных дисциплин, изучающих историю, язык, литературу, материальную и духовную культуру славянских народов и их исторические и культурные связи между собой и с другими народами.

Считая советскую славистику одним из важных участков общественных наук, Президиум АН СССР в марте 1960 г. обсудил вопрос о дальнейшем развитии славяноведения и подготовке к V Международному съезду славистов. Президиум АН СССР, отметив успехи советских славистов, подчеркнул вместе с тем, что в разработке многих проблем советское славяноведение еще не находится на уровне современных задач и что одной из главных причин этого является слабая координация научно-исследовательской работы по славистике как внутри АН СССР, так и в масштабах всей страны, *вследствие чего усилия специалистов-славяноведов не объединены вокруг первоочередных проблем.* С целью устранения этого недостатка был создан Объединенный научный совет по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения.

Президиум АН СССР поставил перед Институтом славяноведения, объединяющим в своем составе специалистов в области истории, литера-

тур и языков *зарубежных* славянских народов и межславянских исторических и культурных связей, ответственную и почетную задачу — играть большую, чем до сих пор, роль в организации в стране научных исследований по славяноведению.

Выполняя эту задачу, Институт славяноведения предпринял за последний год некоторые шаги для расширения и укрепления своих научных связей с другими институтами АН СССР и академий наук союзных республик, с рядом университетов и педагогических институтов страны. Однако имевшиеся вплоть до последнего времени контакты института с другими научными учреждениями и вузами носили по большей части довольно случайный характер.

Ввиду этого возникла необходимость в проведении широкого координационного совещания по актуальным вопросам славяноведения, которое явилось бы *первым серьезным шагом* к организации делового творческого сотрудничества советских славистов в масштабах страны.

В соответствии с указаниями Бюро Объединенного научного совета по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения настоящее совещание имеет три главные цели:

1) обмен информацией о *главных результатах*, достигнутых в разработке проблем славяноведения, и о *имеющихся* планах научно-исследовательской работы по истории, истории культуры и языкам зарубежных славянских народов и межславянским историческим и культурным связям;

2) обмен мнениями о том, какие конкретные проблемы славяноведения должны быть признаны *первоочередными* и главными в связи со стоящими перед советской наукой задачами и с необходимостью развернуть подготовку к V Международному съезду славистов;

3) предварительное согласование вопроса о том, в каких *конкретных формах* целесообразно организовать практическое сотрудничество славистов нашей страны вокруг этих первоочередных и главных проблем славяноведения.

И. И. Удальцов сообщил далее, что Институт славяноведения подготовил ряд докладов и выступлений с таким расчетом, чтобы изложить в них на конкретных примерах мнение коллектива института о том, вокруг каких же именно проблем целесообразно сосредоточить усилия советских славистов в ближайшие годы, и предложить некоторые конкретные формы сотрудничества и координации работы по славистике.

Не пытаясь давать сколько-нибудь полную оценку состояния советской славистики, поскольку это будет сделано представителями с мест, мы считаем, однако, сказал докладчик, необходимым подчеркнуть, что в разработке ряда важных проблем истории, истории культуры и языков зарубежных славянских народов и межславянских связей за последние годы сделано довольно много, в особенности в Москве и на Украине, а также в Ленинграде и в ряде других республик и городов СССР. Что касается состояния изучения *истории* зарубежных славянских народов, то мнение института по этому поводу было изложено в опубликованной в шестом номере журнала «Вопросы истории» за 1960 г. статье В. Д. Корольюка и И. А. Хренова об итогах и задачах славистических исследований в СССР. Академик В. В. Виноградов дал в опубликованной им в конце 1959 г. в «Вопросах языкознания» статье «Состояние и перспективы советского славяноведения» характеристику развития славянской филологии в СССР, коснувшись и некоторых вопросов истории и этнографии славянских народов. В этих статьях были отмечены основные достижения советской славистики за последние годы.

Историки, филологи, этнографы, экономисты, философы все шире исследуют разнообразные вопросы истории, истории культуры, развития народного хозяйства, общественной мысль славянских народов.

Именно этот факт, отражающий прежде всего как количественный, так и качественный рост кадров славистов, дает основания для того, чтобы приступить к координации славистических исследований в нашей стране.

«Историки, лингвисты и литературоведы нашего института,— сказал И. И. Удальцов,— также спремислись внести свой вклад в развитие советского славяноведения. Я не буду говорить о тех результатах нашей работы, которые уже опубликованы и несомненно известны участникам совещания. Упомяну только, что из *опубликованного ранее* наиболее крупными результатами своей работы коллектив института считает законченные уже обобщающие многотомные труды по истории Болгарии, Польши и Чехословакии, широко известные труды академиков Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, Н. С. Державина, коллективную работу по истории болгарской литературы XIX—XX вв., работу об основных вопросах грамматики болгарского литературного языка, атлас болгарских говоров на территории СССР».

В настоящее время ряд работ института находится в печати¹.

С большими трудностями, но в основном успешно создана основа текста двухтомной «Истории Югославии» с древнейших времен до конца второй мировой войны. Недавно из Югославии возвратилась делегация института, которая проконсультировалась с югославскими историками по ряду подготовленных глав и получила немало полезных советов и замечаний.

Подготовлен и в январе этого года обсужден в Праге авторский текст еще одного созданного в институте крупного коллективного обобщающего труда — «Очерков истории чешской литературы XIX—XX вв.». В 1960 г., сообщил докладчик, институт сдал в печать 17 новых работ².

Среди *завершенных* в прошлом году институтом работ — совместный с болгарскими лингвистами труд — «Атлас болгарских говоров», который будет опубликован в Софии к V Международному съезду славистов. Большая группа работ должна быть закончена в течение 1961 г.³

Далее докладчик говорит о соображениях коллектива института относительно главных направлений славистических исследований и основных моментах плана работы секторов института до конца семилетки.

«...Руководствуясь основанными на требованиях жизни указаниями ЦК нашей партии и задачами, выдвинутыми перед идеологическими работни-

¹ Докладчик назвал здесь подготовленные академиком М. Н. Тихомировым и Миловым краткую и пространную редакцию «Закона судного людем», хроники Галла Анонима, Лаврентия из Бржезовой и Гельмольда; подготовленный совместно с польскими историками первый том многотомной публикации о восстании 1863 г. и — совместно с болгарскими историками — первый том трехтомной публикации, посвященной русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и освобождению Болгарии, и ряд других работ.

² Монографии: И. Н. Мельниковой о классовой борьбе в Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма, П. В. Галенко — о национализации основных средств производства в ПНР, В. В. Витт — о жизни и творчестве Стефана Жеромского, «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна, исследование В. Н. Топорова и О. Н. Трубочева «Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья» и др.

³ Монографии: академика М. Н. Тихомирова «Историко-географический обзор России в XVI в.»; Л. Б. Валева «Болгария в период второй мировой войны»; А. Х. Клеванского «Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России в 1914—1921 гг.»; М. В. Миско — о восстании 1863 г.; И. И. Костюшко о крестьянской реформе 1864 г. в Царстве Польском; И. Б. Грекова о борьбе России и Польши против турецкой агрессии в XIV—XVI вв.; В. И. Злыднева о русско-болгарских литературных связях; Б. Ф. Стахеева о польском революционном романтизме; Р. Ф. Дорошиной о сербской поэзии конца XIX — начала XX в.; М. Б. Епича о сербской сатире того же периода. Под руководством Д. Ф. Маркова будет подготовлен первый сборник работ о генезисе и развитии социалистического реализма в литературах зарубежных славянских народов.

ками Заявлением коммунистических и рабочих партий, мы должны подчеркнуть, что в *центре внимания советских славистов должна быть разработка проблем строительства социализма и коммунизма, создания социалистической культуры, возникновения и развития социалистических наций, складывания и укрепления мировой системы социализма, изучение и обобщение закономерностей ее развития.*

Необходимо решительно и навсегда отбросить утверждения, что научный подход якобы непременно требует *отдаленной* исторической перспективы, что будто бы по истории народов и их культуры в период строительства социализма и коммунизма нет достаточного количества необходимых источников.

В действительности ни одна историческая эпоха не была обеспечена таким многообразием и обилием ценнейших и достовернейших источников, как наша эпоха, эпоха строительства социализма и коммунизма. Не говоря уже о множестве *книг и статей по отдельным вопросам* современности, об огромном количестве *публикаций* важнейших документов, о возможности пользоваться всей *периодической печатью* любой славянской страны, следует подчеркнуть, что наши коллеги в зарубежных славянских странах охотно делают все для самого широкого ознакомления советских ученых с жизнью страны, с материалами местных библиотек и архивов, включая архивы заводов и фабрик, с таким интересным видом источника, как исторические хроники в городах и селах, с материалами по истории сельскохозяйственных кооперативов и госхозов, с любыми данными и сведениями о развитии национальных литератур и языков. Я уже не говорю о том, что для литературоведа, лингвиста, этнографа — любого слависта — современная литература и ее творцы, живой язык и живая жизнь народов — это самый ценный, ни с чем не сравнимый источник познания, основа подлинной, а не кабинетной науки.

Надежность и достоверность источников по истории и истории культуры *нашего* времени тем более очевидна, что имеется реальная возможность личной проверки каждым автором любых сведений и данных; историк, лингвист, этнограф или литературовед имеет неопределимую возможность общаться с народом, с участниками тех событий и явлений, которые он подвергает исследованию».

Далее докладчик подчеркнул, что включая в свой семилетний план ряд исследований по истории строительства социализма и социалистической культуры. Институт славяноведения, стремился к тому, чтобы эти работы были посвящены не мелочам, а крупным вопросам социалистического строительства, чтобы в этих работах освещались бы не второстепенные явления современной жизни славянских стран, а наиболее важные и существенные процессы преобразования общества на социалистической основе. Именно поэтому в план института включены темы, посвященные судьбам рабочего класса и крестьянства в период строительства социализма, созданию социалистической экономики и культуры, формированию и укреплению союза рабочего класса с крестьянством, борьбе компартий за массы, истории Отечественных и Национальных фронтов.

«Я позволю себе обратить ваше внимание,— говорит далее докладчик,— на одно обстоятельство, которое, как мне думается, необходимо учитывать при изучении проблем, связанных с периодом социалистического строительства. Если в *предшествующие* периоды истории славянских народов, когда силы этих народов были разобщены, а их судьбы подвергались смертельной угрозе со стороны иноземных захватчиков, внимание славяноведов было сосредоточено главным образом на проблеме внутриславянского единства, на осуществлении идеи славянской взаимности в интересах борьбы против внешней опасности, на укреплении связей и взаимоотношений *внутри* славянского мира, то *сейчас*, в эпоху, когда все

славянские народы встали на путь социализма и коммунизма, у славяноведения появился новый важный аспект. Возникновение и успешное развитие мировой социалистической системы выдвигает на первый план вопросы, *общие* для всей системы как целого, ставит перед нами задачу — всесторонне изучать *общие* закономерности общественного и культурного развития социалистической системы. В задаче славяноведения теперь, несомненно, входит как первоочередная обязанность изучение и пропаганда того, что *сближает* славянские народы не только между собой, но и с идущими по пути социализма народами *неславянскими*; того, что помогает воспитывать идеологию интернационализма, преодолевать чувства национальной обособленности и ограниченности.

В этой связи перед историками, филологами, экономистами, философами-славистами стоит задача решительного разоблачения антиленинских идей руководителей югославских ревизионистов, оторвавших свою страну от социалистического лагеря и мирового коммунистического движения. Борьба против ревизионизма как главной опасности, а также против догматизма и сектантства в теории и практике остается первостепенной задачей славяноведов...

Наряду с проблемами, связанными с социалистическим периодом истории славянских стран, должен и будет разрабатываться ряд других важных вопросов славяноведения. В области истории и истории культуры следует в ближайшее время сосредоточить силы на изучении проблем, помимо указанных выше, еще в пяти главных направлениях:

1) история революционного и национально-освободительного движения славянских народов;

2) история взаимоотношений и связей славянских народов между собой и с другими народами, прежде всего революционных связей;

3) история славяно-германских отношений и связей, борьба против идеологии западногерманского реваншизма;

4) важнейшие проблемы возникновения, развития и гибели феодализма и капитализма в славянских странах;

5) роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры.

Работа во всех этих направлениях должна вестись под знаком решительного усиления борьбы с буржуазной идеологией...»

Работа во всех этих направлениях должна вестись под знаком решительного усиления борьбы с буржуазной идеологией...»

Докладчик подчеркивает, что большой вред делу социализма наносят *националистические* взгляды, ибо именно через национализм особенно интенсивно протаскивается в социалистический стан буржуазная идеология. «Это требует от нас, чтобы мы изучали и поддерживали в национальном прошлом, в национальных традициях, в современном развитии славянских стран те факты, явления и тенденции, которые помогают полному и окончательному преодолению всех следов существовавшей в прошлом отчужденности и недоверия между создающимися теперь социалистическое и коммунистическое общество народами как славянскими, так и неславянскими.

При изучении *современной* истории и культуры славянских народов *главное* для нас — это не те национальные особенности, которые *отличают* и *отделяют* эти народы от других социалистических народов, а пути и средства все более тесного *сближения* их между собой в интересах построения коммунистического общества...»

В рамках названных выше главных направлений, сказал И. И. Удалцов, организована работа исторических секторов института и отчасти сектора литературоведения ⁴.

⁴ Докладчик называет наиболее важные, кроме упомянутых выше, темы семилетнего плана по *историческим* секторам Института славяноведения: славяно-римско-готские отношения в III—V вв., Киевская Русь и западные славяне; начало русского летописания, западные славяне и Германская империя в X—XII вв.; история поль-

Институт считает особо важными с точки зрения укрепления международной солидарности трудящихся славянских стран темы плана, посвященные советско-польским и советско-чехословацким отношениям в послеоктябрьский период, участию трудящихся зарубежных славянских стран в Великой Октябрьской социалистической революции и в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России, совместной борьбе славянских народов против германского фашизма в годы второй мировой войны.

Сектор славянских литератур считает необходимым сосредоточить свои силы на создании обобщающих трудов по истории славянских литератур и на следующих главных проблемах: на изучении теории и истории социалистического реализма, его соотношения с другими литературными течениями и методами; на проблемах развития критического реализма XIX—XX вв.; на изучении взаимосвязей славянских литератур между собой и с другими национальными литературами; на изучении народного творчества; на борьбе против ревизионистских теорий в области эстетики и литературоведения, против модернистских явлений в области художественной литературы и искусства⁵.

Языковеды Института славяноведения в последнее время разделились на две группы, тесно сотрудничающие между собой. Имеется в виду тот отрадный факт, что несколько месяцев тому назад в институте наряду с имевшимся у нас сектором славянского языкознания был создан сектор структурной типологии славянских языков... Выражая большое удовлетворение возможностью развернуть структурные и структурно-типологические исследования более или менее широким фронтом, мы считаем необходимым подчеркнуть, что эта новая тематика ни в коей мере не снижает и не должна снижать интереса языковедов-славистов к традиционным проблемам славянского языкознания и интенсивности разработки этих проблем. Это тем более необходимо подчеркнуть, что мы видим в развитии традиционного славянского языкознания ряд слабых мест: например, в нашем институте, где сделано довольно много в области болгаристики, делается еще очень мало в области *западнославянского* языкознания, а также изучения сербо-хорватского и словенского языков. Мало, по нашему мнению, слависты уделяют внимания проблеме формирования славянских национальных языков, истории этих языков периода Возрождения. По вине как языковедов, так и историков почти прекратились исследования по славянскому этногенезу. Между тем проблема «Славянский этногенез» включена в программу V Международного съезда славистов, советские слависты должны быть готовыми к ее обсуждению. Есть существенные пробелы в разработке вопросов словообразования, исторической лексикологии, западно- и южнославянского языкознания.

ских крестьян в XV—XVI вв.; группа работ по историческим связям России с западными и южными славянами в период славянского Возрождения; польские восстания 1830 и 1863 гг. и русско-польские революционные связи; рабочее и коммунистическое движение в Польше; экспансия германского империализма в южнославянских странах накануне и в годы *первой* мировой войны; экспансия германского империализма на Балканах и внешняя политика Югославии накануне и в начале *второй* мировой войны (до 1941 г.).

⁵ Строя свою работу в этих главных направлениях, сотрудники сектора готовят два сборника монографических статей, посвященных основным проблемам генезиса и развития социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран, а также монографии о чешской поэзии XX в., о литературных течениях в Болгарии в 20—30-е годы XX в., о современной болгарской драматургии, о Витезлаве Незвале, о стилевом и жанровом многообразии современной литературы и т. д. Разработке проблем критического реализма XIX—XX вв. будут посвящены монографии о Я. Неруде, К. Чапке, поэтах-люмировцах, Г. Сенкевиче, Д. Дебелянове и др. Будет выполнена работа «Эпос и национально-освободительное движение болгарского народа» и др. Важным и ответственным объектом исследования литературоведов института на ближайшие годы будет написание коллективных обобщающих очерков польской, словацкой и югославской литературы XIX—XX вв.

Для устранения этих и ряда других недостатков институт считает необходимым дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкознания (с применением методов структурного анализа и методов лингвистической географии); усиление внимания к изучению чешского, польского, сербо-хорватского, словенского, сербо-лужицкого языков и связей между ними, а также славяно-балтийских, славяно-германских, славяно-иранских, славяно-романских, славяно-финских, славяно-тюркских языковых связей. Понятно, что успешное решение этих больших проблем требует объединения усилий ряда научных центров страны. Языковеды института планируют, далее, исследования по формированию славянских национальных языков, изучение диалектов славянских языков методами лингвистической географии и вместе с историками изучение топонимики и славянского этногенеза.

Наиболее крупными новыми объектами изучения сектора славянского языкознания в ближайшие годы будут работы по составлению общеславянского диалектологического атласа и словаря старославянского языка, исследования по болгарской исторической диалектологии, по исторической грамматике польского, болгарского, чешского и словацкого языков, по сравнительной грамматике и сравнительной лексикологии славянских языков, по лужицкому языку и по ряду других важных тем.

Таковы основные планы секторов института на ближайшее время. Общей задачей всех наших секторов, также и славистики в целом является решительная борьба против попыток наших идеологических противников принизить роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры, путем извращения фактов прошлого и настоящего доказывать «несамостоятельность» и «неполноценность» славянской культуры, «неспособность» славянских народов к самостоятельному общественному и культурному развитию. Решительное опровержение этой клеветы на славянские народы должно быть нашим первоочередным делом. А для этого требуется уже теперь приступить к систематической, целенаправленной, скоординированной разработке основных проблем истории культуры славянских народов. Возглавить эту работу следовало бы, по нашему мнению, Институту истории искусств. Но вестись она должна повсюду, где развиваются соответствующие отрасли славистики и где для изучения историко-культурной проблематики имеются необходимые условия...

В ближайшее время необходимо будет начать подготовку к V Международному съезду славистов. Мы заслушаем по этому вопросу доклад академика В. В. Виноградова. Я хочу лишь подчеркнуть, что в связи с программой этого съезда, на котором, мы надеемся, советская славистика будет представлена достаточно широко, нам придется серьезно поработать. Тот факт, что Международный комитет славистов включил в программу съезда семь крупных исторических проблем, возлагает большие обязательства на историков, которым нужно теперь в течение нескольких месяцев превратить эти проблемы в конкретную тематику, с указанием наименований предлагаемых докладов и фамилий возможных докладчиков к предстоящему съезду славистов.

Все сказанное выше говорит о том, что советским славистам предстоит решать очень важные и сложные задачи. Эти задачи тем ответственнее, что общий уровень советской науки, от которого слависты не имеют права отставать, непрерывно растет. Растет также идейный и профессиональный уровень славистических исследований в самих зарубежных славянских странах. Тот факт, что и за рубежом возникло и успешно развивается марксистско-ленинское славяноведение, ставит перед нами задачу быть в курсе всех его достижений, систематически изучать и использовать эти достижения, оказывая вместе с тем всю необходимую помощь в его развитии. В то же время тот отрядный факт, что многие проблемы славяно-

ведения исследуются за рубежом *славистами-марксистами*, ставит нас перед необходимостью, точнее говоря, перед приятной возможностью разумного разделения научного труда, что позволит нам наиболее целесообразно и с максимальным эффектом использовать наши силы...

Чтобы оказаться на высоте стоящих перед нами задач, мы должны объединить свои силы вокруг главных, действительно нужных, актуальных в научном и политическом отношении проблем. Нам нужно обменяться мнениями о наиболее действенных формах координации нашей работы по этим проблемам.

Нам представляется, что, согласовав вопрос об основной проблематике и тематике, мы могли бы договориться о том, какие институты или университеты взяли бы на себя роль *головных* по той или иной конкретной теме. Некоторые предложения по этому вопросу будут внесены нами в докладах на совещании. Мы полагаем, что головной институт или вуз должен будет на основе предложений участников исследования той или иной согласованной проблемы составить конкретный план этого исследования, а затем — координировать и направлять работу соответствующих научных учреждений по этой проблеме, созывать необходимые совещания и в случае необходимости проводить по ней дискуссии. Общую координацию работы будет осуществлять Объединенный научный совет по славяноведению. Институт славяноведения мог бы стать той научно-организационной базой, опираясь на которую, Объединенный научный совет осуществлял бы свои координационные функции.

Наряду с координацией работы по конкретным проблемам было бы целесообразно ввести в практику широкое обсуждение с участием всех (или большинства) компетентных советских специалистов наиболее важных подготовленных к печати трудов, имеющих большое научное и политическое значение...

Приступая к координации славистических исследований по наиболее важным направлениям в масштабах страны, мы должны подумать и об улучшении *организации* научных исследований, совершенствовании *методов* нашей работы.

Координация славяноведческих исследований должна содействовать устранению ненужного дублирования в работе. В то же время следует иметь в виду, что если бесспорно непутевым и вредным является дублирование второстепенных тем, изучаемых на одном и том же материале по сходному плану, то в ряде случаев может оказаться нужным и полезным для развития науки параллельное одновременное исследование некоторых *наиболее важных, первоочередных научных проблем*, сознательно организуемое и планируемое.

...Стремясь к совершенствованию методов нашей работы, мы считаем необходимым добиваться того, чтобы исследования по славистике во все возрастающей степени носили *комплексный* характер, чтобы *историки-слависты* все шире обращались к проблемам истории *культуры*, чтобы литературоведы все больше и тверже опирались на *историческую* основу, чтобы *языковеды* все более широким фронтом поворачивались к таким проблемам, как славянский этногенез, история древнейших периодов развития славянских народов, формирование и развитие литературных языков, история социалистической культуры.

И последнее о методах работы. Мы считаем важным расширять количество исследований, опирающихся на исторические, культурные, экономические или языковые данные одновременно ряда стран и народов. Надо признать, что наши филологи пока существенно опережают в этом историков».

В заключение своего доклада И. И. Удальцов от имени коллектива Института славяноведения АН СССР выразил признательность научным

работникам и преподавателям вузов страны, принявшим участие в совещании для обсуждения актуальных проблем советского славяноведения.

Академик В. В. Виноградов

РЕШЕНИЯ СОВЕЩАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ И ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ к V МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

В своем докладе Председатель Советского комитета славистов академик В. В. Виноградов сообщил о решениях и материалах состоявшегося 11—16 ноября 1960 г. в Софии совещания Международного комитета славистов (решения и материалы этого совещания публикуются на стр. 251—260 настоящего издания). Международный комитет славистов утвердил тематику предстоящего V Международного съезда славистов, который состоится в июне 1963 г. в Софии.

В своем докладе академик В. В. Виноградов коснулся также деятельности славянской комиссии при Международном конгрессе историков, работавшей в августе 1960 г. в г. Упсале (Швеция).

Академик М. Н. Тихомиров

Институт славяноведения

После доклада академика В. В. Виноградова взял слово академик М. Н. Тихомиров, который отметил, что академик В. В. Виноградов не дал необходимой развернутой оценки имеющимся серьезным недостаткам как в деятельности, так и в составе Славянской комиссии при Международном конгрессе историков. В частности, академик М. Н. Тихомиров указал на то, что представители славянских стран народной демократии не имели возможности выступить с докладами на комиссии, а эти доклады делали эмигранты из этих стран. С докладом от имени России самозванно выступил некий эмигрант.

Чл. - корр. АН СССР В. М. Хвостов

Институт истории АН СССР

Сегодняшнее совещание является в высшей степени необходимым и своевременным. Институт, который я здесь представляю, заинтересован в этом совещании по двум причинам: Институт истории АН СССР является учреждением, тоже изучающим историю славянских народов. Институт истории АН СССР является наиболее всеобъемлющим по диапазону своей работы и интересам историческим учреждением, и, конечно, любая отрасль исторических знаний, в том числе история славянских народов, нас также очень интересует.

Я хочу сказать о работах Института истории АН СССР, которые относятся в той или иной мере к истории народов зарубежных славянских стран.

В институте имеется сектор истории Византии.

Некоторые работы этого сектора прямо касаются славянских народов. Например, недавно вышла книга Г. Г. Литаврина *Болгария и Византия в XI—XII вв.*

Есть ряд работ такого же типа.

Все сказанное об истории Византии, конечно, относится и к истории Древней Руси. Совершенно ясно, что для работающих в области истории славянских народов важны источники по истории Древней Руси. На первое место в этом отношении должно стать издание русских летописей, которое ведется в настоящее время под руководством академика М. Н. Тихомирова.

В плане института есть ряд тем, прямо касающихся славянских народов и прежде всего их отношений к русскому народу. Сюда относятся исследования по международным связям и внешней политике Древней Руси. В настоящее время готовится сборник «Международные связи России до XVII века» и коллективная монография «Образование Древнерусского государства и его международное значение». Обе эти работы раскрывают международные связи и международное значение Руси и в большой мере связаны со славянскими народами. Внешние отношения Российского государства, внешняя политика Древней Руси и другие работы по этой же теме также стоят в плане нашего института.

Другая группа исследований, ведущихся Институтом истории, касается вопросов аграрной истории стран Восточной Европы. И здесь прежде всего следует вспомнить о ежегодном проводимом нашим институтом симпозиуме по аграрной истории стран Восточной Европы.

Отдельные проблемы истории славянских народов в той или иной мере освещаются в трудах по всеобщей истории, особенно в работах, связанных с австро-венгерской тематикой.

И наконец, ряд работ сектора новейшей истории, касающихся либо Европы в целом, либо международного рабочего движения, охватывает проблематику истории славянских стран.

И еще один вопрос, на котором я хотел остановиться. В докладе И. И. Удальцова было правильно указано, что задача заключается в том, чтобы выявлять, подчеркивать и сделать достоянием широких кругов читателей те стороны исторической жизни, исторического прошлого, которые сближают народы, которые содействуют сближению славянских народов с другими народами и прежде всего с народами неславянских стран социалистического лагеря.

У нас до сих пор было очень запущено изучение истории неславянских европейских стран народной демократии, ею почти никто не занимался. Бюро Отделения исторических наук недавно предприняло шаги к некоторому подъему в этой области. При Бюро отделения был создан Научный совет по координации научно-исследовательской работы в области истории и истории культуры европейских стран народной демократии.

А. К. Касименко

Институт истории АН УССР

Изучение истории братских славянских народов на Украине усилилось в послевоенный период. Проблемы истории славянских стран изучаются не только в Институте истории АН УССР, где с 1949 г. существует отдел истории стран народной демократии, а следовательно, и славянских народов, но также и на кафедрах Киевского, Львовского, Харьковского, Одесского и ряда других университетов Украины.

Одной из наиболее важных проблем, которой занимаются украинские слависты, является борьба славянских народов против немецко-фашистских захватчиков в годы второй мировой войны. Среди выпущенных и подготовленных к изданию работ следует прежде всего назвать монографии В. И. Клокоса, И. Д. Кундюбы, И. А. Петерса, П. М. Калениченко, И. В. Ганевича.

Следует отметить также сборник воспоминаний советских (преимущественно украинских) и чехословацких партизан «Боевое содружество», изданный в 1960 г. одновременно в Киеве и Братиславе.

Вторая важная проблема, привлекающая внимание украинских славистов, — это послевоенная история славянских народов, социально-экономические преобразования в странах народной демократии, дружба и сотрудничество их с Советским Союзом. Подготовлена монография И. Ф. Евсеева «Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1945—1960 гг.)» и ряд популярных статей и брошюр.

Третья проблема — влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в славянских странах. Ряд работ, посвященных этому вопросу, появился к 40-й годовщине Великой Октябрьской революции, в том числе брошюра И. М. Кулингча. В Институте истории АН УССР вышел специальный тематический сборник «Великий Октябрь и революционное движение народов зарубежных стран» и подготовлена к печати работа о влиянии Октябрьской революции на революционное движение в Польше (1917—1919 гг.).

Следующей проблемой, которой занимаются историки-слависты на Украине, является изучение истории славянских стран периода капитализма (работы И. Н. Мельниковой, В. А. Жебокрицкого).

На Украине уделяется также внимание разработке истории славянских стран периода феодализма.

Мы полностью согласны с И. И. Удальцовым, что главное внимание историков должно быть сосредоточено вокруг нескольких основных проблем. Первая из них, как отмечалось в докладе, это строительство социализма в славянских странах народной демократии и сотрудничество этих стран с Советским Союзом. Отдел истории стран народной демократии Института истории Академии наук УССР работает над большой коллективной монографией «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны». Этой важной проблеме будут посвящены исследования И. Ф. Евсеева и В. В. Сухарева. Ряд историков, в частности В. Г. Пичугин (Луганск), Б. Н. Холодий (Сталино) и др., изучают участие Донбасса в экономических и научно-технических связях со странами народной демократии.

Вторая проблема — участие трудящихся зарубежных славянских стран в борьбе за установление и упрочение Советской власти на Украине (1917—1920 гг.). В этом плане отдел работает над коллективной монографией и документальным сборником. Над темой об участии польского пролетариата в борьбе за Советскую власть на Украине продолжают работать И. И. Белякевич (Львов), П. М. Калениченко (Киев) и др.

Одной из центральных задач историки Украины по-прежнему считают изучение борьбы славянских народов против немецко-фашистских оккупантов в годы минувшей войны. Над этой проблемой работают Л. Е. Кизя и В. И. Клоков.

Историки Украины придают важное значение изучению совместной революционной борьбы против капиталистического гнета трудящихся Западнорумынских земель с трудящимися Польши и Чехословакии, а также Румынии и Венгрии. Эта проблема уже нашла некоторое освещение. В этом же плане ведутся исследования историками Киева, Львова, Ужгорода и Черновиц.

В связи с приближающимся столетием восстания 1863 г. Институт истории АН УССР в содружестве с Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории Польской Академии наук подготовил документальный сборник «Польское восстание 1863 г. и общественно-политическое движение на Украине (1856—1862 гг.)» и в настоящее время готовит второй том, охватывающий период 1863—1864 гг.

Одной из важных задач историков-славистов было и есть изучение сла-

вяно-германских отношений. Это важно особенно теперь, когда в Западной Германии активизировались реваншистские силы, снова угрожающие славянским народам. В частности, И. М. Кулинич, выпустивший книгу «Революционная деятельность германской коммунистической группы «Спартак» на Украине», готовит работу «Экспансия германского империализма на Украине в начале XX века».

При этом необходимо сказать, что вопросу изучения истории славянских народов мы еще не уделяем такого внимания, какого этот вопрос заслуживает. Это объясняется в известной степени тем, что координация научно-исследовательских работ в области славяноведения осуществляется еще недостаточно. Еще неудовлетворительно обстоят дела в отношении связей украинских историков с историками и научными учреждениями зарубежных социалистических государств.

Для налаживания более тесных связей с историками славянских стран необходимо больше практиковать целевые научные командировки, взаимное рецензирование работ, совместную разработку общих научных проблем, издание тематических сборников и монографий. Следует обратить также большое внимание на изучение истории славянской прогрессивной эмиграции в странах Европы и Америки.

Наступило время поставить вопрос о подготовке высококвалифицированных специалистов-славистов путем отправки аспирантов для обучения в славянские страны.

Мы считаем важнейшей и неотложной задачей уже текущего 1961 года положительное решение вопроса об издании периодического научно-политического славяноведческого журнала.

Дальнейшее развитие славяноведения на Украине настоятельно требует создания специального научного центра в виде Института славяноведения АН УССР. Это диктуется как научной, так и политической необходимостью, тем более что на Украине имеются соответствующие научные кадры.

Академик АН БССР П. Ф. Глебо

Академия наук Белорусской ССР

В последнее время славистические исследования в нашей стране значительно расширяются, выходя за рамки славистики в узком ее понимании, т. е. филологии, простираясь на область истории, этнографии, истории культуры и т. д. Это нашло уже свое выражение как в программе данного координационного совещания, так и в той проблематике и тематике, которые намечаются к V Международному съезду славистов. В этом безусловно положительную роль сыграло создание Объединенного научного совета по координации исследований в области славяноведения.

В Белорусской Советской Социалистической Республике славяноведение в широком смысле этого слова начало развиваться по существу только в самые последние годы. В первую очередь необходимо отметить налаживание научных связей ученых Белоруссии с учеными зарубежных славянских стран, что способствует развитию славистики в нашей республике. Эти связи выражаются не только в постоянном обмене научной литературой, но и в личных контактах ученых. Два года тому назад в Белоруссии побывала группа польских филологов. В свою очередь белорусские филологи на протяжении четырех лет читали курс белорусского языка и литературы на филологическом факультете Варшавского университета. Совместно с польскими учеными наши диалектологи принимали участие в диалектологических экспедициях.

Белорусские филологи и историки поддерживают деловые связи также с чешскими филологами и историками.

Налаживаются контакты между этнографами и фольклористами Белоруссии и этнографами и фольклористами Польши и Болгарии.

В последнее время в Белоруссии осуществляются также и некоторые организационные мероприятия, направленные на подготовку кадров славистов и дальнейшее развитие славяноведения. При Институте литературы Академии наук БССР в этом году создается сектор литературных взаимосвязей. Ведется подготовка по организации сектора славянских языков в Институте языкознания. Сейчас в институте уже работают специалисты по славянскому языкознанию, а в Москве и Ленинграде по этому же профилю проходит аспирантскую подготовку ряд наших товарищей. Имеется в виду создать группу славяноведов при Институте истории АН БССР.

Главные темы, которые разрабатываются белорусскими славистами в настоящее время и намечаются к разработке в ближайшем будущем, входят в основном в круг проблематики, намеченной к обсуждению на данном совещании и планируемой к постановке на V Международном съезде славистов.

В Институте истории АН БССР ведутся исследования по ряду тем, посвященных связям белорусского народа с русским, украинским и польским народами. Среди них: «Города Белоруссии в период утверждения и развития фольварочно-барщинной системы (XVI в.— первая половина XVII в.)», «Экономическое развитие городов восточной и центральной Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.», «История просвещения в Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX в.».

С марта 1959 г. в Институте истории совместно с архивами БССР, Институтом славяноведения АН СССР и Институте истории Литовской ССР ведется работа по составлению сборника документов «Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии», в котором будет показана совместная борьба русского, белорусского, литовского и польского народов против общего врага — царского самодержавия.

В текущем году завершается работа о формировании и развитии белорусской буржуазной нации. В монографии будут, в частности, показаны общеславянские черты в языке, быту и культуре белорусского народа. В ней освещаются общность исторических судеб, языкового и культурного родства восточнославянских народов, а также вопросы взаимосвязей белорусского и польского народов.

В планах Института истории большое место отводится изучению истории революционного движения в период первой русской революции 1905—1907 гг. Особое внимание уделяется революционным связям белорусских и польских рабочих в их общей борьбе против царизма и капитализма.

В текущем году выйдет из печати книга о революционной деятельности Ф. Э. Дзержинского, в которой в широком плане рассматриваются польско-русские и польско-белорусские связи.

К 45-й годовщине Октябрьской революции готовится работа на тему «Совместная борьба русского, белорусского, украинского, польского и других славянских народов за победу Октябрьской революции в Белоруссии». Совместная борьба русских и белорусских патриотов против немецко-фашистских оккупантов отражена в сборнике воспоминаний, подготовленном Институте истории АН БССР вместе с Институте истории Словацкой Академии наук и Госполитиздатом Словакии.

Кроме того, Институт истории АН БССР, с одной стороны, Институт истории Чехословацкой Академии наук, Институт истории Словацкой академии наук и Госполитиздат Словакии — с другой, проводят большую рабо-

ту по выявлению материалов и документов периода Великой Отечественной войны.

Наряду с Институтом истории значительную работу по истории славянских народов проводят и другие научные учреждения Белоруссии. В Белорусском университете им. В. И. Ленина разрабатываются темы «Интернационалистическое движение солидарности с советским народом пролетариата Болгарии (1927—1928 гг.)», «Некоторые вопросы гуситского движения в современной американской историографии».

Историки Могилевского педагогического института работают над темой «Россия и южные славяне в начале XX века» и завершают в этом году исследование «Революционное движение в южнославянских странах (Болгария, Сербия) в конце первой мировой войны».

Историки Минского педагогического института исследуют современные международные экономические отношения между славянскими социалистическими странами. В разработку славяноведческих тем включились и философы Белоруссии. Институт философии АН БССР опубликовал работу о белорусском просветителе Ф. Скорине, в которой затрагиваются вопросы взаимосвязей польской, чешской и белорусской культур. Институт подготовил к печати материалы о восстании Костюшко. Ведутся работы в области изучения философских взглядов отдельных деятелей Белоруссии в связи с историей общественной мысли в России и Польше.

Несколько работ славяноведческого характера планируют на ближайшие годы белорусские этнографы и фольклористы. Например: «Этнографическое изучение быта белорусского народа польскими исследователями», «Изучение народной борьбы против фашистских захватчиков болгарскими и белорусскими этнографами», «Белорусская батлеечная драматургия в сравнении с украинской и польской», «Белорусский фольклор в творчестве польских писателей — уроженцев Белоруссии», «Польские исследователи белорусского фольклора», «Общие закономерности развития устного народного творчества в славянских социалистических странах», «Взаимосвязи народно-песенного творчества восточных славян» и др.

Исследования в области славянских литератур и языков в Белоруссии также ведутся прежде всего по проблемам взаимосвязей.

В трудах, посвященных истории белорусской литературы, так или иначе затрагиваются и вопросы, относящиеся к литературному процессу родственных народов.

Основные и важнейшие проблемы, которые предстоит разработать в первую очередь, сводятся к следующему:

Исходя из задачи создания научно-разработанной истории белорусской литературы, следует сконцентрировать внимание на тех явлениях литературного развития славянства, которые наиболее наглядно и неоспоримо соприкасаются, соотносятся с путями становления белорусской литературы. По древнему периоду это, во-первых, история письменности на Руси и влияние болгарской литературы; во-вторых, общественно-культурное движение в Чехии периода жизни и деятельности Ф. Скорины; затем подлежат дальнейшему изучению и переосмыслению летописная, переводная и полемическая литературы, школьная драма и интермедия, где прослеживается тесная взаимосвязь русских, болгарских, украинских и польских элементов.

Из круга литературных явлений XIX в. следует выделить такие, как деятельность филоматов и филаретов при Виленском университете, польский романтизм, творческое наследие А. Мицкевича, Л. Сырокомли, М. Конопницкой, Э. Ожешко.

Что касается позднейших этапов литературного развития славянских народов, то тут было бы одинаково интересно и полезно обратиться к изучению особенностей польской, чешской, болгарской и сербо-хорватской

литератур, имея в виду своеобразие их путей к социалистическому реализму.

Исследование взаимосвязей белорусской литературы с литературами других славянских народов ведется и в Институте литературы им. Янки Купалы АН БССР и некоторых других научных учреждениях Белоруссии. Начата разработка следующих тем: «Белорусско-польские литературные взаимосвязи в первой половине XIX века», «Янка Купала и Якуб Колас в славянских литературах», «Э. Ожешко и белорусская литература». О творчестве Э. Ожешко запланировано исследование в Гродненском пединституте им. Янки Купалы.

В Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина разрабатываются такие темы, как «Взаимосвязи белорусской и зарубежных славянских литератур», «Максим Богданович и славянство». Новая монография об Адаме Мицкевиче планируется в Минском пединституте.

Интересные работы ведутся и в других педагогических институтах республики: в Гомеле — о путях развития чехословацкой литературы в послеоктябрьский период (1917—1956); в Мозыре — о романтизме в польской литературе.

Белорусские филологи продолжают также изучение проблемы взаимных переводов славянских литератур, в частности переводов польской поэзии на белорусский, русский и украинский языки.

Активно работает в области славяноведения один из старейших отрядов белорусских славистов — языковеды. Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР подготовил к печати сравнительную грамматику восточнославянских языков, завершил работу, посвященную белорусско-литовским лексическим связям по материалам гидронимии. Коллектив диалектологов окончил работу над белорусским атласом и приступил к выполнению порученной ему части работы по общеславянскому лингвистическому атласу. В институте разрабатываются также такие темы, как «Белорусские ономастические названия в их отношении к ономастическим названиям в других славянских языках», «Оценочные прилагательные в славянских языках», «Белорусская лингвистическая терминология в ее связях и взаимоотношениях с терминологией других славянских языков». Начата работа над этимологическим словарем белорусского языка.

На ближайшее время намечены также темы: «Предыстория восточной части праславянства в свете ономастических данных», «Взаимосвязи и взаимодействие белорусского и украинского литературных языков в XVI—XVII вв.», «Закономерности развития родственных славянских языков в период перехода от социализма к коммунизму».

Большую работу проводят в области славянского языкознания и другие научные коллективы Белоруссии. Лингвисты Белорусского государственного университета работают над темами «Белорусско-польские лексические связи XIX в.», «Словообразование глаголов в белорусском языке в сравнении с другими славянскими языками», «Субстантивированные прилагательные в восточнославянских языках». В Гродненском пединституте разрабатывается тема «Синтаксис восточнославянских языков в сравнительном плане», в Брестском — «Родительный и местный падежи единственного числа в склонении с основой на «о» в славянских языках», в Гомельском — «К вопросу о кириллице».

Мне кажется, что среди тем, разрабатываемых и намеченных к разработке белорусскими учеными, немало весьма важных и актуальных. Задача заключается в том, чтобы добиться выполнения их на высоком научном уровне. В этом большую помощь может оказать обмен мнениями по соответствующим проблемам как на данном совещании, так и на других подобных собраниях, которые необходимо в дальнейшем созывать и чаще и более регулярно.

Академик Б. А. Рыбаков

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Институт археологии АН СССР

1. Необходимо вернуться к разработке проблем славянского этногенеза, заброшенных нами после дискуссии с марристами.

2. Н. Я. Марр увлекал одно время археологов и этнографов широтой своих исторических построений, в частности в области этногенеза. Когда же выяснилась научная беспочвенность его теорий, то многие исследователи охладели к проблемам этногенеза вообще.

3. Настало время возрождения координированных усилий лингвистов, этнографов, антропологов и археологов в области изучения индоевропейской проблемы в целом и славянского этногенеза в частности.

4. Исключительно важны исследования по топонимике и гидронимике вроде тех, которые проведены недавно В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым. Они помогут связать археологический материал с крупными этническими группами. В частности, очень важно изучить топонимику лесостепной зоны, где мы знаем черняховскую культуру II—V вв. н. э., этническая принадлежность которой спорна.

5. Важным вопросом славянской истории, тоже требующим координации, является изучение славянского язычества. Это поможет нам и в нашей современной борьбе с религиозными пережитками.

6. Очень важно изучать славянский эпос совместными усилиями фольклористов-собираателей, литературоведов и историков. В работах последних лет (1956—1960) есть много исторического нигилизма, попыток оторвать фольклор (в частности, русские былины) от реальной исторической жизни X—XII вв. Необходимо историческое осмысление былин и создание советской исторической школы, которая сможет противопоставить школе Веселовского — Миллера марксистский анализ фольклора.

Академик АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжда

Академия наук Литовской ССР

История литовского народа, развитие социально-экономических отношений в Литве, национально-освободительное и революционное движение трудящихся Литвы, развитие литовской культуры, развитие литовского языка — все это с древнейших времен тесными и сложными узами связано с историей славянских народов, в первую очередь с историей русского народа, с историей белорусского, украинского и польского народов.

Эти связи, являющиеся результатом многовекового исторического процесса, приобрели особенно важное, жизненное значение с победой Великой Октябрьской социалистической революции, с торжеством идей Октября как в славянских странах, так и в Литве, с торжеством ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза. Поэтому совершенно закономерен тот факт, что литовская советская историография и литовские советские филологические науки большое внимание уделяют научному исследованию литовско-славянских связей.

Важнейшей задачей литовской советской историографии с первых дней Советской власти в Литве было восстановление исторической истины о взаимоотношениях литовского народа с великим русским народом, злобно попорченной и опутанной коварными фальсификациями литовских буржуазных националистов.

В исследовании этой проблемы литовские советские историки проделали уже немалую работу; ими опубликовано значительное количество

научных и научно-популярных изданий и статей на литовском и русском языках о взаимоотношениях литовского и русского народов в историческом развитии, об историческом значении присоединения Литвы к России, об исторической дружбе литовского и русского народов, против общих врагов, о помощи русского народа и других советских народов литовскому народу в его борьбе за окончательное освобождение от социального и национального гнета, а также и в строительстве новой советской жизни.

В коллективных обобщающих трудах литовских советских историков (в трехтомной «Истории Литовской ССР» и др.) на конкретных фактах исторического развития освещаются связи и отношения литовского народа с белорусским и украинским народами.

Значительное внимание уделяют литовские советские историки и литовско-польскими связям.

Товарищи, выступавшие до меня, говорили о той большой работе, которая сейчас координируется Институтом славяноведения АН СССР по учету и подготовке к опубликованию документов восстания 1863—1864 гг. Литовские советские историки уже издали ряд трудов, посвященных восстанию 1863 г., и в них показали взаимосвязи литовского, польского и русского народов, значение русской революционной демократии в освободительном движении трудящихся Литвы. Издание документов восстания 1863—1864 гг. безусловно будет иметь большое значение для дальнейшего изучения как взаимосвязей литовского и польского народов в борьбе против царизма, так и взаимосвязей литовского и польского народов с русским народом, с русской революционной демократией.

Литовско-польские связи продолжали развиваться на всем протяжении второй половины XIX в. и в начале XX в. Эти связи приобрели новое качество в связи с формированием рабочего класса, с освободительной борьбой пролетариата, с образованием большевистской партии.

Много внимания наши историки уделили деятельности Ф. Э. Дзержинского, который провел значительную работу в первые годы своей революционной деятельности на территории Литвы, в Вильнюсе и Каунасе.

Большое внимание уделяется выявлению сотрудничества польских революционеров с литовским рабочим классом, с трудящимися Литвы после Великой Октябрьской социалистической революции. Сейчас опубликован ряд статей, посвященных польским революционерам, принимавшим непосредственное участие в борьбе за Советскую власть в Литве, за строительство советской жизни в 1918—1919 гг. Опубликованы статьи, посвященные таким польским революционерам, как Ю. Цихович, Ю. Лещалский (Ленский) и др.

Институт истории АН Литовской ССР совместно с другими историками, архивными работниками подготовил и опубликовал ряд сборников документов по истории литовского народа. Эти документы, относящиеся как к периоду феодализма, так и к борьбе за Советскую власть 1918—1919 гг., представляют собой наглядную иллюстрацию того, что все освободительные революционные выступления литовского народа были тесно связаны с русскими революционными силами, с русским рабочим классом, а также с польскими революционерами.

В области изучения проблем связей и взаимодействий литератур наибольшее внимание литературоведы республики (Институт истории языка и литературы АН Литовской ССР и соответствующие кафедры вузов) уделяют проблеме исследования влияния русских писателей на литовскую литературу.

Большое внимание уделяется изучению связей литовской письменности с литературой и культурой польского народа, изучению отношений Адама Мицкевича к Литве.

Исследуются связи литовской письменности с польской в XVI в. Го-

товится к печати сборник статей о связях литовской литературы с русской, украинской, польской и белорусской литературами.

В области языкознания изучаются литовско-славянские языковые связи. Здесь можно отметить такие работы, как «Русско-литовские языковые связи по словарным материалам», «Лексика Литовского статута 1588 года», «Условные предложения в русском и литовском языках», «Глаголы с приставкой *po* в русском литературном языке XIX—XX вв.», «Словосочетания с дательным падежом в литовском и русском языках», «Особенности категории числа имен существительных в литовском и русском языках», «Предложные конструкции с родительным падежом в русском и литовском языках» и др.

Изучением балто-славянских языковых связей занимаются академик АН Литовской ССР Б. А. Ларин и др. Над вопросами литовско-славянских связей, в первую очередь литовско-русских связей с древних времен до наших дней, работают литовские археологи, этнографы, фольклористы, искусствоведы.

Постоянно поддерживается творческое содружество научных учреждений АН Литовской ССР с соответствующими институтами АН СССР, в том числе Институтом славяноведения, а также с институтами Белорусской, Украинской ССР. Однако оно нуждается в дальнейшем укреплении и расширении. Поддерживаются связи с польскими учеными Варшавы, Кракова, Познани, но эти связи несколько односторонни, потому что польские ученые проявляют больше инициативы и больше нас посещают и изучают наши архивы и другие источники, чем это делают наши ученые.

Обмен культурными ценностями — книгами, архивными документами, рукописями, микрофильмами — проводится в значительных размерах.

Необходимо усилить координацию работы по исследованию литовско-славянских, литовско-чешских связей в XV—XVI вв. (борьба против крестоносцев, гуситское движение), а также связей литовского народа с болгарскими в XIX в.

Нашей задачей является укрепление и расширение исследований литовско-славянских связей. Этого требует как развитие советской науки, так и борьба против фальсификаций буржуазных националистов в этой области, против звериной идеологии западногерманских реваншистов. Усиления этих исследований от нас требуют великие задачи строительства коммунизма.

Чл. - корр. АН СССР Д. С. Лихачев

*Институт русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград*

Разрешите мне информировать собрание о тех работах, которые ведутся Институтом русской литературы — Пушкинским домом Академии наук СССР в Ленинграде. Строго говоря, все они подчинены славистической тематике. Однако часть их будет специально подготовлена к V Международному славистическому конгрессу в Софии в 1963 г.

По древнерусской литературе в 1962 г. будет закончена большая коллективная монография, которая пока носит условное название «Место и роль русской литературы X—XVII вв. среди славянских литератур» (30 а. л.). Она выполняется совместно с Институтом болгарской литературы БАН в Софии. В ней также участвуют югославские и чешские ученые. Ведутся переговоры с некоторыми польскими учеными. Поэтому съезду славистов мы посвящаем также XVIII том «Трудов Отдела древнерусской литературы».

Надо сказать, что в издании «Трудов отдела древнерусской литературы» имеется большой опыт привлечения ученых демократических и капиталистических стран. У нас опубликовано большое число работ зарубежных ученых информационного характера.

Мое личное исследование также посвящается съезду. Тема его: «Текстология древнеславянских литературных произведений» (около 30 а. л.).

К V съезду славистов выйдут и отдельные выпуски нашей серии монографических исследований памятников древнерусской литературы. В ближайших выпусках будут специально подобраны произведения, в которых можно показать связь между славянскими литературами.

Очень большая программа намечена по сектору народного творчества. Восьмой том сборника «Русский фольклор», который выйдет в 1962 г., посвящен русскому фольклору и фольклористике в их связях с фольклором и фольклористикой славянских стран. Здесь, кроме работников Пушкинского дома, будут принимать участие фольклористы других стран. К съезду будет закончена большая монография о русском фольклоре периода Великой Отечественной войны и выйдут очередные тома из серии «Памятники русского фольклора». Это — «Былины в записях 40—50-х годов нашего времени с Печоры и Белого моря (XX век)», затем «Сказки» в записях А. М. Никифорова; «Причитания», записанные на Печоре и Прионежье в 40-е годы (т. е. после войны) и две монографии: А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» и Н. В. Новикова «Восточно-славянская сказка в ее исторических взаимосвязях».

Таким образом, русскому эпосу в программе сектора народного творчества посвящается довольно много работ и пожелание академика Б. А. Рыбакова в данном направлении выполняется. В частности, нужно сказать, что работа А. М. Астаховой будет значительным событием в советской фольклористике.

Сектор русской литературы разрабатывает: 1) межславянские связи русской литературы XVIII в. (тематический сборник «XVIII век»); 2) тематический сборник архивных публикаций и статей «Культурные межславянские связи нового времени» (XIX в.); 3) «История русского классического романа» в двух томах.

Должен сказать, что в нашей программе, особенно по древнерусской литературе, есть недочеты. Если считать, что секция древнеславянских литератур работала на предшествующем, IV съезде в Москве очень интенсивно, то это накладывает на нас большие обязательства. В частности, в нашей программе совершенно не затронута кирилло-мефодиевская тематика. Нужно подумать, чтобы Институт славяноведения АН СССР, Институт истории АН СССР и может быть некоторые институты Белоруссии и Украины взяли на себя разработку вопросов по кирилло-мефодиевской тематике.

При подготовке к предшествующему съезду большое значение придавалось библиографическим работам. Библиографические сведения будут представлены и к V съезду довольно широко. Здесь можно отметить работы: 1) Н. Ф. Дробленкова. «Библиография исследования древнерусской литературы за 40 последних лет (1917—1957)» (40 п. л.). Эта книга позволит представить огромный размах работ по изучению древнерусской литературы; 2) библиографическое исследование по изучению русского летописания, начиная с первой половины XVIII в. (более 40 п. л.). Эта работа готова, сдается в издательство; 3) рекомендательная библиография по истории русской литературы XIX в. (120 п. л.). Эта библиография в ближайшее время будет закончена.

Подготовлен вне плана краткий словарь русской, украинской и белорусской литературы и письменности X—XVII вв. (автор И. У. Будовниц, объем 50 а. л.). Словарь охватывает 12 тысяч терминов. Словарь покажет

исключительное богатство и разнообразие русской, украинской и белорусской литературы и письменности. Этот словарь уже готов.

Вот таков план работ Института русской литературы АН СССР, специально предназначенных к V съезду славистов.

Чл. - корр. АН СССР Д. Д. Благой

Институт мировой литературы им. М. Горького АН СССР

Русское славяноведение имело в прошлом очень большие достижения и создало ценные традиции. Но одно время работы в области славяноведения заглохли и традиции были как бы прерваны.

В 1947 г. был образован специальный Институт славяноведения АН СССР. Перед ним встала задача восстановить эти традиции, подняв их на более высокую, качественно новую ступень.

Наряду с Институтом славяноведения возник Советский комитет славистов, входящий в состав Международного комитета славистов.

Институт славяноведения свою задачу в той или иной степени осуществляет. Работа Советского комитета славистов также принесла существенные результаты.

Я имею в виду IV Международный съезд славистов, который проходил в 1958 г. в Москве и сыграл несомненную роль в деле развития славистики. Но тем не менее работа в области славистики носила несколько разбросанный характер. Институт славяноведения не был в достаточной степени связан с Комитетом славистов, а деятельность последнего имела только филологическую направленность.

Разработке проблем славянской филологии — изучения славянских языков и литератур — посвящен был и IV Международный съезд славистов.

Очень хорошо, что этими проблемами занимались. Но и сама филология в отрыве от истории правильно развиваться не может, и главное: славяноведение отнюдь не является уделом только филологов. Поэтому очень важно, что созвано настоящее совещание, которое весьма полезно с точки зрения взаимного осведомления и более тесной координации всех исследователей, работающих в различных областях славяноведения.

Однако на данном совещании координация охватывает не все те области, которые входят в состав славяноведения как комплексной науки и должны тем самым явиться предметом координированного изучения. Координируется лишь деятельность историков и филологов, но не охвачены искусствоведы. Между тем наряду с языком и литературой искусства также являются важнейшей частью культуры славянских народов.

На годичном общем собрании Академии наук в 1960 г. я подчеркивал органическую связь, которая имеется между литературоведением и искусствоведением.

В самом деле, хотя основным предметом литературоведения является изучение художественной литературы, оно не может не быть связано с лингвистикой, поскольку язык — основной материал, «первоэлемент» художественной литературы. Не может не быть связано литературоведение и с общей историей, поскольку почвой, на которой вырастает литература, является историческая жизнь народа. И, наконец, поскольку художественная литература — искусство слова, литературоведение теснейшим образом сопрягается с искусствоведением — термином, который, строго говоря, должен бы себя включать в себя изучение и литературных явлений. Тем более необходимо, чтобы координация в области славяноведения была полной, привлечь к этому наряду с литературоведами и искусствоведов.

Между тем в повестке нашего совещания доклады по искусствоведению вовсе отсутствуют. Мне кажется, что недостаточно представлено в ней и литературоведение: пять докладов по истории, семь — по лингвистике и только три по литературоведению. Полагаю, что это не совсем правильное соотношение.

В сущности говоря, вся повестка дня построена на базе работы Института славяноведения. Мне казалось бы, что координация предполагает более активное участие всех тех, с кем надо координироваться.

В заключение несколько слов в связи с докладом академика В. В. Виноградова.

Докладчик подробно рассказал о намеченной проблематике очередного V Международного съезда славистов, специально остановившись на тех проблемах, которые были включены по предложениям советских ученых. Можно только пожелать, чтобы на V съезде был проведен более строгий отбор докладов и выступлений, чем на IV съезде.

В докладе об итогах IV Международного съезда славистов, сделанном академиком В. В. Виноградовым на недавнем совещании в Софии, он замечает, что полемика советских ученых по поводу некоторых докладов и выступлений, сделанных зарубежными участниками съезда и не имевших серьезного значения, отвлекала внимание от важных научных проблем. Однако эти доклады и сообщения обычно были воинствующе обращены против марксистского литературоведения, и оставлять их без ответа было, естественно, нельзя. А раз они не имели научного значения, не надо было предоставлять им трибуну съезда.

В сообщенной нам программе работ съезда в области филологии есть, однако, один настораживающий меня момент, связанный, так сказать, с иерархией различных филологических дисциплин.

На первое место выдвинуты здесь проблемы по языкознанию, затем следует целая серия проблем, которыми должна заниматься литературно-лингвистическая секция. И только на третьем месте оказывается секция литературоведения. В такой последовательности на первый взгляд есть своя логика, но настораживает это потому, что за последнее время предпринята попытка выделить литературно-лингвистическую область изучений в «особую» самостоятельную науку, отрываемую от литературоведения. Я имею в виду книгу академика В. В. Виноградова «О языке художественной литературы». Я лично убежден, что такой отрыв, при котором идейное содержание литературы выходит, по утверждению В. В. Виноградова, за рамки филологической науки, которая должна заниматься только изучением стилей, неизбежно повлечет за собой новый вариант формалистического подхода к изучению литературы, столь распространенного в настоящее время в буржуазном западном литературоведении, опирающемся, как на своих учителей, на наших формалистов 20-х годов. Несмотря на важность литературно-лингвистических изучений, они являются частью литературоведения как науки о литературе в целом и занимают по отношению к ней относительно подчиненное положение. Выдвигать же их на первый план, отесняя литературоведение на второй, ставить их во главу угла, переносить именно на них центр тяжести, мне представляется, было бы большой и серьезной ошибкой.

И. Ф. Б э л з а

Институт истории искусств АН СССР

Наш институт выпустил ряд монографических очерков о художественной культуре польского, чешского и словацкого народов, ведет большую работу по изучению русской художественной культуры и культуры наро-

дов СССР, возникновения социалистического реализма в странах народной демократии. Запланированы исследования о польском, чешском, словацком и болгарском театре, об изобразительном искусстве Польши и Чехословакии, градостроительном искусстве зарубежных славянских стран народной демократии.

Сейчас коренным образом меняется отношение к славяноведению. Я особенно хочу обратить внимание на то место доклада И. И. Удальцова, где среди основных проблем современного, в частности советского, славяноведения названа история культуры славянских народов. Необходимо комплексное изучение культуры всех народов, в том числе народов славянских. Институт славяноведения уже сделал много в этом направлении, поскольку в его коллективных трудах — «История Чехословакии», «История Польши», «История Болгарии» — включены главы, содержащие историю культуры. Эти главы чрезвычайно важны в том отношении, что они содержат принципиально новые методологические установки. Это не разделы специфически искусствоведческие, специфически литературоведческие — это именно главы по истории культуры, которые приобретают особое значение в связи с историей данного народа, потому что история культуры неотделима от истории человеческого общества, от истории данного государства и данного народа.

Это совершенно ясно вытекает из марксистско-ленинского учения о развитии человеческого общества.

Но история культуры славянских народов все еще изучается в недостаточном комплексном плане. У нас нет еще должной координации между различными институтами — я имею в виду и Институт славяноведения, и Институт истории искусств, и Институт мировой литературы, и Институт истории и республиканские институты, университеты и многие другие научные учреждения нашей страны, которые занимаются изучением культуры славянских народов.

Ни для кого не секрет, что те или иные моменты используются нашими недругами в целях подрыва нашей идеологии, содружества наших стран и вообще в целях, враждебных нам.

Известно, в Риме, например, существует так называемый Русский институт, в котором работают 800 человек. Он подчинен не итальянской Академии наук, а непосредственно Ватикану и ведет непрерывную разработку всех тем, связанных с историей славянских народов и с историей их культуры, в том направлении, которое желательно, разумеется, римской курии, а не нам.

Достаточно указать на пример пресловутой трактовки чешского барокко. Йозеф Пекарж, Зденек Калиста и другие реакционные историки культуры пытались объявить чешское барокко периодом расцвета чешской культуры, последовавшим после белогорской трагедии, показать, что «малая» культура «малого» народа может подняться до чрезвычайно высокого уровня, если она попадает в русло развитой культуры «великого государства», т. е. делается попытка доказать, что инкорпорация чехов в священную Римскую империю привела к периоду так называемого чешского барокко.

Не случайно в 1928 г. была организована выставка чешского барокко, а в 1940 г. был выпущен сборник о нем для того, чтобы показать, какие «преимущества», могли ожидать чехов в рамках гитлеровского райха.

Такая фальсификация истории культуры была средством политической пропаганды, и об этом надо говорить прямо. Она проводится непрерывно и сводится к отрицанию культуры славянства.

Поэтому решение всей концепции истории культуры славянских народов представляется нам одной из важнейших задач, которая может быть решена путем постановки комплексной проблемы. Нам нужно, продолжая

нашу работу, думать прежде всего о том, чтобы темы первого плана были действительно первыми, чтобы второстепенные вопросы не отнимали сил у исследователей. Нужно думать о формах координации, об усовершенствовании их, чтобы как можно больше привлечь ученых из славянских стран.

В настоящее время заканчивается коллективная работа (40 п. л.) под названием «Русско-польские музыкальные связи».

Важнейшая задача — изучение культуры славянских народов в тесном содружестве с историками, литературоведами, лингвистами, со всеми, кто изучает настоящее и прошлое славянских народов.

Г. Д. В е р в е с

Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР

Интерес к зарубежным славянским языкам и литературам на Украине никогда не ослабевал. Только за послевоенные годы наши ученые-слависты старшего поколения — академики Л. А. Булаховский, М. Ф. Рыльский, А. И. Белецкий, Н. К. Гудзий, профессор П. Н. Попов и др. — воспитали группу славистов, зарекомендовавшую себя серьезными научными исследованиями как в области славянского языкознания, так и литературы. Хотя работа по славянской филологии ведется почти во всех семи университетах республики и во многих пединститутах, главные силы славистов сосредоточены в Кисеве и во Львове.

За два года, истекшие после IV Международного съезда славистов, созданы новые работы, важность которых трудно переоценить. Изучение западнославянских языков происходило главным образом в плане описательного и исторического синтаксиса сложного предложения. Отдельные исследования были посвящены морфологии, словообразованию, стилистике, лексикологии.

В настоящее время уже ведется редактирование «Украинско-чешского словаря», составленного Чехословацко-советским институтом в Праге. По общеславянской проблематике подготавливаются общеславянский лингвистический и топонимический атласы, создается труд по сравнительно-исторической акцентологии славянских языков, ведется работа по «Этимологическому словарю украинского языка», по вопросам внутренних и внешних взаимосвязей славянских языков. Начата подготовка курса «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков». В области изучения южнославянских языков можно назвать отдельные исследования по акцентологии, морфологии и ономастике сербского языка и по синтаксису болгарского и македонского языков. Кроме того, идет составление болгарско-украинского словаря.

Внимание украинских славистов привлекали также вопросы словообразования и акцентологии восточнославянских языков, а также вопросы образования восточнославянских литературных языков.

Большинство из перечисленных работ было подготовлено и сдано в печать в виде сборников и отдельных монографий. Однако ввиду плохого состояния полиграфической базы их печатание серьезно затягивается.

Число исследований по славянскому языкознанию, вышедших из печати на Украине после IV Международного съезда славистов, сравнительно невелико. Это первая часть второго тома «Польско-украинского словаря» и ряд статей, опубликованных в «Ученых записках» некоторых вузов и в первых двух томах «Украинской советской энциклопедии».

Тяжелое положение с публикацией работ по славянскому языкознанию на Украине объясняется главным образом техническими трудностями

ми, с которыми сопряжено издание этих исследований. Поскольку подобные трудности имеют место не только на Украине, следовало бы на предстоящем совещании подумать о принятии каких-то мер общесоюзного масштаба, направленных на улучшение отечественной полиграфической базы.

Наряду с разработкой общеславянских проблем (сравнительная грамматика славянских языков, диалектический и топонимический атласы и т. п.) необходимо в свете Заявления и Обращения Московского совещания коммунистических и рабочих партий усилить разработку проблем межславянских языковых связей как в прошлом, так и особенно в настоящее время. В связи с этим встает вопрос об определении первоочередных задач в этой области и о распределении этих задач между славистами Российской Федерации, Украины и Белоруссии и славистами других славянских стран.

После IV съезда славистов оживилась работа и наших фольклористов. В Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в октябре 1958 г. создана группа по фольклору зарубежных славянских народов. Возглавляет эту группу доктор филологических наук Н. И. Кравцов.

Фольклористы работают над темой «Межславянские фольклористические связи» и в ближайшее время заканчивают такие исследования, как «Украинско-болгарские фольклористические взаимосвязи послеоктябрьского периода», «Развитие украинско-славянских фольклористических связей» и др. В издательстве АН УССР выходит монография В. А. Юзьвенко «Украинское народно-поэтическое творчество в польской фольклористике XIX века».

От фольклористов не отстают и наши этнографы. Проблема связей занимала и будет занимать также и наших литературоведов. И не только потому, что проблема интернациональных связей украинской литературы с литературами западного и южного славянства является актуальной сама по себе, но и потому, что без ее разрешения невозможно понять и правильно оценить не только творчество отдельных писателей, но и целые периоды развития как украинской, так и других славянских литератур. Разве можно понять пути развития польского романтизма без уяснения украинской тематики в творчестве Залесского, Гоцилского и Мальчевского, той украинской «школы» в польской литературе, зарождение которой можно видеть уже в XVI в. (Клёнович, Шимопович и др.) и которая продолжает существовать и поныне (Я. Ивашкевич)? Разве можно разобрататься в том, почему так «сильно и страшно» (Горький) пишет В. Стеффаник, без учета его восьмилетнего пребывания в Кракове, когда он формировался как писатель и отрицал декадентские постулаты «молодой Польши»? Огромное значение И. Франко как писателя и критика для польской и чешской литератур, Т. Шевченко для литературы болгарского народа.

Однако Франко не просто украинский писатель, связанный с другими инославянскими литературами, а непосредственный, активный, постоянный участник польского литературного процесса, литературного процесса Чехословакии.

Дальнейшая разработка данной проблематики вызвана также необходимостью создания многотомной истории украинской литературы, в которой многовековой процесс развития украинской литературы предстанет не как замкнутый и оторванный от мира (именно так его показывали буржуазные националисты), а как тесно с ним связанный.

Раскрытие связей славянских литератур с зарубежными литературами при учете ведущей роли русской литературы в общеславянском литературном движении приближает нас к созданию синтетической сравни-

тельной истории славянских литератур, которая может быть создана только на базе марксистско-ленинской методологии.

За последнее время на Украине подготовлен ряд книг и монографических исследований, посвященных этой проблематике, например книга П. Гондаря о чешско-украинских литературных взаимоотношениях в XIX в., работа И. Е. Журавской «Франко как критик и переводчик зарубежных литератур», работа А. И. Багмут, освещающая историю исследований и переводов Краледворской и Зеленогорской рукописей на Украине и в России. Две очень ценные книги, плод общих усилий украинских и чехословацких ученых, — «Из истории чехословацко-украинских связей» и «Связи Ивана Франко с чехами и словаками».

Усиленно разрабатываются на Украине и проблемы украинско-болгарских литературных взаимоотношений. Высокую оценку в Болгарии получили исследования В. Т. Дмитрука, Е. В. Шпилевой и др., посвященные взаимоотношениям литератур Болгарии и Украины XIX—XX вв. Интересуют украинских исследователей и вопросы украинско-польских и русско-польских литературных связей (работы Белецкого, Рыльского, Рудницкого и др.). В прошлом году вышла в свет монография В. П. Вединой, раскрывающая тему общей борьбы и общих идейно-эстетических воззрений западноукраинских и польских пролетарских писателей периода межвоенного двадцатилетия.

Изучены вопросы связей украинской литературы с зарубежными славянскими литературами, мы всегда опираемся на труды наших русских товарищей, хотя следует сказать, что в области русско-славянских взаимоотношений работ (я имею в виду исследования монографического характера) могло бы быть больше. Есть много вопросов, которые могли бы быть разрешены совместно русскими, украинскими и белорусскими славистами.

Параллельно с разработкой проблемы межславянских литературных отношений украинские слависты в ближайшее время будут трудиться над другой проблемой — зарубежные славянские литературы в их историческом развитии. В этой области уже созданы монографии, книги, брошюры и статьи.

Известным нашим достижением мы считаем монографию В. И. Шевчука о творчестве К. Чапека, книгу Ю. Л. Булаховской о Тувиме, М. Ф. Венгрова о Ванде Василевской, монографию П. П. Вербицкого о реализме Болеслава Пруса (книга выйдет в Гослитиздате Украины) и др.

Две основные тенденции наблюдаются уже сейчас в работах о зарубежных славянских литературах. Первая заключается в том, что авторы стремятся не просто познакомить нашего читателя с другой славянской литературой, а с позиций советского литературоведения впервые дают оценку зарубежных славянских литератур, их представителей, содействуя тем самым развитию марксистского литературоведения в странах народной демократии.

Вторая тенденция заключается в всевозрастающем интересе к оценке современного литературного процесса в славянских странах народной демократии. Недавно вышел сборник «Современные польские писатели», где помещены литературные очерки о Б. Броневском, Л. Кручковском, Э. Домбровской, Я. Ивашкевиче и др. Но это только первые шаги на пути создания больших синтетических исследований о современных славянских литературах.

В докладе И. И. Удальцова содержится много интересных предложений о совместной разработке русскими и украинскими славистами отдельных проблем советского славяноведения. Тематика и проблематика по языковедению, фольклористике и литературоведению совпадает с нашими планами и пожеланиями на будущее. Задача состоит в том, чтобы на секцион-

ных заседаниях более конкретно обсудить предложения, расставить людей и приступить к работе. Подобные координационные совещания, которые помогают сосредоточить силы на кардинальных, магистральных проблемах советской науки, необходимо проводить чаще.

А. Е. Москаленко

Воронежский государственный университет

Занятия историей южных и западных славян в Воронеже начались после Великой Отечественной войны. Бывший заведующий кафедрой всеобщей истории ВГУ покойный профессор И. К. Бороздин, хотя и не являлся специалистом в области славяноведения, но весьма активно поддерживал группу историков, интересовавшихся славистикой, и славяноведческое направление наряду с историографическим сделал в работе кафедры основным.

По инициативе И. К. Бороздина нам удалось провести две конференции по вопросам истории зарубежных славянских народов (в 1949 и 1956 гг.). В них приняли участие представители Института славяноведения и ряда вузов страны. К съезду славистов в Москве мы выпустили «Славянский сборник» (выпуски исторический и филологический). Славяноведческая тематика заняла большое место и в проведенной в 1960 г. историческим факультетом ВГУ межвузовской историографической конференции.

Сейчас на историческом факультете Воронежского университета сложилось два направления в исследовании зарубежных славянских народов: первое из них связано с изучением средневековой истории народов Югославии, второе — с исследованием польско-русских революционных связей.

Преподаватель кафедры древней и средней истории кандидат исторических наук С. П. Боброва работает над вопросами аграрных отношений и классовой борьбы в сербской деревне XII—XIV вв.

Автор настоящего сообщения исследует социально-экономический строй и классовую борьбу в далматинских городах XII—XV вв. и занимается также источниковедением средневековой истории народов Югославии. Преподаватель латинского языка Медицинского института Н. П. Мананчикова готовит кандидатскую диссертацию об общественном строе Дубровника XIII—XV вв. Преподаватели латинского языка в университете С. А. Рыкова и В. Г. Журавель работают над переводом на русский язык латинских источников. С. А. Рыкова опубликовала в отрывках перевод известного «Описания Дубровника» Филиппа де Диверсиса и в настоящее время делает переводы раннехорватских дарственных грамот и далматинских хроник. В. Г. Журавель осуществил перевод Дубровницкого статута 1272 г. и заканчивает перевод Шибеницкого городского статута XIV в.

Вопросами, связанными с историей Польши, в университете занимаются три человека: доцент А. И. Бортников готовит монографию «Русско-польские связи в первой половине XIX века», Е. Г. Шуляковский занимается вопросами борьбы белорусского народа с польскими панями и русско-польского содружества в период Великой Октябрьской социалистической революции. Б. С. Поляков заканчивает кандидатскую диссертацию «Лелевель как историк Польши». Наконец, в Воронеже есть товарищи, изучающие другие вопросы зарубежной славянской истории: В. В. Захаров избрал темой своей диссертации «Историю полабских славян в России», кандидат исторических наук Г. И. Лишатникова исследует вопросы средневековой истории Чехии, кандидат исторических наук Н. Т. Сапронова защитила диссертацию о Э. Стоянове.

Как видно из сказанного, в Воронеже существует группа историков,

которая стремится внести посильный вклад в наше общее дело. Мы решили провести в 1962 г. третью славистическую конференцию и подготовить к печати второй «Славянский сборник», в который войдут наиболее ценные исследования.

В нашей работе мы тесно связаны с Институтом славяноведения. Мы выражаем благодарность сотрудникам института, которые принимали участие в наших конференциях. Будем рады видеть у нас всех, кто пожелает посетить наш город и принять участие в подготовляемой нами новой конференции.

И. И. Белякевич

Львовский государственный университет им. И. Франко

Львовский государственный университет играет значительную роль в научной разработке отдельных проблем славяноведения в области истории, филологии, литератур и языковых связей зарубежных славянских народов, истории украинско-польских связей, истории государства и права.

Этому в немалой степени способствует наличие в университете хорошо подготовленных, квалифицированных кадров, работающих в различных областях славяноведения, и старых университетских традиций в изучении научных вопросов.

Научно-исследовательская работа в области славяноведения, в частности в области изучения истории, имеет во Львове чрезвычайно богатую документальную базу. Здесь находятся Центральный исторический архив УССР и Областной государственный архив и его филиал в г. Дрогобыче с огромными, в большинстве своем малоисследованными фондами. Аналогичные архивы расположены в областных центрах Западной Украины, где хранятся многочисленные документы по истории Польши; в архивах Берегова и Мукачева имеются документы по истории Чехословакии.

За период с 1945 по 1960 г. преподавателями Львовского государственного университета было опубликовано около 250 научных работ по вопросам славяноведения, преимущественно по истории Польши и Болгарии, истории украинско-польских отношений, по отдельным проблемам польской, чешской, болгарской филологии и языковым связям.

В настоящее время научные исследования в области славяноведения ведутся в университете по шести направлениям.

1. *История южных и западных славян*, преимущественно история Польши и Болгарии. Здесь прежде всего следует отметить запланированный коллективный труд «Очерки по истории Польской Народной Республики» (авторы И. И. Белякевич, Н. А. Ратя, Л. А. Закаляк, С. М. Трусевич), шесть работ, освещающих отдельные вопросы истории борьбы крестьянства и рабочего класса Галиции в XIX—XX вв., работы по истории Болгарии, рассматривающие русско-болгарские отношения в конце XIX — начале XX в., культурные связи СССР с Болгарией и другие вопросы.

2. *История украинско-польских отношений*. Главное внимание в запланированных по этой проблематике работах уделяется социально-экономическому развитию западноукраинских земель, положению и борьбе крестьянства, развитию общественной мысли.

3. *Зарубежная славянская филология*. 12 тем, разрабатывающихся сотрудниками кафедр славянской филологии, русского языка, украинского языка и общего языкознания, в основном посвящены изучению истории славянских языков и вопросам современной грамматики.

4. *История славянских литератур*. Здесь главное внимание уделяется изучению украинско-польских и украинско-чешских литературных связей.

5. *История государства и права Польши и Болгарии.* Основное место в этом разделе занимают вопросы, связанные с изучением политического строя, роли местных органов в Польской Народной Республике и Народной Республике Болгарии.

6. *История коммунистической печати.* На кафедре журналистики разрабатываются две темы: «Коммунистическая печать Чехословакии» (1918—1945) и «Из истории коммунистической печати Западной Украины».

Однако имеются некоторые обстоятельства, в известной степени мешающие широкому развертыванию научно-исследовательской работы по славяноведению. Недостаточно организованное комплектование научных библиотек Львова новейшей литературой по истории, филологии и праву западных и южных славян создает серьезные препятствия в работе, особенно по новейшей истории и истории права.

В заключение хочется отметить, что координационное совещание играет положительную роль для объединения усилий всех ученых, работающих в области истории, языка и литературы южных и западных славян. Однако для закрепления действенного сплочения, для дальнейшего развития славяноведения в нашей стране необходим специальный журнал, вокруг которого, уже не на словах, а на деле, сплотятся слависты Советского Союза. Такой журнал мог бы сделать очень много и в деле координации нашей работы.

А. И. Озолин

Саратовский государственный университет

В нашем университете еще недавно трудились видные слависты-историки: профессор Волковичер (история рабочего движения в Польше), доктор филологических наук А. М. Лукьяненко (славянское языкознание). На историческом факультете Саратовского университета в настоящее время работает группа товарищей в области славяноведения. Три сотрудника кафедры истории народов СССР занимаются проблемой польско-русских отношений XVI—XVII вв. Это доцент Л. А. Дербов, разрабатывающий русско-польские отношения в период Ливонской войны; в настоящее время Дербов принимает участие в написании коллективного труда, намечаемого Институтом славяноведения о русско-польских отношениях XVI—XVIII вв.; И. В. Галактионов, подготовивший кандидатскую диссертацию по теме «Русско-польские отношения накануне Андрусовского перемирия» и опубликовавший статью и отдельную брошюру, и Г. Д. Бурдей, занимающийся вопросами русско-турецких и русско-польских отношений периода второй половины XVI в.

Помимо этих товарищей славистикой занимается М. А. Казакова, которая заканчивает диссертацию «Исторические взгляды Я. Ясиньского», и подготовила на эту тему статью. Я занимаюсь проблемами гуситского движения, опубликовал ряд статей по этому вопросу и закончил монографию.

На кафедре новой и новейшей истории была опубликована монография доцента О. В. Панцуктиловой о рабочем движении в Болгарии в 1905—1907 гг. На факультете проводится работа со студентами-дипломниками по славистической тематике, особенно на кафедрах новой и новейшей истории и истории средних веков. Изучаются вопросы строительства социализма в славянских странах народной демократии: Болгарии, Польше, Чехословакии. На этих же кафедрах ведутся специальные курсы по различным проблемам славяноведения. Такого рода работа будет продолжаться и в дальнейшем.

Доцент Саратовского педагогического института Н. П. Еланский опубликовал монографию «Ярослав Гашек в революционной России», несколько брошюр и статей, посвященных творчеству этого крупного чешского писателя.

Научная библиотека университета установила тесные связи с некоторыми научными библиотеками Чехословакии и пополнила свои фонды по славистике путем взаимного обмена.

Мне хочется остановиться на отдельных вопросах, связанных с теми трудностями, которые испытывают историки-слависты на местах. Следует добиваться решительного улучшения поступления в периферийные города славистической литературы, издаваемой в странах народной демократии.

Те главные направления в области исторической науки, которые были выдвинуты И. И. Удальцовым, безусловно отвечают важнейшим задачам, стоящим перед советской славистикой. Мы горячо приветствуем идею координации работы славистов разных научных учреждений, высших учебных заведений в масштабах всей страны. Не назрела ли пора выделить историографическую группу в области славистики? Думается, что когда мы говорим о необходимости расширения братского сотрудничества с учеными стран народной демократии, то нельзя забывать, что на нас лежит и обязанность, с одной стороны, оказывать посильную помощь зарубежным историкам, а с другой — рассказать советской научной общественности о той большой работе, которую уже проделали историки-марксисты славянских стран.

Я хотел бы сказать по поводу необходимости разоблачения реакционной роли католической церкви. В истории славянских народов периода феодализма и капитализма, в новейшее время эта реакционная роль католицизма может быть прослежена весьма обстоятельно. Достаточно напомнить о той реакционнейшей политике, которую римско-католическая церковь проводила, например, в первые годы образования народно-демократической Польши, Чехословакии, где она выступала активной контрреволюционной силой.

Настоящее весьма обширное и хорошо подготовленное совещание должно явиться первым шагом в направлении определения форм и методов координации работы славистов. В дальнейшем следует собирать совещания участников той или иной проблемной группы.

В. К. Соколова

Институт этнографии АН СССР

Институт этнографии АН СССР изучает быт, материальную и духовную культуру славянских народов (включая и фольклор) в их историческом развитии и взаимосвязи. Основными проблемами славянской этнографии мы считаем: этногенез славян, выявление общих и своеобразных черт быта, материальной и духовной культуры славянских народов и закономерности развития их в период построения социалистического и коммунистического обществ.

Изучение этнографии западных и южных славян сосредоточено в Секторе народов Европы. Славянская группа сектора еще невелика, но у нас есть специалисты по основным народам: чехам, словакам, полякам, болгарам и сербам. В настоящее время сектор занят подготовкой тома «Народы Восточной части Европы» (серия «Народы мира»), который сдается в издательство в этом году. Основное место в этом томе принадлежит западным и южным славянам. Статьи по западным и южным славянам подготовлены этнографами соответствующих стран с участием и наших спе-

циалистов. Это наш первый опыт совместной работы с академиями наук славянских стран народной демократии. Создание тома способствовало оживлению этнографической работы и подготовке обобщающих этнографических исследований.

В конце прошлого года вышел «Славянский сборник», подготовленный славистами-этнографами Института этнографии. Подобных сборников в советской этнографии не было. Это первая ласточка. Очень важно также, что этнографы после долгого перерыва обратились к изучению сельской общины.

В семилетнем плане Института этнографии намечены исследования по типологии европейского жилища и сельского хозяйства. Слависты-этнографы нашего института принимали участие в полевых исследованиях в Чехословакии, Польше и Болгарии. Была поездка к местам, где жили лужичане. Поездки к западным и южным славянам дали возможность нашим сотрудникам строить свои исследования не только на основании литературных данных, но и на фактах собственных наблюдений. Пока еще эти наблюдения невелики, но мы рассчитываем, что совместные полевые исследования будут расширяться.

Из работ сектора восточнославянской этнографии в первую очередь следует назвать «Русский историко-этнографический атлас». Два выпуска этого атласа («Техника земледелия» и «Жилище») уже сданы в издательство, третий выпуск — «Одежда» — будет сдан в 1961 г. Атлас этот, имеющий большую самостоятельную научную ценность, может послужить основой для восточнославянской части общеславянского этнографического атласа, составление которого в решениях IV Международного съезда славистов признано одной из основных задач славянских этнографов.

Работа по этнографическому картографированию ведется и в других странах. В Польше подготавливается польский этнографический атлас, в Болгарии издана карта распространения народной одежды. В Белоруссии и на Украине начата подготовка к составлению историко-этнографических атласов (львовскими этнографами уже составлен этнографический атлас Западной Украины). Всю эту работу необходимо координировать и подчинить подготовке «Общеславянского атласа». Значение такого атласа известно. Он даст возможность выявить общие черты и особенности культуры всех славянских народов, покажет разные исторически сложившиеся этнографические группы и явится важным источником для изучения взаимоотношений и историко-культурных связей между славянскими и соседними неславянскими народами. Очень интересно будет сопоставить этнографические и лингвистические карты. Поэтому мы считаем необходимым усилить работу по этнографическому картографированию, а на предстоящем V Международном съезде славистов поставить вопрос о славянском историко-этнографическом атласе в качестве одного из основных вопросов этнографической секции.

Важнейшая задача, стоящая перед советскими этнографами и этнографами стран народной демократии, — изучение социалистических преобразований культуры и быта народа, установление закономерностей их развития в период построения социализма и коммунизма. В плане Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР эта проблема является ведущей. Она разрешается, естественно, прежде всего на примере народов Советского Союза.

Проводимые Институтом этнографии работы не только показывают современное состояние народной культуры и быта восточнославянских народов, но имеют и большое методологическое значение для этнографов славянских стран народных демократий. И очень важно было бы на предстоящем съезде славистов обменяться опытом этой работы, поставить ряд методических докладов по изучению современной культуры и быта славянских народов.

К V Международному съезду славистов Институт этнографии предлагает издать сборник статей по славянской этнографии и фольклору. Работа по славянскому фольклору ведется рядом учреждений, и мы будем ее координировать. Задачей Института этнографии является прежде всего изучение фольклора как исторического и этнографического источника, выявление черт славянской общности и специфики каждого славянского народа. Исследования же по этнографии западных и южных славян в Советском Союзе ведутся только в Институте этнографии (начинают они разворачиваться и на Украине). Поэтому целесообразно было бы укрепить группу славистов в Секторе народов Европы с тем, чтобы она могла стать центром этнографического изучения славянства и координировать всю работу в этой области.

Выдвигаемые нами проблемы, конечно, не могут быть разрешены только этнографами. Очень важно, чтобы в проблематику предстоящего V Международного съезда славистов вошли вопросы этногенеза, этнического картографирования и создания общеславянского атласа и проблема изучения современной культуры и быта славянских народов.

В. Б. Оболевич

*Ленинградский государственный университет
им. А. А. Жданова*

Славистика в нашем университете имеет давние и славные традиции. Достаточно назвать имена таких ученых, как И. И. Срезневский, Соболевский, А. А. Шахматов, Е. А. Карский и Долобоко.

На кафедре славянской филологии работали такие крупные ученые, как академик Державин, профессора Чернобаев, Копержинский и доцент Советов.

Основной задачей кафедры славянской филологии университета является подготовка квалифицированных кадров славистов.

Слависты нашего университета, как и других вузов, не могут, конечно, полностью посвящать себя научной деятельности, так как главное место в их работе занимает педагогическая деятельность. И все-таки научная продукция кафедры довольно значительна.

За последние 10 лет слависты кафедры выпустили в свет свыше ста работ по славянскому литературоведению и языкознанию.

Внимание литературоведов сосредоточено в основном на следующих актуальных проблемах:

1. Становление и развитие критического и социалистического реализма в славянских литературах.

2. Культурные и литературные взаимосвязи южных, западных и восточных славян (статьи «Карел Чапек и Алексей Толстой», «О знакомстве русской дореволюционной общественности с жизнью и деятельностью Штура», «Гундулич в России», «Толстой в Чехословакии», «Горький в Югославии», «Традиции русской сатирической литературы в творчестве Домановича», «Цесарец и Достоевский», «Произведения русских классиков в переводе Людвика Кондратовича», «Переводы „Слова о полку Игореве“ на польский язык», «З. Неядлы и русская культура», «Издательская деятельность Оссолинеума и польско-советская дружба» и др.

3. Национальная специфика славянских литератур — статьи «Поэзия Марии Пуймановой», «К вопросу о языке польских сатирических поэм XVII века», «Творческий путь Адама Мицкевича», «К вопросу о философских и общественно-политических взглядах Карела Чапека», «Светозар Маркович», «Мужики» Реймонта как социально-бытовой роман из крестьянской жизни», «Генрик Сенкевич и его роман „Крестоносцы“». «К во-

просу о народности эпической поэмы Ивана Гундулича „Осман“, «Некоторые особенности развития польской литературы» и др.

Выпущены в свет коллективные тематические сборники «Мицкевич в славянских литературах», «Славянские литературы», антология «Поэзия западных и южных славян» с развернутыми биографическими справками о писателях, монография «Адам Мицкевич». Подготовлены к печати новый тематический сборник «Становление и развитие критического реализма в славянских литературах XIX—XX вв. и литературно-культурные взаимосвязи западных и южных славян» и монографии «Крестьянская проблематика в творчестве Реймонта», «Творчество Марии Пуймановой», «Поэма Ивана Гундулича „Осман“».

Кроме того, запланированы четыре книги по истории славянских литератур — польской, чешской и словацкой, болгарской, сербо-хорватской. Недавно вышла первая книга этой серии — «История польской литературы», впервые издаваемая в Советском Союзе и охватывающая период с древнейших времен до образования Польской Народной Республики.

Мы много уделяем внимания, в частности на этом совещании, вопросам, имеющим проблемный характер, но мы забываем об очень важном участке — о массовом читателе.

В настоящее время потребность в изданиях такой литературы, которая бы помогла массовому советскому читателю разобраться в сложных процессах общественно-политической и культурной жизни стран народной демократии, весьма велика. В связи с расширением базы заочного обучения эта потребность еще более возрастает. Поэтому преподаватели-слависты нашей кафедры главное внимание уделяют созданию учебников, учебных пособий.

Нужно сказать, что большая научная работа ведется специалистами-историками по изучению таких актуальных проблем, как: «Революционные связи между СССР и славянскими странами», «История рабочего движения в Польше».

Кроме того, они принимают участие в написании истории Югославии, которую готовит Институт славяноведения.

Свой вклад в славяноведение внесла и языковедческая кафедра. Научная деятельность славистов-языковедов в значительной степени носит прикладной характер, в его прежнем понимании.

За последние 10 лет выпущены: «Очерки болгарской грамматики», «Учебник болгарского языка», подготовлен к печати «Учебник сербо-хорватского языка» (пособие для заочников). Готовится систематическая грамматика польского языка в сопоставлении с русским, а также другие работы.

Грамматике и словообразованию славянских языков, главным образом современных, посвящены исследования: «Сложноподчиненные предложения с определительным придаточным в современном сербо-хорватском языке», «Категория вида болгарского языка», «Сложноподчиненное предложение в польской письменности XIV—XVI вв.», «Производные имена существительные со значением лица в современном польском языке» и другие статьи.

Из области лексикологии и языка писателей можно назвать статью «Обогащение словарного состава чешского языка в результате установления в Чехословакии народно-демократического строя» и ряд других. Ведется также работа по созданию сравнительной грамматики славянских языков (готовится учебник и опубликован ряд статей на эту тему).

Члены кафедры, как литературоведы, так и языковеды, выступают, кроме того, в качестве переводчиков, редакторов, авторов предисловий и комментариев к произведениям славянских писателей. Они участвуют также в составлении и редактировании сборников текстов на славянских

языках, пишут рецензии и информационные статьи, а также руководят курсовыми и дипломными работами по славистике.

Кафедра славянской филологии приветствует идею созыва координационного совещания славистов Советского Союза и надеется, что итоги этого совещания будут способствовать дальнейшему решению не только теоретических вопросов, но и организации, координации работы. Однако главное — это создание журнала «Славянская филология». Почти во всех странах Европы, в США и даже в Скандинавских странах имеются специальные периодические издания по славяноведению, и только Советский Союз не имеет такого издания.

Безусловно, что Институт славяноведения, который провел большую работу, будет и впредь проводить совещания по разработке актуальных проблем. Однако настоящая координация исследований славистов Советского Союза возможна лишь на базе создания периодического журнала.

И. А. Шмелькова

*Всесоюзная государственная библиотека
иностранной литературы, Москва*

Наша библиотека обладает большим фондом книг и журналов на славянских языках и уже много лет ведет библиографическую работу по славяноведению, главным образом по славянским литературам. У нас имеется научно-библиографический отдел; в его задачу входит активное освоение фондов библиотеки, создание картотек, которые помогли бы нашим читателям ориентироваться в материале.

На основе росписи большей части газет и журналов, поступающих в библиотеку из Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии, создана картотека статей по различным отраслям знаний, картотека переводов произведений русских и советских писателей на славянские языки. По материалам, поступающим во ВГБИЛ и другие библиотеки страны, создана картотека переводов произведений писателей славянских стран на русский язык и литературы о них на русском языке. У нас существуют три основных типа библиографических изданий по славянским странам. Это периодические информационные справочники: ежегодники по художественной литературе и литературоведению Чехословакии, Польши, Болгарии, которые издавались с 1949 по 1956 г.

В 1960 г. совместно с Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР мы выпустили сводный каталог иностранных книг по языкознанию, в том числе славянскому, которые поступили в крупнейшие библиотеки СССР за 1954—1958 гг. Наша библиотека принимает участие в издаваемом Книжной палатой библиографическом указателе: «Зарубежная литература и искусство на языках народов СССР». Кроме того, мы выпускаем аннотированную карточку на наиболее важные и интересные статьи (политические, экономические, литературоведческие и др.), напечатанные в периодических изданиях капиталистических стран и стран народной демократии.

Ко второму типу наших изданий относятся библиографические справочники, посвященные творчеству отдельных писателей славянских стран. Эти справочники носят характер научно-вспомогательных библиографических изданий. Особенно интересным нам представляется сбор материала по творчеству современных писателей славянских стран, так как литература об этих писателях зачастую рассеяна по различным периодическим изданиям, иногда малодоступным, а монографий, как правило, не существует.

Третий тип библиографических изданий — указатели, отражающие распространение славянских литератур в России и Советском Союзе. В 1943 г. была выпущена краткая библиография «Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык». Исправленное и дополненное издание этого указателя вышло в 1949 г. В 1951—1952 гг. вышло три выпуска серии «Художественная литература стран народной демократии в переводах на русский язык» (по литературе Польши, Болгарии и Чехословакии).

В настоящее время мы приступили к составлению многотомного справочника «Славянские литературы в русской печати» (будут выпущены отдельные тома по Польше, Чехословакии, Болгарии и Югославии). В справочник войдут книги и опубликованные в русской периодической печати статьи за период с 1800 г. до наших дней.

Мы надеемся, что Институт славяноведения и другие научные учреждения окажут нам помощь в работе над этим справочником.

В настоящее время библиографические труды по славяноведению выпускаются рядом научных учреждений и центральных библиотек страны. Необходимо выработать общий план библиографических исследований в области славяноведения, определить наиболее важные и необходимые аспекты этих исследований.

В. П. Беседина-Невзорова

Харьковский государственный университет

По славяноведческой тематике в Харьковском университете разрабатываются следующие проблемы: «Национально-освободительное движение в Болгарии в 60-70-е годы XIX в.» (Сидельников, Подлесный и Ильчук), «История революционного движения в Болгарии в период между двумя мировыми войнами» (Рущенко и Чернявский), «Строительство социализма в славянских странах» (Попов, Леднев, Куплевацкий, Володарский), «Русская историография южных и западных славян» (Митриев).

Славяноведческая тематика представлена и в ряде сборников, выпущенных филологическим факультетом (один из них в 1958 г. был подготовлен к IV Международному съезду славистов).

Большую работу провел филологический факультет по организации двух научных конференций.

На первой конференции (1959 г.) в большинстве докладов рассматривались вопросы истории украинского языка, его морфологической и фонетической системы. Во многих докладах был широко использован материал других славянских языков.

На проведенной в Харькове Третьей республиканской конференции также было несколько докладов славистического уклона. Конференция была посвящена 125-летию со дня рождения А. А. Потебни.

В работе конференции участвовали не только ученые университетов, но и педагоги ряда вузов страны.

Что касается той тематики, которую мы готовим к V Международному съезду славистов, то здесь можно назвать работы П. П. Вербицкого «Реализм Болеслава Пруса», В. П. Бесединой-Невзоровой «Старославянский язык», А. Ф. Наконечного «Этимологический словарь украинского языка».

Какие у нас пожелания к координационной комиссии? Необходимо создать специальный периодический орган по славистике. Мы, преподаватели Харьковского университета, присоединяемся также к голосам тех, кто говорил, что большая загруженность преподавателей тормозит выполнение научно-исследовательских работ. Желательно было бы возобновить полезную практику печатания лекций на ротапринте.

Плохо обстоит дело с публикацией собранного диалектологического материала и памятников. Не полностью опубликовано и наследие крупного лингвиста А. А. Потебни. Вот те замечания, которые мне хотелось высказать здесь.

Б. В. Щуплецов

Издательство иностранной литературы

Наше издательство выпускает книги более чем с 40 языков. На долю зарубежных славянских стран приходится не так уже много. Но за последнее время вырос удельный вес славянских авторов по всем отраслям знания. В гуманитарных редакциях в плане 1961—1962 гг. им отведено достойное место.

Что касается художественной литературы, то и здесь виден серьезный рост: в 1950 г. мы выпустили 10 названий объемом 91 авторский лист. План на 1961 г.—21 название, объемом 539 авторских листов.

Исторической редакцией в 1958 г. выпущена «История словацкого рабочего движения 1848—1918 гг.» В 1959—1960 гг. вышли книги: В. Куля «Формирование капитализма в Польше», Й. Мацека «Табор в гуситском революционном движении», Ф. Чулиновича «Крестьянские восстания в Хорватии» и, наконец, О. Ржиги «Влияние Октябрьской революции на Чехословакию». Русское издание этой книги вышло с рядом изменений, внесенных в нее автором по просьбе издательства.

В портфеле редакции немало серьезных трудов славянских авторов. Например: В. Коцецкий. Чехословацкая Республика и КПЧ, X. Яблонский. Политика ППС в период войны 1914—1918 гг.

По редакции философии готовятся:

«Мировоззренческие и методологические проблемы научной абстракции» (сборник работ чехословацких и польских авторов), книга Я. Энгста «Некоторые проблемы научной этики», «Зарубежные марксисты в борьбе против реформизма и ревизионизма» (сборник статей). В нем участвовали два чехословацких автора — В. Коцецкий и Л. Ганзель.

Редакция филологии до 1957 г. выпускала исключительно книги по лингвистике. Большинство из них вам известно, это: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка; Ф. Травничек. Грамматика чешского литературного языка; Т. Лер-Славинский. Польский язык; А. Вайяп. Руководство по старославянскому языку; А. Мейе. Общеславянский язык и др.

В настоящее время издаются книги по литературоведению и искусству зарубежных стран.

Должен сказать, что редакция пока еще очень робко издает книги по литературоведению и искусству славянских стран, и думаю, что здесь не обойтись без воздействия нашей славистической общественности.

В портфеле редакции довольно продолжительное время лежат заявки на книгу Г. Цанева «Страницы из истории болгарской литературы» и И. Тауфера «Творчество Незвала».

Редакция художественной литературы выпускает исключительно современную литературу. Польская литература за прошедшие годы представлена в наших выпусках такими изданиями, как «Избранное» Л. Кручковского, роман К. Брандыса «Граждане» и его тетралогия «Между войнами», первый том поэтов-лауреатов народной Польши, книга Л. Рудницкого «Старое и новое», сборник рассказов Я. Ивашкевича и др.

Чехословацкая литература за предыдущие годы была представлена такими произведениями, как «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика, «Хроника» П. Илемницкого, «Наступление» В. Ржезача и трилогия М. Пуймановой, избранные произведения В. Незвала и др. По болгарской литературе в прошлые годы вышли книги: «Поэзия борьбы и побед».

роман Д. Димова «Табак», романы Д. Талева «Железный светильник», «Преспанские колокола», «Ильин день», роман Г. Караславова «Простые люди», К. Калчева «Семья ткачей» и др. Мы выпустили ряд книг югославских авторов: «Мост на Дрине» И. Андрича, его «Повести и рассказы», сборник поэтов Югославии, «Избранное» М. Крлежа, издали большой роман Б. Чопича «Прорыв» и др.

Готовятся к изданию из польской литературы: «Избранное» Б. Броневского, «Девочки из Новосилок» и «Райская яблоня» П. Гадвичинской, «Королевство спеси» М. Русинька, «Сентябрь» Е. Путрамента, повесть «Путешествие» Ст. Дыгата и, наконец, «Воспоминания матери» М. Форнальской.

В плане текущего года широко представлена и литература Чехословакии. Здесь следует назвать роман Ф. Гечко «Святая тьма», Вл. Минача «Время долгого ожидания», «Живые и мертвые», Б. Бржезовского «Железный потолок», Л. Мнячко «Смерть зовется Энгельхен». Из словацкой поэзии — «Летопись И. Тауфера и небольшой сборник «Из словацкой поэзии».

Болгарская поэзия будет представлена избранными стихотворениями Ламара (Л. Маринов) и большим сборником рассказов современных болгарских писателей.

Есть у нас в плане несколько книг югославских авторов. Назову «Сборник рассказов» И. Космача, книгу стихов Р. Загович «Упрямые строфы», роман Ч. Стерича «Бихорцы».

В портфеле издательства на ближайшие годы довольно много книг, и он все время пополняется путем личных контактов с авторами, с союзами писателей стран народной демократии и силами наших славистов.

Издательство иностранной литературы всемерно поддерживает идею создания славистического журнала. Нас такой журнал интересует не только как орган, где будут печататься новейшие исследования и освещаться теоретические проблемы славистики, но и как издание, где наконец будет дана та или иная оценка нашей издательской деятельности, хотя бы в области издания произведений славянских авторов.

Дело в том, что литературные журналы, наши газеты мало уделяют внимания этому вопросу, и мы работаем вслепую. Мы слышим только отдельные отклики на то или иное издание, но не имеем обобщенных высказываний специалистов.

В. И. Масальский

*Киевский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко*

Я хочу остановиться на тематике исследований и работ, подготовляемых кафедрой славянских литератур и языков Киевского государственного университета к V Международному съезду славистов.

Кандидат филологических наук С. И. Левинская занимается вопросами русско-польских и русско-украинских литературных связей XIX в. («Пушкин и Мицкевич», «Юлиуш Словацкий и русская литература», «Украинская школа польского романтизма»). Сейчас она готовит монографию о творчестве Юлиуша Словацкого. С. И. Левинская ведет также большую популяризаторскую работу.

А. Н. Маляренко опубликовал монографию «Иржи Волькер» — о творческом пути выдающегося чешского поэта-коммуниста.

В плане выяснения исторических закономерностей развития дружбы между русским, украинским, чешским и словацким народами изучаются

такие темы, как «Чешско-словацко-русско-украинские литературные связи»; «Антирелигиозные мотивы в литературе славянских народов» — различные литературные жанры средневековья: сатира, озорные песни, пьесы в борьбе против правящих кругов и церковной иерархии; исторические закономерности развития антирелигиозной литературы в разных странах; «Т. Г. Шевченко и литература других славянских народов» (С. И. Левинская).

Освещающая различные сферы межславянских литературных отношений, члены кафедры украинской и русской литератур КГУ работают над вопросами: «Иоанникий Галатовский в истории украинско-русско-белорусско-польских литературных связей во второй половине XVII века» (Ф. Я. Шолом). Он же разрабатывает тему: «Закономерности развития русско-украинских литературных взаимосвязей в XVI—XVIII вв.».

Член кафедры славянской филологии А. П. Непокучный ведет исследование материалов «К вопросу о балто-славянских отношениях». С 1957 г. он изучает русские говоры в литовском окружении — в северо-восточной Литве недалеко от границы с Латвией; в старообрядческой деревне, где жители двуязычны, было обнаружено влияние литовского языка на русский, прежде всего в области синтаксиса.

Подмечены интересные нарушения видовой системы, системы времен, предложных конструкций и т. д.

В работе используются также факты других славянских языков, а в некоторых случаях — латышского литературного языка и латышских говоров (по материалам Института языка и литературы АН Латвийской ССР).

На кафедре славянской филологии разрабатываются также проблемы: «Сравнительная грамматика славянских языков», «Вопросы грамматики русского языка и других славянских языков в трудах отечественных и зарубежных славистов», «Теория литературного перевода на чешский язык», «Лексика произведений Юлиуса Фучика», «Связи в области методики преподавания славянских языков».

Для студентов филологического факультета университета создаются практические учебники и пособия по современному польскому и чешскому языку. Языковеды ведут также исследования по темам: «Вопросы стилистического синтаксиса в поэтическом переводе» (на материале украинских переводов польской поэзии) и «Сербские эпические песни в переводах М. П. Старицкого» (В. В. Коптилов), «О взглядах А. Пыпина на украинский язык и его место среди других славянских народов» (П. Д. Тимошенко).

Филологи Киевского университета полагают, что данное координационное совещание будет чрезвычайно полезным, потому что оно поможет выяснить ряд методологических вопросов и на месте договориться, над чем и как работать. Нам стало известно, кто над чем работает. Это очень ценно. Наше пожелание — обязательно нужно было бы издавать специальный славистический журнал.

Е. М. Кан

*Фундаментальная библиотека общественных наук
АН СССР*

Основная работа по славяноведению ведется нашей библиотекой в двух направлениях: 1) комплектование фондовых кабинетов славяноведения и библиотеки Института славяноведения советской и зарубежной славистической литературой; 2) библиографическая работа, т. е. обработки расписаний, систематизация различного рода библиографических указателей.

Осуществляет эту работу сектор славяноведения европейских стран

народных демократий. Характер работы комплексный. Сектор изучает и обрабатывает литературу по общим проблемам славяноведения, по каждой стране в отдельности. Сектор изучает вопросы, связанные с политикой, экономикой, историей, литературой, искусством, этнографией соответствующих стран.

Библиографическая работа — это текущая информация о новых поступлениях славяноведческой литературы в библиотеки.

Сектор выпускает в течение 12 лет информационные бюллетени, которые не ограничиваются только регистрацией литературы, а систематизируют ее по разделам, отвечающим научной работе. В качестве особых разделов имеются: филология, история, археология, этнография. Бюллетени носят и справочный характер. Материалы собираются за ряд лет. В карточках сектора собрано около 200 тыс. названий.

В разделе истории собраны вопросы по происхождению славян, экономическим формациям, по вопросам исторических и межславянских связей, национально-освободительного движения славянских народов. Выделен историографический раздел, характеризующий состояние изучения славян в настоящее время и в прошлом. Этот раздел содержит богатый материал по культуре, искусству, языку, истории каждой страны в отдельности.

Большая тематическая библиография, над которой сектор работает в течение ряда лет, — «Подъем революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1917—1923 гг.» В 1959 г. опубликована часть этой библиографии, включающая литературу за 1951—1958 гг. Сейчас продолжается подбор литературы за предшествующие и последующие годы.

Готовится также большая ретроспективная библиография «Русская и советская литература о южных и западных славянах за 1800—1959 гг.», охватывающая материалы по всем отраслям общественных наук. К печати подготовлена часть библиографии «Советское славяноведение (1917—1959 гг.)» объемом около четырех тысяч названий. Продолжается работа по разделу русской славяноведческой литературы за 1800—1917 гг. Составители этой библиографии И. А. Калоева, И. Е. Попова и И. А. Межова.

Сектором готовятся так называемые библиографии второй ступени, т. е. библиографии библиографий по странам народной демократии. Такие справочные указатели будут выпущены отдельно по каждой стране на ротапринте.

Сектор периодически публикует библиографические и историографические обзоры. В «Трудах Фундаментальной библиотеки и библиотеки Академии наук» (вып. 4) опубликованы: «Сербская академия наук и ее издания по общественным наукам» (Калоева), «Чехословацкая Академия наук и ее издания по общественным наукам» (И. Д. Ратнер). Мною составлен обзор «Славяноведение Венгрии за 1945—1959 гг.» Над обзорами: «Южные славяне в русской литературе первой половины XIX в.» и «Отражение политических событий в Чехии в русской прессе в 50—60-е годы» работают Калоева и Ратнер.

В Фундаментальной библиотеке ведутся еще большие работы по библиографии в области славяноведения — указатель «Народно-демократическая Болгария», который составлен Д. Д. Ивановым, В. В. Носковой и Н. В. Буссе совместно с Болгарским библиографическим институтом.

В настоящее время теми же авторами готовится к печати указатель «История Болгарии» (до 1944 г.). Кроме того, собраны сведения о славянской литературе в сводном каталоге.

Библиография славянских языков выпускается сектором языкознания совместно с Институтом языкознания и составляет один из томов четырехтомной библиографии по советскому языкознанию.

А. С. Гундоров

Славянский комитет, Москва

Разрешите мне приветствовать участников настоящего совещания от имени славянской общности Советского Союза и выразить уверенность в том, что это совещание сыграет большую роль в дальнейшем улучшении всей научной работы в области славяноведения.

Я недавно встречался с президентом Академии наук Чехословакии академиком З. Р. Неедлы. Его знают многие из присутствующих здесь. Когда его родина была оккупирована фашистской Германией, он, тяжело больной, как-то нам заявил, что не сомневается, что доживет и будет участвовать в освобождении своей страны, в ее строительстве и восстановлении от разрушений. Приблизительно через 10 лет после этого разговора мне уже пришлось с ним встретиться в Чехословакии, и он уверял, что доживет до того, когда на его родине будет осуществлен полностью социализм. А вот сейчас он заявил, что хочет дожить до того момента, когда с капитализмом будет покончено во всем мире. Когда я ему сказал об истории его пожеланий и высказываний, то он мне ответил (сейчас ему за 80 лет), что для него самым любимым периодом истории является история будущего.

Действительно, следует ориентироваться в направлении будущего. Советским славистам надо сконцентрировать главное внимание на разработке тех узловых, актуальнейших научных проблем, которые помогают нам строить коммунистическое общество.

Историю творят народы, и лучшие представители 81 страны, верные принципам марксизма-ленинизма, в ноябре 1960 г. собрались в Москве и разработали документ, который стал руководством и для ученых нашей страны.

А. Е. Супрун

*Киргизский государственный университет
им. М. В. Фрунзе*

В работах славистов Средней Азии и Казахстана центральное место занимает русистика. Однако после войны стали появляться исследования по славистике в узком смысле слова. В ряде учебных заведений ведется преподавание чешского, словацкого, польского, болгарского, сербско-хорватского языков, имеются постоянно действующие славистические семинары в Ташкенте и Алма-Ате, появилось много переводов произведений славянских народов на языки народов Средней Азии.

В области истории уделяется большое внимание проблемам, связанным с участием представителей славянских народов в жизни Средней Азии. Так, например, во Фрунзе издана книга об истории чехословацкого производственного кооператива «Интергельпо», в Самарканде разрабатывается вопрос об участии представителей славянских народов в Октябрьской революции и гражданской войне в Средней Азии, в Алма-Ате изучаются русско-польские связи в освободительном движении первой половины XIX в.

В области литературоведения занимают первое место вопросы, которые можно отнести к циклу среднеазиатско-славянских связей народов. Появились книги о пребывании Фучика в Киргизии и в Средней Азии; статьи о влиянии украинской литературы на литературы среднеазиатских народов, в частности о творениях Шевченко на произведения среднеазиатских пи-

сателей. Наряду с этим ведутся работы по изучению славянских литератур.

В области языкознания имеются работы, касающиеся лексики и фразеологии славянских языков (русизмы в польском языке, славяно-тюркские лексические связи) и др.

В Самаркандском университете разрабатываются и отдельные вопросы грамматики славянских языков, в частности сложноподчиненные предложения в чешском языке, гипотаксис в церковнославянских памятниках («Хроника» Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Александрии).

К V Международному съезду славистов Средней Азии готовятся сборники статей и монографии по славяноведческим вопросам; намечается также выпустить библиографию по славистике в Средней Азии.

У нас имеет место ненормальное положение с распространением вузовских изданий. К этому добавляется трудность в получении информации из европейской части Союза. Поэтому мы от всей души приветствуем прекрасную инициативу Института славяноведения, создавшего это совещание. Мы присоединяемся к голосам, которые настаивают здесь на создании журнала по славистике.

В заключение хотелось бы высказать некоторые пожелания:

выпускать информационные сообщения о ходе подготовки к V Международному съезду славистов; надо также поставить вопрос о том, чтобы в списке подписных изданий стран народной демократии были бы включения названия журналов, которые не попали в них по недоразумению; там нет ни одного издания на лужицком языке, нет таких славяноведческих журналов, как «Студия славика», «Славия ориенталис», «Языковедный часопис» и др.

Хотелось бы высказать пожелание продолжать деятельность по ознакомлению общественности с трудами зарубежных авторов. Так, было бы, например, очень полезно дать в руки советским исследователям «Русский этимологический словарь» Фасмера. Должное внимание надо обратить на необходимость изучения тюрко-славянских связей. У нас появились отдельные труды тюркологов по этим вопросам. Но надо думать, что в эту работу должны включиться не только тюркологи, но и слависты. Было бы полезно, чтобы издавались ежегодники типа «Тюрко-славика» (подобно имеющимся изданиям типа «Скандо-славика», «Романо-славика» и др.). Надо, чтобы эта работа координировалась и направлялась по общему плану.

О. С. Смирнова

Государственное издательство художественной литературы

Гослитиздат систематически занимается изданием переводов зарубежных славянских литератур с 1946 г., когда была создана славянская редакция, преобразованная позднее в редакцию европейских стран народной демократии.

Сперва выпускалось пять-шесть книг в год, в последние годы — 25—30. За это время издательство выпустило в отдельных изданиях произведения 100 авторов зарубежных славянских стран.

За 15 лет в Гослитиздате издано около 300 книг: по Болгарии 26 авторов — 64 книги, по Польше 22 автора — 94 книги, по Чехословакии 33 автора — 98 книг, по Югославии 19 авторов — 36 книг.

В эту литературу входят классики и современные авторы. За последние годы современная литература стран народной демократии занимает все большее место в наших планах.

Самой серьезной областью работы нашего издательства является

выпуск собраний сочинений. Это относится не только к зарубежным славянским авторам, но и к русской классике, к советской литературе.

За период с 1955 по 1960 г. мы издали восемь собраний сочинений славянских авторов, в том числе семь томов А. Мицкевича, шесть И. Вазова, пять Э. Ожешко, четыре С. Жеромского, четыре М. Конопницкой, десять А. Ирасека и пять К. Чапека. Сейчас выпускаем произведения М. Пуймановой.

Эти издания требовали огромного внимания, больших усилий и издателей и научных работников.

За эти же годы мы выпустили антологию болгарской поэзии; в 1959 г. вышла трехтомная антология чешской поэзии, издали два тома сербского эпоса. Кроме того, вышли в свет рассказы и повести югославских писателей (два тома) и рассказы и повести болгарских писателей (два тома). Хотелось бы, чтобы такие крупные издания были оценены в научном отношении.

В 1959 г. издан сборник «Поэты Далмации XV—XVI вв.» Это первое у нас издание поэзии славянского Возрождения.

В наши планы включены такие издания, как антология польской поэзии от Рея до Броневского, антология югославской классической поэзии. Изданы однотомники произведений Ст. Неймана, М. Майоровой, Р. Домановича, И. Красицкого, Ст. Сташица, Л. Стоянова, двухтомник Ю. Словацкого.

Мы сталкиваемся почти со всеми проблемами славяноведения и остро ощущаем недостаток исследований по истории литературы и отдельным авторам (особенно за 20 лет между войнами).

За последнее время мы издали ранее не известных нашему читателю авторов: Нозора, Прежихова, Коллара, Тимраву, Йовкова. Их необходимо выпускать со вступительными статьями, и тут нужна помощь ученых-славистов.

Издательство совместно с Институтом мировой литературы разрабатывает план библиотеки мировой литературы от древней Греции до XX в. В разрешении этого вопроса будут участвовать ученые Москвы, Ленинграда и других городов. Нужна координация усилий всех литературоведов, чтобы библиотека достойно продолжила работу, начатую Горьким. В эту библиотеку войдут книги и славянских авторов.

Хотелось бы еще сказать, что мы, издатели, просим тех, кто занимается славистикой, не оставлять нас без внимания. Мы работаем с вами, но не получаем от вас оценки нашей работы, а наши книги получают прострашную оценку в соответствующих странах.

Мне кажется, что наши издания могут помочь литературоведам в решении таких вопросов, как проблема зарождения литературы социалистического реализма в славянских литературах 20—30-х годов XX в., проблема переводов с родственных языков.

Кроме изданий переводов зарубежных литератур, Гослитиздат занимается книгами советских ученых о зарубежных славянских авторах. У нас есть отдельные книги о славянских авторах. Это монография М. Живова о Мицкевиче и небольшая книга М. Рыльского о Мицкевиче, критико-биографический очерк А. Собковича о Вазове и Л. Воробьева о Х. Ботеве. Однако этого мало, и восполнить пробел можно только с помощью ученых-славистов.

Кроме того, в Гослитиздате вышло четыре сборника статей о писателях стран народной демократии, подготовленных Институтом мировой литературы.

Сейчас в планах редакционной подготовки есть еще несколько критико-библиографических очерков, которые Гослитиздат собирается в ближайшие годы издать, — это книга о Гапке С. И. Востоковой, об Илемниц-

ком — В. Д. Савицкого, о Прусе — Е. З. Цыбенко и о Словацком — М. С. Живова.

Мне кажется, что у нас со славистами впереди еще очень и очень много работы. Но ее необходимо постоянно координировать, чтобы результаты исследований были всегда положительными.

И. М. Гранчак

Ужгородский государственный университет

На историческом факультете нашего университета работает 12 человек, которые занимаются изучением истории зарубежных славянских стран.

Большинство преподавателей изучает историю Закарпатья, той части украинских земель, судьба которых на протяжении многих столетий была связана с судьбой словацкого народа. Поэтому в работах по истории Закарпатья очень часто встречаем ценный материал по истории Чехословакии, по истории экономических и культурных связей с западнославянскими странами. Результаты этих исследований целесообразно учитывать как дополнительные материалы при изучении истории западнославянских стран.

Разрешите кратко охарактеризовать основные работы по истории Закарпатья и славяноведению в Ужгородском университете.

В области изучения феодально-крепостнических отношений работают доцент Н. М. Лелекач и И. Г. Шульга. Их работы опубликованы в «Научных записках» УжГУ (тт. 29, 31, 36, 43). В этих исследованиях имеются ценные материалы о закреплении крестьянства Восточной Словакии в XIV—XV вв., об участии крестьян в восстаниях 1514 и 1703—1711 гг., о последствиях реформ второй половины XVIII в. Особый интерес в этом отношении представляет тема, исследуемая доцентом Лелекачем: «Крестьянский вопрос в освободительной войне венгерского народа 1703—1711 гг.»

За последние годы внимание историков Ужгорода привлекала проблема генезиса капитализма в Закарпатье.

Проблемами истории Закарпатья второй половины XIX — начала XX в. занимаются В. Неточаев, М. Троян и В. Илько. В их работах подняты интересные вопросы развития капитализма, формирования рабочего класса, рабочего и крестьянского движения, национального гнета, широко освещена тема влияния Великой Октябрьской социалистической революции. В этих исследованиях тоже много материалов об исторических связях Закарпатья со Словакией.

Наибольшее число изданий опубликовано по Чехословацкой буржуазной республике. В работах Б. Спивака, И. Гранчака, О. Хланты, В. Белосовой и других имеется материал о деятельности КПЧ, о революционных выступлениях в Чехии и Словакии, особенно много о движении солидарности. Однако в разработке этих проблем предстоит еще многое сделать. Архивные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не изучены до конца.

Что касается специальных исследований по истории славянских стран, то они носят преимущественно историографический характер. Внимание доцента Л. Коваленко привлекает польская историография XIX в., в частности освещение истории Украины польскими историками. Им подготовлена работа по этому вопросу. Последние два года мне приходилось изучать произведения чешских радикальных демократов середины XIX в.

Для участия в научно-исследовательской работе мы активно привлекаем и студентов, владеющих чешским, словацким и немецким языками. Работы над темами начинаются в научных студенческих кружках, а потом они перерастают в дипломные работы. Результаты лучших студенческих исследований предполагаем публиковать в специальных выпусках «Научных записок».

Заканчивая свое выступление, хотелось бы высказать пожелание, чтобы данное совещание послужило толчком к новому подъему славистических исследований, чтобы установилась более тесная связь ведущих центров с периферией. Нам безусловно нужна помощь Института славяноведения; нужно посоветоваться, обсудить перспективы исследований. Вы могли бы подсказать нам наиболее важные направления научно-исследовательской работы. Для славистов нужен и свой периодический журнал.

М. Н. Копреева

*Государственная публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*

На протяжении 150 лет фонды нашей библиотеки дают исследователям богатый материал для изучения разных проблем, связанных с историей и культурой зарубежных славянских народов. Научная деятельность сотрудников библиотеки направлена на подготовку и издание библиографических пособий, обзоров и описаний рукописных собраний, а также на публикацию рукописных материалов.

За последние годы библиотекой были подготовлены следующие крупные работы: «Описание пергаментных рукописей XI—XIV в.» (Е. Э. Гранстрем), обзоры польских, чешских и болгарских фондов рукописного отделения публичной библиотеки (Н. Н. Розов, Т. Н. Копреева, А. С. Мыльников), обзор славянских инкунабулов (Н. В. Варбанец и В. И. Лукьяненко), описание книг гражданской и кириллической печати петровского времени (М. М. Гуревич и Т. А. Быкова).

Активное участие приняли сотрудники библиотеки в разработке научных проблем в связи с празднованием 900-летия «Остромирова Евангелия» — первой датированной русской рукописной книги. В настоящее время библиотека участвует в издании Сводного каталога книг XV в., готовит описание собрания рукописных книг М. П. Погодина. Предполагается научное описание отдельных фондов XIX в., содержащих материалы о русско-болгарских, русско-сербских культурных связях (в частности, фонда Славянского комитета за 1877 г.). К 1963 г. намечается подготовить научное описание старопечатных кирилловских книг собрания М. П. Погодина, а также издать научное описание библиотеки известного чешского просветителя XIX в. И. Юнгмана. К столетию польского восстания 1863 г. библиотека готовит совместно с Институтом славяноведения и Польской Академией наук публикацию материалов, относящихся к этому периоду. Из библиографических работ, вышедших за последнее время, следует назвать «Путеводитель по иностранным библиографиям и справочникам по литературоведению и художественной литературе», где есть специальный раздел по славянским литературам.

Одной из форм популяризации и раскрытия фондов библиотеки являются выставки книжных и рукописных памятников. Насколько плодотворной может быть эта форма популяризации фондов, мы можем судить по выставкам славянских памятников, развернутым в 1959—1960 гг. в Праге на базе рукописных фондов трех крупнейших хранилищ страны — Государственного исторического музея, Всесоюзной государственной биб-

диотеки им. Ленина и библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — и в свою очередь в Москве и в Ленинграде на базе фондов чешских архивохранилищ и музеев.

Небольшая группа славистов библиотеки подготавливает к изданию литературное наследие Юрия Крижанича (А. Гольдберг), ведет изучение связей славянской письменности с культурой Византии (Е. Э. Гранстрем); чешского просвещения второй половины XIX в. (А. С. Мыльников); истории русско-польских отношений XVII—XIX вв. (М. Н. Копресева) и др.

Несмотря на некоторые успехи в разработке славяноведческих проблем, наша библиотека могла бы сделать в этом плане значительно больше. Мне кажется, что необходимо добиваться координации не только научно-исследовательской деятельности, но и работы библиотек по изучению и описанию наиболее актуальных фондов, в подготовке библиографических указателей, обзоров публикаций, имея в виду цель облегчить исследователям подход к этим темам.

Следует сказать, что многие недостатки, о которых говорили здесь товарищи, характерны и для нашей библиотеки: мы имеем свою полиграфическую базу, однако ценнейшие каталоги наших рукописей печатаем на ротаторе. У нас нет ни библиотеки иностранной литературы, ни государственной исторической библиотеки, и следовательно, наша библиотека должна выполнять для ленинградских ученых-славистов функции всех этих библиотек.

В связи с деятельностью библиотек надо сказать и о массовом читателе — его тоже не следует забывать. Для массового читателя мы кое-что делаем.

Мы выпускаем краткие рекомендательные списки литературы, посвященные истории и литературе славянских стран, однако делаем это недостаточно планомерно.

Академик Е. М. Жуков

Заключительное слово

Академик Е. М. Жуков в своем заключительном слове подчеркнул, что в выступлениях и в резолюции Координационного совещания большое место было уделено вопросам изучения культуры славянских народов, и указал на огромное значение этих вопросов. Комплексное изучение истории культуры славянских народов показывает выдающийся вклад славянских народов в развитие мировой культуры, помогает разоблачать буржуазных фальсификаторов, стремящихся исказить и принизить роль славянских народов в истории мировой культуры. Среди наших идеологических противников, отметил академик Е. М. Жуков, находятся в числе первых «ученые» Западной Германии. Они являются поставщиками идей, враждебных прогрессу, идей, враждебных коммунизму. Их выступления направлены на то, чтобы отрицать значение культуры славянских народов, показывать ее как «второсортную». И хотя все эти «теории» давно опровергнуты фактами, они все еще находят себе место в зарубежной печати. Эти теории необходимо разоблачить. Но этого недостаточно. «Когда мы говорим об истории культуры славянских стран,— подчеркнул академик Е. М. Жуков,— мы не можем ограничиваться только тем, чтобы доказывать ее самобытность. Мы должны, основываясь на фактах, доказывать, что славянская культура несла передовые идеи, внесла великий положительный вклад в мировой прогресс, в мировую культуру. Мы должны показывать, как славянские народы обогащали своими культурными дости-

жениями мировую культуру». Академик Е. М. Жуков указал на необходимость рассматривать культуру отдельных славянских стран не изолированно, обособленно, а в связи с развитием культуры других народов. В своем развитии славянские народы, соприкасаясь с другими народами на Западе, Юге, Востоке, вносили много нового и обогащающего в общемировой прогресс.

В заключение академик Е. М. Жуков, остановившись на важности Первого координационного совещания, указал, что это только первый шаг, приведший к ознакомлению с тем, что происходит в том или ином уголке нашей страны в области разработки славяноведческих проблем, что необходимо сделать второй шаг — приступить к практическому осуществлению намеченных мероприятий. Только это может дать ощутимый положительный результат.

ДОКЛАДЫ

И. А. Хренов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Проблемы возникновения и развития мировой социалистической системы, строительства социализма и коммунизма являются главными проблемами современности. Их научная разработка, обобщение опыта социалистического строительства стран социалистического лагеря — важнейшие и самые актуальные задачи общественных наук.

Наша партия неоднократно обращала внимание деятелей идеологического фронта на необходимость создания трудов, в которых бы раскрывалась и всесторонне показывалась история борьбы масс за построение социалистического общества. Со всей четкостью эти задачи были сформулированы в решениях XXI съезда КПСС.

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» указывалось, что изучение и обобщение опыта братских социалистических стран принадлежит к числу первоочередных задач, стоящих перед общественными науками.

Важность теоретической разработки проблем социалистического строительства вытекает и из документов Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

В Заявлении отмечается, что мировая социалистическая система вступила в новый этап своего развития, который характеризуется тем, что Советский Союз успешно осуществляет развернутое строительство коммунистического общества, а другие социалистические страны успешно закладывают основы социализма или уже вступили в период развернутого строительства социализма.

В Заявлении Совещания подчеркивается, что изучение братскими коммунистическими партиями коллективного опыта всех стран социалистического лагеря, творческое применение этого опыта и дальнейшее обогащение его с учетом конкретных условий и национальных особенностей всех социалистических стран является непреложным законом развития каждой социалистической страны.

I

Документы Московского совещания ставят перед советскими историками, равно как и перед всеми работниками идеологического фронта, задачи огромной научной и политической важности. На нашу долю выпадает

важная и ответственная роль в деле решительного наступления против растлосной буржуазной идеологии и пережитков капитализма в сознании людей. В своей научной деятельности мы должны всемерно усилить разоблачение ревизионистских «теорий» югославских руководителей, оторвавших свою страну от социалистического лагеря и поставивших ее в зависимость от помощи американских империалистов. Наши главные и ближайшие задачи — создать полноценные труды по истории социалистического строительства и социалистической культуры изучаемых нами социалистических стран, труды, в которых бы с научной глубиной раскрывалось существо процессов, происходящих в этих странах, которые бы содействовали дальнейшему повышению уровня сознания масс в успешном строительстве социализма и коммунизма.

Успешнее и полнее эти задачи можно будет решить при активной мобилизации и координации сил советских славяноведов. О роли и значении координации в научно-исследовательской работе более подробно было сказано в докладе И. И. Удальцова. Мы все разделяем ту точку зрения, что наши усилия должны быть направлены на решение главных проблем, связанных с освещением истории социалистического строительства и создания социалистической культуры европейских стран народной демократии. Нам пора отказаться от затраты сил и средств на разработку мелких, не имеющих большого научного значения вопросов. Это касается как тем, иногда планируемых в академических учреждениях, так и тем, планируемых в вузах. Критика Н. С. Хрущева на январском Пленуме ЦК КПСС отдельных научных учреждений и ученых, труды которых мало что дают для жизни, для практики социалистического строительства, прямое отношение имеет и к нам, представителям общественных наук. Каждая книга, создаваемая нами, должна вносить определенный вклад в науку. Ее идейное и научное содержание должно отвечать задачам коммунистического строительства, удовлетворять потребности и запросы масс. Изучение и теоретическое осмысливание того нового, что внесли зарубежные социалистические страны в развитие теории марксизма-ленинизма, является одной из важнейших задач, стоящих перед советскими общественными науками, и в особенности перед славяноведением.

Опыт зарубежных социалистических стран и их компартий, их вклад в дальнейшее развитие марксизма-ленинизма связан прежде всего с творческим применением этими странами общих положений марксизма-ленинизма к конкретным условиям, определяемым историческим развитием и национальными особенностями каждой страны.

Советские ученые-славяноведы в своей работе не могут не учитывать значения нашего научного сотрудничества с зарубежными коллегами — специалистами стран народной демократии. Надо иметь в виду, что в славянских странах народной демократии за последние годы выросли отряды молодых ученых-марксистов, появились серьезные труды по различным отраслям общественных наук. Практика научного сотрудничества Института славяноведения при выполнении ряда работ с болгарскими, польскими и чехословацкими научными учреждениями дала положительные результаты.

Говоря об общих проблемах изучения истории и истории культуры стран социалистического лагеря, мы хотели бы остановиться на проблемах и направлениях, имеющих, как нам кажется, первостепенное значение. Каковы эти проблемы?

Во-первых, эта проблема социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Решающая роль СССР в разгроме германского фашизма и японского милитаризма и в предотвращении империалистического экспорта контрреволюций в эти страны, рост авторитета и влияния на массы коммунистических партий в борьбе за нацио-

нальное освобождение и демократию, разоблачение антинациональной политики империалистической буржуазии позволили коммунистическим партиям этих стран создать национальный, антиимпериалистический фронт и более широко использовать мирные средства в борьбе за победу социализма. Изучение этих важных процессов, в основе которого должно лежать глубокое и всестороннее исследование и обобщение фактов и исторических событий ряда стран, явится ценным вкладом в дальнейшее развитие теории марксизма-ленинизма и может сыграть важное значение при разработке стратегии и тактики коммунистических партий капиталистических стран.

Результатом исследования данной проблемы в ближайшие годы могло бы быть создание одной, может быть, двух коллективных монографий, в которых бы обобщался опыт социалистических революций всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Во-вторых, это основные проблемы построения социализма и создания социалистической культуры в изучаемых нами странах. Сюда относятся прежде всего осуществление социалистической индустриализации, добровольный переход крестьянства с пути мелкого частного хозяйства на путь крупного кооперативного социалистического хозяйства, создание и упрочение союза рабочего класса и крестьянства как основы диктатуры пролетариата, руководящая роль коммунистической партии всеми процессами социалистического строительства, изменения социальной структуры общества, борьба за победу марксистской идеологии, раскрытие закономерностей победы социализма над капитализмом, торжество идей марксизма-ленинизма.

В-третьих, это новые формы проявления основных закономерностей перехода от капитализма к социализму в отдельных странах народной демократии. Здесь необходим показ связи основных закономерностей внутреннего развития этих стран с существованием социалистического лагеря как фактором, который в огромной степени облегчает решение кардинальных проблем построения социализма. Отсюда вытекает необходимость изучения общих вопросов развития мировой социалистической системы. К их числу относятся проблемы сотрудничества и взаимной помощи социалистических стран, состояния и перспектив развития социалистического международного разделения труда, выравнивания уровней экономического и культурного развития социалистических стран. Важной задачей в современных условиях является изучение, теоретическое обобщение и определение перспектив активного преодоления национальной ограниченности и сближения наций в условиях социализма.

В-четвертых, наряду с исследованием проблем, имеющих общетеоретическое значение, в современных условиях резко возрастает роль изучения практического опыта стран народной демократии. Широко опираясь на советский опыт, коммунистические партии этих стран, в особенности после XX съезда КПСС, ведут большую политико-организационную работу в области коммунистического воспитания масс, совершенствования методов руководства социалистической экономикой и экономического планирования, дальнейшего развития социалистической демократии, дальнейшего расширения участия трудящихся масс в руководстве хозяйственным и культурным строительством. Конкретное изучение отдельных сторон этого опыта, возможность его творческого применения в условиях СССР представляет определенный интерес для практики коммунистического строительства в нашей стране. Это в свою очередь требует не только констатации тех или иных успехов, а исследования и анализа методов и форм, при помощи которых эти успехи были достигнуты.

Наше внимание должны привлечь проблемы строительства социалистической культуры в европейских странах народной демократии. В раз-

работке этих вопросов открыто широкое поле для исследователей. Революционные социально-экономические преобразования в странах народной демократии привели к изменениям всей духовной, культурной жизни этих стран. Строительству социализма сопутствует многосторонний процесс культурной революции, который следует прежде всего изучать. И речь, конечно, должна идти не о написании каких-либо обзоров; речь должна идти о крупных исследованиях, в которых бы раскрывался смысл революционных культурных преобразований, отражающих сдвиги в духовном развитии общества.

Успехи социализма в европейских странах народной демократии являются новым блестящим доказательством правильности и непобедимости идей марксизма-ленинизма. Поэтому важной задачей, стоящей перед нашим идеологическим фронтом в настоящий момент, является пропаганда знаний о достижениях зарубежных социалистических стран в интересах дальнейшего усиления коммунистического воспитания масс. Должны быть созданы работы научно-популярного характера, в которых в доходчивой форме широким кругам советского читателя будет рассказано об успехах трудящихся братских стран и их опыте социалистического строительства.

Важной задачей общественных наук на современном этапе является идеологическая борьба против проявления всех видов ревизионизма, оппортунизма и национализма. Одной из первоочередных задач советских славяноведов является разоблачение ревизионизма югославских руководителей, пытающихся внести раскол в международное коммунистическое движение. В плане выполнения указанной задачи должны появляться монографии, а также брошюры, статьи, рецензии на книги югославских ревизионистов.

II

Принципиальная оценка наиболее важных вопросов развития отдельных социалистических стран и всего социалистического лагеря в целом содержится в документах XX и XXI съездов КПСС, совещаний компартий, а также в материалах съездов братских партий.

Советскими учеными, в том числе и славяноведами, проделана определенная работа по изучению проблем строительства социализма и социалистической культуры в зарубежных социалистических странах.

Большое место вопросам строительства социализма отведено в опубликованных Институтом славяноведения II томе «Истории Болгарии» и III томе «Истории Чехословакии». В выпущенных Институтом славяноведения «Очерках истории болгарской литературы» рассматриваются некоторые вопросы культурной революции, а в работе Д. Ф. Маркова «Болгарская поэзия первой четверти XX в.» — некоторые проблемы социалистического реализма в болгарской литературе. Выпущен ряд сборников (Институт славяноведения, Институт экономики, Институт международных отношений), в которых содержатся статьи по отдельным проблемам социалистического строительства (индустриализация, кооперирование сельского хозяйства, государственное строительство, вопросы культурной революции и т. д.). Появилось большое число брошюр и статей в периодической печати, освещающих многие вопросы социалистического строительства в европейских странах народной демократии, правда, как правило, эти публикации носят обзорный, информационный характер.

Что же касается обстоятельных исследований, освещающих проблемы социалистического строительства в европейских странах народной демократии, то дело с этим обстоит пока что крайне неудовлетворительно. Несмотря на то что по вопросам социалистической революции и социалистического строительства в европейских странах народной демократии

защищено немало кандидатских диссертаций, количество опубликованных монографий исчисляется единицами. К ним относятся работы Ф. Т. Константинова «Болгария на пути к социализму», А. И. Недорезова «Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии», А. Хачатурова «Социально-экономические преобразования в народно-демократической Чехословакии», П. В. Галенко «Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике», В. Стародубровской «Строительство экономического фундамента в Народной Республике Болгарии», В. Тихомирова «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Болгарии» и др. Однако эти работы, опубликованные пять-шесть и более лет тому назад, естественно, уже не могут удовлетворять требованиям сегодняшнего дня.

В советской историографии до сего времени не уделялось должного внимания монографической разработке таких важных проблем, как внешняя политика народно-демократических государств, руководящая роль коммунистических и рабочих партий в социалистическом переустройстве общества, роль союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в становлении и укреплении народно-демократического строя, нет работ по культурной революции.

Крайне мало монографических исследований по вопросам социалистического переустройства деревни в славянских странах, происшедших изменений в классовой структуре общества и по ряду других важных проблем.

На исследовании проблем социалистического строительства в странах народной демократии естественно сказывались общие недостатки, связанные с отставанием всего нашего идеологического фронта в условиях культа личности. Большинство работ наших историков и экономистов, опиравшихся на весьма ограниченную фактическую базу, носило описательный характер, нередко сводилось к повторению и иллюстрации общеизвестных положений. Упрощенно изображался процесс строительства социализма как сплошное триумфальное шествие, не связанное с преодолением каких-либо трудностей и препятствий. Предпринимаемые рядом авторов попытки теоретического обобщения опыта стран народной демократии, не опиравшиеся на достаточное знание конкретного материала, не могли обеспечить полного решения проблем, а в ряде случаев приводили к вулгаризации реальной действительности.

Мероприятия, предпринятые после XX съезда КПСС по ликвидации последствий культа личности, привели к коренному улучшению объективных условий для работы по проблемам, связанным с современностью. Партийные и государственные документы, печать, статистика социалистических стран дают большой материал, позволяющий вести на этой базе серьезную исследовательскую работу. Стали доступными исследователям многие архивные материалы, освещающие вопросы истории строительства социализма. Серьезно расширились возможности непосредственных контактов с научными учреждениями, архивами и книгохранилищами стран народной демократии.

Новые задачи, выдвигаемые перед нашими общественными науками, уже сейчас требуют изменения и дополнения планов и улучшения методов работы научно-исследовательских учреждений и вузов. Прежде всего должна быть повышена требовательность к научно-теоретическому уровню работ, а их тематика должна быть приближена к современности.

Говоря о работе Института славяноведения, следует отметить, что за последнее время изучение вопросов строительства социализма с социалистической культуры в зарубежных славянских странах становится определяющим направлением его деятельности.

В прошлом году был пересмотрен семилетний план работы института

и пополнен новыми темами, связанными с изучением социалистического строительства в зарубежных славянских странах.

Нам хотелось бы несколько подробнее остановиться на разделе семилетнего плана Института славяноведения, в котором отражена проблематика социалистического строительства в зарубежных славянских странах. При этом мы готовы выслушать и учесть все критические замечания в наш адрес по этому вопросу. Мы считаем, что семилетний план в процессе реализации должен совершенствоваться и улучшаться.

В этом году вышла из печати монография П. В. Галенко, посвященная социалистической национализации основных средств производства в Польской Народной Республике. Развернулась работа по написанию очерков по истории народно-демократической Польши, где освещение вопросов социалистического строительства займет преобладающее место.

Проблемам социалистической революции в Чехословакии и Болгарии посвящены подготовляемые работы Я. Б. Шмерала («Борьба КПЧ за массы в 1945—1948 гг.»), Л. Б. Валева («Болгария в годы второй мировой войны»), В. В. Марьиной («Крах антинародной политики словацкой буржуазии в 1945—1948 гг.»).

Общие вопросы социалистического строительства будут рассмотрены в «Очерках истории народно-демократической Польши» (коллективная работа), в «Очерках социалистического строительства в Чехословакии» (работа И. И. Удальцова).

Проблеме социалистической индустриализации и ликвидации экономической отсталости Словакии посвящена монография В. Д. Карякина «Создание социалистической промышленности Словакии». Показу роли трудящихся масс в строительстве социализма посвящены исследования Н. А. Шлеповой «Рабочий класс Чехословакии в период строительства социализма», Г. П. Мурашко «Чехословацкое крестьянство в период построения социализма», С. И. Баскакова «Возникновение и развитие союза рабочих и крестьян в Болгарии».

Вопросы культурной революции рассматриваются в работе М. Н. Кузьмина: «Строительство социалистической культуры в Чехословакии» и в коллективном труде «Проблемы становления и развития социалистического реализма зарубежных славянских стран», а также в соответствующих разделах «Очерков» чешской, польской и словацкой литератур. К проблемам строительства социализма в зарубежных славянских странах тесно примыкают вопросы о союзе и взаимоотношениях социалистических стран с Советским Союзом. Этим вопросам посвящены исследования С. И. Прасолова «История советско-чехословацких отношений в 1918—1960 гг.», Е. Д. Воробьевой «Борьба трудящихся масс Чехословакии за дружбу и союз с СССР». В документальных сборниках, издаваемых институтом совместно с Польской Академией наук, а также в работе П. Н. Ольшанского будут показаны советско-польские отношения и в послевоенный период.

Этим перечнем тем, посвященных проблемам истории строительства социализма в зарубежных странах, круг вопросов, конечно, далеко не исчерпывается. Он только показывает то основное направление в работе института, которое должно занять преобладающее место в деятельности его коллектива. Могут и должны появиться и новые темы в нашем плане, тем более что некоторые сотрудники, заканчивая свои плановые работы, в ближайшие один-два года переключатся на разработку проблемы строительства социализма и социалистической культуры в зарубежных социалистических странах.

В связи с планом работ хотелось бы коснуться вопроса об источниковедческой, точнее документальной, базе работ по истории социализма. Раздаются иногда голоса, что якобы нельзя создать труд по истории социализма той или иной социалистической страны без использования архив-

ных фондов данной страны, без поездки в научную командировку в данную страну. Нам представляется, что подобные рассуждения неосновательны. Ведь абсолютное большинство основных материалов и документов, необходимых для работы (постановления правительства, решения партийных органов, статистические и другие материалы) содержатся в специальных публикациях и прессе. И вряд ли ошибкой будет сказать, что одним из основных источников для историка, изучающего новейший период социалистической страны, будет являться пресса, которая вполне доступна каждому исследователю. Если же добавить, что по отдельным проблемам существуют сборники опубликованных материалов и документов, то станет ясным, что жалобы на отсутствие источников не имеют оснований. Это вовсе не избавляет исследователя от работы как в советских, так, в случае командировки, и в зарубежных архивах, так как архивные материалы для исследователя могут играть важную роль. Обсуждение совместно с зарубежными специалистами подготовленных институтом рукописей, консультации по отдельным вопросам содействовали повышению научного уровня наших трудов, помогали и ученым этих стран в их работе. Мы полагаем, что было бы правильным и плодотворным и в дальнейшем укреплять и расширять наши творческие контакты с научными учреждениями стран народной демократии.

Главное, чем, по нашему мнению, должен характеризоваться новый этап в изучении проблем социалистического строительства зарубежных стран,— это переход от обзорных работ, отдельных статей и брошюр описательного характера к монографическим исследованиям по более актуальным и научно-значимым вопросам. Задача более полного теоретического обобщения вопросов социалистического строительства и социалистической культуры может быть успешно решена лишь на базе конкретного сравнительного изучения опыта отдельных стран, а затем и всей мировой социалистической системы в целом.

III

Исследование проблем строительства социализма и социалистической культуры в европейских странах народной демократии требует совместных усилий широкого круга специалистов: историков, экономистов, философов, юристов, филологов, искусствоведов и этнографов. В настоящее время все эти отряды советских ученых работают довольно разобщенно, практически отсутствует какая-либо координация работ даже в рамках московских академических учреждений.

Большую роль в координации планов академических учреждений и в организации теоретических дискуссий может сыграть по проблемам строительства социализма и социалистической культуры в странах народной демократии недавно созданный Научный совет по изучению этих проблем, возглавляемый членом-корреспондентом В. М. Хвостовым.

Для координации работы по отдельным проблемам социалистического строительства представляется целесообразным в некоторых случаях выделить головные институты.

Головной институт координирует планы научных учреждений, в которых предусмотрены темы по проблеме социалистического строительства; на основе этих планов составляет общий план по проблеме, организует научные дискуссии и обсуждения по наиболее важным вопросам проблемы и в какой-то мере направляет всю теоретическую работу по проблеме в целом. Нам кажется, что было бы полезным, если бы головные институты взяли на себя обязанность организации и проведения обсуждений наиболее важных проблемных работ еще до выхода их в свет с привлечением широкого круга специалистов.

Нам кажется целесообразным предложить на обсуждение нашего совещания следующий круг проблем, вокруг которых следовало бы сосредоточить наше внимание.

1. Проблема социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Головной — Институт истории АН СССР с участием институтов славяноведения, экономики социалистических стран, философии, права АН СССР и институтов истории Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР и др.

2. Узловые проблемы строительства социализма в европейских странах народной демократии. Головной — Институт славяноведения с участием институтов истории, экономики социалистических стран, права, философии АН СССР и институтов истории Академии наук УССР, БССР, Литовской ССР и др.

3. Формы проявления в странах народной демократии общих закономерностей развития мировой социалистической системы. Головной — Институт экономики социалистических стран с участием институтов, истории, философии, славяноведения, права АН СССР и др.

4. Основные вопросы строительства социалистической культуры в европейских странах народной демократии. Головной — Институт истории искусств с участием институтов ИМЛИ, славяноведения, философии, истории, права АН СССР и институтов истории Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР и др.

По нашему мнению, Научному совету по изучению проблем социалистического строительства в странах народной демократии после нашего совещания следовало бы провести заседание с участием представителей головных институтов или всех научных учреждений, в которых разрабатываются указанные проблемы, и наметить план конкретного участия каждого учреждения в разработке проблемы социалистического строительства в европейских странах народной демократии.

С. А. Никитин

**ЗАДАЧИ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ
ПО ПРОБЛЕМЕ «ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА,
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ,
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ»**

Одной из основных и важнейших проблем истории нового времени является проблема складывания того строя социально-экономических, политических, национальных отношений и того характера культуры, которые, возникнув в большей части стран европейского континента на рубеже XVIII и XIX вв. и просуществовав полтора-два столетия, были заменены или заменяются новыми отношениями, в основе которых уже не лежит частная собственность, эксплуатация человека человеком. Речь идет о проблеме, носящей название: «Генезис капитализма, национальное движение, формирование национальных славянских культур». Исследование общих закономерностей, конкретных форм развития и падения капиталистического строя в отдельных странах, в том числе и славянских, столь неоднородных в своем развитии, требует изучения не только развитого капитализма, но побуждает уделять особое внимание его генезису. Дело в том, что особенности формирования капиталистических отношений в отдельных странах объясняют многие черты, характерные и для последующего развития. К. Маркс, дав классическую картину первоначального накопления в Англии, отметил, что в других странах обезземеление крестьян «имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»¹. Тем самым он указал на задачу конкретно-исторического исследования процесса в отдельных странах, так как положение крестьян в различных странах создает варианты истории, самого крестьянства прежде всего, а в конечном счете эти варианты, свидетельствуя о своеобразных чертах процесса первоначального накопления, отражаются на общем процессе капиталистического развития страны не только в начальный момент, но и в последующее время.

В трудах классиков марксизма выяснены основные закономерности образования буржуазного общества. Время его формирования представляет пору складывания нации, протекавшего своеобразно и с различными особенностями в разных странах. Как южнославянские, так и западнославянские земли в тот период находились в зависимости, испытывали инонациональный гнет; это не могло не отразиться на процессе формирования

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1951, стр. 721.

наций. Процесс становления последних был связан в славянских землях с борьбой против чужеземного гнета, с развитием национального движения. Изучение складывания буржуазного общества в славянских странах, формирования основных классов — буржуазии и пролетариата, исследование разорения ремесленников, расслоения и обезземеления крестьян, происходивших в условиях по-разному проявлявшегося национального угнетения и при неоднородном и нетождественном сопротивлении этому гнету со стороны разных социальных слоев славянских народов, не может быть удовлетворительно осуществлено без широкого и разностороннего исследования истории национального движения.

Формы и основное содержание национальной борьбы различны и многообразны в разных славянских странах. В одних странах на первый план выступает аграрный вопрос, в других вопрос о языке. В одной и той же стране на разных этапах развития первенствующий вопрос национального движения иногда оказывался не одним и тем же. Национальное движение проявляется и как прямая вооруженная борьба против угнетателей, и как сопротивление, осуществляемое в легальных рамках. Одной из таких форм является движение за национальное просвещение и культуру, за национальную школу, театр, печать и т. д. Национальная борьба велась каждым народом в своеобразных условиях, определявшихся уровнем социально-экономического развития, политическим режимом страны и культурным состоянием самого народа. И в этой борьбе разные классы занимали позиции, обусловленные их интересами и нуждами. Борьба протекала при наличии тех или иных внешних воздействий и влияний. Ими были, например, русское влияние на культурное развитие Болгарии, чешское влияние в Словакии и т. д.

Складывание национальной культуры неразрывно связано с национальным движением. Поэтому изучение формирования и развития национальной культуры — обязательный элемент исследования истории национального движения. Это означает, что в круг исследуемых вопросов должны быть включены не только факты экономической, социальной и политической истории общества, но и явления идеологические. Причем имеется в виду не только социально-политическая идеология в разных ее формах, но и те идеологические течения, которые присущи литературе и другим видам искусства той поры (романтизм, классицизм, реализм и пр.). Особое место должно занять изучение вопроса о роли литературы, искусства, фольклора и народного художественного творчества в формировании национального самосознания народа. Вполне очевидно, что исследование этих процессов призвано вскрыть всю картину идейных связей и воздействий, как внутренних, так и внешних, обусловивших конкретную картину идеологического развития каждой отдельной страны.

Не может быть исключен из данной проблемы и вопрос о складывании национальных языков, испытывавших на себе значительное воздействие общественных условий, не одинаковых для разных народов.

Имея в виду необходимость изучения не только собственно исторических вопросов, но и других (указанных выше), нам представляется, что лучшая форма изучения поставленной проблемы — комплексная, в которой участвовали бы историки (они — основной отряд работающих в сфере данной проблемы) и литературоведы, чье участие представляется чрезвычайно важным в силу определенной специфики литературных явлений, и искусствоведы, и языковеды, и, может быть, экономисты, философы.

Данная работа возникнет не на пустом месте. Уже буржуазными учеными собран и опубликован значительный круг документов и материалов. Поэтому, подходя к данной проблеме, мы должны учитывать наследие буржуазной историографии, которое следует творчески использовать и перерабатывать.

Из всех указанных сторон проблемы буржуазная историография уделяла основное внимание развитию национального движения и особенно его литературе. Обычно ученые-идеалисты понимали славянское Возрождение как возрождение духовное и литературное.

Концепция Пекаржа в Чехии была неразрывно связана с восхвалением господства католической реакции в XVII—XVIII вв., которую Пекарж рассматривал как период развития «культуры барокко». По его мнению, в основе Возрождения лежали труды Бальбина, Пешины и др. Особо выделяя роль сильных личностей, Пекарж провозглашал шляхту послебелогорского периода главным вождем и организатором чешского Возрождения. Другая школа — школа Масарика — видела в Возрождении лишь новый период борьбы за осуществление идей гуманизма, аналогичный и следующий за периодом гусизма, чешских братьев и т. п. Поэтому будителей — Добровского, Пельцеля, Колара и др. — Масарик считал носителями идеалов гуманизма, а Юнгмана с его «революционным либерализмом» замалчивал и значение его отрицал.

При различиях в понимании отдельных сторон проблемы обе школы смотрят на Возрождение как на чисто литературное явление.

Так же понимал болгарское Возрождение И. Шишманов, утверждавший, что возрождение — это «только духовное возрождение в области литературы, науки, искусства, этики и воспитания»¹. Он заканчивал историю Возрождения 1860 г. на том основании, что в этом году состоялось отделение болгарской церкви от патриархии. Последовавший за этим этап революционной борьбы Шишманов, хотя и приравнивал к итальянскому *risorgimento*, выделял в особую эпоху политического Возрождения. Так же трактовали буржуазные ученые — и русские, и хорватские — иллиризм, рассматривая его как литературное движение.

Пожалуй, только буржуазная историография Болгарии и Сербии, где вооруженная борьба против турецкого ига представляла важнейший этап национального движения, начиная с первых историков — участников движения (З. Стоянов, Арсеньевич-Баталака и др.), уделяла этим событиям значительное внимание.

В области изучения указанного круга вопросов буржуазная историография накопила большой фактический материал, который, однако, не сумела разъяснить, а если и пыталась это делать, то с позиции позитивизма — в существе своем идеалистической теории факторов.

Слабее всего в наследстве буржуазной исторической науки представлена социально-экономическая сторона развития. Не понимая связи национального движения с процессами становления нации и развития капитализма, буржуазная наука рассматривала первое в отрыве от вторых. Поэтому даже в славянских странах с сильной и развитой наукой, как, например, в Чехии, вопросами экономического и социального развития мало занимались, а если их ставили, то решали нередко в юридическом плане и вне связи с процессом национального движения. Так подходил к вопросу о положении крестьян в Чехии Крофта. Несколько больше, чем в других областях экономической истории Чехии, было сделано буржуазной наукой в изучении истории промышленности.

Польская буржуазная историография занималась историей промышленности и торговли, положением сельского хозяйства, помещиков и крестьян и собрала немалый материал. Слабее, чем в западнославянских странах, эта проблематика была освещена в историографии южных славян. Сербские историки занимались вопросами землевладения. Хорватские буржуазные ученые осуществили публикацию документов по истории крестьян.

Слабая разработанность социально-экономической истории периода,

¹ «България 1000 години», София, стр. 279.

неверная общая постановка вопроса о так называемом возрождении вызвали вполне естественно значительное внимание историков славянских стран народной демократии к вопросам экономической и социальной истории. И хотя прошло еще немного времени, все же достигнуты известные успехи: предпринято изучение истории мануфактуры в Чехии, начато освещение истории мануфактуры в Польше и др. В то же время разложение ремесла как предпосылка образования капиталистической мануфактуры не вызвало еще достаточного интереса.

Появился ряд работ по истории чешской промышленности, одни из них имеют локальный характер, другие касаются отдельных отраслей промышленности: машиностроения, угольной или крупных событий промышленного развития, третьи представляют попытки общих обзоров. Однако названные труды далеко еще не решают всех основных вопросов данной области. Ряд локальных работ по истории промышленности появился в Польше, они посвящены изучению промышленности Великой Польши, Верхней Силезии, Лодзинского округа.

Имеется несколько исследований по истории промышленности Хорватии и Славонии. В них поставлен вопрос о стадиях развития промышленного капитализма, но вопросы эти далеки еще от разрешения. Только приступают историки Болгарии к ознакомлению с развитием мануфактуры и фабрик своей страны. Имеющиеся работы интересны, но носят частный характер.

Слабо изучена аграрная история периода в большей части славянских стран, а в связи с этим недостаточно ясна и история крестьянства, хотя нельзя сказать, что ученые не уделяют внимания этим проблемам. Так, в Чехии и Словакии появился ряд работ о терезианских и иозефинских реформах. Опубликованы исследования по истории помещичьего хозяйства, истории крестьянского движения.

Польские и советские историки начали изучать развитие производительных сил в сельском хозяйстве (технику земледелия, скотоводство), положение крестьян и крестьянское движение и др.

Нельзя не отметить и попыток синтетического изложения проблемы истории формирования капитализма в Польше, Чехословакии и Болгарии в обобщающих трудах, вышедших в этих странах и Советском Союзе, а также в некоторых синтетических работах. В югославской литературе поставлен вопрос о развитии элементов капитализма в сельском хозяйстве. Появились отдельные исследования по истории крестьянского движения. В Болгарии также начато изучение вопроса о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве, истории аграрной реформы и др. Но аграрная история славянских стран в целом еще изучена совершенно недостаточно. В некоторых странах (Болгария) появившиеся исследования представляют собой лишь первые опыты по использованию документального материала.

Недостаточно раскрыта проблема формирования внутреннего рынка в славянских странах, хотя некоторые работы по истории торговли появились в последнее время в ряде стран. Однако они или локальны, или посвящены внешним торговым связям, или касаются узкого хронологического периода. Еще слабее выяснено формирование рынка труда.

Указанное состояние науки объясняет те неясности и спорные вопросы, которые существуют во всех странах и относительно разных сторон проблемы.

Так, в польской науке спорным является вопрос об уровне развития и значении капиталистических элементов в экономической и политической жизни страны в целом, в отдельных районах. Неясно классовое и экономическое содержание движения диссидентов и др. В болгарской науке еще продолжают споры о классовой структуре страны до ее освобожде-

ния; все еще не достигнуто единство во взглядах на чорбаджийство. Нет согласия по вопросу о промышленном перевороте в Хорватии и др.

По сравнению с социально-экономическими вопросами история национального движения изучалась значительно шире. В Польше и Советском Союзе появились работы о восстаниях 1794, 1830—1831, 1846, 1848, 1863 гг., о русско-польских связях того времени, проявлен большой интерес к идеологии освободительного движения. Эти исследования значительно расширили и углубили знания по рассмотренным вопросам.

Современные чешские и словацкие историки в своей работе опираются на ставшие классическими труды З. Неедлы о Сметане, Ирасеке и др. Хотя они посвящены вопросам литературы, культурного развития, подход Неедлы был иным, чем у его предшественников, так как он уделял большое внимание вопросам общественного развития. В марксистской историографии появился ряд исследований по идеологии радикальных демократов, политической борьбе 1848 г., общей картине развития национального возрождения как процесса складывания чешской нации. В словацкой литературе можно отметить ряд исследований о Штуре, Колларе, Шафарике.

Болгарская литература создала ряд работ, посвященных истории революционного движения, его деятелям и их идеологии, некоторым вопросам крестьянского движения, по экономической истории. Проявляется интерес к изучению русско-болгарских связей и т. д.

Историки Югославии много занимались историей первого сербского восстания, событиями 1848 г. в Хорватии, Воеводине, иллиризмом, историей сербской политической мысли вообще и историей революционной идеологии в частности. В этой связи поставлен вопрос о воздействии идеологии революционной Франции на некоторых сербских деятелей, прежде всего Д. Обрадовича. Появились также исследования по истории крестьянского движения.

Но в силу того, что изучение социально-экономической истории пока отстает, существует немало спорных и неясных вопросов. Этим объясняются споры относительно отношения отдельных социальных групп к освободительной борьбе, разногласия по вопросу о классовой природе взглядов отдельных идеологов, например длительная дискуссия о характере взглядов Каравелова, о степени радикализма «Кузницы» Коллонтая, об оценке взглядов чешских радикальных демократов, расхождения в понимании социального состава иллирийского движения и др.

Не исследованы в должной степени хорватско-сербско-чешско-словацкие связи 30—40-х годов, когда они имели очень большое влияние на развитие национального движения и его идеологию, остаются нераскрытыми многие стороны русско-славянских связей. Число таких примеров можно было бы легко увеличить.

Отсюда видно, что задачи, стоящие при изучении рассматриваемой проблемы, могут быть определены так: следует пересмотреть вопросы, уже освещавшиеся в буржуазной литературе, на основе марксистско-ленинской методологии, необходимо усилить разработку социально-экономической истории, значительных усилий потребует разъяснение и исследование еще неясных и спорных вопросов. При решении всех этих задач следует иметь в виду, что советские историки располагают не только опубликованным материалом, но и значительными богатствами советских архивов, которые должны составить основную базу исследовательской работы. Эта база определяет главные направления исследования.

Переходя к вопросу о постановке, рамках и тематике исследований, следует указать прежде всего, что сама работа мыслится как коллективная исследовательская работа, идущая по общему плану, в которой примут участие ученые институтов АН СССР, академий союзных республик, высших учебных заведений.

Хронологические границы темы определяются такими соображениями. Основой всего процесса образования буржуазного общества является экспроприация, или разложение крестьянства и сосредоточение земли, скота и других средств производства в руках сельской буржуазии, а на другом полюсе — образование сельского пролетариата и полупролетариата. В ряде стран развитие шло в направлении медленного перехода помещичьего хозяйства в капиталистическое. В то же время на базе мелкого производства возникает мануфактура с наемным трудом. Разложение ремесла и развитие мануфактур составляло первый шаг на пути формирования капиталистических отношений в промышленном производстве. Но только победа машинного производства и связанное с этим складывание промышленной буржуазии и промышленного пролетариата завершают процесс формирования капитализма и складывания буржуазного общества. В славянских странах процессы эти развивались далеко не синхронно и не тождественно. В то время как в наиболее развитых — к ним прежде всего принадлежит Чехия, из польских земель Силезия — эти процессы протекали раньше и быстрее завершались, в других они шли медленнее. С особенным отставанием они проходили в Македонии и Черногории. В силу этого попытка установления единых хронологических рамок изучения проблемы для всех стран была бы неверной. Верхняя и нижняя границы исследования, равно как и внутреннее членение процесса в пределах отдельных стран, должны определяться не формально-хронологическим моментом, а формационным.

Что касается географических рамок проблемы, общепринято считать предметом изучения советских славистов историю народов четырех современных зарубежных славянских стран: Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, славянской области ГДР — области лужицких сербов. Однако в данном случае эта территория должна быть несколько расширена. Такие области, входящие сейчас в состав Советского Союза, как Западная Украина, Белоруссия, Литва, Буковина, Закарпатье, в период, охватываемый хронологией проблемы, развивались во взаимосвязи с другими славянскими и неславянскими областями, лежавшими вне пределов нашей родины. Так, Белоруссия, Литва и Западная Украина были связаны с польскими землями. Поэтому к решению проблемы должны привлекаться материалы, характеризующие экономическое, социальное и политическое развитие этих областей в период становления капиталистических отношений.

В пределах столь широких хронологических и географических рамок может быть сформулировано бесконечное множество отдельных конкретных тем, заслуживающих изучения. Однако, поскольку исследование проблемы мыслится как коллективное, оно не может быть бесплановым. Но оно не может быть плановым в той мере, как это было бы при составлении сводной книги по всем вопросам проблемы. Наш план должен исходить из двух основных моментов. Особенно эффективной работа будет тогда, когда темы распределятся наиболее компактно по основным узловым вопросам, когда они окажутся не разпыленными по всей сложной массе требующих решения вопросов, а будут сосредоточены на основных направлениях. Успех будет зависеть также от обеспечения достаточным архивным или опубликованным материалом, наличным в пределах СССР. Нашей обязанностью является в первую очередь разработка материалов советских архивов. Для нас не могут быть так доступны архивы славянских стран, как архивы Советского Союза. Мы должны установить кооперацию и сотрудничество с зарубежными учеными. Это обеспечит лучшее использование и более глубокое изучение источников.

Если исходить из указанных положений, то следует иметь в виду, что для большинства стран (Чехия и Словакия, Болгария, Хорватия, Словения) в наших архивах нет такого материала по социально-экономической

истории, какой мог бы быть положен в основу серьезного исследования. Такой материал имеется по истории Польши, в меньшем количестве — по истории Сербии. Тем не менее, отказываясь от изучения генезиса и развития капиталистических отношений в славянских странах мы не можем. Наши архивы богаты документами, отражающими историю национального движения, в них хорошо отражены русско-славянские связи, в частных фондах имеется богатая переписка, которая наряду с опубликованными публицистическими, художественными и другими произведениями славянских авторов позволяет плодотворно работать в области изучения истории идеологии. Таким образом, национальное движение, русско-славянские связи, история идеологии — вот те основные направления, в каких должно проходить исследование проблемы. Такое определение основной тематики вовсе не исключает, конечно, и постановку других тем, если они достаточно обеспечены материалом.

Нами была проделана работа по ознакомлению с кругом тех вопросов в рамках данной проблемы, какие уже исследуются советскими историками. Выяснилось, что состояние работы, ведущейся и начинаемой по отдельным темам, в целом соответствует сформулированному нами направлению. Остается желать, чтобы темы русско-славянских связей заняли в дальнейшем больше места. Нельзя также не пожелать, чтобы увеличилось число более широких тем о межславянских связях. В частности, нельзя не отметить, что чехословацкие историки уже успешно приступили к исследованию чехословацко-русских, чехословацко-украинских, а также чешско-польских и чешско-болгарских связей. Ряд работ посвящен также связям чехов и словаков. Было бы желательно, чтобы такого рода проблематика нашла больше места и у нас.

Поскольку коллектив, работающий по изучению проблемы «Генезис капитализма, национальное движение, формирование национальной культуры в славянских странах», не может взять на себя разработку вопросов, не обеспеченных наличными в архивах СССР материалами, а также существующими публикациями, желательно его работу проводить в контакте с научными учреждениями славянских стран народной демократии и отдельными зарубежными учеными, занимающимися разработкой вопросов, входящих в круг проблемы. Желательно и целесообразно участие иностранных ученых в изданиях по вопросам проблемы. Это способствовало бы расширению числа участников коллективной работы.

Важной стороной развития исследовательской работы коллектива является публикация ее результатов. Представляется желательным создание регулярно выпускаемого Институтом славяноведения ежегодника, размером около 30 п. л. В нем могли бы печататься небольшие исследования целиком, а также отдельные части более крупных работ. Институт будет публиковать и монографии своих сотрудников, но состояние издательских возможностей не позволит Институту издавать все труды участников коллектива. Поэтому важно, чтобы не только институт, но и все участвующие в данном коллективном исследовании учреждения издавали подготовленные их авторами труды. Такие формы публикации готовых исследований представляются наиболее практичными сейчас. По мере улучшения издательских возможностей в порядок издания работ конечно будут вносимы необходимые коррективы¹.

¹ При составлении доклада использованы материалы, подготовленные К. П. Гогиной, И. И. Костюшко и И. И. Лещиловской.

В. Д. Королюк

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СВЯЗИ С БОРЬБОЙ ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ
ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО РЕВАНШИЗМА**

Славяно-германские отношения — большая и самостоятельная область исторических, историко-культурных и лингвистических исследований. Длительное, насчитывающее столетия, соседство славянского и германского мира придало исторической картине славяно-германских отношений и связей весьма сложный и противоречивый, порою трагический характер.

Если на заре своей письменной истории славянские и германские племена объективно выступали союзниками в борьбе против отживавшего в Европе рабовладельческого строя: первые, продвигаясь на Балканы, ускорили кризис рабовладельческой Восточноримской империи, вторые — наносили смертельные раны рабовладельческой формации в Западной Европе, то с началом феодальной эры это положение стало быстро и решительно меняться. Правда, и в тот период можно было бы отметить такие сближающие моменты, как борьба против укрепившихся в центре Европы кочевников-авар. Остается, однако, фактом, что уже первым западнославянским государствам — Державе Само и Великой Моравии — пришлось вести тяжелую кровопролитную борьбу против восточнофранкских феодалов, осуществлявших одновременно сильный нажим и на южных славян.

Восточный натиск германских феодалов приобрел особенно жестокий и систематический характер с того момента, как в Германии пришла к власти Саксонская династия и была провозглашена Германская империя. В исключительно тяжелые условия попали полабо-прибалтийские славяне, лишенные прочной и сильной государственности.

Торжество в западнославянских странах тенденций феодальной раздробленности придало германскому феодальному натиску на восток еще более угрожающий характер. После длительной борьбы полабо-прибалтийское славянство пало. Резко ухудшились международные позиции Польши и Чехии. Положение осложнялось процессом так называемой немецкой колонизации западнославянских земель. Проникновение туда немецкого духовенства и рыцарства, захват прочных позиций в торговле немецким патрициатом создавали в этих странах необычайно сложные условия для сил, которые олицетворяли собой прогресс и с конца XIII в. повели борьбу за ликвидацию феодальной усобицы, восстановление государственного единства и централизацию страны.

Одновременно происходили и серьезные перемены в тех силах, которые осуществляли германский *Drang nach Osten*. В XIV и XV вв. Германская империя, ослабленная внутренним кризисом, не являлась, как правило, самостоятельным противником славянских стран Центральной и Восточной Европы. Главной ударной силой германской феодальной агрессии на Востоке Европы выступали созданные на захваченной у славянских и прибалтийских народов земле агрессивные государства Бранденбург и Тевтонский Орден. В Центральной Европе аналогичную роль стали играть австрийские Габсбурги.

Разумеется, что германская феодальная агрессия на восток не была непрерывным, все время усиливающимся процессом. Мощь натиска германских феодалов определялась как расстановкой политических сил в самой Германии, так и силой и организованностью славянских стран. Вслед за периодами усиленного наступления на восток приходили обычно периоды временного затишья. Так, Ледовое побоище остановило рост Ордена меченосцев в XIII в., а в начале XV в. Грюнвальдская битва и гуситское революционное движение на длительный срок задержали восточный поход германских феодалов.

Но уже на конец XVI—XVIII вв. приходится новая волна германской феодальной агрессии на восток и юго-восток. Однако без учета восточной экспансии польских феодалов в XVI—XVII вв., так же как без учета внешней политики царской России в XVIII в., нам едва ли удастся понять причины резкого военно-политического усиления Пруссии в тот период.

Если турецкая угроза диктовала необходимость образования в Дунайском бассейне сильного многонационального государства, то тот факт, что центром его стали габсбургские владения, в серьезной мере объясняется политикой чешских и польских феодалов, стремлением польских магнатов в союзе с Римом и Габсбургами еще дальше расширить свои владения на востоке.

В итоге этого нового этапа германского феодального натиска на восток под игом Габсбургов оказалась в XVII в. Чехия, а в конце XVIII в. Габсбурги, под властью которых находились Словения и Хорватия, и Гогенцоллерны в союзе с царизмом разделили между собой и коренные польские земли.

В XIX в. в восточной экспансии вновь наступает перерыв. Ослабленная наполеоновскими войнами Пруссия вынуждена была даже уступить царской России значительную часть польских земель с Варшавой.

В условиях неравной борьбы, которую вели тогда славянские народы с жестокой германизаторской политикой Берлина и Вены, огромную роль играла идея славянской взаимности, надежда на помощь самого могущественного, сумевшего сохранить свою независимость славянского народа — народа русского. Недаром эта идея славянской взаимности особенно сильное развитие получила именно в Чехии, со всех сторон зажатой в тиски воинствующим германизмом.

Так мы оказываемся на пороге следующего этапа германского натиска на восток. В новых исторических условиях вдохновителем и проводником восточной экспансии была германская и австрийская буржуазия, вступающая в союз со своими капитализирующимися помещиками, с военно-феодальными монархическими режимами Гогенцоллернов и Габсбургов.

Если в глубокое средневековье германские феодалы находили идеологическую опору для восточной экспансии в мировоззрении католической церкви, если уже в X—XI вв. у апологетов феодального «натиска на восток» звучали сильные антиславянские нотки (германские светские и церковные феодалы и торговый патрициат стремились не просто подчинить своему влиянию славянские земли, а вытеснить и частично германизировать господствующие классы в покоренных славянских землях), то идео-

логической подготовкой нового этапа восточной экспансии явился воинствующий пангерманизм. От брошенного Т. Моммзеном лозунга: «Разбейте головы чехам» до зверской расистской идеологии гитлеризма, его геополитики и теории «жизненного пространства» было не так уж далеко. Верно, конечно, что одним из главных очагов пангерманского движения были австрийские земли. Важнее подчеркнуть, что широкая пропаганда пангерманских воззрений тормозила развитие национального самосознания формирующейся австрийской нации, а в 1938 г. облегчила аншлюсс, сыгравший такую трагическую роль в истории австрийского народа.

Реакционная, националистическая пангерманская идеология мешала не только нормальному общественному развитию германского и австрийского народов — она оказала реакционное влияние и на общественное развитие их славянских соседей. Не учитывая захлестывавшую Германию пангерманскую волну, едва ли можно понять происхождение таких реакционных явлений, как австрославизм или панславизм.

Германский империализм, поставивший в полную зависимость от себя слабый, но тем более нуждавшийся во внешних успехах австро-венгерский империализм, развязал первую мировую войну, окончившуюся крахом авантюристических планов установления в Европе германской гегемонии.

Победившая в России Великая Октябрьская социалистическая революция принесла национальную независимость Чехословакии и Польше, образование Югославии. Казалось бы, создались действительно благоприятные условия для того, чтобы кровавый Drang nach Osten остался только тяжелым историческим воспоминанием, уроком истории. В западнославянских и южнославянских странах, однако, пришли к власти контрреволюционные буржуазные режимы, враждебные Советскому Союзу, враждовавшие и не доверявшие друг другу.

Этим не замедлили воспользоваться германские империалисты, приступившие к открытой подготовке реванша. Но на этот раз речь шла не только о европейской гегемонии. Прорвавшийся к власти гитлеризм мечтал о мировом господстве. Одним из звеньев в борьбе за мировое господство должен был стать восточный поход. Славянским народам готовилась ужасная участь. Великое и могучее славянское племя должно было стать племенем рабов. Но случилось иначе.

Героическая борьба советского народа, поддержанного антигитлеровской коалицией, во второй мировой войне привела к полному разгрому гитлеровского рейха. Человечество было избавлено от фашистского кошмара. Обрели свободу и поработанные фашизмом славянские народы. Восточный поход гитлеровской армии оказался последним походом на восток германских агрессоров.

В нашем мире, где существует непобедимый социалистический лагерь, возобновление агрессии на восток силами одного германского империализма немыслимо. Но не имея возможности добиваться реванша своими собственными силами, западногерманские милитаристы могут, однако, долго отравлять международную обстановку, поддерживать изнуряющее состояние холодной войны.

Нарисованная выше картина славяно-германских отношений была бы неполна, если не упомянуть о тех международных факторах, которые осложняли и без того сложное развитие этих отношений. Для средневекового периода основным из таких факторов являлась политика римской куррии, в период новой и новейшей истории все более и более значительное влияние на развитие славяно-германских отношений оказывали западные державы, сначала Англия и Франция, затем Соединенные Штаты Америки.

Такова одна, кровавая и мрачная сторона славяно-германских отношений в прошлом. Но была и другая сторона, о которой не могут забывать историки-марксисты.

У трудового немецкого народа никогда не было, да и не могло быть действительных жизненных противоречий с трудовыми массами славянских стран.

Если в XIII—XIV вв. на территории Чехии и Польши появился немецкий крестьянин-переселенец, то пришел он сюда не для того, чтобы проторить дорогу немецкому рыцарю или попу, а потому что на родине его уже довела до крайности феодальная эксплуатация, потому что он искал лучшей доли. Так же точно в XIX—XX в. польский и чешский батрак переселялся за океан, а лишившийся заработка рабочий-поляк шел гнуть спину на заводы и фабрики Рура.

Вот почему, давая общую оценку так называемой немецкой колонизации в Чехии и Польше в средние века, необходимо, по-видимому, по-разному оценивать наплыв рыцарей-авантюристов, попов и проходимцев-купцов и бегство крестьянина или ремесленника, явившегося в новую страну, чтобы трудиться, и приносившего с собой свой жизненный опыт, свои трудовые навыки.

Если гуситское революционное движение столкнулось с бешеным сопротивлением класса немецких феодалов, начавших организовывать один за другим крестовые походы против восставшей Чехии, то иначе отнесся к революционной борьбе чешского народа трудовой люд Германии. Гуситское движение нашло широкий отклик в Германии. Прямая идейная связь существует между реформацией в Чехии и реформацией в Германии, между крестьянской войной XV в. в Чехии и крестьянской войной XVI в. в Германии.

Но если забитому предрассудками и нуждой немецкому крестьянину было все же очень трудно осознать общность своих классовых интересов с крестьянином из соседней славянской страны, то с выступлением на историческую арену пролетариата положение стало радикально меняться.

Революционная деятельность вождей немецкого и мирового пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем распространение марксизма в славянских странах означало зарождение нового качества в истории славяно-германских отношений — революционного союза славянских и немецких трудящихся. На пути этого союза стояли неисчислимые препятствия, начиная от расовой и националистической пропаганды контрреволюционной буржуазии и кончая предательской, шовинистической политикой верхушечного руководства социал-демократии.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное влияние на развитие революционных событий в Германии и Австро-Венгрии. В условиях общего мощного подъема рабочего движения, образования и укрепления коммунистических партий в славянских странах и Германии оформился революционный союз славянских и германских трудящихся. Этот союз стал неразрывной частью общего, интернационального союза трудящихся всех стран. Он закалился в тяжелой борьбе с наступающим фашизмом, он перенес ужасные испытания второй мировой войны и восторжествовал, наконец, сегодня, когда в восточной части Германии к власти пришел немецкий рабочий класс. Ярким примером купленной ценой невероятных страданий германо-славянской дружбы является провозглашение границы по Одеру — Нейсе, ликвидировавшей вековую несправедливость, границей дружбы и мира между народами.

Глубокое исследование славяно-германской проблематики важно не только для изучения исторических и историко-культурных процессов, происходивших в славянских странах, но и для изучения прошлого самой Германии. Исследователь, рассматривающий, например, развитие ганзейской торговли, едва ли может прийти к правильным выводам без учета предшествовавшей ей на Балтике торговли славянской, без знания истории таких старых славянских городов, как Волин и Щецин, Новгород и старый

Любек. Без учета роста горно-рудных разработок в Чехии трудно разобраться в промышленном развитии Германии XVI в. или понять происхождение финансовой мощи австрийских Габсбургов. Экономическая экспансия германских и австро-венгерских монополий в новейшее время определила и политический курс Берлина и Вены. За проникновением на Балканы немецкой марки и австрийской кроны по неумолимой логике вещей следовала и политическая экспансия.

Между тем в нашей исторической, историко-культурной и даже лингвистической литературе вопросы славяно-германских отношений занимали чрезвычайно скромное место. Не говоря уже о славяно-германских отношениях в широком смысле слова, даже изучение русско-германских и советско-германских отношений до самого последнего времени не получило достаточно широкого развития. Вопросами этими занимались главным образом попутно, исследуя историю Германии или Австрии XIX—XX вв. или обращаясь к изучению истории международных отношений в период новой и новейшей истории. Речь идет об изучении таких проблем, как политика Бисмарка и создание Германской империи, Балканские войны, происхождение и дипломатия первой и второй мировых войн. Самостоятельно разрабатывалась тема борьбы советского народа против гитлеровских оккупантов.

Что касается более раннего периода, то здесь русско-германские отношения исследовались тоже попутно, главным образом в связи с изучением балтийского вопроса и борьбой России за выход к Балтийскому морю (Ливонская война, Северная и отчасти Семилетняя войны).

Переходя к характеристике более широкой славяно-германской проблематики, нашедшей отражение в нашей историографии, следует отметить определенный успех советских историков в разрешении запутанной готской проблемы. Известный вклад советские историки-слависты внесли и в изучение истории борьбы полабо-прибалтийских славян против германского феодального натиска на восток. Зато, к сожалению, мы совершенно не занимались поистине героической историей самого маленького славянского народа — лужичан, только теперь, в Германской Демократической Республике, получивших действительно нормальные условия для своего общественно-культурного развития.

Ряд сборников, книг и статей был посвящен общим вопросам германской феодальной агрессии на восток. Занимались советские историки-слависты и темой немецкой колонизации в Польше и Чехии XIII—XIV вв. Но в самой важной области — в области новейшей истории изучение славяно-германских отношений опять-таки шло главным образом попутно, в связи с исследованием общих вопросов истории первой и второй мировых войн.

Полностью признавая значение всех этих исследований советских историков, нельзя тем не менее не констатировать, что систематического изучения славяно-германских отношений и даже русско-германских и советско-германских отношений и связей до сих пор в нашей науке организовано не было. Не лучше, как нам кажется, обстоит дело и в области культурно-исторических и лингвистических исследований. Особенно бросается в глаза тот факт, что из поля зрения многих наших ученых и периодической прессы фактически выпала огромная литература по истории Восточной Европы, в том числе и славянских стран, по истории славяно-германских отношений, издающаяся не только в ФРГ, но даже и в ГДР.

В области изучения славяно-германских отношений в целом мы вынуждены в данный момент констатировать серьезное отставание от польской и чехословацкой науки. Особенно заметных результатов в разработке славяно-германской проблематики, прежде всего проблематики польско-германских отношений, достигла польская историческая наука. И в Польше

(Западный институт), и в Чехословакии (Институт международной политики и экономики) существуют специальные научные учреждения, постоянно занимающиеся изучением новейшей, послевоенной истории Германии, проводящие огромную работу по разоблачению современной западногерманской националистической и реваншистской историографии. Эти научные учреждения имеют свои регулярно выходящие печатные органы, систематически публикующие материалы, посвященные общественно-политической и культурной жизни в ГДР и ФРГ и ведущие последовательную борьбу с процветающим в Западной Германии так называемым «изучением Востока» (Ostforschung).

Большая работа по разоблачению этого «изучения Востока» проводится также в Германской Демократической Республике. Вместе с тем историки ГДР сумели организовать в достаточно широком плане исследование славяно-германских отношений, делая упор главным образом на изучение славяно-германских революционных связей и связей в области науки и культуры. В первую очередь здесь следовало бы упомянуть о деятельности Лейпцигского института истории СССР и стран народной демократии, регулярно издающего ежегодники, специально посвященные вопросам славяно-германских отношений. Нельзя не сказать также о том, что именно в ГДР ведется сейчас большая исследовательская работа по истории, истории культуры, этнографии и языку сербов-лужичан.

* * *

В настоящий момент было бы, пожалуй, преждевременным пытаться выработать в деталях проблематику исследования славяно-германских отношений в СССР. Этому должна предшествовать мобилизация научных сил, выявление источниковедческой базы исследований, в том числе и архивной, анализ имеющейся налицо историографии. Поэтому мы остановимся лишь на самых общих вопросах проблематики славяно-германских отношений, выделяя основные линии, основные направления предстоящих исследований.

Но прежде три предварительных замечания.

1. Специфика проблематики и состояние изучения ее настойчиво диктуют организацию комплексной исследовательской работы при вполне обеспеченном тесном творческом сотрудничестве историков, историков культуры и языковедов.

2. Исследование славяно-германских отношений ни в коем случае не должно производиться изолированно, без учета тех серьезных внешних и внутренних факторов, которые в большой мере определяли развитие самих славяно-германских отношений. Работы славистов в этой области должны теснейшим образом увязываться с разработкой вопросов всеобщей истории, особенно это важно для проблем новейшей истории.

3. В рамках славяно-германской проблематики необходимо учитывать важность сравнительно-исторических исследований, особенно полезных при разработке такой часто поднимавшейся в шовинистической немецкой литературе темы, как тема культурных влияний.

Возвращаясь к основной проблематике славяно-германских отношений, важно с самого начала подчеркнуть необходимость продолжения исследовательской работы в области политических отношений, изучения так называемого «натиска на восток». Нас не должно смущать то обстоятельство, что в современной западногерманской историографии вопросы военной восточной экспансии скорее замалчиваются, чем подчеркиваются. На теле человечества все еще зияют ужасные раны, нанесенные развязанной Гитлером второй мировой войной, и не в интересах «Остфоршунга» толковать сегодня о крестовых походах на восток. Мы живем в такое время, когда

даже закоренелые фашисты часто предпочитают выступать под личной демократов, а реваншисты стремятся выдать себя за миротворцев. Изучая прошлое славяно-германских отношений, необходимо помнить аксиому: забывая прошлое, мы заранее обрекаем себя на ошибки в будущем.

Но продолжая анализ этой стороны славяно-германских отношений, следует приступить и к систематической разработке тех явлений, которые сближали и сближают сегодня славянские народы с немецким. В первую очередь речь должна идти об организации серьезной исследовательской работы очень слабоизученных вопросов революционных славяно-германских связей, начиная от фактов совместной антифеодальной борьбы феодально-зависимого крестьянства, первых попыток установления революционных связей между народами в средние века до революционного союза пролетариата славянских стран с пролетариатом Германии в XIX—XX вв., до союза и дружбы ГДР со славянскими странами социалистического лагеря в наши дни. Той линии славяно-германских отношений, которую символизируют вцепившиеся друг другу в горло Гогенцоллерны и Романовы, линии, уходящей в прошлое, советские историки должны противопоставить имеющую оптимистическую будущность линию от основателей научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса к основателю первого в мире социалистического государства В. И. Ленину.

Большую и самостоятельную тему в славяно-германской проблематике представляет собой тема экономических связей. Но, разрабатывая ее, историки-слависты должны, разумеется, учитывать всю сложность и противоречивость фактов экономического общения между народами в условиях общества, основанного на антагонистических противоречиях классов, четко разграничивая положительные и отрицательные результаты славяно-германских экономических отношений в те или иные периоды истории.

Не более исследована в нашей литературе и проблема славяно-германских культурных взаимоотношений и связей. Отвергая упрощенную трактовку этой проблемы в буржуазной литературе, сводящей все к элементарной формуле заимствований, советские исследователи в этой области должны руководствоваться марксистско-ленинской теорией культурных контактов, исключая народы-субъекты и народы-объекты истории и рассматривающей сложный процесс культурного общения в плане синтеза культур, обусловленного внутренним развитием общества.

Не отрицая фактов воздействия германской культуры на культуру славянских народов, советские историки-слависты не должны упускать из виду глубокие народные истоки культуры славянских стран и тот огромный вклад, который внесли славянские народы в развитие мировой культуры. В их задачи входит подчеркивать и выявлять факты воздействия славянской культуры на германскую, строго различать, когда идет речь о воздействии германской культуры и когда можно говорить лишь об ее посреднической роли.

Отмечая большое взаимно обогащающее значение славяно-германских научных контактов, было бы, по-видимому, неправильным сбрасывать со счетов такие отрицательные явления прошлого, как временное засилье в тот или иной период реакционной немецкой профессуры в славянской науке, оказывавшее тормозящее влияние не только на развитие науки, но и общественной жизни славянских стран. Можно было бы привести немало примеров этому, начиная с реформы Яном Гусом Пражского университета и кончая борьбой Ломоносова за прогресс национальной русской научной школы.

В области лингвистики первоочередной следует, очевидно, считать задачу изучения воздействия славянских языков на германские, поскольку обратный процесс гораздо более разработан.

И, наконец, последнее, последнее по порядку, но не по важности пред-

мета. Первоочередной задачей советских историков-славистов является систематическое изучение современной западногерманской историографии, разоблачение фальсификации истории славянских стран и истории славяно-германских отношений в литературе так называемого остфоршунга, борьба против реваншистской идеологии, насаждаемой остфоршерами Западной Германии. На характеристике остфоршунга представляется важным остановиться несколько подробнее.

Понятие остфоршунга не совпадает с понятием изучения славяно-германских отношений. Последнее составляет только одну из тем в его многоплановой деятельности. Остфоршунг занимается историей, историей культуры, экономикой и современным политическим развитием вообще стран социалистического лагеря, хотя и концентрирует свое главное внимание на изучении СССР, Польши и Чехословакии. В том, что остфоршунг является идеологическим инструментом западногерманских милитаристов и реваншистов, не может быть никаких сомнений. На это указывает уже сама его история. Свои современные организационные формы остфоршунг обрел в 1918 г., после заключения грабительского Брестского мира. Именно тогда, в 1918 г., во Вроцлаве был создан Институт Восточной Европы, главной целью которого являлось изучение путей политического, экономического и культурного освоения захваченных кайзеровской Германией земель на востоке. Германские милитаристы не думали тогда, что им недолго придется владеть этими землями.

Значительно более широкое развитие получил остфоршунг в условиях гитлеровской Германии. Его важнейшими центрами являлись «институты немецкой работы на Востоке», созданные в 1940 г. в Познани и Кракове. В этих институтах работали многие из тех, кто стоит сейчас во главе западногерманского остфоршунга. Институты остфоршунга тесно сотрудничали с гитлеровскими партийными и государственными властями и военным командованием.

Но особенно пышно остфоршунг расцвел в условиях нынешней Западной Германии. В настоящее время насчитывается около 100 институтов, обществ, рабочих групп, университетских кафедр и других учреждений, специально занимающихся «изучением Востока». Главным центром остфоршунга в Западной Германии является Мюнхен, где находится Институт Восточной Европы.

Вторым крупным центром является Геттинген. Созданная там так называемая «рабочая группа» издала уже 173 публикации. Марбург — третий центр остфоршунга. Здесь действует Институт им. Гердера, специально занимающийся Польшей и Чехословакией. Можно еще упомянуть Тюбинген с его Институтом восточноевропейской истории и др.

Конечно, не все из западногерманских специалистов по Востоку в равной мере заражены классовыми предрассудками и реваншистскими настроениями. Среди них есть серьезные крупные ученые. Фактом, однако, остается, что значительная часть современных остфоршеров в прошлом была тесно связана с гитлеровской полицейской и политической машиной. Показательно, что своих сотрудников, в том числе руководящих, остфоршунг вербует среди немецких выходцев из России и других славянских стран, из числа белоэмигрантов и так называемых перемещенных лиц. Серьезное отличие современного остфоршунга от остфоршунга времен кайзера и Гитлера заключается в том, что нынешние остфоршеры работают не только на свои, немецкие монополии, для своих западногерманских властей, но обслуживают также монополистов США и Западной Европы. Именно поэтому литература остфоршунга издается не только на немецком, но и на английском и французском языках. Заботясь о пропаганде своих взглядов, остфоршеры издают свою литературу и на русском языке.

В Западной Германии раздается немало крикливых голосов, требующих

немедленной ликвидации ГДР, захвата польских западных земель, отторжения Восточной Пруссии и Судетской области. Однако наиболее дальновидные остфоршеры избегают воинственных кличей, предпочитают умалчивать о кровавом прошлом. Их больше устраивают замаскированные формы проповеди реванша, скрывающие их лицо поджигателей войны. Страх перед мировым общественным мнением, перед ненавидящим войну собственным народом, наконец, страх перед монолитным лагерем социализма — вот что сегодня останавливает идеологов реванша. Поэтому часто на первый план выдвигается не обоснование военных захватов на востоке, а теория так называемой интеграции Европы.

Европейский исторический процесс, согласно этой теории, является процессом постепенной экономической и культурной интеграции различных европейских национальностей на базе высокой западноевропейской и германской цивилизации. В этом процессе наряду с другими народами участвовали и народы Польши, Чехословакии, Украины. Поэтому они культурно-исторически якобы ближе к Германии, чем к России, которую остфоршеры исключают из общеевропейского процесса интеграции, приписывая ей особый, не типичный для Запада, путь развития. Стремясь противопоставить, изолировать русский народ от других европейских народов, западногерманские теоретики европейской интеграции доходят до такого абсурда, что пытаются противопоставить ленинизм марксизму, объявляя ленинизм продуктом иного, неевропейского типа развития.

Политическая подоплека теории европейской интеграции очевидна. Ее целью является взрыв изнутри социалистического лагеря, ограничение государственного суверенитета европейских стран, их экономическое закабаление. Это — тот же реванш, только иными средствами. В доказательство достаточно, пожалуй, привести только один факт — выдвижение западногерманскими остфоршерами плана совместного польско-германского кондоминиума на западных польских землях. Разве могут быть какие-либо сомнения в том, что следует понимать под этим кондоминиумом?

Борьба против идеологии западногерманского остфоршунга — идеологии западногерманского реваншизма требует от советских историков быстрой мобилизации сил. В этой борьбе важную роль должны сыграть не только историки нового и новейшего времени но и — это следует подчеркнуть — слависты-медиевисты. В своих исторических построениях остфоршеры оперируют отнюдь не одними явлениями недавнего прошлого. Они упорно ищут доказательства своих теорий в глубоком средневековье. Поэтому исследования паразитической роли Ганзы в XV—XVI вв. или правильное освещение вопросов происхождения славянских городов и распространения в западославянских странах так называемого немецкого права тоже может быть сильным оружием в борьбе против остфоршунга.

* * *

Обрисованные выше серьезные задачи советских ученых в области изучения славяно-германских отношений неизбежно приводят к постановке некоторых организационных вопросов.

Успех славяно-германских исследований во многом зависит от правильной организации дела. Совершенно очевидно, что главным исследовательским и координирующим центром в области изучения русско-германских и советско-германских отношений должен стать Институт истории АН СССР, где работает сильный коллектив историков-германистов, объединенных в группе по истории Германии, и где создана недавно группа по истории европейских стран народной демократии. Одним из исследовательских центров славяно-германской проблематики естественно должен стать Институт славяноведения. Разрабатывая главным образом вопросы западно-

славянской и южнославянской истории славяно-германских отношений и связей, Институт славяноведения не может отрывать от проблематики восточнославянской, учитывая ту исключительную роль, какую играли и играют в общем комплексе славяно-германских отношений отношения русско-германские и советско-германские.

Первоочередным вопросом является организационное оформление славяно-германских исследований в Институте славяноведения путем создания специальной творческой группы или сектора.

Особый интерес, проявляемый остфоршунгом к истории Украины и Белоруссии, подсказывает постановку вопроса о создании соответствующих рабочих групп по истории славяно-германских отношений в университетах Украины и Белоруссии, в Институте истории Украинской АН УССР в Киеве, Институте общественных наук во Львове и Институте истории АН БССР в Минске. В связи с большим значением для изучения славяно-германских отношений в прошлом балтийского вопроса целесообразной представляется организация аналогичных научных коллективов в институтах истории Латвийской, Литовской и Эстонской Академий наук и в университетах Прибалтики.

Исследуя славяно-германскую проблематику, советские ученые должны установить тесные контакты с учеными ГДР, Польши и Чехословакии.

Нельзя забывать и об издательской стороне вопроса. По-видимому, первоначально была бы наиболее оправданной подготовка Институтами истории и Институтами славяноведения специальных ежегодников, посвященных славяно-германской проблематике. В дальнейшем можно было бы ставить вопрос и об издании отдельного бюллетеня, имеющего своей целью обозрение западногерманской, западноевропейской и американской литературы по истории СССР и европейских стран народной демократии, а также по славяно-германским отношениям.

ДОКЛАДЫ

А. Я. Манусевич, М. А. Бирман, А. Х. Клеванский

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ОБРАЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЭТИХ СТРАНАХ (Историография проблемы и задачи ее изучения)

Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эпохе истории человечества, сыграла величайшую роль в судьбе славянских народов. Победа русской революции содействовала подъему борьбы польского, чешского, словацкого, болгарского, сербского и других народов за свое социальное освобождение, обусловила возможность создания Польского, Чехословацкого, Югославского государств¹.

Одним из наиболее значительных результатов влияния Октябрьской революции на революционное движение в зарубежных славянских странах явилось образование в декабре 1918 г. Коммунистической партии Польши, преобразование в мае 1919 г. партии тесных социалистов в Болгарскую коммунистическую партию, создание в апреле 1919 г. Коммунистической партии Югославии, а в 1921 г. — Коммунистической партии Чехословакии.

В документах, речах и статьях своих руководителей, в партийной печати и в устной агитации и пропаганде молодые коммунистические партии зарубежных славянских стран показывали народным массам великую роль Октября и всей деятельности Советской власти для судеб всего мира. В Болгарии в 1919 г. вышла в свет обстоятельная книжка В. Коларова «Большевистская Россия», посвященная победе Октябрьской революции и начавшемуся строительству социалистического общества. В книге «Правда о Советской России», выпущенной в Праге в 1920 г., Б. Шмераль, подчеркивая величайшее значение Великого Октября, писал: «То, что делается в России — огромно, головокружительно, благородно, разумно, необходимо, непреодолимо»².

В течение межвоенного двадцатилетия в польской, болгарской, чехословацкой, югославской историографии почти безраздельно господствовали концепции, выдвигавшиеся различными буржуазными, а также правосо-

¹ См. соответствующие разделы в сб. «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961.

² В. Ш м е р а л. Pravda o savětovém Rusku. Praha, 1920 str. 3.

циалистическими течениями и школами. Общим для них являлось полное отрицание закономерности Октябрьской революции, ее значения во всемирной истории и в истории зарубежных славянских народов. Нелегальное положение, в котором почти тотчас после своего возникновения оказались КПП, КПЮ, а с 1923 г. и БКП, полулегальные в течение ряда лет условия деятельности КПЧ лишили компартии этих стран возможности полностью разоблачить перед своими народами буржуазных фальсификаторов.

Для польской, чехословацкой, югославской буржуазной историографии были характерны стремления нагромоздить всяческие измышления об Октябрьской революции.

Буржуазной историографией межвоенного двадцатилетия события представлялись таким образом, что будто образование Польши, Чехословакии, Югославии имеет в своей основе не революционную борьбу народов этих стран, не победу Октябрьской революции, а как раз борьбу против Октябрьской революции, Советской власти в России и революционного движения, развернувшегося во всем мире под непосредственным воздействием Октября.

Когда Польша и Чехословакия обрели независимость и образовалась Югославия, господствовавшие в них классы постарались объявить национальное освобождение этих народов достижением своей политики и результатом благородной и освободительной политики, якобы проводившейся державами-победительницами в первой мировой войне. Ведь утверждал же лидер чешской буржуазии Т. Г. Масарик, что союзники по Антанте «завоевали нам нашу независимость»³! Подобную же позицию разделяли и лидер польской буржуазии Р. Дмовский, и его партийные единомышленники, а также и политические противники из лагеря пилсудчиков⁴.

В свете этих антинаучных концепций буржуазная историография уделяла особенно много внимания оправданию и возвеличению участия своих стран в антисоветской вооруженной интервенции. В Чехословакии была создана обширная литература, призванная обелить контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса в Советском государстве и представить его в ореоле служения высшим интересам чешского и словацкого народов. Многочисленные писания были также посвящены оправданию и возвеличению участия польских формирований в борьбе против Советской власти внутри России, прямому воспеванию захватнической авантюристической антисоветской политики польских правящих кругов, стремившихся любой ценой уничтожить Советское государство, появление которого только и создало самую возможность восстановления независимости Польши.

Югославская буржуазная историография великосербского направления и хорватско-словенской буржуазной ориентации, как и болгарская буржуазная историография, почти не уделяла внимания Октябрьской революции и вооруженной борьбе против Советской власти. Тем не менее в работах представителей югославской буржуазной историографии можно найти признания того, что именно угроза «анархии» и «хаоса», вызванные влиянием Октябрьской революции, вынуждали господствовавшие классы идти на примирение враждовавших группировок и на отдельные уступки трудовому народу.

Подлинное изучение влияния Октябрьской революции на возникновение Польши, Чехословакии и Югославии, классовую борьбу в зарубежных славянских странах, на политику правивших в них классов и партий нача-

³ Т. Г. Масарик. Мировая революция. Т. II, Прага, 1927, стр. 196.

⁴ См. R. D m o w s k i. *Polityka Polski i odbudowa państwa*. Warszawa, 1926; M. S e y d a. *Polska na przełomie dziejów*, t. I—II, Poznań, 1930—1931, а также «Piętnaście lat Państwa Polskiego», Warszawa, 1933 и др.

лось лишь после установления в зарубежных славянских странах народной власти. Многие выступления руководящих деятелей этих стран — Б. Берута, В. Гомулки, К. Готвальда, А. Запотоцкого, Г. Димитрова, В. Коларова — содержали глубокие и разносторонние оценки как всемирно-исторического значения Октябрьской революции, так и ее роли в истории польского, чешского и словацкого, болгарского народов.

Важным условием научного изучения Октябрьской революции явилась публикация ряда сборников документов, которые ввели в научный оборот значительное число материалов, ранее не доступных и не известных не только широкому читательским кругам, но и многим специалистам. В Польше начало такого рода публикаций положили обширный сборник документов, вышедший к 35-летию Октября, и издание документов и материалов КПП⁵ в Болгарии — трехтомный сборник документов БКП⁶ и в Чехословакии — ряд публикаций, раскрывающих влияние Октябрьской революции на революционное движение в стране и образование республики⁷.

Многие документы и материалы, содержащиеся в предпринятых в Югославии публикациях, также отражают огромное влияние Октябрьской революции на югославское рабочее движение, на развал монархии Габсбургов, создание Югославского государства⁸.

Определенной вехой в развитии марксистской историографии в Чехословакии явилась научная конференция историков, состоявшаяся в Праге в ноябре 1949 г. Прочитанные на конференции доклады О. Ржиги об Октябрьской революции и чехословацком движении сопротивления за границей в период первой мировой войны, Я. Хорвата о влиянии революции на рабочее движение в чешских землях и доклад А. Климпы о чехах и словаках в России и Октябрьской революции были направлены против буржуазной фальсификации важнейших вопросов истории Чехословакии.

В Польше крупной вехой в развитии исторической науки и в разработке проблематики, связанной с Октябрьской революцией, явилась I Методологическая конференция, происходившая в декабре 1951 г. — январе 1952 г. После этой конференции появился ряд исследовательских статей на темы, связанные с Октябрем.

Решения XX съезда КПСС дали мощный толчок развитию актуальных исследований в области новейшей истории, в частности по вопросам, связанным с влиянием Октябрьской революции на зарубежные славянские народы. Дальнейшее изучение этих вопросов усилилось в связи с 40-летием Октябрьской революции и 40-летием независимости Польши, Чехословакии и Югославии. С этого времени проблема влияния Октября на образование зарубежных славянских государств и на развитие польского, чехословацкого, болгарского, югославского революционного движения заняла важное место в историографии зарубежных славянских стран.

В связи с 40-й годовщиной Октября выступили с рядом статей и речей руководители братских коммунистических и рабочих партий⁹.

В этот период появился ряд монографических исследований в Польше

⁵ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, 1918—1923, Warszawa, 1953; «W XXXV rocznica Wielkiej Październikowej rewolucji socjalistycznej», Warszawa, 1952.

⁶ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите конференциите и пленумите на ЦК», т. 1—3, София, 1947—1954; см. также «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919 гг.», София, 1957.

⁷ «Pramenyky ohlasu Velké říjnové socialistické revoluce a vzniku ČSR», t. I—III, Praha, 1957, 1958, 1959.

⁸ «Историјскиј архив Комунистичке партије Југославије», т. II—VI, Београд, 1949—1959; «Archiv Komunistické partje Bosne i Hercegovine», t. II, Sarajevo; «Grada za povijest sindikalnog pokreta u Hrvatskoj», kn. I—II, Zagreb, 1949—1956.

⁹ См. «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I—II, М., 1958.

(Г. Яблоньский¹⁰ и др.), в Болгарии (Хр. Христов¹¹ и др.), в Чехословакии (О. Ржига¹² и др.); в Югославии вышла работа Ф. Чулиновича¹³ и др.

Наряду с дальнейшим изучением центрального звена проблемы — вопроса о роли и влиянии Октябрьской революции в образовании в 1918 г. Польского, Чехословацкого и Югославского государств и подъема революционного движения польского, чехословацкого, югославского и болгарского народов — в историографии, посвященной Октябрьской революции, все большее место стали занимать отдельные, более частные аспекты проблемы. Формирование направлений, по которым развернулось изучение отдельных аспектов проблемы, определялось специфическими условиями развития каждой страны, необходимостью разоблачения тех или иных укоренившихся идей буржуазной историографии, составом и состоянием архивной базы, имевшейся в распоряжении исследователей.

Пожалуй, можно утверждать, что наиболее разносторонне и глубоко отдельные аспекты проблемы изучены и освещены чехословацкими и болгарскими историками.

Для чехословацких историков-марксистов, занимающихся историей своей страны в новейшее время, помимо коренного вопроса о значении Октябрьской революции для развала монархии Габсбургов и восстановления государственной независимости, особое значение имело разоблачение буржуазной легенды о роли так называемого «сопротивления», организованного вне пределов страны Масариком и Бенешем. Чехословацкие историки-марксисты, в частности В. Краль¹⁴ и В. Вавра¹⁵, неоспоримо доказывают, что действия чехословацкой контрреволюции нисколько не решали чехословацкий вопрос, а лишь осложняли его, превращали в предмет спекуляции западных империалистов и затруднили последующее развитие Чехословакии.

Наоборот, участие чешских и словацких интернационалистов в России в борьбе против врагов Октябрьской революции, способствуя упрочению Советской власти, сближало чешских и словацких трудящихся, усиливало позиции рабочего класса и всех демократических сил в Чехословакии, содействовало укреплению ее независимости. Славная история чешских и словацких интернационалистов в России исследуется во многих трудах, в частности в работе Й. Веселого¹⁶, в весьма обстоятельных монографиях И. Я. Кржижека¹⁷.

Связь с Октябрьской революцией крупнейших революционных событий, имевших место в стране в 1919—1920 гг., раскрывается в работах о Словацкой Советской республике¹⁸, о декабрьской стачке 1920 г.¹⁹ и др.

Болгарскими историками уделено немало внимания изучению влияния Октября на болгарскую армию и флот и вызванные этим многочисленные революционные выступления солдат и матросов — Владайское восстание 1918 г., восстание на корабле «Надежда» и др.

Влиянию Октябрьской революции на деятельность партии тесняков,

¹⁰ См. H. Jabłoński. *Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918*. Warszawa, 1958.

¹¹ Хр. Христов. *Революционата криза в България в 1918—1919*. София, 1957.

¹² O. Říha. *Ohlas Říjnové Revoluce v ČSR*. Praha, 1957.

¹³ F. Čulínovič. *Odjeci Oktobra u jugoslovenskim krajevima*. Zagreb, 1957.

¹⁴ См. В. Краль. *О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша*. М., 1955; V. Král. *Interneční válka československé buržoasiep roti Maďarské sovětské republice v roce 1919*. Praha, 1954.

¹⁵ Y. Vavra. *Klammá cesta*. Praha, 1958.

¹⁶ J. Veselý. *Češi. a Slováci v revolučním Rusku 1917—1920*. Praha, 1954.

¹⁷ Я. Кржижек. *Пенза*. Пенза, 1958.

¹⁸ M. Vietor. *Slovenska sovietska republika v roku 1919*. Bratislava, 1959.

¹⁹ Д. Барта. *Декабрьская всеобщая стачка 1920 г. М., 1955*.

на ее преобразование в коммунистическую партию и превращение в подлинно ленинскую партию нового типа посвящены исследования П. Георгиева, Й. Йотова, С. Петрова и др.²⁰ В ряде трудов болгарских историков освещается революционная солидарность болгарских трудящихся с Советской Россией, их борьба под руководством БКП против антисоветской интервенции (работы Д. Косева, В. Хаджиниколова, Хр. Христова, Ц. Николова²¹ и др.).

Особое место в болгарской историографии занимают работы о влиянии Октябрьской революции на крестьянское движение и Болгарский земледельческий народный союз²². Но эти темы пока еще далеки от своего решения.

Среди работ польских историков, посвященных влиянию Октябрьской революции, важное значение имеют исследования о борьбе польского рабочего класса за власть Советов (работа С. Кжижалы²³ и др.). Важная проблема формирования рабоче-крестьянского союза под влиянием Октябрьской революции рассматривается на материалах Люблинщины в монографии Т. Кузьминского²⁴. Издано несколько сборников воспоминаний и биографий участников Октябрьской революции и гражданской войны в России²⁵, опубликован ряд работ о польских частях Красной Армии, сборник документов о деятельности первого рабоче-крестьянского правительства Польши — Польревкома²⁶ и др.

Сопоставление степени изученности проблемы в отдельных зарубежных славянских странах показывает существование специфических для каждой страны условий, предопределивших как частную тематику, ширину и глубину раскрытия, так и темпы исследования проблемы. В зарубежной славянской историографии еще недостаточно разоблачена фальсификация буржуазной, правосоциалистической и современной ревизионистской историографией роли Октябрьской революции в истории этих стран; также недостаточно раскрыт антинациональный характер антисоветской политики, проводившейся правящими классами в зарубежных славянских странах; требует дальнейшего исследования влияние Октябрьской революции на идейно-политическое развитие рабочего класса и всех трудящихся; не изучено соотношение между развитием революционной ситуации в ряде зарубежных славянских стран и ходом борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Нуждается в дальнейшей разработке вопрос о помощи зарубежных славянских народов советскому народу в его борьбе против внешних и внутренних врагов. Совершенно не раскрыто влияние элементов новой, социалистической культуры на развитие национальной культуры и формирование ее в условиях буржуазно-помещичьего господства. Недостаточно рассмотрены во-

²⁰ См. П. Георгиев. Отражението на Великата Октомврийска социалистическа революция в България. «Известия на института по история на БКП», вып. 5, София, 1958; сборник «40 години от Великата Октомврийска социалистическа революция». Научна сесия СДУ. София, 1958 и статьи М. Андреева, Г. Ганева, Й. Йотова, С. Петрова в сборниках, изданных к 40-летию Октября.

²¹ См. Ц. Николов. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. София, 1960; В. Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до девети септември (1917—1944). София, 1956.

²² См. И. Кожухаров, Н. Георгиев, Д. Димитров. Българския Земледелски народен съюз и Великата Октомврийска социалистическа революция. София, 1957 и др.

²³ St. Krzyska. Lubelska Rada Delegatów Robotniczych. Lublin, 1957.

²⁴ T. Kóźmiński. Walka klasowa na wsi lubelskiej w latach 1918—1919. Warszawa, 1955.

²⁵ «Wspomnienia polaków o Rewolucji Październikowej», Warszawa, 1957; T. Patemski, G. Rechowicz. Śląscy bojownicy Rewolucji Październikowej.; Katowice, 1958.

²⁶ «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», Warszawa, 1955.

просы влияния Октябрьской революции на формы и методы революционного движения в славянских странах на освоение опыта революции.

Что касается разработки в советской историографии проблематики Октябрьской революции и зарубежных славянских народов, то, как представляется, здесь пока лишь достигнуто принципиальное решение основных вопросов²⁷.

Как и перед марксистской историографией в зарубежных славянских странах, перед советскими славистами стоят еще не решенные следующие серьезные задачи: 1) на основе более глубокого документального обоснования раскрыть роль Октябрьской революции в образовании зарубежных славянских государств; 2) продолжить и расширить изучение влияния трудов В. И. Ленина, его советов деятелям славянских стран, документов КПСС и Коминтерна на утверждение марксистско-ленинской идеологии в этих странах, на образование и развитие коммунистических партий; 3) полнее и всесторонне осветить деятельность Советской власти, направленную на утверждение свободы и независимости зарубежных славянских народов; 4) исследовать влияние политики Советского государства на дипломатию западных держав в вопросах, касающихся образования и развития зарубежных славянских государств; 5) доступные советским исследователям материалы позволяют продолжить изучение ряда аспектов влияния Октябрьской революции на борьбу классов и партий в зарубежных славянских государствах, на подъем революционного движения; особая ответственность ложится на советских историков в вопросах изучения участия зарубежных интернационалистов в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России.

Институт славяноведения АН СССР ставит своей задачей разработать к 50-летию Октябрьской революции один из вопросов рассматриваемой проблемы — участие зарубежных интернационалистов в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России.

В этом направлении советскими историками осуществлено несколько работ и публикаций, которые могут рассматриваться как успешная разработка источников и суммы вопросов, подлежащих рассмотрению.

Из публикаций в указанной области наиболее значительными являются издания документов, предпринятые Главным архивным управлением МВД СССР²⁸. Работы советских историков И. Белякевича²⁹, М. Бирмана³⁰, П. Голуба³¹, Р. Ермолаевой³², А. Клеванского³³, А. Манусевича³⁴, И. Очака³⁵ и других в известной мере осветили отдельные моменты

²⁷ См. «История Болгарии», т. II, М., 1956; «История Польши», т. III, М., 1958; «История Чехословакии», т. III, М., 1960.

²⁸ «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)», М., 1957; «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)», М., 1958.

²⁹ И. Белякевич. Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 г. Львов, 1957.

³⁰ М. Бирман. К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции. «Новая и повеяшая история», № 5, М., 1957.

³¹ П. Голуб. Братство, скрепленное кровью. М., 1958; его же. Польские революционные войска в Россия в 1917—1920 годах. «Вопросы истории», № 3, М., 1958.

³² Р. Ермолаева. К истории польских коммунистических организаций и органов РКП(б) для работы среди польского населения на территории Советской республики в 1917—1921 гг. В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957.

³³ А. Клеванский. Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России (1917—1921) в связи с новейшими работами чехословацких историков. «История СССР», № 5, М., 1958.

³⁴ А. Манусевич. Деятельность польских социал-демократических организаций в России в период подготовки Октябрьской революции. В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957.

³⁵ И. Очак. Из истории участия югославын в борьбе за победу Советской власти

участия трудящихся зарубежных славянских стран в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России. Но этими работами еще далеко не полно освещено участие интернационалистов зарубежных славянских стран в борьбе за власть Советов.

Трудящиеся зарубежных славянских стран, как и другие иностранные трудящиеся, оказавшиеся в 1917—1920 гг. в России, представляли собой своеобразный и важный национальный резерв Октябрьской революции. Большевицкая партия уделяла большое внимание вовлечению этого резерва в ряды активных участников борьбы. Иностранные интернационалисты внесли немалый вклад в дело установления и защиты Советской власти в центрах России и на всем ее огромном пространстве. Весьма велика была, в частности, роль иностранных интернационалистов в борьбе за победу Советской власти в Белоруссии и Литве. Между тем в работах белорусских и литовских историков практически этот вопрос не затрагивался. Еще мало затронут в литературе вопрос об участии иностранных интернационалистов в борьбе за власть Советов в Средней Азии и на Украине. Исследование выдвигаемой проблемы требует установления численности трудящихся зарубежных славянских стран, паходившихся в России, изучения деятельности имевшихся у них политических организаций, выявления связей революционных организаций интернационалистов с большевицкой партией, рассмотрения деятельности иностранных групп РКП(б) и Федерации иностранных групп, анализа печати интернационалистов, издававшейся в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе, Минске, Смоленске, Иркутске, Ташкенте и других городах, изучения участия интернационалистов в Красной Армии, в строительстве советского государственного аппарата и т. д. Таким образом, даже один лишь элемент проблемы Октябрьской революции — вопрос об интернационалистах — распадается на большое число тем, требующих для своего решения участия и координированных усилий широкого круга славистов.

Представляется, что работа по исследованию участия зарубежных интернационалистов, в том числе интернационалистов из зарубежных славянских стран, в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России может быть развернута в нескольких направлениях.

Одним из таких направлений может явиться всестороннее изучение политической, военной, трудовой деятельности интернационалистов в отдельных местностях Советского государства. Другим направлением изучения истории участия интернационалистов в борьбе за утверждение и победу Советской власти должно явиться создание обобщающего труда, в котором был бы показан, наряду с вкладом всех интернационалистов в дело победы пролетарской революции в России, вклад интернационалистов славянских стран. Естественно, что такой труд мог бы отвечать своим задачам лишь в том случае, если бы он опирался на ряд исследований отдельных сторон темы. Третьим направлением можно считать подготовку документальной публикации, которая содержала бы материалы, отражающие отношение интернационалистов ко всем значительным событиям в жизни Советского государства, к борьбе за победу Советской власти в центре и на местах.

Было бы целесообразно подготовить обстоятельную хронику деятельности иностранных интернационалистов в Советском государстве в 1917—1920 гг.

То, что связанные с деятельностью интернационалистов материалы находятся не только в московских архивах и книгохранилищах, но и в боль-

в России (1917—1921). В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957.

шинстве республиканских и областных государственных архивов и библиотек и в партийных архивах, создает исключительно благоприятные условия для включения в разработку темы большого числа исследователей. Представляется, что в изучении темы могли бы принять самое деятельное участие как соответствующие академические учреждения, так и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его республиканские филиалы, Главное архивное управление и его местные органы, университетские кафедры и отдельные исследователи. Возможно, что проведение этой работы потребует создания какого-либо организационного центра либо группы, либо специального научного совета по исследуемой теме. Правильное планирование и координирование изучения выдвигаемой темы могут обеспечить наибольшую эффективность затрачиваемых усилий и приблизить науку к решению всей проблемы о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на историю зарубежных славянских народов.

Л. Б. Валеv, В. С. Парсаданова, Г. М. Славин,
Н. А. Шленова

**ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ
«СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
ПРОТИВ ФАШИЗМА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»**

История совместной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны занимает все большее место в научных исследованиях. Недавнее прошлое живо перекликается с настоящим, с событиями наших дней, с борьбой народов за предотвращение новой войны, против империалистической агрессии, за мир и демократию. Отсюда вытекают важнейшие задачи историков, в частности историков-славяноведов, в создании трудов, разоблачающих человекопенавистническую, антинародную, антиславянскую политику гитлеровского фашизма, показывающих решающую роль Советского Союза в разгроме германского империализма, важную роль, которую сыграли в этой войне народы славянских стран, неотвратимость поражения агрессивных империалистических сил, наконец, показывающих внутренние силы, благодаря которым славянские народы сумели сбросить фашистское и империалистическое иго и пойти по пути социализма. Историки-славяноведы должны раскрыть закономерность социальных и политических изменений в послевоенном мире, и в частности в зарубежных славянских странах, в итоге победы над фашизмом.

Правильное освещение вопроса об участии зарубежных славянских народов в борьбе против фашизма в период второй мировой войны имеет большое политическое значение. Буржуазно-империалистические фальсификаторы, распространяющие фальшивый тезис об «экспорте революции», пытаются использовать историю рассматриваемого нами периода для обоснования политики «холодной войны» и подготовки новой агрессии. Наряду с этим делаются попытки толковать события этого периода в духе ревизионистской программы СКЮ, искажающей историческую правду.

В изучении комплекса вопросов, связанных с борьбой трудящихся зарубежных славянских стран в период второй мировой войны, марксистско-ленинская историческая наука за последние 15 лет достигла определенных успехов как в СССР, так и в зарубежных славянских странах.

Марксистско-ленинская постановка ряда принципиальных вопросов, связанных с этой проблемой, была дана еще в ходе войны в партийных документах, выступлениях и статьях руководящих деятелей КПСС, коммунистических и рабочих партий. К этим вопросам в первую очередь относятся: принципиальная оценка характера Великой Отечественной войны и империалистической сущности гитлеровской агрессии против Советского

Союза и других стран, а также характеристика программ Отечественного, Национального и других фронтов, в большинстве случаев представлявших по существу общенациональные демократические платформы во время борьбы за освобождение; оценка алтинародной политики реакционных режимов и т. п.

Почти все указанные документы и материалы относятся скорее к источникам, чем к собственно историографии вопроса.

Анализ и оценка движения сопротивления против фашизма, народно-демократической революции и роли Советского Союза в освобождении трудящихся зарубежных славянских стран от гитлеровского ига содержится в партийных документах, статьях и речах руководителей коммунистических и рабочих партий этих стран в первые послевоенные годы. В те годы в Советском Союзе, а также в Польше, Чехословакии, Болгарии появились первые статьи и брошюры историков, трактующие отдельные стороны или общие аспекты проблемы. Однако эти работы, имевшие, как правило, популяризаторский и обзорный характер, не обладали достаточной научной глубиной.

Подлинно научное исследование интересующей нас проблемы как в Советском Союзе, так и в зарубежных славянских странах развернулось по существу лишь в последнее десятилетие, особенно в последние несколько лет. Недостаточная ее разработка в первый период после войны объясняется следующим: слабость источниковедческой базы (многие источники были недоступны, не был систематизирован и опубликован ряд материалов и документов, имеющих первостепенное значение); малочисленность кадров советских историков-славистов, а также историков-марксистов в зарубежных славянских странах.

За последние годы положение существенно изменилось. Значительно продвинулась работа по выявлению, сбору и публикации материалов, освещающих комплекс вопросов, связанных с борьбой народов зарубежных славянских стран против фашизма. Имеется уже большая мемуарная литература, авторами которой являются главным образом участники народно-освободительного движения. Вышел ряд документальных сборников. Усилилась работа по сбору и классификации архивных фондов. Важную роль в повороте внимания историков к исследованию проблем новейшей истории сыграли решения, принятые XX и XXI съездами КПСС, съездами коммунистических и рабочих партий зарубежных славянских стран. Большое значение имели научные дискуссии, конференции.

Опираясь на марксистско-ленинские установки, которые были даны в партийных решениях и выступлениях выдающихся деятелей коммунистического и рабочего движения, используя упомянутые выше документальные материалы и архивные источники, советские, польские, чехословацкие, болгарские ученые приступили к написанию сначала небольших исследований, а затем и к созданию монографических трудов по истории борьбы народов зарубежных славянских стран против фашизма в период второй мировой войны.

Среди обобщающих исторических исследований, в которых разработана интересующая нас тема, следует назвать соответствующие главы второго тома «Истории Болгарии» и третьих томов «Истории Польши» и «Истории Чехословакии», выпущенных Институтом славяноведения АН СССР в 1954—1960 гг., а также главы, посвященные этому периоду во втором томе «Истории Болгарии», изданном в 1955 г. Институтом истории Болгарской Академии наук, и третьем томе «Истории Чехословакии», подготовленном Институтом истории Чехословацкой Академии наук. Следует упомянуть также и о соответствующей главе «Истории Болгарской коммунистической партии (в помощь изучающим историю БКП)». Эта книга, подготовленная Институтом истории БКП при ЦК БКП и выдержавшая

в Болгарии несколько изданий, вышла в 1960 г. в Москве в русском переводе. Проблемы совместной борьбы славянских народов против фашизма в годы второй мировой войны рассматриваются и в вышедших недавно двух томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза».

Как в обобщающих трудах, так и в монографических исследованиях поставлено много общих, но немало и специфических вопросов, вытекающих из конкретно-исторической действительности.

Можно выделить следующие основные группы вопросов:

1) социально-экономическое положение трудящихся зарубежных славянских стран в период фашистской оккупации;

2) движение сопротивления и вооруженная борьба трудящихся зарубежных славянских народов против немецко-фашистских оккупантов и их приспешников, а также история коммунистических и рабочих партий в этот период, являвшихся организующей и направляющей силой национально-демократического фронта борьбы против фашизма;

3) военное сотрудничество народов славянских стран в борьбе против немецких захватчиков;

4) международное положение и внешняя политика зарубежных славянских стран в период второй мировой войны.

На настоящем совещании нет нужды подчеркивать важность научной разработки вопроса о совместной борьбе советского и югославского народов против общего врага — германского милитаризма. Известно, что югославские ревизионисты пытаются подорвать основы традиционной дружбы между братскими народами Югославии и Советского Союза, бросить тень на Советский Союз и ослабить симпатии к нему у югославских трудящихся. Поэтому документальный рассказ о событиях недавнего прошлого, показ всего того, что объединяло и объединяет наши народы, имеет не только научную, но и большую политическую ценность.

Между тем наша историческая наука сделала еще очень мало для решения этой неотложной задачи.

Попытки ряда югославских историков показать в неправильном свете освободительную миссию Советского Союза, появление в Югославии изданий, фальсифицирующих историю, лишний раз подчеркивают необходимость новых советских трудов на тему о совместной борьбе советского и югославского народов в годы второй мировой войны.

* * *

В настоящее время советскими историками-славистами и историками зарубежных славянских стран предпринимаются попытки восполнить пробелы в освещении ряда слабо разработанных сторон проблемы «Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма».

Предприняты следующие работы: Институт славяноведения АН СССР готовит «Очерки истории народной Польши»; в них будет освещен и завершающий этап второй мировой войны.

Сдан в издательство сборник статей «Из истории рабочего и национально-освободительного движения в Польше». Две статьи этого сборника посвящены образованию ППР, содружеству советских и польских партизан на территории Польши. Ряд исследований готовится на Украине, Белоруссии и других местах.

Капитальные труды задумали польские историки. Они подготавливают новые сборники документов: «Избранная политическая публицистика ППР 1942—1944 гг.», документов Гвардии людовой и Армии людовой. Сотрудники Института истории партии при ЦК ПОРП пишут монографии по общим вопросам (история рабочего движения в 1939—1944 г.). по исто-

рии партии, истории народной власти, истории движения сопротивления в отдельных местностях.

В настоящее время в Чехословакии Институт истории КПЧ готовит к изданию сборник документов КПЧ за период 1939—1945 гг., сборник статей и очерков «КПЧ в борьбе за свободу». В Чехословацко-советском институте в Праге готовится работа Ч. Аморта «Советская Армия в чешских землях в 1944—1945 гг.» Чехословацкие историки ставят перед собой на ближайшее будущее ряд задач по изучению национально-освободительной борьбы чехов и словаков 1939—1945 гг. Ряд документальных сборников и исследований готовят сотрудники Института истории БКП при ЦК болгарской компартии и Института истории БАН.

Семилетний план Института славяноведения предусматривает разработку ряда тем, связанных с проблемой совместной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны.

Краткий обзор того, что сделано и что делается историками Советского Союза и зарубежных славянских стран для разработки этой проблемы, приводит к следующим выводам. Несомненно, что за послевоенные годы сделано немало для того, чтобы создать правдивую картину событий второй мировой войны, показать, как трудящиеся славянских стран рука об руку выступали против общего врага. Труды наших историков, напоминая о недавнем прошлом, служат сегодняшнему и завтрашнему дню, способствуют повышению бдительности народов в отношении возрождающегося германского милитаризма. Но несомненно также и то, что в нашей работе есть еще много пробелов, много важных тем, которых еще не коснулось перо исследователя. Мы думаем, что на нашем совещании следовало бы определить круг вопросов, подлежащих первоочередной разработке, с тем, чтобы привлечь внимание наших историков, занимающихся проблематикой второй мировой войны, к наиболее актуальным темам и вопросам.

Среди вопросов и тем можно было бы выделить следующие:

1) история боевого содружества народов славянских стран в годы минувшей войны. У нас нет еще труда, где бы эта тема была разработана достаточно полно. А необходимость в этом назрела, ибо нужно дать нашему читателю и читателям за рубежом цельное, обобщенное представление о вкладе, который внесли славянские народы в дело разгрома фашизма;

2) актуальной задачей продолжает оставаться показ роли Советского Союза в освобождении Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии, в обеспечении победы народной революции в этих странах, показ отношений между СССР и этими странами в годы войны;

3) следует также раскрыть внутренние процессы, которые подготовили победу народно-демократической революции в славянских странах, охарактеризовать расстановку классовых сил, показать, как создавался и укреплялся союз рабочего класса с крестьянством. Исследование народно-демократической революции в славянских странах поможет решить ряд теоретических вопросов, по поводу которых нет еще необходимой ясности;

4) одним из ведущих направлений в наших исследованиях должно быть изучение деятельности коммунистических и рабочих партий, роста их влияния на массы. В то же время следует до конца разоблачить реакционные силы и показать, в чьих интересах они действовали;

5) мы должны также усилить научную критику работ буржуазных историков и публицистов, дающих искаженное и нередко просто фальсифицированное изображение событий, связанных с борьбой славянских народов против фашизма. Нужно уделить больше внимания югославской проблематике;

6) Нужно более энергично заняться расширением источниковедческой

базы и публикацией документов, отображающих освободительную роль Советского Союза в отношении зарубежных славянских стран;

7) одной из самых неотложных наших задач по-прежнему остается более глубокая теоретическая разработка важнейших проблем рассматриваемого периода, подготовка фундаментальных обобщающих работ.

До сих пор усилия координировались в основном в пределах какого-либо одного научного учреждения. Настало время, когда координация наших усилий должна осуществляться в гораздо более широких пределах. Тогда можно будет более рационально использовать наши силы.

Разумеется, вполне правомерны исследования на одну и ту же тему, если каждое из них вносит что-то новое, оригинальное в разработку этой темы. Вместе с тем ясно, что ряд актуальных задач, связанных с исследованием проблемы «Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны», может и должен решаться согласованно, координированно.

Сектор новой и новейшей истории Института славяноведения мог бы взять на себя координацию работы историков, изучающих проблему, о которой идет речь в нашем докладе. Для начала можно было бы предложить организовать координацию исследований по трем темам.

Первая тема охватывает работы, посвященные раскрытию истории боевого содружества народов славянских стран в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны; вторая тема включает труды об исторической роли СССР в освобождении народов Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии и победе народно-демократической революции в этих странах, показывая отношения между СССР и этими странами в годы войны; третья касается вопросов, связанных с разоблачением фальсификаций буржуазных историков и публицистов, а также ревизионистов всех мастей, извращающих историю борьбы славянских народов в годы второй мировой войны.

Как мы представляем себе координацию работы по этим вопросам? Прежде всего следовало бы подготовить общий план исследований по данным темам. Затем можно было бы наладить взаимную информацию о ходе и результатах исследований, на основе этой информации создать нечто вроде справочной картотеки. Весьма полезно было бы — и это вполне можно сделать — устраивать периодические обсуждения важнейших вопросов, возникающих при разработке названных тем, и наиболее интересных рукописей на конференциях и совещаниях в Москве, Киеве и других городах, в которых исследования будут вестись наиболее интенсивно. Хорошо поставленная взаимная информация явится предпосылкой для организации коллективной разработки некоторых вопросов, поможет выпуску тематических сборников.

И. Миллер

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Одной из основных задач марксистско-ленинской исторической науки является изучение истории борьбы трудящихся масс, истории революционного и национально-освободительного движения. История классовой борьбы, история революционного движения — это именно та область исторической науки и самой истории, которая особенно близка не только историкам, но и народу, обращающему к истории для того, чтобы полнее и глубже осознать и оценить то, чем он живет и за что он борется сегодня. Громадно, поистине неизмеримо значительнее истории революционной борьбы для воспитания молодого поколения, для укрепления в широчайших массах народа благородных традиций, действительно служащих делу строительства коммунизма, делу формирования человека коммунистического общества.

Среди задач советского славяноведения большое место принадлежит проблематике межславянских и, естественно, в первую очередь русско-славянских исторических связей. Эта не совсем удачная и принятая лишь для краткости формула подразумевает исторические связи *всех* народов нашей страны и прежде всего восточнославянских народов — русского, украинского, белорусского — с зарубежными славянскими народами. Именно в этом смысле следует понимать и тему настоящего доклада и употребление в нем формулы «русско-польские революционные связи», которая *называет* важнейшую и обширнейшую область связей народов нашей Родины и польского народа, но *подразумевает* всю сумму этих связей, т. е. и связи украинско-польские, белорусско-польские, литовско-польские и т. д. Очевидно, что среди всех многообразных исторических русско-славянских связей — экономических и литературных, политических и научных — революционные связи выступают на первый план как проблема, имеющая особенно актуальное научное и общественное значение.

Сегодня в единой семье государств социалистического лагеря нас объединяют столь же близкие отношения с польским народом, как и с другими народами стран социализма. Но реальное историческое содержание революционных связей народов нашей страны с зарубежными народами неодинаково, оно обусловлено конкретными условиями прошлого, и нет ничего удивительного в том, что именно русско-польские революционные связи имеют особенно богатое содержание, что именно они вырастают до масштаба проблемы большого научного и общественного значения.

Польский народ — наш ближайший сосед, с жизнью которого была особенно тесно и многообразно переплетена жизнь народов нашей страны

на протяжении веков, со времен Киевской Руси и Древнепольского государства. В течение целого исторического периода народы Украины, Белоруссии, Литвы оказались связаны с польским народом рамками одного государства — Польского государства.

Иными по содержанию, но не менее существенными по своей значимости оказались русско-польские связи со времени разделов Польши. Сам факт подчинения власти русского царизма значительной части польских земель (не говоря уже о входивших ранее в состав Польского государства непольских землях, на которых, однако, продолжало жить значительное численно и весьма активное политически польское население) обусловил огромную интенсивность русско-польских отношений в политическом, экономическом, культурном планах. В истории польского народа это целая эпоха, притом эпоха сравнительно близкая, от нее нас отделяет менее полувека. Время, предшествующее Великой Октябрьской революции и воссозданию Польского государства, живо в памяти людей старшего поколения.

Формирование понятий и традиций отнюдь не сводится к стихийному процессу народного творчества. Огромное воздействие на него оказывали господствующие классы, используя все обширные находившиеся в их распоряжении средства. Основной же тенденцией господствующих классов и старой России и старой Польши в вопросе русско-польских отношений было сознательное стремление к разобщению народов, воспитанию взаимного недоверия и вражды. Не следует забывать и о том, что в то время как в России Октябрьская революция решительно положила предел распространению антипольской националистической скверны, в Польше на протяжении еще четверти века с удвоенной силой при использовании уже государственного аппарата велась антирусская и антисоветская пропаганда. Обо всем этом необходимо сказать, чтобы правильно оценить все значение воссоздания истинной истории русско-польских отношений XIX—XX вв., освобождения ее от всего нагроможденного в этой области националистическими фальсификаторами.

Русско-польские революционные связи — это одна из страниц русского, российского революционного движения и при этом одна из прекраснейших его страниц. Сто лет назад Маркс образно назвал Польшу, отношение к ней термометром революций. Вот такое значение термометра, или пробного камня на протяжении целого века вплоть до Октябрьской революции Польша и отношение к ней имели для русского революционного движения, и Ленин с гордостью отмечал, что русские революционеры (не в пример Драгоманову и подобным ему мещанам) умели оценить значение польского движения, что они с честью выходили из того сложного испытания, которое создала для них история в виде польского вопроса. Напоминание об общей значимости рассматриваемой нами проблемы представляется уместным, для того чтобы оценить и имеющиеся успехи и существующие пробелы.

Остановимся кратко на уже достигнутых марксистской наукой результатах изучения рассматриваемой нами проблемы, отмечая попутно наиболее существенные моменты, еще требующие исследования. Выражение известной неудовлетворенности и призыв к расширению научной работы в этой области ни в коей мере не может означать и не должен восприниматься как недооценка того, что уже стало достоянием науки. Напротив, сделано уже немало; уровень ряда опубликованных трудов заслуживает весьма высокой оценки, накоплен богатый опыт работы, имеются квалифицированные кадры, способные обеспечить дальнейшее успешное исследование проблемы русско-польских революционных связей. Задачу нашего нынешнего обсуждения мы видим не в том, чтобы начать эту работу, она уже давно ведется, а в том, чтобы обсудить насущные ее потребности,

привлечь к ней еще большее внимание исследователей, наиболее эффективным образом скоординировать их усилия.

Особенностью истории русско-польских революционных связей, совершенно закономерно отражающей как органическую их связь со всем ходом революционного движения в России, так и близость, параллелизм развития русского и польского исторического процессов, является то, что периодизация истории этих связей соответствует ленинской периодизации истории русского революционного движения. Эти связи возникли и развивались на этапе дворянской революционности; они расширились и приобрели новое качество на этапе демократического революционного подъема и народничества; они сыграли выдающуюся роль с переходом революционного движения в его третий, высший этап — пролетарский.

Упомянем здесь кратко и об еще одном аспекте рассматриваемой проблемы. Сходство исторического развития России и Польши подсказывает, что наряду с изучением конкретных революционных связей необходимо изучение в сравнительно-историческом плане развития революционного движения и прогрессивной общественной мысли, даже при отсутствии данных о непосредственных связях и взаимовлиянии. В этой области, к сожалению, мы можем отметить лишь первые шаги (работы Ц. Бобиньской «Сташиц и Радищев», А. Валицкого «Белинский и Дембовский»).

Прежде чем остановиться на работах, посвященных первому этапу русско-польских революционных связей, следует упомянуть о группе вопросов, относящихся к концу XVIII в. и составляющих как бы пролог к основному содержанию проблемы. Об их значении напоминают небольшие заметки наших польских коллег об участии барских конфедератов в восстании Пугачева (З. Млынарский) и русских солдат в восстании Костюшко (Г. Мосцицкий). Представляющие несомненный интерес, эти заметки менее всего претендуют на широкий охват тематики той эпохи. Между тем, здесь есть ряд до сих пор не изученных вопросов, которые, будучи существенны сами по себе, имеют большое значение для последующих десятилетий. Русское общественное мнение, отношение его выдающихся представителей к развитию польской общественной мысли, к таким событиям в Польше, как реформы Четырехлетнего сейма и национально-освободительное восстание 1794 г., наконец, к самим разделам Польши, такой же круг вопросов применительно к Украине, Белоруссии, Литве — все это, безусловно, заслуживает внимания и еще ожидает своих исследователей.

Среди тематики дворянского этапа русско-польских революционных связей центральной, безусловно, является тема, которую обобщенно можно назвать «Декабристы и Польша». Она неизменно привлекает внимание советских ученых, и результаты работы в этой области, особенно если сопоставлять их с тем, что сделано польскими исследователями, значительны. Начало исследованию ее положила М. В. Нечкина в монографии «Общество соединенных славян» (1927), она касалась этих вопросов и в последующих своих трудах, в том числе и в итоговом двухтомном труде «Движение декабристов» (1955). Специально взглядам декабристов на польский вопрос, связям декабристов с представителями польского национально-освободительного движения посвящены исследования И. Беккера, А. И. Бортникова, Л. А. Медведской, П. Н. Ольшанского; в Польше пока издана лишь одна работа Л. Баумгартена.

Более равномерно соотношение польских и советских исследований, посвященных тесно связанному с этой темой вопросу русских контактов и связей филоматов и Адама Мицкевича. Здесь рядом с работами польских историков С. Фишмана и Л. Гомолицкого мы можем назвать труды советских ученых С. Я. Борового, И. К. Горского, М. С. Живова, С. С. Ланды и Б. Ф. Стахеева.

Новые работы по декабристской тематике характеризуются не только углублением анализа, но и расширением области исследования. Наряду с традиционным изучением вопросов, относящихся к Южному обществу и Обществу соединенных славян, С. С. Ланда и П. Н. Ольшанский обратились к Обществу военных друзей.

Успехи, достигнутые в изучении темы «Декабристы и Польша», делают вполне реальной перспективу разработки этой темы с использованием *всех* имеющихся в наших архивах материалов, и в частности мало до сих пор привлекавшихся дел членов польского Патриотического общества. Особенный интерес представляет сравнительное изучение формирования идеологии русского и польского дворянского революционного движения в первой четверти XIX в.

Общеизвестны строки «Былого и дум» Герцена, ярко рисующие воздействие польского восстания 1830—1831 гг. на умы прогрессивных русских людей. Однако тема влияния восстания 1830 г. на русское общество не получила еще освещения в нашей литературе: лишь косвенно она затронута в монографии И. А. Федосова о революционном движении в России во второй четверти XIX в.

В долгу остаются советские историки и в отношении темы восстания 1831 г. в Литве, в связи с которой, естественно, мог бы быть поднят весь круг вопросов польско-литовских революционных связей первой трети XIX в., о роли и значении польского революционного движения в Литве.

Заслуживает внимания и изучения вопрос о степени знакомства русского общества с деятельностью польской эмиграции после восстания 1830 г.

В последние годы создано несколько новых работ по вопросам русско-польских революционных связей конца 30-х годов. Среди этих работ, основанных на материалах советских архивов, следует в первую очередь назвать большое исследование М. Вежховского, дающее много нового материала о деятельности Шимона Конарского. Русской революционной группе в Литовском корпусе и попытке А. Кузьмина-Караваева освободить Конарского посвятил еще не опубликованную работу советский историк В. Г. Вержбицкий. Как много нового и ценного содержит в себе тематика революционных связей конца 30-х годов, отраженная в документах под наименованием «конарщина», свидетельствует исследование А. Ф. Смирнова о кружке Франца Савича, представляющем собой важное звено в истории белорусско-польских революционных связей и отражающем уже отчетливую эволюцию от дворянской революционности к революционному демократизму.

Широкое поле для исследования украинско-польских революционных связей представляет история революционного движения 30—40-х годов в Галиции. В. А. Борису, систематически изучающему фонды ЦГИА УССР во Львове, вслед за ценными находками, относящимися к истории собственно польского революционного движения (воззвания Юлиана Госляра и Эдварда Дембовского), удалось обнаружить весьма интересный пропагандистский документ рубежа 30-х и 40-х годов на украинском языке. Тематика связей украинской и польской прогрессивной мысли того времени затрагивается в книге Г. Ю. Гербильского. Несомненно, однако, что сделанное является лишь началом в разработке этого весьма интересного и перспективного круга вопросов.

Литература о русско-польских революционных связях периода революционной демократии весьма значительна. Вслед за первыми работами, вышедшими еще в конце 1920-х и 1930-х годах, польских историков-марксистов Я. Витковского и Э. Пшибышевского (Ч. Ясиньского) и советских историков Б. П. Козьмина, С. Н. Драницына и С. И. Шкроба в послевоенные годы появилось несколько десятков крупных исследований и статей

как советских, так и польских авторов. Не пытаюсь перечислить все эти работы, назовем крупнейшие из них. Целиком проблемам русско-польских революционных связей посвящены книги Ю. Ковальского «Русская революционная демократия и восстание 1863 г. в Польше» (1949, 2-е изд. 1955), И. М. Белявской «А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов» (1954), З. Млынарского и П. Лоссовского «Русские, украинцы и белорусы в восстании 1863 г.» (1959), сборники статей, изданные Польско-советским институтом и Институтом славяноведения. Выдающимся деятелям революционного движения 60-х годов — Потебне, Сераковскому, Калиновскому — посвящены работы З. Млынарского и А. Слиша, В. Кордовича, З. Марциняка, З. Цвека, А. Ф. Смирнова, В. А. Дьякова и др. Среди исследований отдельных вопросов русско-польских революционных связей 60-х годов нужно назвать работы В. Р. Лейкиной-Свирской, Т. Г. Снытко, Г. Г. Фруменкова, А. З. Барабоя и др. Вопросы революционного движения в Литве и Белоруссии, неотделимые от проблематики общерусского и польского революционного движения, рассматриваются в исследованиях Ю. И. Жюгжды, С. А. Лазутки, Л. Н. Бичкаускаса-Гентвилы, А. Ф. Смирнова и др. Большое место отводят вопросам русско-польских революционных связей новейшие общие работы по истории восстания 1863 г. (С. Кеневич, У. А. Шустер и др.).

С удовлетворением отмечая, что изучение революционных связей 60-х годов ведется широким фронтом, а приближающееся столетие восстания 1863 г. несомненно будет встречено рядом новых работ, следует назвать круг вопросов, либо требующих в силу своего значения дальнейшего, более глубокого анализа, либо почти не затронутых еще исследователями.

Кратко и поверхностно, скорее как введение к обширной теме 60-х годов, а не как самостоятельный и важный вопрос, освещаются пока русско-польские революционные связи конца 40-х и 50-х годов. Это можно сказать даже о такой теме, как первые годы деятельности вольной русской типографии в Лондоне.

Несмотря на ряд новых исследований о восстании 1863 г. в Литве, Белоруссии, на Украине, далеко не все вопросы освещены и не все результаты работ могут быть приняты без дискуссии. О недостатках в этой области красноречиво говорят соответствующие разделы в изданных несколько лет назад коллективных трудах по истории Украинской и Белорусской ССР. Ждет еще своего исследователя такая яркая тема русско-польских революционных связей, как Комитет русских офицеров в Польше. Комплекс отношений «Земли и Воли» и польского освободительного движения 60-х годов еще не охвачен в целом, даже наиболее привлекающие внимание исследователей его фрагменты, например «Казанский заговор», еще не изучены с привлечением всех доступных архивных материалов.

Большим и важным кругом вопросов являются русско-польские революционные связи после подавления восстания 1863 г., связи подпольных организаций в самой России и в эмиграции. Эта тема подводит нас к следующему десятилетию, степень изученности которого резко отстает от изученности проблем 60-х годов.

Несомненно, что недостатки работы в области изучения русско-польских революционных связей 70-х, а также 80-х годов тесно связаны с длительным перерывом в работе по истории народничества. Сейчас, однако, мириться с этим мы не можем. Те несколько небольших статей и заметок, которые были опубликованы Польско-советским институтом в его квартальнике и сборнике статей, не заполняют существующего пробела.

Сказанное в полной мере относится и к тематике начала рабочего движения. Почин, положенный в свое время серьезными исследованиями И. Волковичера, не получил дальнейшего развития в советской науке.

Изданные польскими историками исследования и публикации по истории «Пролетариата» лишь частично освещают проблематику связей с русским революционным движением. Несомненный интерес представляют работы польских историков, особенно Ю. Козловского, об украинско-польских революционных связях в Галиции и роли в них Ивана Франко. Многого можно ожидать от разработки этой проблематики на материалах львовских архивов.

Нельзя признать удовлетворительным состояние изучения русско-польских революционных связей третьего, пролетарского этапа революционного движения. По существу о широкой исследовательской деятельности в этой области можно говорить лишь применительно к эпохе первой русской революции. Ряд работ советских и польских историков посвящены революции 1905 г. в Польше, особенно много исследований вышло в свет в связи с 50-летием революции 1905 г. Развитие революционных событий в Польше рассматривается в них как важная и неотъемлемая часть общероссийской революции 1905—1907 гг., исследователи основное внимание сосредотачивают на таких событиях в Польше, как революционные бои варшавского пролетариата, лодзинское восстание, большое значение которых для развития революции было отмечено В. И. Лениным.

Однако недостаточная разработанность вопросов истории революционного движения 90-х и начала 900-х годов, а также 1907—1914 гг. существенно сказывается на изучении истории русско-польских революционных связей. До сих пор не создана монография «Ленин и польское революционное и национально-освободительное движение». Разумеется, не может заменить такой работы та полезная сводка документального биографического материала, которая дана в книгах Ю. Серадского «Польские годы Ленина» (1960) и В. Найдус «Ленин в Польше» (1953).

Было бы, на мой взгляд, весьма полезно и способствовало бы оживлению исследований по истории связей русского и польского рабочего движения в дооктябрьский период совместное с польскими историками издание важнейших документов, подобное уже ведущейся совместной публикации материалов по истории советско-польских отношений.

Выпуску на обсуждение настоящего совещания вопросы русско-польских революционных связей, Институт славяноведения полагает, что большим задачам, стоящим в этой области перед советской славянистической наукой, соответствуют большие возможности организации исследований, ведущихся во многих научных центрах, что обмен мнениями, определение форм и методов координации работы на данном совещании могут дать существенный положительный результат.

Основная работа Института славяноведения по вопросам истории русско-польских революционных связей связана сейчас с подготовкой большой документальной серии по истории восстания 1863 г. Это издание подготавливается совместно с польскими научными учреждениями, Главным архивным управлением, а также научными учреждениями и архивами Литовской, Белорусской и Украинской ССР. Проблематика революционных связей народов нашей Родины и польского народа занимает в упомянутом издании определяющее место.

Наряду с этим документальным изданием коллектив института с участием многих авторов извне издает сборники статей «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов» и готовит несколько монографий. Как итог всей большой работы по тематике восстания 1863 г. институт намечает в дальнейшем подготовку коллективного обобщающего труда.

Уже установлены контакты со многими учеными научных учреждений союзных республик и Польской Народной Республики.

Мы полагаем, что та группа молодых научных работников, которая осу-

ществляет в институте работы по тематике восстания 1863 г. и именно на этой тематике приобретает и совершенствует свою научную квалификацию, и в дальнейшем будет заниматься разработкой истории русско-польских революционных связей. Определяющей формой работы в будущем, как мы полагаем, будут монографии, а основным ее направлением — проблематика второй половины XIX и начала XX в.

Опыт работы над публикацией по истории восстания 1863 г. показал, как важно и целесообразно совместно с архивами выявлять документальный материал и создавать картотеки по основным вопросам истории Польши, польского революционного и национально-освободительного движения и польско-русских революционных связей. По мнению и инициативе некоторых центральных архивов возможно и целесообразно постепенно развернуть выявление материалов (до сих пор оно ограничивалось хронологическими рамками 1856—1870 гг.) по всему XIX и началу XX вв., упростив и облегчив формы описания и картотек или ограничившись составлением квалифицированных обзоров. Такая работа, в особенности если в нее включится ГАУ и широкая сеть наших областных и республиканских архивов, создаст большое подспорье для исследователей русско-польских революционных связей, базу, которой смогут пользоваться работники всех научных учреждений нашей страны.

Большие задачи по изучению революционных связей стоят перед историками Украины, Белоруссии, Литвы, в особенности в связи с запланированной работой по написанию многотомных историй республик, а отчасти и такими изданиями, как «Украинская советская энциклопедия». Мы предлагаем обменяться мнениями относительно форм научных контактов, которые могли бы содействовать успешному решению этих задач, организовать совместное обсуждение спорных вопросов, а возможно и совместную координированную разработку тех или иных тем.

К представителям научных учреждений Львова — университета, Института общественных наук и Библиотеки АН УССР, архивов — мы обращаемся с просьбой высказаться относительно перспектив работы львовского научного центра, перед которым обилие и специфика хранящихся во Львове документальных материалов ставят важные задачи по изучению истории польского революционного и национально-освободительного движения и его связей с украинским и русским обществом и революционным движением.

Специфика польского революционного движения и русско-польских революционных связей позволяет организовать их изучение в больших или меньших масштабах, не только опираясь на центральные или республиканские архивы, но и на многие местные архивы, в том числе архивы Поволжья, Урала, Сибири. Эти архивы сохранили немало материалов о революционной деятельности поляков-ссыльных, например о создании конспиративных организаций и попыток восстаний в 30-х и 60-х годах XIX в. Эти архивы хранят немало материалов о влиянии польских революционеров на развитие революционного и оппозиционного движения в местах их ссылки, о вкладе ссыльных польских ученых в развитие русской науки, о сердечном и приветливом отношении к изгнанникам простых русских людей, своей заботой и помощью облегчавших им тяжесть ссылки, помогавшим понять всю пронасть, отдалявшую душепителя Польши — русский царизм — от русского народа. Известная работа над этими материалами ведется, но она еще далеко не достаточна. Мы просим научных работников университетов и пединститутов, представителей архивов поделиться своими соображениями о перспективах, задачах и формах координации в этой области.

Положение советской исторической науки при разработке истории русско-польских революционных связей исключительно благоприятно. На

нашей стороне не только подлинно научная методология, позволяющая дать ответ на вопросы, перед которыми останавливалась в бессилии буржуазная наука, не только свойственная марксистской науке и советскому народу свобода от националистической ограниченности и предвзятости. Фактором огромного значения является то, что советская историческая наука выступает как представительница той партии, которая опрокинула и уничтожила русский царизм, русских помещиков, русскую буржуазию и принесла национальное освобождение польскому народу. Ничто не мешает нам, советским историкам (и мы можем и должны доказать это каждому поляку), в полный голос говорить правду и о преступлениях царизма и господствующих классов царской России против польского народа, и о героической совместной борьбе русских и польских революционеров, борьбе «за нашу и вашу свободу». А летопись этой совместной борьбы богата такими именами, такими страницами истории, которые составляют гордость и нашего и польского народа, с ними связана славная традиция революционного братства и дружбы народов, послужить укреплению которой — и долг и честь для историка.

М. Н. Тихомиров

**ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ
РУССКИХ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЕРМИНАМИ
ИЗ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ
И НЕСЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

На вечернем заседании исторической секции академиком М. Н. Тихомировым был сделан доклад «Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников».

В своем докладе М. Н. Тихомиров подчеркнул необходимость дальнейшего углубленного изучения общеславянской средневековой терминологии, поскольку общность словаря тех или иных народов показывает и общность их культуры, общие черты их экономической и политической истории, а применительно к славянским народам способствует изучению проблемы общеславянского единства.

Исследованием общеславянских юридических и социальных терминов, отметил М. Н. Тихомиров, занимались многие ученые, главным образом русские, польские и чешские, отчасти болгарские и сербские. Разработка этих вопросов раннеславянской истории в особенности получила большое развитие благодаря трудам Б. Д. Грекова, который заново поднял вопрос об общеславянском единстве, общеславянском окружении «Русской Правды». Покойный академик М. И. Сперанский в своих работах впервые поставил вопрос не только о влиянии южнославянских (болгарских и сербских) средневековых памятников на древнерусские, но и об обратном влиянии русских произведений той эпохи на южнославянские памятники. Однако труды М. И. Сперанского, к сожалению, до сих пор не изданы полностью; а в целом проблемы, связанные с изучением общеславянской средневековой терминологии, исследованы еще мало (можно назвать лишь работы Ловмянского и др.).

В связи с этим М. Н. Тихомиров в своем докладе остановился на ряде древнерусских терминов из летописей и «Русской Правды», которые еще не нашли удовлетворительного объяснения в исторической литературе; при этом, анализируя их значение, докладчик использовал данные средневековых польских, хорватских, сербских источников.

В частности, одним из наиболее неясных вопросов, как указал М. Н. Тихомиров, является вопрос о древнерусской *десятине*, который связан с церковным уставом князя Владимира Святославича и постройкой им Десятиной церкви (991—996 гг.). Долгое время в исторической литературе шел спор о том, откуда произошла десятина в Киевском государстве: католические историки (Амманн и др.) старались доказать католическое, запад-

ное происхождение этого термина, в то время как известный русский канонист Павлов склонен был выводить древнерусскую десятину из Византии.

В дополнение к этим толкованиям докладчик предложил сопоставить древнерусскую десятину с аналогичными терминами из памятников средневековой Хорватии и Польши, где «десятина» обозначала подать и давалась от жита, от торга и т. д., т. е. так, как это указано в грамоте киевского князя Владимира. Таким образом, по мнению М. Н. Тихомирова, древнерусская десятина была связана с какой-то реформой Владимира, порвавшего с византийской патриархией. В конце X в. на Руси устанавливается десятина, что, видимо, находилось в связи с развитием других славянских стран (Польши, Чехии, Хорватии). Позднее, с усилением влияния константинопольского патриарха, десятина постепенно исчезает. Этот вывод, разумеется, не только очень смел и неожидан, отметил докладчик, но и показывает, что Киевская Русь была гораздо ближе к соседним славянским странам в период раннего средневековья, нежели иногда представляют.

Лишь с помощью такого толкования десятины, продолжал М. Н. Тихомиров, можно понять один загадочный текст «Русской Правды», где говорится о «девятине» (наряду с десятиной). Как десятина представляла собой первоначальную подать князю со свободных смердов, так и девятина, — указал академик Тихомиров, ссылаясь на хорватские средневековые источники, — была одной из крестьянских податей и существовала наряду с десятиной.

М. Н. Тихомиров указал также, что в южнославянских памятниках существуют термины, аналогичные древнерусским терминам «дача» (в известной статье «Русской Правды»: «А в даче не холоп...») и «милость». Привлечение этих текстов южнославянского происхождения (в частности, сербских и хорватских) позволяет в значительной мере осветить многие темные стороны русских исторических памятников. При этом возможности сопоставления вовсе не ограничиваются лишь приведенными выше терминами; это относится и к понятиям: «закуп», «кмети» и др.

Докладчик отметил, что изучение проблемы общеславянского единства может быть весьма плодотворным и на материале топонимики, в частности названий славянских городов. Известно, что многие города Сербии, Хорватии, Польши носят названия чрезвычайно близкие или тождественные (Белгород — Белград, Вышеград и др.). В то же время русские и славянские города не носят названий германских или скандинавских, что показывает всю беспочвенность «норманской» теории, свидетельствует, что у славян города возникли раньше прихода норманнов и не были основаны варягами.

В заключении доклада М. Н. Тихомиров призвал уделить больше внимания разработке проблем славянского единства и раннеславянского средневековья. Настало время, подчеркнул он, более внимательно отнестись к собиранию материалов и изданию общеславянских памятников (таких, как «Закон Судный людем»*, который издается Институтом славяноведения Академии наук СССР).

* «Закон Судный людем. Краткой редакции», М., 1961. «Закон Судный людем. Пространной и сводной редакций» выйдет в конце 1961 г. — начале 1962 г.

В. Д. Королюк

**НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ
И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(VII—XI вв.)**

В пятнадцатилетие, прошедшее с момента окончания второй мировой войны, вопросы истории раннесредневекового периода продолжали занимать важное место в исследованиях историков славянских стран. В известной мере это было связано с тем, что проблемы образования государственности у славянских народов, вопросы истории их духовной и материальной культуры в период раннего феодализма по-прежнему полностью сохраняли свою научную и общественно-политическую актуальность. В борьбе против западноевропейской и американской буржуазно-националистической историографии ученым славянских стран неоднократно приходилось вступать в научную полемику с разного рода теориями, отрицающими способность славян к самостоятельному общественному и культурному развитию, принижаящими их самобытную культуру или сводящими весь культурный прогресс славянских народов к элементарно упрощенному процессу односторонних заимствований.

В настоящее время можно констатировать крупные успехи славянской историографии, посвященной эпохе раннего средневековья. Значительно увеличилась, пополнилась и даже изменилась за истекшие 15 лет источниковедческая база исследований, рассматривающих раннефеодальный период в истории славян. Расширение этой базы шло главным образом за счет выявления и исследования больших комплексов новых памятников материальной культуры славянских народов. Особенно значительных достижений добились советские, польские и чехословацкие археологи. Новые и важные материалы собраны и изучены также археологами Болгарии и Югославии, хотя в этих странах по-прежнему отмечалось заметное преобладание работ, посвященных памятникам античной эпохи. О необходимости расширения археологических исследований в области раннего средневековья говорят и сами южнославянские археологи.

Археологические данные характеризуют прежде всего материальную жизнь общества, развитие производительных сил и обмена. Но, опираясь на эти твердые данные сохранившейся в земле летописи производственной деятельности людей, историки получают возможность уверенно судить о тогдашнем социальном строе общества, господствовавших в нем производственных отношениях, о характере существовавшей в ту эпоху надстройки. Данные археологии позволяют более полно понять случайные и косвенные указания современных событиям письменных источни-

ков, с большей уверенностью использовать имеющийся сравнительно-исторический материал, наконец, дают возможность привлечь к исследованию показания более поздних и, как правило, более полных письменных источников.

Необходимо, однако, констатировать, что не все этапы раннефеодального периода изучены с одинаковой полнотой с точки зрения расширения базы исследований.

Особое внимание необходимо обратить на то обстоятельство, что археологическими материалами очень слабо или почти не освещены такие важные в истории славян периоды, как VI—VIII вв. для восточных славян, VI—VII вв. для чехо-моравских и словацких племен. Очень мало сделано археологами по этим векам и для южного славянства. Самого тщательного обследования требуют памятники материальной культуры паннонских и прибалтийских славян VI—IX вв.

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что дальнейшее исследование многих существенных сторон и процессов раннефеодального периода (в частности, более точная датировка его начальной грани), процессов классообразования и формирования народности в самое ближайшее время потребует тщательного изучения всего длительного периода распада первобытно-общинных отношений у славян, анализа по памятникам материальной культуры экономических и культурных отношений раннего славянства с античным рабовладельческим миром, ранних славяно-кельтских, славяно-германских, славяно-болгарских отношений, истории передвижения в Европе славянских племен.

Что касается письменных источников, то круг исследуемых памятников не претерпел за последнее время радикальных изменений, хотя и расширился несколько за счет выявления и публикации такого нового типа источников, как древнерусские грамоты на бересте. Зато весьма существенные сдвиги произошли в области критического издания известных уже письменных источников, их комментирования и научной интерпретации. Именно в послевоенные годы издание памятников древнеславянской письменности, памятников средневекового славянского права, латинских, греческих, арабских, сирийских, армянских, скандинавских и других источников, относящихся к эпохе раннего средневековья, заняло весьма видное место в работе как историков СССР, так и историков всех зарубежных славянских стран.

Основные исследования историков и археологов славянских стран в послевоенный период концентрировались главным образом вокруг таких узловых проблем, как развитие материальной культуры раннесредневекового славянского общества, его социально-экономическое развитие, история классовой борьбы, а также история духовной культуры. Появились крупные обобщающие исследования, подводящие итоги и намечающие новые пути изучения основных процессов социально-экономического развития раннесредневекового славянского общества.

Заметно менее интенсивно разрабатывались вопросы истории государства и права у славян в период раннего средневековья, вопросы их политического развития, экономических и политических связей с другими восточноевропейскими странами, странами арабского востока и Западной Европы. Большое научное и политическое значение этих вопросов бесспорно должно побудить советских историков усилить интенсивность своей работы и в этой области исследований.

В итоге работы советских и зарубежных славистов в настоящее время решены следующие вопросы:

а) высокий уровень развития производительных сил, достигнутый славянами к моменту общего крушения рабовладельческого строя в Европе, позволил славянским народам миновать в своем развитии рабовладение

как социально-экономическую формацию и прямо перейти от первобытно-общинного строя к феодальному;

б) материальные предпосылки образования государственности у славян (развитие пашенного земледелия, ремесла и металлургии, начавшийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства) сложились уже на протяжении первой половины и начала второй половины I тысячелетия н. э.;

в) образование государственности у славян было результатом внутреннего социально-экономического развития славянского общества, результатом появления внутри него классов и классовых антагонизмов. Теории, изображающие появление государственности у славянских народов как результат иноземного завоевания (норманская и родственные ей теории), лишены каких-либо исторических оснований;

г) все известные по письменным источникам IX—X вв. государственные образования у славян бесспорно имели феодальный (точнее раннефеодальный) характер. Феодальная природа таких государственных образований у славянских народов, как Киевская Русь, Первое болгарское царство, Древнечешское, Древнепольское, Хорватское государства, не вызывает сейчас уже никаких сомнений.

Тот факт, что уже в IX—XI вв. указанные выше государства у восточных, южных и западных славян имели вполне отчетливый характер феодальных государств, позволяет ставить вопрос о перенесении начальной грани феодального периода в истории славян еще более в глубь веков. Сравнение показаний письменных источников (главным образом византийского происхождения) об общественном строе славян с некоторыми имеющимися уже археологическими данными (появление в VIII—IX вв. укрепленных «городов», «градов», играющих роль феодальных замков) позволили ряду советских и польских историков предположительно выдвинуть в качестве такой начальной грани рубеж VI—VII вв. н. э.

В результате была получена следующая схема: раннефеодальный период, т. е. период зарождения и становления феодальных отношений и государств на основной территории расселения славянских народов, охватывает широкий отрезок времени — приблизительно с VI—VII по X или XI в. В этом большом периоде следует выделять два основных этапа — этап зарождения феодальных отношений и появления у славян первых государственных образований и этап утверждения феодальных отношений и образования относительно единых крупных феодальных государств. Условным рубежом между этими этапами для отдельных славянских народов могут быть приняты VIII или IX в.

Нужно подчеркнуть, однако, что единогласия между исследователями в отношении приведенной схемы достигнуто не было. Оспаривается главным образом первый этап схемы, охватывающий период VI—VII—VIII или даже IX вв. Рядом советских, польских и чешских ученых в качестве начальной грани раннефеодального периода выдвигаются VIII—IX вв. За предшествующими политическими образованиями на территории славян не признается характер государства. Особенно ярко эта дискуссия отражается в работах, касающихся так называемой державы Само и даже Велико-моравской державы, которые отдельными исследователями рассматриваются как союзы племен.

Вопрос о начальной грани раннефеодального периода требует самого тщательного археологического обследования памятников не только VI—VII вв., но и по крайней мере IV—V вв.

Не предвешая исхода дискуссии по этому вопросу, хотелось бы только заметить, что основные социально-экономические процессы в раннефеодальном обществе развивались крайне длительно и замедленно. Учитывая же общий уровень производства, достигнутый славянами еще в течение

первой половины I тысячелетия н. э., в настоящий момент представляется более правильным принять для раннефеодального периода широкие, а не узкие хронологические рамки, т. е. высказаться за VI—VII вв. как начальную грань раннефеодального периода в истории славянских народов.

В таком случае придется, по-видимому, согласиться и с тем, что так называемые племенные княжения, занимавшие часто обширную территорию, соответствующую территориальным рамкам военно-племенных союзов, являлись уже не политическими организмами первобытно-общинного строя, а примитивными формами политических организмов классового строя, зародышевыми формами государственности, пришедшими на смену древним племенным союзам.

Тот факт, что все славянские народы в своем историческом развитии миновали рабовладение как социально-экономическую формацию и непосредственно перешли от первобытно-общинного строя к строю феодальному, не значит, конечно, что славянам вообще не были известны рабовладельческие формы эксплуатации. Никто как будто не оспаривает сейчас предположения, что рабство должно было закономерно появиться у славян, как и у всех других народов, в результате первого большого разделения труда и появления металлов. Подчеркивается только, что институт рабовладения носил у славян патриархальный характер, рабовладение не стало социально-экономической формацией.

Более сложным представляется вопрос о значении рабства у славян в период раннего средневековья. Обычно отмечается, что это был затухающий социально-экономический уклад, что рабы играли незначительную роль в производственной деятельности общества, являясь главным образом товаром, шли на продажу на иностранные рынки. В связи с этим ставится и вопрос о терминах источников. Термин *раб* толкуется как термин, охватывающий и феодально-зависимое население.

Во всех этих замечаниях наблюдениях бесспорно очень много важного и правильного. Нам представляется, однако, существенным подчеркнуть, что картина социально-экономического развития была более сложной и институт рабства выполнял в раннефеодальном славянском обществе более важную историческую задачу.

Совершенно естественно было бы предположить, что в период крушения первобытно-общинного строя на территории славян, когда связи их с античным рабовладельческим миром значительно расширились и окрепли, институт рабства у славян должен был получить особенно интенсивное развитие, способствуя социальной дифференциации общества. Многие польские и частично советские историки очень сильно подчеркивают этот тезис применительно к общественной жизни славян на территории Польши в III—IV вв. н. э.

Частое появление в письменных источниках периода раннего средневековья термина *раб* (челядин, *servus*, холоп, раб — в Законе Судном людем и др.), означающего человека, лишенного средств производства и прав, которого господин мог продать и убить, свидетельствует как будто бы в пользу того, что рабовладельческий уклад продолжал развиваться и на первых этапах раннефеодального периода, когда наличие рабов помогало землевладельческой знати укреплять и расширять свое привилегированное экономическое и политическое положение в обществе.

Достигнув сравнительно высокого уровня развития производительных сил, достаточного для перехода к феодальным отношениям, хотя еще и не исключавшего рабства, славяне в условиях краха рабовладельческого способа производства в остальной Европе и интенсивно развивающегося у них феодального хозяйства могли перейти непосредственно к феодализму. В условиях развития феодальных отношений рабовладельческий уклад не мог, разумеется, стать ведущим, но он мог способствовать развитию

самого феодального уклада, усиливая могущество феодализирующейся знати и поставляя готовые контингенты зависимого населения. В раннефеодальном славянском обществе путь к феодальной зависимости пролегал не только от свободного общинника через подчинение крупным землевладельцем его земли и его личности к феодально-зависимому крестьянину, но и через раба, посаженного на землю, к феодально-зависимому крестьянину.

Формулируя это в качестве общего положения, нельзя, однако, не оговориться, что значение этого фактора для формирования феодальных отношений в разных славянских странах конечно не было одинаковым. В одних (Польша, Русь, полабо-прибалтийские славяне) он сказывался сильнее, в других (Сербия) был значительно менее заметным.

То обстоятельство, что развитие и отмирание рабовладельческого уклада оказывается тесным образом связанным с процессом становления феодальных отношений, может помочь объяснению факта сосуществования в раннефеодальном обществе двух видов феодальной ренты: ренты-дани, предполагающей наличие многочисленного свободного крестьянства, и примитивной отработочной ренты, коренящейся в рабовладельческом укладе.

В литературе, особенно советской, применительно к балканским землям часто ставится вопрос о синтезе старых античных и новых славянских общественных отношений как основе, исходном пункте их дальнейшего социально-экономического развития. К сожалению, однако, проблема синтеза до сих пор остается чрезвычайно слабо разработанной. Если в известной мере разработка ее редется применительно к Византии, то когда речь заходит об образовании южнославянских государств, вопрос этот полностью замалчивается, обходится исследователями как советскими, так и южнославянскими. Между тем даже простое сопоставление фактов заставляет считать проблему синтеза первоочередной задачей славистических исследований, причем во внимание должны приниматься не только данные общественных отношений, но и факты устойчивости античных традиций в области материальной жизни общества, его духовной культуры.

Самое беглое сопоставление хорошо известных в науке фактов позволяет прямо констатировать, что переход к феодальному строю происходил у славянских народов на не вполне идентичной основе. В то время как на Руси, в Польше и у полабо-прибалтийского славянства этот переход совершался на территории, никогда не знавшей рабовладельческого способа производства, на территории Чехословакии, в Хорватии, Болгарии и у паннонских славян обстоятельства складывались иным образом. Славянам и их раннефеодальной государственности предшествовал на Балканах и в Паннонии развитый античный способ производства. На территории Чехословакии до славянского переселения существовала раннерабовладельческая кельтская цивилизация, позднее оказавшаяся в орбите провинциальной римской культуры, частично даже под властью рабовладельческого Римского государства. Вместе с тем именно эти последние области раннесредневекового славянского мира стали областями наиболее быстрого процесса развития феодализма, здесь интенсивнее шел процесс образования государственности, они легче и раньше других славянских стран усвоили типичную для средневековой Европы форму надстройки — христианство.

Наблюдение это заставляет поставить вопрос о необходимости пристального изучения возможно сохранившихся в названных славянских странах некоторых традиций, связывавших раннефеодальную славянскую цивилизацию с предшествовавшим ей античным миром. Изучение этих традиций должно, разумеется, вестись с учетом всех радикальных этнических перемен и громадного разрушения производительных сил, которые пережили рассматриваемые территории в период крушения античного

рабовладельческого мира и великого переселения народов. Априори можно сказать, что традиции эти в разной мере сохранились, оказали далеко не одинаковое влияние на развитие отдельных народов и государств. По-видимому, они прочнее оказались на территории Болгарии в приморской Хорватии, чем, допустим, на территории Чехословакии.

В современной славянской историографии разоблачены реакционные теории о якобы извечной отсталости и культурной несамостоятельности славянских народов. Разрушены построения, ставившие своей целью доказать, что средневековая славянская культура и экономика были лишь результатом переноса на славянскую почву достижений германских или иных народов. Показана активная роль славянских народов в процессе крушения и ликвидации в Европе зашедшего в тупик рабовладельческого способа производства и становления феодальной Европы.

Ни в какой мере не игнорируя и не уменьшая научного значения исследований, построенных в указанном плане, нам хотелось бы обратить внимание на другую сторону явлений. Самостоятельное развитие ни в какой мере не означает развитие изолированное. Культурная или экономическая изоляция никогда не благоприятствовала прогрессу экономики или культуры. Социально-экономическое и культурное развитие славянских народов тоже не происходило в условиях изоляции. Между тем связям и отношениям в области культуры и экономики славянских народов с другими народами Европы и Востока в нашей литературе отводилось до сих пор совершенно незначительное место. Сравнительное изучение исторического развития славянских народов в раннефеодальный период позволяет высказать предположение, что степень и широта экономических и политических связей с передовыми феодальными странами Европы и Востока, интенсивность культурного общения с передовыми очагами средневековой цивилизации (мы имеем в виду прежде всего Византию и арабский Восток, Италию и мусульманскую Испанию) оказывали определенное влияние даже на темпы развития процесса феодализации у славян. Соседство и тесные связи с наиболее развитыми феодальными странами благоприятствовали более быстрому развитию феодальных отношений. Очевидно, именно этим в известной мере объясняется тот факт, что процессы феодализации и оформление феодальной государственности в VIII—IX вв. интенсивнее происходили у болгар, чехо-моравских и словацких племен, хорватов и на Руси, чем в расположенных на отдаленной периферии тогдашней Европы польских и полабо-прибалтийских землях. Да и в пределах расселения одной народности отмеченную выше закономерность было бы сравнительно нетрудно проследить. Достаточно вспомнить летописную антитезу полян и древлян. Киевщина и Новгород определенно обгоняли северо-восточную Русь, в Польше Мазовия заметно отставала в своем развитии от Малой Польши и Силезии, более тесно, чем она, связанных с европейскими очагами феодализма и испытывавших непосредственное влияние близкого более развитого феодального соседства (Великая Моравия, Древнечешское государство, Русь). Паннонские, моравские и словацкие земли шли впереди чешских, а прибалтийские славяне прогрессировали быстрее, чем сербо-лужицкие.

В связи с этой неравномерностью социально-экономического развития славянских стран находится, как правило, и усвоение ими христианства — мировой феодальной религии. Исключение составляют полабо-прибалтийские славяне, где христианизация задерживалась кровавой агрессией германских феодалов.

Принятие христианства было прогрессивным актом, поскольку оно содействовало развитию феодальных отношений, оформляло феодальную надстройку общества.

Это не означает, однако, что в IX—X вв. язычество было у славян идео-

логией первобытно-общинного строя. Возникновение иерархии богов отражало процесс приспособления славянского язычества к условиям классового общества. Примером такого приспособления является религиозная реформа Владимира Святославовича на Руси и сложная организация языческого культа у прибалтийских славян. Утверждению трансформировавшегося в классовую религию язычества в качестве господствующей религии мешало наличие в Европе более развитой мировой феодальной религии — христианства. В соперничестве с язычеством христианство неизбежно должно было взять верх и по общеполитическим причинам, по условиям внешнеполитического развития славянских государств в Европе. Христианизация укрепляла их международные позиции, упрочивала экономические и культурные связи с передовыми странами, в то время как язычество могло лишь осложнить их. Не случайно поэтому, что языческие традиции оказывались наиболее прочными в периферийных районах тогдашнего славянского мира, в Польше и северо-восточных русских землях. К сожалению, изучение славянского язычества все еще привлекает слишком мало внимания историков-славистов.

Формирование относительно единых раннефеодальных государств, охватывающих в основном территорию той или иной складывающейся славянской народности, шло путем поглощения одних племенных княжений другими. Выделялись и вели борьбу между собой основные политические центры объединения. Объединение это завершалось под руководством наиболее сильного княжества. Как правило, выделялся не один, а два или несколько очагов, вокруг которых развивался процесс консолидации отдельных земель в крупное относительно единое раннефеодальное государство. В Чехии явление это вылилось в борьбу пражского князя с княжеством Славинковцев, в Польше легко прослеживается малопольский и великопольский очаги образования относительно единого государства.

В ходе борьбы за политическое объединение страны развивался конфликт между местной племенной знатью, с одной стороны, и знатью центрального племени и поддерживающей усиливающуюся княжескую власть дружинной знатью — с другой. Местная племенная знать часто использовала в своем конфликте с центральной властью классовую борьбу эксплуатируемого крестьянства. Особенно показательны в этом отношении события 1037—1038 гг. в Мазовии и на Поморье и 60-е годы XI в. в Бодрическом государстве. Конфликт не был, конечно, антагонистическим противоречием раннефеодального общества. В рамках его совершался процесс консолидации и формирования господствующего класса феодалов. Это тоже еще слишком слабоизученная в историографии проблема.

Как установлено советскими и другими исследователями, наличие серьезной военной опасности действовало, как правило, ускоряющим образом на процесс образования крупных славянских государств. Однако приходится считаться и с тем фактом, что наличие внешней опасности не всегда ускоряло, а могло и затормозить образование крупных славянских государств. Гипертрофия этого внешнего фактора могла способствовать замедлению процесса усиления центральной власти и серьезно изменить соотношение сил центральных и центробежных и центростремительных тенденций в раннефеодальном обществе. История полабо-прибалтийских славян и поморян, история сербских племен, когда исключительно серьезная и напряженная международная обстановка была постоянно действующим фактором, является иллюстрацией к этому положению.

Особенностью развития сербских, полабо-прибалтийских и поморских славян является крайняя длительность, а у полабо-прибалтийских и поморских славян и незавершенность процесса образования крупных относительно единых раннефеодальных государств, причем заключительной стадии этот процесс у названных народов достигал тогда, когда в обществе

вызревали уже социально-экономические предпосылки феодальной раздробленности, что делало образующиеся государства крайне непрочными.

Специфической чертой развития государственности у полабо-прибалтийских и поморских славян в X—XI вв. является слабость княжеской власти и наличие очень отчетливых элементов раннефеодального республиканизма, когда власть сосредотачивалась в руках совета знати, включающего в себя и жреческую верхушку. Такая слабость княжеской власти не была, по-видимому, явлением изначальным, а была следствием длительного процесса, явлением вторичным, связанным не только со сложным международным положением, но и, возможно, с особенностями развития базиса раннефеодального общества у полабо-прибалтийских и поморских славян — все это тоже вопросы, требующие исследования. Спецификой развития базиса у них является наличие большого числа крупных и могущественных торговых городов, превращающихся в своеобразные феодальные республики. Близкую аналогию к политическому развитию полабо-прибалтийского и поморского славянства являют собой новгородские земли Древней Руси и, может быть, приморская Хорватия.

Но и у полабо-прибалтийских (бодричи) и у поморских славян на протяжении X—XI вв. и частично в XII в. шел процесс усиления княжеской власти. В борьбе за укрепление своих позиций княжеская власть пыталась опираться на внешнюю помощь (Готшалк, поморские князья). Поскольку подъем значения центральной княжеской власти происходил в условиях развивавшихся в рамках общества отношений феодальной раздробленности, процесс этот не мог не оказаться сложным, прерывающимся и незавершенным.

Переход к классовому обществу является, как известно, временем формирования народностей. В раннефеодальный период происходил и процесс формирования славянских народностей. Процесс этот был тесно связан с образованием относительно единых раннефеодальных государств.

В тех случаях, когда образование крупных раннефеодальных государств происходило относительно быстро, не прерывалось какими-либо политическими катастрофами, образующиеся народности, консолидирующиеся в рамках единого государства, получали наиболее благоприятные условия для своего общественного и культурного развития.

Такие благоприятные условия для своего развития имела, например, польская народность. Даже тогда, когда образующаяся народность вынуждена была ассимилировать более или менее значительный иноплеменный элемент, наличие единого государства создавало ей выгодные условия для развития. Этот случай очень ярко характеризует историю Руси и Болгарии, древнерусской и болгарской народностей. Наоборот, длительность и незавершенность процесса образования единого раннефеодального государства тормозили и осложняли процесс консолидации народности, как это видно на примере племен сербского происхождения, прибалтийско-полабского и поморского славянства. Политическая катастрофа, прервавшая историческое существование Великоморавской державы, прервала, по-видимому, и начавшийся процесс образования в ее рамках единой народности. На основе последней сложились позднее в рамках Древнечешского государства чешская и в границах Венгрии — словацкая народности. Результатом государственной слабости, катастрофически тяжелых политических условий существования может быть даже такая историческая трагедия, как исчезновение большей части прибалтийско-полабского славянства и славян в Паннонии, поглощенных немецким и венгерским этническими элементами.

Судьбы народности и судьбы создаваемых ею раннефеодальных государств оказываются, таким образом, в очень сложной и тесной связи между собою.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

На межсекционном заседании и заседаниях исторической секции были заслушаны доклады И. А. Хренова, В. Д. Королюка, С. А. Никитина, Л. Б. Валева и др., А. Я. Манусевича и др., И. С. Миллера, академика М. Н. Тихомирова. В прениях выступило свыше 40 человек — представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Саратова, Воронежа, Черновиц и других городов СССР. Оживленный обмен мнениями развернулся по таким выдвинутым в докладах кардинальным проблемам советского славяноведения, как строительство социализма в славянских странах народной демократии, славяно-германские отношения и борьба против реваншистской идеологии западногерманского остфоршунга, генезис капитализма в славянских странах, формирование славянских наций и др.

Большое внимание историков привлекли также вопросы совместной борьбы трудящихся славянских стран против фашизма и участия зарубежных интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне.

Выдвинутые в докладе И. С. Миллера предложения об изучении польско-русских революционных связей были поддержаны историками Литвы, Белоруссии, Украины, а также сотрудниками Государственного архивного управления.

Большой отклик среди участников совещания нашли доклады М. Н. Тихомирова и В. Д. Королюка, посвященные проблемам раннефеодальной истории.

Выступавшие поделились опытом совместной работы, уже осуществляемой различными научными организациями, и внесли ряд предложений по координации исследований, проводимых научными учреждениями Союза ССР и других социалистических государств. В этой связи прежде всего были названы такие проблемы, как участие зарубежных интернационалистов в борьбе за победу пролетарской революции в России, влияние Великого Октября на славянские народы, освободительная борьба славянских народов против фашизма, сплочение социалистических наций, революционные и культурные связи славянских народов, проблема раннего феодализма и развития государственности у славянских народов и др.

Все выступавшие в прениях по докладу И. А. Хренова подчеркивали важность и актуальность поставленных в нем проблем.

Профессор *Н. П. Фарберов (Москва)*, отметив правильность намеченных в докладе направлений исследования проблемы строительства социализма в славянских странах народной демократии, указал на настоятельную необходимость изучения вопросов строительства социалистической государственности, социалистической демократии как главного фактора

в развитии этой государственности, как условия, обеспечивающего активное участие самих народных масс в строительстве социализма. Он заявил, что особенно важным является выяснить значение ряда мероприятий, осуществленных в последние годы в Чехословакии, Болгарии, Польше по улучшению деятельности всех государственных органов, дальнейшему совершенствованию управления народным хозяйством, всемерному привлечению трудящихся к осуществлению государственных функций. В этом отношении очень характерна новая Конституция Чехословацкой Социалистической Республики. Конституция рассматривает дальнейшее повышение роли представительных государственных органов как одно из важнейших звеньев углубления социалистического демократизма.

В исследовании проблемы строительства социалистической государственности важное значение имеет изучение все повышающейся роли общественных организаций. Н. И. Фарберов считает вполне правомерным, что проблема развития социалистической государственности в направлении перерастания в государственное общественное самоуправление занимает видное место в планах научно-исследовательских работ Института государства и права Академии наук.

И. С. Кравченко (Минск) заявил, что наряду с разрешением проблем, поставленных в докладе, задачей Института славяноведения и всех ученых-славистов должна быть разработка вопросов общего славяноведения, взаимоотношения славян, общности их жизни, революционной борьбы. Он подчеркнул необходимость рассматривать проблемы славяноведения в тесной связи с историей русского, белорусского и украинского народов.

И. Н. Мельникова (Киев) подчеркнула, что проблемами, поставленными в докладе, не исчерпываются задачи, стоящие перед Институтом славяноведения. Если по Чехословакии, заявила она, хорошо представлена тематическая разработка основных проблем возникновения и развития народно-демократического строя, социалистического строительства, то гораздо хуже обстоит дело с исследованием подобных проблем по Болгарии и Польше. И. Н. Мельникова отметила далее назревшую необходимость постановки такой важной темы, как возникновение и развитие социалистических наций.

Это одна из сложнейших тем, но огромный опыт работы советских историков является залогом ее успешного решения. И. Н. Мельникова сообщила о плане создания сотрудниками Института истории искусств УССР коллективной монографии «Украина и зарубежные социалистические страны», о целях этой работы и ее значении. Ученые-слависты Украины, отметила далее И. Н. Мельникова, в решении стоящих перед ними больших задач используют опыт работы Института славяноведения.

Указав на большое значение совещания для координации работы ученых-славистов, *И. Д. Кундюба (Киев)* считает необходимым включить в круг намеченных проблем также такую важную и актуальную тему, как история советско-польских отношений в послевоенный период, по которой имеется огромный круг источников. Разработка этой темы, подчеркнул Кундюба, особенно важна еще и потому, что история советско-польских отношений усиленно «разрабатывается» на западе — в США, Англии, Франции, Канаде, Западной Германии и др. Он считает, что главная роль в изучении этой проблемы в советской исторической науке должна принадлежать Институту славяноведения АН СССР.

П. И. Резоноз (Москва) в своем выступлении отметил, что главное значение совещания заключается в сплочении всех сил славистов, в установлении контактов между периферийными и столичными центрами. Он считает, что разработка проблем социалистического строительства в славянских странах народной демократии должна быть в центре внимания ученых всего фронта славяноведения. Выдвинутая в докладе И. А. Хренова

проблематика должна, по его мнению, быть дополнена вопросами, связанными с изучением сотрудничества и совместных действий славянских народов в борьбе против фашистских оккупантов в годы второй мировой войны. Он считает, что главным направлением должно быть изучение проблем, связанных с борьбой славянских народов против фашистских оккупантов за национальную свободу, за установление и укрепление народно-демократического строя, затем проблематика социалистического строительства. Изучение всех этих проблем должно отвечать задачам, поставленным перед работниками идеологического фронта партийными решениями XX и XXI съездов КПСС, важнейшими партийными документами международного коммунистического движения. Он указал на необходимость координировать изучение этих проблем в советских научных учреждениях и научных центрах стран народной демократии.

П. И. Резонов указал далее на ряд проблем, важность и значение которых очевидны. Это классовая борьба в славянских социалистических странах, идеологическая работа коммунистических партий по воспитанию трудящихся в коммунистическом духе, в духе социалистического интернационализма, проблема творческого воплощения в жизнь ленинского кооперативного плана в странах народной демократии. Он подчеркнул, что разработка последней проблемы может быть комплексной, в тесном сотрудничестве с другими институтами, с научными работниками с периферии. П. И. Резонов отметил еще одну проблему, заслуживающую особого внимания наших ученых, — проблему перехода от общедемократических движений к общедемократическим революциям или к социалистическим революциям, имеющую актуальное значение.

В заключение П. И. Резонов, подчеркнув важность создания источниковедческой базы, предложил создать в Институте славяноведения и других институтах свои архивы, где бы хранились материалы и документы полученные из стран народной демократии.

Л. М. Минаев (Москва) рассказал о разработке проблем истории славянских стран в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он сообщил, что за время существования Академии было защищено свыше 70 диссертаций по славянской тематике. Особенно возрос интерес к изучению истории коммунистических и рабочих партий и социалистического строительства.

Остановившись на докладе А. Я. Манусевича, Л. М. Минаев подчеркнул важность проблем, связанных с изучением истории коммунистических партий славянских стран. Он отметил, что очень слабо разрабатывается история рабочего движения Югославии, в частности история социал-демократических партий Хорватии, Словении, Боснии и др., и что до сих пор остаются без ответа ревизионистские работы югославских историков. Он подчеркнул особую важность изучения вопросов, связанных с идейной борьбой в партиях, борьбой против австромарксизма, каутскианства, люксембургизма, анархизма, оппортунизма, национализма — всего того, что явилось почвой для современного ревизионизма.

Большой интерес участников совещания вызвал доклад В. Д. Королюка. Все выступавшие отмечали чрезвычайную актуальность разработки проблемы славяно-германских отношений, особенно в связи с необходимостью вести борьбу против реваншистских измышлений западногерманского остфоршунга.

А. Ф. Мартыненко (Киев) высказал мнение, что наряду с изучением славяно-германских отношений перед советскими учеными стоят также задачи изучения взаимоотношений славянских народов со странами Запада — Англией, Францией и США и др. В качестве примера он привел необходимость разоблачения фальсификации буржуазными историками политики западных держав на Балканах в период русско-турецкой войны

1877—1878 гг., в период становления государственности в Болгарии (1879 г.) и в более позднее время. Особенно недостаточно, по его мнению, исследована политика западных держав на Балканах после 1945 г.

А. Е. Москаленко (Воронеж) отметил настоятельную необходимость изучения славяно-германских отношений; он считает, что одним из вкладов в разработку этой проблемы может послужить опубликование исследований Грацианского по истории полабских славян и германского «дранг нах остен», которые не вошли в изданные Институтом истории АН СССР работы Грацианского по истории западного средневековья.

М. Р. Тульчинский (Москва) в своем выступлении подробно остановился на деятельности западногерманского остфоршунга, его центрах, выпускаемой литературе и той борьбе, которую ведут против остфоршунга историки ГДР и Польши.

В. В. Мартынов (Минск) остановился на лингвистических аспектах славяно-германских отношений, в частности на проблеме проникновения элементов праславянского языка в прагерманский язык. Он указал на чрезвычайную важность решения этого вопроса, тесно связанного с проблемой славянской прародины, в частности с ее висло-одерской локализацией, а также с рядом чисто лингвистических вопросов. Решение этой проблемы, подчеркнул В. В. Мартынов, зависит от широкого сотрудничества лингвистов, историков, этнографов и археологов.

А. С. Бейлис (Львов) поддержал внесенное А. Ф. Мартыненко предложение о необходимости изучения связей и отношений славянских народов с народами Западной Европы и Америки.

А. П. Каждан (Москва), остановившись на характеристике отношений между германцами и славянами в средние века, поставил вопрос о том, в какой мере взаимоотношения между немцами и славянами в то время являлись результатом немецко-славянских противоречий. Когда возникают эти противоречия? И не совпадает ли это с моментом образования наций, когда выдвигаются националистические лозунги, буржуазные в своей основе? По его мнению, все эти вопросы требуют настоящего решения. А. П. Каждан считает также, что критика теории интеграции Европы и остфоршунга в целом нанесет сокрушительный удар и по теории «особого пути» развития Восточной Европы.

В. М. Турок (Москва) обратил внимание на необходимость в связи с изучением славяно-германских отношений разработки проблем истории многонациональной монархии Габсбургов, в состав которой в течение длительного времени входили и многочисленные славянские народы. В. М. Турок указал на пристальное внимание американских, западногерманских и других западных историков к проблемам Австро-Венгрии, к которым они подходят с точки зрения политических задач, продиктованных финансовым капиталом Западной Европы и США. В написанных этими историками монографиях ряд давно мертвых идей оживает для борьбы против социалистического лагеря. Изучение проблем Австро-Венгрии, по его мнению, имеет большое значение для борьбы против клерикализма во всех его формах и проявлениях.

И. М. Кулинич (Киев) подчеркнул огромную актуальность проблемы славяно-германских отношений для украинских историков, исходя из того, какое место всегда занимала Украина в планах германского империализма. Он информировал участников совещания о тех работах, которые выполняют украинские историки в плане изучения отдельных вопросов этой проблемы, не только по отношению к украинскому, но и другим (например, Болгарии) славянским народам. Он подчеркнул, что советские историки должны уделить большое внимание важной стороне славяно-германских отношений — взаимным прогрессивным и революционным славяно-германским связям.

Т. Исламов (Москва), остановившись на идейной концепции остфоршунга, включающего в орбиту своей деятельности не только славянские, но и неславянские народы Восточной Европы, подчеркнул, что только объединив свои усилия, историки, занимающиеся странами Восточной Европы и Германии, смогут дать решительный отпор фальсификации истории славянских и неславянских народов, осуществляемой остфоршунгом. В качестве одного из вопросов, требующего тщательного научного исследования, он называет вопрос о германской колонизации Восточной Европы, которая, по мнению остфоршеров, не имела ничего общего с германизацией, а лишь способствовала подъему экономики и культуры народов Восточной Европы. Исламов поддерживает внесенное В. М. Туроком предложение о комплексном изучении Австро-венгерской монархии Габсбургов и показывает, какое место занимает эта проблема в деятельности остфоршунга, изображающего монархию Габсбургов как «идеальный пример наднациональной организации». Исламов подчеркивает необходимость изучения истории входивших в состав Австро-Венгрии славянских народов в тесной связи с историей Венгрии и Австрии.

Академик АН Литовской ССР *Ю. И. Жюгжда (Вильнюс)* указал на одну из важнейших сторон проблемы славяно-германских отношений — выявление связей между трудящимися тех народов, куда проникла германская агрессия, и трудящимися немцами, которые в силу обстоятельств оказались среди этого населения, т. е. показа общности их социально-экономических интересов и их борьбы против господствующих классов. В качестве примера он приводит антифеодальные выступления литовских и немецких крестьян в период крестьянской войны в Германии 1525—1527 гг. Более обширные материалы по этой проблеме, по его мнению, имеются для периода развития рабочего движения и особенно после победы Октябрьской революции. Подчеркнув необходимость усиления разоблачения реваншистских работ, издающихся в Западной Германии, академик Жюгжда приводит несколько примеров реваншистских измышлений, касающихся истории Литвы и литовского народа.

В. Т. Пашуго (Москва) внес предложение созвать специальную конференцию по освещению деятельности остфоршунга, целью которой было бы объединение сил по борьбе против остфоршунга не только в нашей стране, но и в странах народной демократии.

В своем заключительном слове В. Д. Корольюк еще раз подчеркнул, что первоочередной задачей советских историков-славистов является систематическое изучение современной западногерманской историографии, разоблачение фальсификации истории славянских стран и истории славяно-германских отношений в литературе так называемого остфоршунга, борьба против реваншистской идеологии, насаждаемой остфоршерами Западной Германии. Он поддержал предложение Мартыненко (Киев) об изучении наряду со славяно-германскими также и славяно-американскими отношений.

Все выступавшие в прениях по докладу С. А. Никитина отмечали большую научную значимость проблемы генезиса капитализма в славянских странах и образования наций, предполагающей комплексное исследование с участием не только историков, но и литературоведов и лингвистов.

А. И. Озолин (Саратов) высказался за включение в данную проблему, хотя бы в качестве вступления, характеристики разложения и кризиса феодализма, без чего, по его мнению, невозможно рассмотрение основных проблем генезиса капитализма. А. И. Озолин отметил также недостаточную изученность таких вопросов, как развитие мануфактуры, разложение ремесла, возникновение и развитие рабочего класса, в частности в чешских землях и Словакии. Он считает необходимым поставить вопрос о вто-

ром издании крепостного права в Чехии: с одной стороны, для выяснения ошибочности взглядов буржуазной историографии, утверждавшей, что Чехия развивается по типу стран Западной Европы, а с другой — с точки зрения раскрытия экономических предпосылок кризиса феодальной системы.

Другим вопросом, важным не только для истории Чехии, но и для других славянских народов, является, по его мнению, вопрос о роли феодального государства конца XVIII — начала XX в., в данном случае многонационального феодального государства Габсбургов, тормозившего историческое развитие славянских народов.

И. М. Кулинич (Киев) приветствовал выдвинутое в докладе положение о необходимости изучения указанной проблемы не только для зарубежных славян, но и для той части украинского и белорусского народов, которая на протяжении длительного времени находилась в составе других стран (Австро-Венгрии, Польши и др.). Кулинич считает правильным предложенный докладом в основу принципа определения хронологических рамок проблемы с учетом конкретно-исторических условий каждой отдельной славянской страны. Наряду с этим он подчеркнул необходимость изучения в рамках указанной проблемы взаимных связей не только между славянами, но и с неславянскими народами (венгры, румыны, немцы и др.). Это же мнение высказал в своем выступлении Г. Л. Арш, который указал на необходимость изучения истории сербов и болгар в тесной связи с историей албанского народа.

Н. М. Пашаева (Москва), остановившись на проблемах истории Галиции, считает принципиально правильным постановку вопроса о необходимости изучения истории украинского и белорусского народов в тесной связи с историей народов тех государств, в состав которых они частично входили в данное время.

А. С. Бейлис (Львов) в качестве первоочередной задачи для решения выдвинутой в докладе проблемы внес предложение об обобщении и оценке достижений буржуазной историографии в области славяноведения вообще и проблемы генезиса капитализма в частности.

Вопросы историографии, но несколько в ином аспекте, поднял в своем выступлении и *А. С. Мыльников (Ленинград)*, который в рамках данной проблемы считает необходимым разработку тем, связанных с развитием самой исторической науки, являющейся отражением развития общественной мысли. Он приводит в качестве примера Чехию, где развитие буржуазной историографии неразрывно связано с развитием буржуазной идеологии вообще. Наряду с этим вопросом он остановился также на необходимости изучения и оценки радикально-демократических теорий в Чехии и Словакии.

Г. К. Венедиктов (Москва) в своем выступлении остановился на проблеме формирования и развития славянских национальных языков. Указав на тесную связь этого процесса с социально-политической и культурной историей славянских народов, с возникновением и развитием капиталистических отношений и процессом складывания славянских наций, он согласился с данной в докладе постановкой проблемы, требующей комплексного изучения силами историков, лингвистов и литературоведов. Он отметил далее ряд неясных и не решенных в лингвистической науке вопросов, связанных с изучением формирования национальных языков. Г. К. Венедиктов вносит конкретное предложение — сосредоточить в настоящее время внимание лингвистов, в частности, на изучении межславянских языковых связей в период возникновения и развития национальных литературных языков. Он считает, что именно на основе изучения этого вопроса возможно плодотворное сотрудничество лингвистов, историков и литературоведов.

В. Г. Карасев (Москва) подчеркнул, что проблема, выдвинутая в докладе С. А. Никитина, является «непосредственным откликом на запросы, связанные с дальнейшим развитием нашей науки». Он остановился, в частности, на необходимости рассматривать идеологическое развитие славянских народов в тесной связи с социально-экономическими процессами конкретных славянских стран.

В. А. Жебокрицкий (Киев) и *И. И. Мещеряк (Кишинев)* внесли предложение об изучении историками-славистами истории славянских переселенцев (болгар, сербов, чехов) на Украину и в Бессарабию.

З. Ю. Копыцкий (Минск) высказал ряд пожеланий по поводу тематики проблемы и трактовку отдельных вопросов. Он подчеркнул необходимость исследования эпохи, предшествующей генезису капитализма, т. е. XVII—XVIII вв., прежде всего с точки зрения развития внутреннего и внешнего рынков, торговых и экономических связей, без чего невозможно, на его взгляд, решить ряд вопросов социально-экономического развития, например вопроса о разложении ремесла. Вторым важнейшим предметом исследования должны стать межславянские связи, изучение которых по его мнению, «должно занять ведущее место во всей проблематике славяноведения». Он высказал пожелание ежегодно проводить симпозиумы по проблеме генезиса капитализма в славянских странах.

Ф. П. Шевченко (Киев), отметив важность и малоизученность проблемы, подчеркнул, что она представляет собой первую попытку рассмотрения генезиса капитализма не в отдельной славянской стране, а в ряде стран. Он остановился на некоторых вопросах, затронутых в докладе, но требующих, на его взгляд, дополнения. Ф. П. Шевченко считает, что при изучении данной проблемы в центре внимания историков должны стать две исторические тенденции в национальном вопросе, отмеченные В. И. Лениным. Необходимо учитывать, по его мнению, также следующие моменты: неравномерное развитие капитализма в славянских странах, взаимное влияние славянских национально-освободительных движений, различие конкретных задач национально-освободительной борьбы у разных славянских народов. Выяснение этих обстоятельств может раскрыть особенности объективно-закономерного процесса складывания буржуазных наций у различных славянских народов. Ф. П. Шевченко присоединяется к высказанному В. М. Туроком мнению о необходимости изучения, в рамках данной проблемы, истории славянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии, прежде всего с точки зрения того вклада, который они внесли в жизнь этого лоскутного государства, и той роли, которую сыграла их борьба за освобождение в распаде этой «тюрьмы народов». Он обращает внимание на необходимость изучения славянской эмиграции в европейские страны и Америку и ее вклада в развитие экономики и культуры этих стран и считает также, что при изучении данной проблемы надо обратить особое внимание на значение и роль революционных эпох в национальном пробуждении славянских народов.

С. С. Ланда (Ленинград) в своем выступлении остановился на некоторых аспектах данной проблемы применительно к истории Польши первой трети XIX в., ее национально-освободительному движению, русско-польским общественно-политическим и культурным связям того времени.

С. А. Никитин в заключительном слове отметил, что выдвинутая в докладе проблема нашла большой отклик у участников совещания и основные направления исследования этой проблемы не вызвали возражений. Он остановился на ряде вопросов, в частности на предложении по изучению историографии (Бейлис, Мыльников) и включении в тематику проблемы вопросов, связанных с разложением феодализма. Он информировал заседания о работе над вопросами историографии, предпринятой кафедрой южных и западных славян МГУ. Относительно второго предложения

он считает, что основным изучаемым явлением должны быть процессы формирования капиталистических отношений, складывания наций и развития национальных движений. Поэтому предшествующий период может быть затронут лишь постольку, поскольку возникает необходимость изучения тех явлений, которые приводили к формированию капиталистического уклада.

В прениях по докладу Л. Б. Валева и других выступивший первым *В. И. Клоков (Киев)* отметил политическую актуальность изучения предпосылок образования строя народной демократии, ибо этот вопрос особенно подвергается фальсификации буржуазными идеологами. Он считает, что советские историки должны со всей серьезностью заняться изучением вопроса о происхождении народно-демократической государственности, которая зарождалась в иных условиях, чем советская.

В. И. Клоков подчеркнул, что изучать антифашистскую борьбу народов славянских стран нужно в неразрывной связи с историей антифашистской борьбы народов неславянских стран, чтобы можно было проследить особенности этой борьбы, характерные для славянских стран. Изучая данный вопрос в интернациональном плане, советские историки смогут показать огромную силу содружества всех народов в антифашистской борьбе. Отметив совершенно очевидную слабость разработки вопросов, связанных с современностью, *В. И. Клоков* указал, что особенно это касается истории Югославии периода второй мировой войны. Ибо если история Польши, Чехословакии и Болгарии того периода разрабатывается историками-марксистами этих стран, то история Югославии разрабатывается югославскими историками с ревизионистских позиций. В заключение *В. И. Клоков* сказал, что следует высоко оценить инициативу Института славяноведения, сумевшего организовать и направить работу совещания в соответствии с задачами, поставленными перед советскими историками Совещанием коммунистических и рабочих партий.

В. К. Волков (Москва) поддержал мнение *В. И. Клокова* о неблагоприятном состоянии разработки истории народно-освободительной борьбы в Югославии. Недостаточное внимание советских историков к данной проблеме фактически привело к тому, что югославские историки монополизировали изучение этого вопроса. Ни в одной стране мира нет такого потока литературы по истории народно-освободительного движения, как в Югославии: сотни статей в периодических и непериодических изданиях, многие десятки монографий, большое количество мемуаров, воспоминаний, дневников, хроник и т. д. Издаются два специальных журнала, занимающихся вопросами освободительного и партизанского движений. Координирующим центром является Военно-исторический институт югославской народной армии. Этим институтом предпринято многотомное издание документов о партизанском освободительном движении, уже сейчас насчитывающее 90 томов. Концепции, развиваемые югославскими историками, резко враждебны Советскому Союзу и кардинально расходятся со взглядами советских историков. Они являются результатом ревизионистской идеологии руководства Союза коммунистов Югославии. *В. К. Волков* подчеркнул, что перед советскими историками стоят огромные задачи по разоблачению ревизионистских и антисоветских концепций югославских историков. Для этого надо уделить особое внимание освещению выдающейся роли Советского Союза, Советской Армии в деле помощи югославским народам в годы второй мировой войны. *В. К. Волков* высказал ряд критических замечаний в адрес исторических журналов и издательств, которые зачастую занимают выжидательную позицию в отношении издания тех или иных работ, полемизирующих с югославскими историками.

Академик *И. И. Минц (Москва)* в своем выступлении отметил большое значение совещания для координации работы по славяноведению. Высоко

оценив хорошо аргументированные и богатые материалом доклады Л. Б. Валева и др., А. Я. Манусевича и др., он поддержал предложение А. Я. Манусевича о создании группы по изучению участия интернационалистов в Октябрьской революции. И. И. Минц считает, что ведущую роль в разработке этой проблемы должен сыграть Институт славяноведения.

В. Р. Копылов (Москва) подчеркнул важность изучения истории участия иностранных интернационалистов в Октябрьской революции и роль данного совещания, призванного координировать работу отдельных ученых, занимающихся изучением этой важной проблемы. В. Р. Копылов сообщил о работе Главного архивного управления по выявлению, собиранию и публикации документов и материалов, освещающих участие интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне. Он указал на необходимость координации с учеными зарубежных славянских стран, где есть значительное количество документов и материалов по данной проблеме и живы еще сами участники этих событий. В заключение В. Р. Копылов отметил своевременность создания в рамках Института славяноведения группы по изучению участия иностранных интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне и привлечения широкого круга авторов из Института истории АН СССР и других учреждений.

П. М. Калениченко (Киев) отметил, что доклад А. Я. Манусевича и других дает правильное и целостное представление о состоянии изученности проблемы не только в советской, но и в зарубежной исторической науке и ставит перед советскими историками-славистами конкретные задачи. Он высказался за издание к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции сборника документов (5—8 томов) об участии интернационалистов в борьбе за победу и упрочение Советской власти в России, в котором приняли бы участие историки и архивисты РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Средней Азии. П. М. Калениченко высказался также за издание к 50-й годовщине Великой Октябрьской революции коллективной монографии об участии интернационалистов в борьбе за победу и упрочение Советской власти в России, указав, что историко-ведческая база для такой монографии у нас есть. Для работы над этой темой он предложил создать специальный руководящий орган — редколлегия или ученый совет или то и другое. Издание этих трудов будет хорошим подарком нашей Родине, нашему народу, Коммунистической партии к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

С. М. Стецкевич (Ленинград) выразил полное согласие с теми положениями в докладе А. Я. Манусевича, где говорится о фальсификации буржуазными и правосоциалистическими историками роли и влияния Великой Октябрьской социалистической революции в деле восстановления независимости славянских государств. Он подчеркнул, что советские историки должны мобилизовать все свои усилия, чтобы дать достойный отпор фальсификаторам истории.

И. С. Яжборовская (Москва) подчеркнула важность разработки проблем, связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией. И не случайно проблематика Октябрьской революции, проблематика установления народно-демократической власти и строительства социализма выделены на совещании как узловые. Это самые актуальные проблемы. Разработка этих проблем особенно важна потому, что существует еще влияние идеологии буржуазного запада на страны народной демократии. В заявлении Московского совещания коммунистических и рабочих партий прямо указано, что в странах народной демократии социалистическая идеология уже одержала заметные успехи в борьбе против буржуазной идеологии, но проявления национализма и национальной ограниченности не исчезают

автоматически с установлением социалистического строя, с ними необходима решительная борьба и эта борьба носит длительный характер. Разработка нами всей этой проблематики будет помощью нашим друзьям в их борьбе.

И. С. Яжборовская высказала предложение о создании группы по ряду основных проблем, связанных с влиянием Октябрьской революции на подъем рабочего, коммунистического и национально-освободительного движений, на формирование национальных государств и о целесообразности уже сейчас запланировать совещание для определения возможных тем и форм сотрудничества по этой проблематике.

Т. Г. Снытко (*Москва*) поддержал мнение о необходимости координации деятельности широкого круга научных работников. Он подчеркнул, что вопросы, обсуждаемые на данном совещании, имеют большое политическое значение, ибо они ставят задачи борьбы за мир, задачи пропаганды дружбы народов. Т. Снытко считает вполне осуществимой широкую перспективу научных работ по изучению русско-польских революционных связей, намеченную в докладе И. С. Миллера. По его мнению, Центральный государственный исторический архив СССР в Москве, являющийся основным хранилищем материалов по истории революционного и общественного движения в России и Польше, может служить главной документальной базой при изучении русско-польских революционных связей. Он сообщил, что по теме русско-польских революционных связей в ЦГИАМ имеется около 100 тысяч дел. Отметив отсутствие согласованности в разработке тем не только между польскими и советскими историками, но и учеными из различных учреждений и городов СССР, Т. Г. Снытко считает, что дублирование тем непроизводительно усложняет, кроме всего прочего, обслуживание научных работников сотрудниками архива. В этом вопросе также нужна своего рода координация.

По мнению Т. Г. Снытко, архив может помочь разработке выдвинутых в докладе И. С. Миллера проблем не только предоставлением материала для исследования, но и организацией научной информации, составлением информационных документов, фондовых и тематических обзоров. Но в деле тематического учета документов и занесения их на карточки архивистам должны помочь историки. Координация нужна не только для работы институтов, но и для архивов. Т. Г. Снытко высказался за то, что изучение русско-польских революционных связей нужно начинать с создания общих трудов по истории революционного и общественного движения в России и Польше.

С. М. Байкова (*Минск*) сосредоточила внимание на вопросах изучения белорусско-польских связей и восстания 1863 г. в Белоруссии. Она отметила, что по существу до сих пор нет ни одной монографии, освещающей белорусско-польские связи и восстание 1863 г. на территории Белоруссии, хотя имеются исследования по отдельным вопросам. В частности, больше всего изучались мировоззрение и деятельность Кастуся Калиновского, а само восстание служило лишь фоном его деятельности.

Восстание 1863 г. на территории Белоруссии представляет собой сложное явление. В нем тесно переплелись и взаимно влияли друг на друга не только движение за национальное освобождение различных слоев польского населения, живущих в Белоруссии, но и борьба белорусского народа против национального гнета, белорусских крестьян против грабительской реформы 1861 г. Население Белоруссии было разнородным по своему национальному составу и религиозной принадлежности, что сильно осложняло классовую борьбу. Все это свидетельствует о том, что одному исследователю невозможно разобраться во всем комплексе сложных вопросов без большой подготовительной работы.

С. М. Байкова считает, что началом планомерной работы по этой про-

блеме должно явиться издание совместно с Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории АН Литовской ССР сборника документов по истории восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии. И хотя по данной теме есть ряд дискуссионных и нерешенных вопросов, составители сборника пока не собрались для их обсуждения. С. М. Байкова предлагает провести в конце 1961 г. — начале 1962 г. небольшую теоретическую конференцию по вопросам восстания 1863 г., пригласив на нее всех, кто занимается этими проблемами в истории Польши, Литвы, Белоруссии и Украины.

В. А. Дьяков (Москва) поделился опытом координации работы нескольких научных коллективов по подготовке многотомной публикации о восстании 1863 г. Эта работа проводится Институтом славяноведения в соответствии с соглашением о научно-техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Народной Республикой. С польской стороны ее возглавляет Институт истории ПАН, с советской стороны помимо Института славяноведения в работе участвуют институты истории Академий наук Белоруссии, Литвы, Украины, Главное архивное управление с непосредственно подчиненными ему центральными архивами СССР, а также государственные архивы Украины, Литвы и Белоруссии. Кроме того, постоянную помощь оказывает проблемная группа по изучению революционной ситуации 1859—1861 гг. в России под руководством академика М. В. Нечкиной.

В. А. Дьяков сообщил о планах работы над публикацией. Согласно договоренности польская сторона должна издать восемь томов, советская сторона — семь. Два тома из них посвящены событиям того времени на территории Украины. Эту работу делают украинские товарищи. Два тома посвящены событиям в Литве и Белоруссии. Они, соответственно, создаются совместными усилиями архивистов и ученых Литвы и Белоруссии. Три тома публикации готовит Институт славяноведения. Один из них — следственные показания и записки Оскара Авейде, два других — документы о русско-польских революционных связях конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Эти два тома являются центральными во всей публикации. Они составляют ее идейный стержень, ибо именно в них будет наиболее ярко выражено то, что сближает польский народ с народами Советского Союза.

Во главе всей работы по подготовке издания стоит смешанная советско-польская комиссия. Непосредственным координирующим центром работы является специальная группа, созданная в Институте славяноведения. Координация осуществляется совместной разработкой планов и инструкций, рассылкой информационных материалов, а также путем личного контакта между членами авторских коллективов соответствующих томов. В настоящее время завершается начатая в 1957—1958 гг. работа по выявлению материалов для публикации. Уже сдан в издательство том со следственными показаниями и записками Оскара Авейде. Польская сторона заканчивает подготовку томов о манифестационном периоде и крестьянском движении в Радомской губернии.

Далее В. А. Дьяков рассказал о том, как в процессе работы крепло сотрудничество польских и советских ученых. В частности, советские специалисты выбрали для двух издаваемых в Польше томов ценные материалы, польские историки также помогли Институту славяноведения в формировании тома, который сейчас сдан в печать. В. А. Дьяков выразил уверенность, что несмотря на неизбежные трудности, при условии координации работы большое и ценное издание будет осуществлено. Он сообщил о выходе в свет сборника статей по истории восстания 1863 г. и о подготовке второго и третьего сборников, издаваемых Институтом славяноведения с участием представителей различных учреждений.

В заключение В. А. Дьяков внес предложение шире применять уже оправдавшие себя в ходе работы формы сотрудничества.

В своем выступлении *У. А. Шустер (Ленинград)*, отметив, что в истории русско-польских революционных связей наиболее изучены такие периоды, как 1825, 1863 и 1905 гг., высказал убеждение в том, что необходимо развернуть изучение первой трети XIX в., польской эмиграции, периода русского народничества (его отражение и отклики на него в Польше) и польского рабочего движения конца XIX — начала XX в. (до революции 1905 г.).

Затем *У. А. Шустер* остановился на вопросе о хронологических рамках изучения русско-польских революционных связей. Он считает, что их надо расширить до изучения русско-польских связей вообще. Заслуживают внимания и такие малоизученные проблемы, как прогрессивные, демократические и либеральные течения в польском обществе. Именно эти течения играли роль противовеса пропаганде национализма и внутренней обособленности. *У. А. Шустер* считает, что исследование этих вопросов имеет принципиальное значение также для понимания процессов формирования польского общества. Далее *У. А. Шустер* подчеркивает, что в круг изучения русско-польской тематики должны войти литература и вообще история культуры в Польше. Он отмечает актуальность темы историко-культурных связей и в заключение приводит ряд конкретных тем для исследования, имеющих, по его мнению, прямое отношение к русско-польской тематике: «Польский позитивизм и русская публицистика», «Демократическое направление в польском крестьянском движении в 1905 г. и русское освободительное движение», «Польский вопрос и русское общество», «Польский вопрос и русское общественное мнение» и др.

Академик АН Литовской ССР *Ю. И. Жюгжда* указал на важность вопросов революционного содружества русского, литовского, украинского, белорусского и польского народов. Революционные традиции и связи литовского народа затушевывались или грубо фальсифицировались буржуазной историографией. Буржуазные историки освещали восстание 1863 г. как восстание шляхетское, в то время когда в нем участвовали широкие массы крестьянства. Задача историков — отразить народный характер восстания, показать, что в борьбе против национального гнета литовский народ всегда имел поддержку со стороны русской передовой общественности и польских революционных сил.

Далее *Ю. И. Жюгжда* сообщил, что за последние годы положено начало освещению литовско-польских и литовско-польско-русских революционных связей на территории Литвы в период и после восстания 1863 г. Особенно важной в этом плане, по его мнению, является большая совместная работа по подготовке публикации документов, которая уже ведется. *Ю. И. Жюгжда* присоединился к высказанному в докладе *И. С. Миллера* мнению о большом значении научных контактов в развертывании работы по данной тематике. Он считает, что такие контакты помогут литовским историкам решить много очень сложных вопросов при освещении самых противоречивых исторических явлений и отношений.

В. Р. Лейкина-Свирская (Москва) остановилась на одном конкретном вопросе, затронутом в докладе *И. С. Миллера*, — на истории армейской революционной организации, возглавляемой *А. Потемной*. Хотя история этой организации, заявила она, еще не написана, но она очень важна для изучения вопроса о революционном сотрудничестве русских и поляков в 1860-х годах.

Характерной особенностью этой армейской организации был ее интернационализм. Ее политическая программа совпадала со стремлениями русских революционных демократов. Русские революционеры-офицеры хотели помочь восставшим полякам, они готовы были жертвовать собой, но глав-

ной их целью было пробудить своим примером революционное движение в России и создать революционную армию, которая стала бы авангардом в народном крестьянском восстании, в борьбе с царизмом за землю и волю.

Затем В. Р. Свирская обращает внимание на ошибки в датировке отдельных событий в истории армейской организации. Она считает, что уже летом 1862 г. в организации имелась определенная политическая программа, которая ввиду идейной общности привела к организационному слиянию армейской организации с «Землей и Волей».

А. Ф. Смирнов (*Москва*) считает, что советские историки уделяют тематике русско-польских революционных связей еще недостаточное внимание. Существует также в работах историков Литвы, Белоруссии и Украины недооценка вопросов о связях революционеров Литвы, Белоруссии и Украины с польским национально-освободительным движением.

А. Ф. Смирнов отмечает, что в этом отношении литературоведы Украины и Белоруссии опередили историков. Как пример одностороннего подхода оратор приводит недавно изданную книгу «Революционные демократы на Украине», в которой не показывается польская сторона интернационализма Шевченко и Чернышевского.

Далее А. Ф. Смирнов подчеркивает, что деятельность таких революционеров-демократов, как Чернышевский, всегда имела интернациональное всероссийское значение, и поэтому следует раскрывать полностью значение деятельности великих русских демократов для всех народов России.

Касаясь вопроса о границах 1772 г., А. Ф. Смирнов считает, что советские историки иногда чересчур преувеличивают слабости, имевшиеся во взглядах революционных деятелей Польши. Советские историки должны больше подчеркивать сильные стороны польского национально-освободительного движения, связывая это с проблемой формирования белорусской, литовской и украинской наций.

Г. И. Марахов (*Киев*) остановился на изучении конкретной проблемы русско-польских революционно-демократических связей 50-х — начала 60-х годов XIX в. Отметив сравнительно слабое изучение этой проблемы украинскими историками, выступающий рассказал о работе над проблемой «Общественно-политическое движение на Украине 50—60-х годов». В результате изучения архивных документов исследователи пришли к выводу, что на Украине существовали глубокие связи между братскими славянскими народами. В настоящее время, сообщил Г. И. Марахов, украинскими историками подготовлен сборник документов «Общественное движение на Украине в 1858—1862 гг.», в котором будут освещаться эти вопросы. Кроме того, готовится ряд статей, брошюр и монографий на эту тему. Затем Г. И. Марахов коснулся вопроса об «Украинских громадах». Он считает, что существующие характеристики громады или совершенно неверны или односторонни. Имеющийся в распоряжении исследователей документальный материал позволяет по-новому осветить вопрос о составе, характере и значении громад.

С. С. Ланда поддержал постановку вопроса о культурных, общественно-политических и литературных связях в докладе И. С. Миллера. Он считает, что нашей целью должны быть не цитатно-иллюстративные работы, которые еще редко встречаются, а раскрытие русско-польских политических, общественных и литературных отношений как органических явлений, равно важных для культуры русского и польского народов.

С. С. Ланда подчеркнул, что изучение этих связей позволит поставить и глубже решить ряд назревших вопросов, связанных с проблемами польского и русского Просвещения начала XIX в., зарождением и формированием национально-освободительного движения и национальной культуры.

В заключение С. С. Ланда сказал, что в данное время существуют реальные условия для создания монографии, посвященной русско-польским общественно-политическим и литературным связям. Успешное решение этой задачи возможно лишь на основе привлечения и ввода в научный оборот многообразных архивных и других источников.

И. С. Яжборовская согласилась с И. С. Миллером, что неблагоприятно обстоит дело с изучением пролетарского периода русско-польских связей. Хочется еще раз подчеркнуть, сказала она, важность изучения именно данного периода, оценки вклада поляков в революцию 1905 г., во все рабочее движение России.

В. Т. Пашуто, выступая по докладам М. Н. Тихомирова и В. Д. Королюка, посвященных раннефеодальному периоду истории славянских народов, отметил, что центральной проблемой для данного периода является возникновение феодальной собственности и феодального сословия. В. Т. Пашуто считает, что иногда феодальное сословие пополнялось за счет перехода в это сословие крестьян, подобно тому как позднее из среды крестьян выходили купцы и капиталисты. В. Т. Пашуто указал также на крупные недостатки в разработке вопросов экономики раннефеодального периода истории славянских стран. Он считает крайне важным проследить, на каком этапе социально-экономического развития возникает в славянских странах феодальная собственность, в процессе формирования которой большую роль сыграло денежное обращение. Выступающий присоединился к мнению В. Д. Королюка, датировавшего в своем докладе начало раннефеодального периода у славян VI—VII вв. Остановившись далее на проблемах, поставленных в докладе М. Н. Тихомирова, В. Т. Пашуто считает, что при сравнительном исследовании раннеславянских правовых памятников необходимо привлекать также данные Помезанского права. Он подчеркивает также необходимость изучения раннеславянского права не только историками, но и юристами.

О. Е. Иванова (Ленинград) считает, что неравномерность социального, экономического и культурного развития отдельных районов Польши в раннефеодальный период наглядно показана в работах польского историка Генселя, который, по ее мнению, совершенно прав, когда относит последний этап образования государства и консолидации всех польских областей к VIII и IX вв.

В. И. Довженок (Киев) указал на то, что вульгарные представления о неактуальности средневековой тематики очень распространены не только на периферии, но и в научных центрах Москвы, что, по его мнению, препятствует разработке коренных вопросов славяноведения, в частности проблем славянского этногенеза и раннефеодального периода истории славян. Он считает, что одна из основных проблем — происхождение феодализма в славянских странах — до недавнего времени оставалась спорной и не совсем решена и сейчас. В настоящее время этими вопросами занимаются преимущественно археологи, однако одних их усилий недостаточно, и здесь необходима координированная работа археологов, этнографов, историков, языковедов. В частности, для решения чрезвычайно важного вопроса об условиях складывания феодальных отношений мы неизбежно должны обратиться к изучению состояния производительных сил в тот период. В. И. Довженок приводит ряд конкретных данных, свидетельствующих об уровне развития земледелия в II—V вв. Он считает, что с V—VI вв. появляются экономические условия для складывания феодальных отношений, что, однако, не означало еще победы феодального уклада. Археологические памятники, прежде всего особый тип городищ, представляющих остатки феодальных замков, позволяют заметить рубеж господства феодальных отношений. Появление таких замков (в Поднепровье в IX в.) и знаменует победу феодальных отношений. В. И. Довженок считает, что

в последнее время историки-медиевисты отошли от конкретной разработки вопросов формирования феодальных отношений у славян, которая, в частности, невозможна без исследования проблемы славянской общины. Чрезвычайно интересные соображения В. Т. Пашуто о пополнении феодального класса из рядов непосредственных производителей — крестьян не учитывают, однако, особенностей сельской славянской общины. В славянской общине крестьянин не являлся юридическим собственником земли, а при таких условиях пополнение класса феодалов из среды общинников было весьма затруднительно.

Остановившись на проблеме феодальной ренты в раннефеодальный период истории славян, Довженок отметил, что обычно в исторической литературе отработочная рента изображалась в качестве обязательной первичной формы феодальной эксплуатации для каждой страны. Между тем структура славянской общины, поземельной собственности, когда общинные расходы покрывались не отработками на общинных полях, а взносами отдельных общинников в кассу общины, не могла способствовать появлению отработочной ренты в качестве первичной формы феодальной эксплуатации, и у славян такой первичной формой ренты следует, по его мнению, считать натуральную ренту, зафиксированную в источниках под именем дани.

В. И. Довженок обратил особое внимание на проблемы истории славянской общины, выделяя их в качестве специальной темы для исследований. Он подчеркнул, что вопросам истории общины уделяли большое внимание основоположники исторического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс. И это не случайно. Между тем после работ М. М. Ковалевского, А. Я. Ефименко, Ф. И. Леонтовича, М. В. Довнар-Запольского у нас не появилось ни одной обстоятельной работы по этой теме; без изучения сельской общины невозможно дальнейшее конкретное исследование процессов формирования феодальных отношений. Довженок считает, что к исследованию вопросов истории раннего феодализма следует привлечь также этнографов. Для этой цели необходимо также организовать специальную группу для сбора этнографического материала, прежде всего материалов, касающихся орудий производства. Необходимо также привлечь языковедов, лингвистов, обладающих неисчерпаемым кладом источников, что наглядно подтверждает, в частности, доклад академика Тихомирова. Следует обратить внимание на общеславянскую и древнерусскую терминологию, выделить термины социального порядка, создать обобщающие труды на том лингвистическом материале, который зафиксировал исторический процесс развития славянских народов во всем его многообразии.

И. Б. Греков (Москва) признал весьма убедительными и интересными те толкования ряда терминов русских раннефеодальных памятников, которые были даны в докладе М. Н. Тихомирова в сравнении с соответствующими терминами других славянских источников. Доклад М. Н. Тихомирова, подчеркнул И. Б. Греков, еще раз доказал плодотворность сравнительного изучения раннефеодальной эпохи в истории славянских народов. И. Б. Греков высказал ряд пожеланий в связи с тематикой доклада В. Д. Королюка. В частности, он считает необходимым расширить характеристику взаимоотношений двух миров: «варварского» (т. е. славяно-германского) и рабовладельческого, показав не только их мирный синтез, но и напряженную длительную борьбу. И. Б. Греков поддержал высказанное В. И. Довженком мнение относительно более широкого показа роли общины, того осколка родового строя, который, по словам Фр. Энгельса, германцы перенесли в Италию, а славяне на Балканы. Греков предложил период VI—VIII вв. называть периодом полупатриархально-полуфеодальным, поскольку такая формулировка точнее выражает сущность отношений происходивших в тот период процессов развития, не отрицая наличия

ростков феодализма и в то же время не игнорируя весьма сильного первобытно-общинного уклада.

В. П. Грачев (Москва) остановился в своем выступлении на некоторых проблемах раннефеодального периода истории народов Югославии. Он отметил, что процесс образования и распада первых югославянских государств хронологически весьма сходен с процессом образования и распада Киевского государства. В частности, первые более крупные раннефеодальные югославянские государства — Хорватия, Дукля, Рашка — образовались примерно в начале IX в. и просуществовали до XII в. Государственный строй этих государств также имеет много общего с устройством Древнерусского государства. Распад сербских раннефеодальных государств Дукли и Рашки, так же как и в Киевской Руси, сопровождался ожесточенными феодальными междоусобицами, острой внутриполитической борьбой различных групп правящего класса, движениями народных масс и привел к созданию в XII в. другого, более мощного сербского государства Неманичей, построенного уже на принципах развитого феодализма.

Таким образом, раннефеодальный период, по мнению В. П. Грачева, характеризуется следующими общими особенностями развития первых югославянских государств и Киевской Руси: 1) образованием относительно устойчивых государств; 2) наличием свободного крестьянства, сплоченного в общины, платящего определенные подати и сохранившего отчасти демократическое самоуправление; 3) специфической формой распределения доходов среди феодальной знати: $\frac{2}{3}$ — государству, $\frac{1}{3}$ — управителю области; 4) наличием двух феодальных группировок, ведущих междоусобную борьбу; 5) переход от раннефеодальной системы управления к новой, более развитой феодальной системе происходит в ожесточенной классовой борьбе и нередко приводит к созданию новых государственных образований.

В. П. Грачев полагает, что этот перечень явлений, свойственных раннефеодальному периоду истории славян в целом, может быть расширен, если будут привлечены новые источники. Он считает, что из-за недостатка данных изучение истории раннесредневекового славянского государства на материале одной страны почти невозможно. Поэтому проблему раннефеодального славянского государства можно успешно решить только на основе комплексного исследования всех имеющихся источников всех славянских государств (законодательных памятников, летописей, житий и пр.). Эту задачу перед историками-славистами давно уже поставил Б. Д. Греков, но она до сих пор остается нерешенной. Сохранившиеся источники того периода чрезвычайно сложны и трудоемки и по силам только коллективной мысли. А организация такой коллективной мысли, закончил свое выступление В. П. Грачев, может быть лучше всего осуществлена Институтом славяноведения.

О. И. Подобедова (Москва) в своем выступлении отметила, что при изучении исторических источников до сих пор лишь в незначительной мере привлекался тот важный и интересный материал, который содержат миниатюры рукописей, прежде всего лицевых летописей и хроник, а также агиографических памятников и исторических повестей. Почин, положенный А. В. Арциховским в изучение миниатюр как исторических источников, к сожалению, не был подхвачен. Подобедова сообщила, что лишь в последнее время в Институте истории искусств АН СССР была проделана большая работа по исследованию миниатюр русских летописей. Уже можно сделать вывод, что изображения в лицевых летописях несли не меньшую смысловую нагрузку, чем сам текст, и воспринимались современниками на равных правах с текстом. В связи с этим для ряда понятий, отражающих сущность раннефеодальных отношений, были выработаны четкие иконографические схемы. В качестве примера она приводит весьма

подробно разобранный А. В. Арциховским ряд сюжетов в миниатюрах Радзивилловской летописи, изображающих дарование инвеституры великим князем князю «молодшему» и восшествие на великокняжеский престол, а также миниатюры, изображающие начало княжения Александра Невского и эпоху Ивана III. Эти наблюдения не ограничиваются материалом русских лицевых летописей. Интересные аналогии можно проследить и в болгарской хронике Иоанна Скилицы Куропалата. Ряд аналогий наряду с весьма своеобразной интерпретацией раннефеодальных представлений можно найти и в миниатюрах чешских хроник. Она считает, что к миниатюрам лицевых летописей следует относиться с большим вниманием.

О. И. Подобедова выразила пожелание, чтобы комплексный метод исследования славянской культуры был, наконец, положен в основу изучения истории славянских народов и чтобы при этом наряду с письменными источниками привлекались и материалы миниатюр средневековых памятников. Вместе с тем Подобедова отметила настоятельную необходимость издания лицевых летописей. Ни хроника Георгия Амартола, уникальный лицевой экземпляр который (датируемый концом XIV в.) хранится в Библиотеке им. Ленина, ни летописный лицевой свод второй половины XVI в. до сих пор не изданы и по-настоящему не изучены. Не располагаем мы и материалами о миниатюрах болгарской хроники Иоанна Скилицы (XIII в.). В основном искусствоведы до сих пор пользуются статьями и отдельными монографиями, вышедшими в конце XIX — начале XX в. Таким образом, наряду с прочими источниковедческими работами следует предпринять и издание русских и общеславянских лицевых рукописей.

В докладе академика Тихомирова, отметила Л. П. Лихачева (*Москва*), были впервые на данном совещании поставлены вопросы источниковедения истории славян, дан всесторонний анализ терминов «Русской правды» и других памятников. В настоящее время решение актуальных проблем славяноведения невозможно без планомерного и методического изучения уже опубликованных исторических источников и выявления и издания новых. Однако такие исследования ведутся в основном только по источникам раннефеодального периода (работы академика Тихомирова и некоторых советских византистов).

Л. П. Лихачева считает, что вопросы источниковедения новой и новейшей истории славян почти полностью выпали из поля зрения ученых. Правда, в Институте славяноведения ведется работа по материалам польского восстания 1863 г., однако круг источниковедческих исследований ограничивается здесь одной этой темой и прежде всего неопубликованными архивными материалами. В то же время не менее важно подвергнуть всестороннему анализу уже опубликованные источники.

В частности, совершенно необходимо собрать материалы русской печати по истории славян и русской культуры, определить их достоверность и политическое значение, показать их роль для разработки той или иной темы. Ценнейшие материалы по истории Болгарского государства содержат «Дневники Народного Собрания Болгарии», начиная с Тырновского учредительного собрания (1879 г.) и кончая 1944 г., полный комплект которых имеется только в Библиотеке иностранной литературы. Этот важный источник фактически никем не используется. Точно так же обстоит дело и с многотомным сборником документов по истории народно-освободительной борьбы народов Югославии (1941—1945).

В заключение Л. П. Лихачева коснулась вопроса о библиографии славяноведения, о необходимости ведения планомерной работы по составлению всеобъемлющей библиографии для истории славян. В этой связи она высказала пожелание, чтобы работа библиографов строилась в строгом взаимодействии и последовательной координации с планами научных учреждений, в частности Института славяноведения, чтобы научные учреж-

дения привлекали библиографов к работе по отдельным темам, давали бы заявки на библиографическую разработку тех или иных вопросов. С Институтом славяноведения Библиотека иностранной литературы уже наладила крепкую связь; работники института редактируют все библиотечные славяноведческие издания и тем самым способствуют повышению библиографической культуры, качества библиографических работ. Однако библиографические издания в целом все еще находят слабый отклик среди ученых-славистов.

В. Н. Шумилов (Москва) в своем выступлении дал характеристику материалов, которые содержатся в фондах ЦГАДА по истории русско-польских, русско-чешских, русско-болгарских и русско-югославянских отношений, политических, торговых и культурных связей в XVI—XVIII вв.

Наибольшее количество документов, заявил В. Н. Шумилов, сохранилось по истории русско-польских отношений и истории Польши (так называемые польские дела Посольского приказа). В составе этого фонда — дела, книги, грамоты, трактаты. Среди них подлинный договор короля Владислава Ягелло с великим князем литовским Свидригайло (1431 г.), договор великого князя литовского Александра с князьями Воротыньским (1483 г.) и др. Документальные материалы Боярской думы и Посольского приказа о русско-польских отношениях в 1487—1615 гг. изданы в сборниках Русского исторического общества, однако основная масса материалов за XVII и начало XVIII в. осталась пока еще архивной «целиной» и ждет своего историка-истолкователя, археографа-издателя, архивиста-описателя.

Главное содержание всех этих документов — русско-польские отношения. Но они освещают также и историю Польши, ее социально-экономический строй, внутреннюю политику и т. п. Первое место среди них занимают по своему научному значению статейные списки и дела о русских посольствах в Польшу и Литву (1488—1701 гг.) и о польско-литовских посольствах в Россию (1487—1720 гг.). Изучение этих материалов составляет одну из актуальных задач советского славяноведения.

РЕШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Историческая секция Координационного совещания отмечает, что работа секции, на которой историки-слависты впервые совместно обсудили актуальные проблемы славяноведения, была плодотворной. В работе секции приняли участие представители 52 научно-исследовательских институтов, вузов, университетов и других учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Еревана, Кишинева, Алма-Аты, Львова, Запорожья, Воронежа, Владивостока, Одессы, Пензы, Саратова, Свердловска, Тобольска, Ужгорода, Харькова и других городов страны.

Секция обсудила представленные Институтом славяноведения доклады, характеризующие состояние, основные задачи советского славяноведения и вопросы координации славистических исследований. В обсуждении участвовал 51 человек. Все выступавшие единодушно одобрили инициативу проведения Координационного совещания и поддержали основные положения докладов. Вместе с тем в ходе прений был выдвинут ряд новых предложений, реализация которых будет способствовать дальнейшему развитию советского славяноведения.

Рассмотрев вопрос об основных направлениях и координации славистических исследований, секция считает необходимым в первую очередь наладить координацию научно-исследовательской работы по следующим главным направлениям:

- 1) строительство социализма и социалистической культуры, формирование социалистических наций в славянских странах народной демократии;
- 2) история рабочего и крестьянского революционного и национально-освободительного движения, история прогрессивной общественной мысли славянских народов, история их коммунистических партий;
- 3) история межславянских связей, прежде всего революционных связей;
- 4) история славяно-германских отношений и связей; борьба против идеологии германского реваншизма;
- 5) генезис капитализма у южнославянских и западнославянских народов;
- 6) вопросы славянского этногенеза и образования славянских государств, генезис феодализма у славянских народов;
- 7) роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры.

Секция считает целесообразным в рамках указанных направлений организовать коллективную разработку следующих конкретных проблем.

1. Проблема социалистических революций в странах Центральной и

Юго-Восточной Европы. Головной — Институт истории АН СССР с участием институтов Академии наук СССР: славяноведения, экономики мировой социалистической системы, философии, государства и права и соответствующих институтов республиканских Академий наук и университетов УССР, БССР, Литовской ССР и других научных учреждений и вузов.

2. Узловые проблемы строительства социализма и социалистической культуры в зарубежных славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием институтов истории, экономики мировой социалистической системы, философии, истории искусств Академии наук СССР, соответствующих институтов Академий наук и университетов УССР, БССР, Литовской ССР и других научных учреждений.

3. Общие закономерности развития мировой социалистической системы и их проявление в славянских странах народной демократии. Головной — Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР с участием институтов истории, славяноведения, философии, государства и права Академии наук СССР и соответствующих институтов республиканских Академий наук и университетов УССР, БССР и других научных учреждений и вузов.

4. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развертывание революционного движения, формирование национальных государств в зарубежных славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием Института истории АН СССР и институтов истории Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР, университетов и других научных учреждений и вузов. Работа должна вестись в рамках Научного совета по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция».

5. Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны. Головной — Институт истории АН УССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института истории АН БССР и других научных учреждений и вузов.

6. Генезис капитализма, национальное движение, формирование национальной культуры в славянских странах. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием других научных учреждений и вузов.

7. История славяно-германских отношений. Борьба против идеологии западногерманского реваншизма. Головной — Институт истории АН СССР с участием институтов славяноведения и философии Академии наук СССР, институтов истории и философии Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР, университетов и других научных учреждений и вузов.

8. Русско-польские революционные связи XIX — начала XX вв. Головной — Институт славяноведения АН СССР с участием институтов истории Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР и других учреждений.

9. Вопросы славянского этногенеза. Просить возглавить работу по данной проблеме Институт археологии АН СССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института археологии, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и других научных учреждений и вузов, разрабатывающих эти вопросы.

Историческая секция рекомендует головным институтам в двухмесячный срок подготовить вместе с представителями заинтересованных научных учреждений и вузов конкретный план исследований по каждой проблеме, а также предложения об издании работ по этим проблемам. Секция особо подчеркивает важность и первоочередность разработки проблем, связанных с социалистическим строительством в зарубежных славянских странах в свете задач, поставленных партийными решениями и ноябрьским Заявлением Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Вместе с тем секция отмечает, что эта проблематика еще не заняла должного места в исследовательской работе.

Секция обращает внимание на необходимость усиления подготовки к V Международному съезду славистов, в работе которого впервые будут участвовать историки.

Секция считает, что одним из важнейших условий дальнейшего развития советского славяноведения и координации научно-исследовательских работ в этой области является издание специального славистического журнала, а также реферативного журнала, и просит Объединенный научный совет по координации исследовательской работы в области славяноведения принять действенные меры для решения этого вопроса. Секция считает необходимым усилить источниковедческую базу Института славяноведения.

Историки-слависты учитывая большой положительный опыт настоящего совещания, считают необходимыми и впредь по мере надобности проводить подобного рода совещания, как общие, так и по отдельным актуальным проблемам.

Историческая секция просит Институт славяноведения издать материалы Координационного совещания.

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

ДОКЛАДЫ

С. В. Никольский

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЛИТЕРАТУР ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

История литературы, современная литературная жизнь стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе славянских стран, вызывает большой интерес советской научной общественности. В литературе стран народной демократии совершаются процессы, отражающие передовые течения и закономерности всемирного литературного развития. Научное исследование и обобщение этих процессов — одна из важнейших задач социалистической науки.

Как современная литература, так и художественное наследие народов названных стран является объектом острой идеологической борьбы, идущей в международном масштабе. В последнее время в буржуазной пропагандистской и научной литературе можно проследить стремления рассматривать процессы развития революционной литературы, литературы социалистического реализма неорганичными для национальной культуры восточноевропейских, и в том числе славянских, народов, привнесенными извне.

Ответственная задача советских славистов заключается в том, чтобы вместе с учеными стран народной демократии раскрыть объективную картину истории славянских литератур и современных процессов в них.

До войны славянские литературы занимали сравнительно небольшое место в советском литературоведении. Это были прежде всего работы академика Н. С. Державина о болгарской литературе, исследования по сербскому эпосу Н. И. Кравцова, по польской литературе академика А. И. Белецкого, статьи по польской и чешской литературе Чернобаева и некоторые другие.

В послевоенные годы началось систематическое изучение славянских литератур. Большую роль в этом сыграло создание Института славяноведения АН СССР, кафедр славянской филологии в Московском, Ленинградском, Киевском и Львовском университетах, отдела славянских литератур в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, сектора стран народной демократии в Институте мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ) и других славистических центров. В подготовке кадров славистов заключается, пожалуй, самый ценный итог послевоенного развития советской славистики и залог ее дальнейшего роста. Вместе с тем за прошедшие годы проведена значительная работа по исследованию творчества ряда писателей и отдельных явлений истории славянских литератур. Эта работа выразилась прежде всего в критическом осмыслении и переоценке

литературного наследства западных и южных славян. Закономерно, что в центре внимания советской славистики оказалась новая и новейшая литература. Были вскрыты прогрессивные линии развития национальных славянских литератур XIX—XX вв., выяснены ключевые моменты литературной борьбы, наметилась марксистская периодизация литературного процесса. Все это дало свои практические результаты, в частности, помогло широкому ознакомлению наших читателей с зарубежными славянскими литературами. Преобладающими на первом этапе были исследования отдельных сторон творчества крупнейших славянских писателей, ярких носителей демократических традиций, а также популярные очерки и обзоры. В то же время надо признать, что исследования этого времени часто несли на себе отпечаток начальной стадии разработки материала, часто страдали описательностью и упрощениями, нередко были ограничены идейно-тематическим анализом литературного творчества.

Большое значение в развитии советской славистики имел XX съезд КПСС, начавшийся после съезда общий подъем советского литературоведения, исследовательской мысли, возросший интерес к вопросам теории. Работы литературоведов-славистов в эти годы все более освобождаются от схематизма, повысился интерес к обобщениям, к сложной проблематике, к противоречивым литературным явлениям, проблемам художественного мастерства, стиля. Стремление выработать цельное представление о литературах стран народной демократии выразилось в серии сборников с монографическими статьями о ведущих писателях (серия «Писатели стран народной демократии», подготовленная ИМЛИ) сборники, издаваемые Гослитиздатом в Киеве (вышел из печати сборник «Современные польские писатели»). Для подготовки славистических кадров большое значение имеет включение в вузовские курсы зарубежных литератур разделов, посвященных литературам Центральной и Восточной Европы («Зарубежная литература XX в.» под ред. Г. Н. Андреева и Р. М. Самарина, издание МГУ; курсы по истории зарубежных литератур).

В последнее время смелее поднимаются теоретические проблемы. Помимо исследований широкого плана с включением славянских литератур (работы И. И. Анисимова, М. П. Алексеева, А. И. Белецкого, В. М. Жирмунского, Т. Л. Мотылевой и др.) можно назвать ряд статей и монографий, специально посвященных проблемам социалистического реализма в славянских странах. Начата полемика с современными модернистскими теориями (статьи Лифшица, Николина и Рябовой, Радволиной, Шабловской, с критикой идейно-философских основ и эстетических положений югославского модернизма, работы Вединой, направленные против явлений ревизионистской эстетики в Польше и др.).

Появляются также пока еще, к сожалению, немногочисленные работы, обобщающие значительные явления литературного процесса. Можно назвать монографию Д. Ф. Маркова, в которой прослеживаются пути развития болгарской поэзии первой четверти XX в., сданную в печать работу сотрудников ИМЛИ И. А. Бернштейн и Э. М. Олоновой о современном чешском и словацком романе и др.

Вышли из печати или находятся в производстве монографии об отдельных писателях, подводящие итоги и намечающие новые пути в изучении их творчества (С. А. Шерлаимовой о С. К. Неймане, Л. С. Кипкина о С. Чехе, Венгерова о Василевской, А. Г. Пиотровской о Конопницкой, В. И. Шевчука о Чапеке, Т. Вановской о Фучике, В. В. Витт о Жеромском, И. А. Бернштейн о Пуймановой, Ю. Л. Булаховской о Тувиме и др.). Юбилейный год А. Мицкевича дал серию работ, посвященных великому польскому писателю — труды М. Ф. Рыльского, Г. Д. Вервеса, М. Живова, С. С. Советова, И. К. Горского, Б. Ф. Стахеева и др.

Стремлением к проблемной постановке вопроса, к широте научных

обобщений характеризуются появляющиеся в последние годы исследования по межславянским литературным связям. В научный обиход вводятся новые и неизвестные ранее архивные материалы (работы Н. П. Еланского о Я. Гашеке в Советской России, С. С. Ланды о филоматах и Мицкевиче, публикации Л. С. Мыльникова, В. И. Злыднева, Л. С. Кишкина и ряд других изданий Ленинградского и Белорусского университетов).

Начиная с первых послевоенных лет и до настоящего времени эта проблематика особенно глубоко и всесторонне разрабатывается на Украине. Здесь можно назвать ряд сборников, изданных в Киеве и Львове: капитальное исследование Г. Д. Вервеса «Иван Франко и вопросы украинско-польских общественных и литературных связей 70—90-х годов XIX в.», работы П. Гондаря о чешско-украинских литературных связях, книгу В. П. Вединой о литературно-общественных связях писателей Украины и Польши, статьи Булаховской, Галащука и др.

Несмотря на всю ценность отдельных исследований и публикаций, в этой области особенно чувствуется разобщенность усилий ученых и отсутствие объединяющего планового начала. А оно необходимо как по линии выявления фактов литературных связей (исследование архивов, часто интереснейшие материалы содержатся в местных архивах), так и в обобщении фактов, в обобщенной разработке проблемы взаимосвязи и взаимообогащения восточнославянских и западно-южнославянских литератур. В частности, заслуживают большего внимания литературные связи белорусского и польского народов. Более глубокой постановки требует вопрос о влиянии советской литературы на братские славянские литературы. Пока этим проблемам нередко уделяется мало внимания, исследователи ограничиваются констатацией идейного влияния без рассмотрения его роли в художественном развитии славянских литератур.

Мы часто проходим мимо того, что в нашей богатой литературе те или иные зарубежные писатели выбирают разные тенденции, иногда не самые плодотворные, не разграничиваем глубокого влияния от поверхностного подражательства.

Достигнутый уровень исследований сделал возможным и переход к созданию коллективных обобщающих трудов по истории славянских литератур. В Институте славяноведения был создан первый в советском литературоведении обобщающий труд по истории болгарской литературы — «Очерки по истории болгарской литературы XIX — XX вв.» В настоящее время заканчивается подготовка к изданию «Очерков по истории чешской литературы XIX—XX вв.»; коллектив приступает к работе над очерками польской, словацкой литератур и литератур народов Югославии, надеясь, что систематическое изложение истории национальных славянских литератур поможет дальнейшему развитию славистических исследований, а также введет материал славянских литератур в синтетическом виде в научный обиход советского литературоведения.

Дальнейшие исследования советских славистов в области истории литературы XIX—XX вв. должны явиться существенным вкладом в изучение общих закономерностей развития литературы, всемирного литературного процесса, в решение основных проблем его истории и теории. Эту задачу можно выполнить лишь объединенными и целенаправленными усилиями всех советских литературоведов-славистов, проведением многообразных, индивидуальных и коллективных исследований. При этом допустим разумный параллелизм в изучении особо важных и спорных проблем, но необходимо избежать ненужного дублирования.

Развитие марксистских исследований по отечественной литературе в странах народной демократии выдвигает перед нами задачу выбора первоочередных тем и проблем, изучение которых представляло бы более широкий научный и теоретический интерес, выходящий за пределы истории

национальной литературы. Наряду с раскрытием наиболее существенных явлений на материале отдельных литератур и писателей необходимо создание циклов работ по ведущим проблемам на материале разных литератур. Литературоведение в нашей стране, где исследования ведутся широким фронтом по большинству литератур мира, располагает такой возможностью в гораздо большей степени, чем в зарубежных славянских странах. Важно раскрыть значение и своеобразие вклада славянских народов в художественное развитие человечества. Мы обязаны объяснить, *почему* в конкретных литературах получили преимущественное развитие те или иные литературные направления, течения, теденции развития поэтики, прозаические, поэтические и драматургические жанры, в *чем* они совпадали и *чем* отличались от аналогичных направлений, стилей, жанров других славянских и неславянских народов, *каким образом* проявились здесь культурная и эстетическая общность с другими народами, общие закономерности литературного процесса и специфика преломления этих закономерностей, оригинальность национального художественного развития, культурно-творческая роль славянских народов. С этой точки зрения большой интерес представляет уже начальный этап новой славянской литературы, вошедший в историю южнославянских народов, а также чехов и словаков под названием эпохи национального возрождения.

На межсекционном заседании охарактеризована предложенная историками Института славяноведения для комплексного изучения тема «Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры у южных и западных славян». Эта тема предоставляет литературоведам возможность содействовать выяснению закономерностей образования, возрождения и развития славянских национальных литератур в конце XVIII—XIX вв., а также их роли в формировании национального сознания.

Вопрос о национальной самобытности литературы, как один из центральных вопросов эстетических споров и художественной практики во всех славянских литературах на этом этапе развития заслуживает внимательного изучения в ряде аспектов. Среди них проблемы: идейные и художественные источники и предпосылки формирования национальных литератур славянских народов; связь этих процессов с общественно-идеологическим движением в поработанных славянских странах (шляхетские революционеры в Польше, радикальные демократы в Чехии, революционный демократизм в Болгарии и т. д.), преломление идеологии национальных движений в художественной литературе; использование эстетического опыта других литератур и художественных открытий фольклора и т. д.

Большой интерес представляют процессы становления и развития художественного мышления после длительного ослабления отечественных литературных традиций (Чехия, Словакия, Болгария, отчасти Сербия, Хорватия и Словения). Заслуживает внимание тот факт, что литературный процесс на этом этапе у западных и южнославянских народов, кроме поляков, не вполне укладывается в обычную схему (классицизм, сентиментализм, романтизм), а сами эти понятия наполняются часто специфическим содержанием (можно указать, например, на отсутствие «субъективного» романтизма в Болгарии и сравнительно слабое его проявление в ряде других славянских литератур) и т. д. От выяснения этой проблематики иногда зависит и определение круга явлений, входящих здесь в понятие классицизма или романтизма (ранний чешский романтизм, Челаковский, Коллар, Краледворская и Зеленогорская рукописи и т. д.).

Ряд важных проблем стоит перед историками литературы «переходного периода» от романтизма к реализму в XX в. Здесь необходимо выяснить вопрос о роли романтизма в подготовке реалистического направления славянских литературах, вопрос о том, *что* из эстетики и поэтики роман-

тизма было воспринято его преемниками и что отброшено как устарелое, в какой степени вызревание реалистического направления шло, так сказать, «внутри» романтизма, в союзе с ним и в какой — путем преодоления и осознанной полемики.

Исследования, связанные с проблематикой реализма, занимают существенное место в планах научной работы всех славистических центров.

В этой области основная задача также состоит в том, чтобы соотнести развитие реализма в славянских литературах с общеевропейским литературным процессом. Необходимы труды, в которых бы прослеживался путь развития реализма в каждой национальной литературе, этапы этого развития, своеобразие литературных явлений.

Предстоит четче наметить комплекс исторических и литературных процессов, изучение которых позволило бы определить тот этап, начиная с которого можно говорить о реализме как сложившемся творческом методе и направлении для каждой славянской литературы. Первые шаги в решении этого вопроса для болгарской и чешской литератур сделаны, но и здесь осталось еще много неисследованных проблем. Заслуживает дальнейшей разработки тема соотношения варшавского позитивизма и развития реализма в польской литературе. Надо расширить и углубить рассмотрение изменений, которые претерпевает художественное сознание под влиянием связей с передовыми течениями общественной мысли и науки (с материалистической философией, с идеями революционного преобразования общества). Нами мало сделано по обобщению опыта передовой, часто революционно-демократической эстетики в славянских странах (представленной такими именами, как Маркович, Скерлич, Ботев, Каравелов, Гостинский, Неядлы, Вотруба и др.).

Одной из центральных задач должно быть выявление различных идейно-эстетических жанровых стилевых тенденций в рамках реалистической литературы в различные исторические периоды ее развития. Например, для польской, чешской, словацкой литератур, хотя и по-разному, стоит проблема сочетания реалистических и романтических тенденций в литературе второй половины XIX — начале XX в. (Жеромский, Ботев, Вазов, Пенчо Славейков, Яворов, Чех и др.). Интересной областью можно считать исторический жанр в славянских литературах со многими своими особенностями, богатством форм и той ролью, которую он играл в развитии реалистической литературы, связанный с национально-освободительной борьбой славянских народов. Требуют изучения богатые и разнообразные сатирические жанры в славянских литературах, выдвинувших таких сатириков, как Нушич, Доманович, Константинов, Гашек и др. Расцвет сатиры на рубеже веков безусловно был связан с кризисом буржуазного общества.

Нуждается в определении и разработке группа вопросов, посвященная развитию критического реализма в XX в.: отражение поступательного развития искусства и кризиса буржуазной культуры в реализме XX в.; прямое и косвенное влияние социалистических идей, социалистического движения на реалистов конца XIX — начала XX в. (характерно творчество Жеромского, Страшимирова, Яворова, Цанкара, Гашека).

Вообще следует глубже изучить изобилующий сложными и противоречивыми явлениями период начала XX в. во всех славянских литературах. Большое значение для изучения критического реализма XX в. имеет выявление соотношения критического реализма с другими творческими методами и литературными течениями. Необходимо во многих аспектах исследовать вопрос о соотношении реализма с модернистскими тенденциями, с одной стороны, и социалистическим реализмом — с другой.

Важно разграничить новаторство реализма от модернистской деформации образа.

Проблемам социалистического реализма будет посвящен специальный доклад. Следует лишь подчеркнуть, что задачи, стоящие перед литературоведами-славистами в этой области, очень велики. История и теория социалистического реализма является как раз той отраслью литературоведения, в которой материал славянских литератур дает возможность сделать широкие и принципиально важные научные обобщения. При этом, если в изучении генезиса и начальных стадий развития социалистического реализма у нас уже имеются определенные результаты и можно говорить об относительной изученности отдельных вопросов, то исследования современного этапа развития социалистического реализма по-настоящему еще не развернуты.

Неудовлетворительно поставлена научная разработка истории литератур народно-демократического периода. Эта проблематика освещается у нас несистематически и больше в публицистическом или информационном плане. Исследователей, специализирующихся по современному периоду, явно недостаточно. Для работ, посвященных современным славянским литературам, зачастую еще характерен идейно-тематический аспект анализа. Особенно важным здесь представляется исследовать различия между тенденциями, которые социалистический реализм использует, и вбирает в себя, и тенденциями явно враждебными, которым он решительно противостоит. Остро стоит задача борьбы против модернизма и ревизионистской эстетики. Особенно сильные позиции, в том числе в руководстве литературными организациями, модернизм занимает в Югославии. С модернистскими явлениями мы встречаемся в современной польской литературе. В этой связи наряду с квалифицированной полемикой против модернистской эстетики необходимо широкое раскрытие неиссякаемых художественных возможностей реализма, тем более что в зарубежных славянских странах нередко бытует упрощенное представление о реализме, сведение его к эмпирическому описательству.

Если проблематика новой и новейшей литературы занимает существенное место в наших славистических исследованиях, то многие другие важные и значительные проблемы остаются до сих пор нами совершенно не затронутыми. Наблюдается большая неравномерность в освещении отдельных эпох и отчасти национальных литератур. Такими «белыми пятнами» являются для советского литературоведения древние славянские литературы, литературы XVI—XVIII вв. Здесь можно назвать лишь работы И. И. Голенищева-Кутузова, В. К. Зайцева, а также работы Н. К. Гудзия, М. П. Алексева, Д. С. Лихачева, частично касающиеся зарубежных славянских литератур. Большой научный интерес представляла бы широкая проверка на материале славянских стран теоретических посылок, положенных советскими учеными в основу концепций развития древнерусской литературы. Мало исследованы у нас хорватская, словенская, македонская литературы. Вне поля зрения оказалась культура сербо-лужичан. Не развернуто изучение славянского фольклора и взаимосвязи фольклора и литературы. Надо улучшить организацию научной работы, координацию научных планов с советскими и зарубежными литературоведами, обмен научной информацией. Следует систематически практиковать:

- 1) обмен научными трудами между учреждениями Советского Союза, ознакомление советских славяноведов с планами научной работы славистических центров зарубежных славянских стран;

- 2) постоянное рецензирование, аннотирование, публикацию обзоров зарубежной и советской научной литературы;

- 3) встречи советских славистов по отдельным важным вопросам теории и истории славянских литератур и для совместного обсуждения работ.

В области научной подготовки желательно уже сейчас планирование

таких тем, которые требовали бы самой постановкой вопроса основательного знания смежных славянских и западноевропейских литератур, выхода за рамки одной литературы. Следует смелее обращаться к материалу восточнославянских, а также неславянских европейских литератур, устанавливать творческие связи со специалистами по западноевропейским, русской, украинской и белорусской литературам. И более того, пора расширять рамки исследования в плане обращения к разным видам искусства, истории общественной и эстетической мысли. Только тогда мы приблизимся к решению задачи создания истории культуры славянских народов.

Уже сейчас возможно планирование комплексных работ по сопоставительному изучению какой-либо историко-литературной или теоретической проблемы на материале нескольких славянских литератур или комплексных исследований по изучению разных видов искусства определенного периода, выяснения, скажем, особенностей реализма в искусстве славянских стран.

Коллектив сектора славянских литератур Института славяноведения намечает перспективный научный план на ближайшие пять — семь лет и просит высказаться относительно существа выдвинутых тем, возможностей, форм и путей совместной их разработки, координации усилий историков литературы. Это следующие проблемы.

1. Изучение теории и истории социалистического реализма, его соотношение с другими литературными течениями и методами (уже создана специальная группа во главе с доктором филологических наук Д. Ф. Марковым, которая должна работать в контакте с учеными других славяноведческих центров, занимающихся новейшей проблематикой).

2. Создание обобщающих трудов по истории национальных славянских литератур XIX—XX вв. Здесь ведущим видом работы явятся коллективные труды по истории отдельных национальных литератур этого периода. Проблематика романтизма и реализма найдет отражение в ряде индивидуальных исследований.

3. Судьбы критического реализма XX в. Задачей исследования должно стать выявление общих закономерностей и тенденций развития критического реализма XX в. Сектор считает необходимым продолжить начатую работу по разоблачению различных буржуазных концепций в области эстетики и литературоведения, вести борьбу с ревизионизмом, модернизмом.

4. Изучение славянского фольклора. На ближайшее пятилетие планируется написание монографии «Эпос и национально-освободительная борьба болгарского народа» и др.

Сектор славянских литератур ожидает от литературоведов-славистов встречных тем и предложений. По-прежнему важной в научном и политическом отношении остается, например, задача исследования межславянских литературных связей. Может быть, украинские товарищи, много сделавшие в этой области, выступят здесь с предложениями тематического и организационного характера по дальнейшей разработке этой проблематики, взяв на себя роль инициаторов и организаторов. Институт славяноведения имеет возможность оказать поддержку такой инициативе, тем более что ряд сотрудников института (Л. С. Кишкин, В. И. Злыднев, М. И. Рыжова, Д. С. Прокофьева) отводят проблематике межславянских литературных связей значительное место в своих научных планах.

Совместными усилиями, сконцентрировав их на решении важнейших проблем, советские слависты смогут добиться больших научных успехов, заполнить «белые пятна» в истории славянских литератур и создать возможности для решения более сложных научных задач.

Д. Ф. Марков

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В ЛИТЕРАТУРАХ
ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН**

В современных условиях борьбы двух общественных систем, протекающей в различных формах, в условиях, когда образовалась мировая система социализма, социалистический реализм все более и более утверждает себя как магистральный путь развития мирового искусства. Поэтому изучение его опыта является в настоящее время одной из первоочередных задач марксистской эстетики и критики. Между тем проблемы развития социалистического реализма в зарубежных литературах вообще, в славянских зарубежных литературах в частности, разработаны советскими литературоведами еще недостаточно: даже в 40-х — начале 50-х годов высказывались ошибочные мнения о том, что социалистический реализм возможен в той или другой стране якобы только после победы в этой стране социалистической революции; что в странах народной демократии он стал возникать только после 1944—1945 гг. Лучшие статьи о социалистических литературах за рубежом ограничивались, как правило, идейно-тематическим анализом, их авторы не поднимались до широких обобщений; во многих статьях часты были проявления догматизма, в них отсутствовал глубокий анализ живого литературного процесса.

После XX съезда КПСС наступило оживление в литературоведении и критике, повысился интерес к вопросам теории.

Появилось, особенно в последние два-три года, значительное количество работ, раскрывающих проблему социалистического реализма в разных аспектах.

В одних работах делается попытка дать обобщающую картину развития социалистического реализма в зарубежных литературах, в других — внимание сосредоточивается на раскрытии этого процесса в литературах отдельных стран. Ряд работ посвящен собственно теории социалистического реализма.

Советские литературоведы и критики, опираясь на реальные факты, раскрывают несостоятельность и реакционный смысл буржуазных и ревизионистских концепций, стремятся к объективно-научному решению больших эстетических проблем. Эти проблемы вытекают из особенностей современной эпохи, яркую характеристику которой мы находим в замечательном программном документе наших дней — в Заявлении коммунистических и рабочих партий.

Утверждение мировой социалистической системы выдвигает перед литературоведами ответственную и почетную задачу: осмыслить отражение этих процессов в области литературы с точки зрения настоящего и буду-

щего, с точки зрения закономерностей торжества новых принципов общественного и культурного развития человечества. В настоящее время уже назрела необходимость создания истории социалистического реализма в мировой литературе, необходимость широкого обобщения опыта нового искусства. И задача советских славистов здесь состоит в том, чтобы внести свой вклад в изучение проблемы — раскрыть и ввести в общий поток научных исследований опыт зарубежных славянских литератур, который до сих пор крайне недостаточно учитывается.

В общих работах, посвященных социалистическому реализму в зарубежных литературах, удельный вес славянских литератур неоправданно мал: из них изредка берутся лишь отдельные, порою случайные примеры. Иногда даже создается ложное впечатление, что эти литературы не внесли никакого сколько-нибудь значительного вклада в мировой литературный процесс. Между тем это не так. Надо со всей определенностью подчеркнуть, что в этих литературах довольно сильно проявлялись очень характерные процессы, могущие послужить основой для решения принципиально важных вопросов развития социалистического реализма.

Задача глубокой и всесторонней разработки проблемы социалистического реализма в зарубежных славянских литературах диктуется и тем, что в нынешних условиях особенности развития социалистического реализма в мировой литературе не могут быть широко раскрыты без учета опыта современных литератур всего социалистического лагеря, куда входит ряд славянских стран, историю и культуру которых мы изучаем.

Одна из причин недостаточного учета опыта зарубежных славянских литератур заключается в том, что до недавнего времени у нас в стране фактически почти отсутствовали кадры филологов-славистов по этим литературам. Теперь же такие кадры уже есть, и с каждым годом они все активнее участвуют в решении больших проблем развития мировой литературы. Написан ряд статей, вышли в свет первые монографии. Но это только начало.

У нас все еще крайне мало обобщающих работ о социалистическом реализме в зарубежных славянских литературах. Создание новых работ такого характера теперь запланировано и ведется, в частности, в Институте славяноведения, Институте мировой литературы АН СССР, в отделе славянских литератур Института литературы АН УССР в Киеве.

Критически оценивая то, что мы сделали до сих пор, необходимо сказать, что многим нашим работам не хватает полноты и ясности теоретического осмысления фактов; мы не всегда умеем в единичном разгляде проявление всеобщего, не говоря уже о множестве таких статей, в которых вообще отсутствуют попытки к обобщению материала. Для ряда наших работ характерны замкнутость в рамках одной национальной литературы, недостаточность, а иногда и полное отсутствие сопоставлений с литературами других стран и народов. Поэтому наши выводы не всегда достигают уровня широких обобщений.

Нашим теоретическим исследованиям необходимо придать такой аспект, чтобы обеспечить рассмотрение славянских литератур с точки зрения их вклада в мировое социалистическое искусство. Разработка проблемы может вестись по трем направлениям, уже намеченным советским литературоведением: генезис социалистического реализма, этапы его развития, многообразие форм и стилей современных социалистических литератур.

Проблема генезиса социалистического реализма — одна из сложных и далеко еще не решенных проблем. Совершенно очевидно, что от ее решения зависит понимание этапов исторического развития нового художественного метода. Когда возник социалистический реализм, каковы его отличительные черты его формирования, в каких формах проявлялась ранняя

социалистическая литература, какие качественные особенности различных этапов нового искусства — вот некоторые из вопросов, конкретное и убедительное решение которых имело бы огромное теоретическое значение.

Неразработанность проблемы генезиса социалистического реализма объясняется, с одной стороны, общим отставанием нашей литературоведческой теории, невыясненностью ряда понятий в ней; с другой — тем, что литературоведы далеко не всегда умело отбирают и анализируют в своих работах наиболее характерные факты и явления мировой литературы, круг их наблюдений нередко ограничивается только опытом больших западноевропейских литератур. Но этого недостаточно. Обращение и к опыту зарубежных славянских литератур могло бы восполнить некоторые серьезные пробелы в наших исследованиях.

Следует иметь в виду, что в силу исторического своеобразия общественной жизни славянских стран ряд явлений в них проявился настолько глубоко, что вполне может служить основой для выводов общетеоретического характера о закономерностях возникновения и развития социалистического реализма. В связи с этим большой интерес представляют темы: пролетарская литература Болгарии конца XIX — начала XX в., формирование социалистического реализма в чешской и болгарской литературах в начале 20-х годов, польская революционная литература 20—30-х годов, проблема «нового реализма» в словенской, сербской и хорватской литературах в 30-х годах и др.

Разработка каждой из этих тем внесла бы нечто новое, помогла бы установлению общих тенденций развития социалистических литератур. Ведь задача исследователя состоит не в простой регистрации фактов, а в умении видеть прежде всего те из них, в которых в данный исторический момент сравнительно полно выразилась сущность изучаемого явления, той или другой его стороны.

Общеизвестно, что процесс становления социалистических литератур мира в конце XIX — начале XX в. протекал в сложных условиях сильного воздействия идеологии II Интернационала. И это воздействие тормозило указанный процесс, нередко отрывало писателей от прогрессивного общественного движения, мешало возникновению во многих странах течений пролетарской литературы. Тем более нам дорог опыт тех литератур, где такие течения все же существовали.

В Болгарии, например, обстоятельства сложились так, что там в этот период была марксистская партия, размежевавшаяся со II Интернационалом и близкая (при всех своих ошибках) к большевизму. Не случайно, что там очень рано — еще в конце XIX — самом начале XX в. — возникло течение пролетарской литературы, представленное и прозой, и поэзией, и особенно сильно развитой марксистской литературной критикой и эстетикой. Поэтому опыт этой литературы выходит за национальные рамки одной страны — он имеет более общее значение, которое мы обязаны по возможности вполне раскрывать, способствуя тем самым развитию теории социалистического реализма.

В существующих литературоведческих работах все еще очень неопределенно говорится об этапах социалистического реализма в мировой литературе. Как правило, крайне недостаточно освещаются, например, 20-е годы, многое из этого периода недооценивается, не учитывается. В статьях, посвященных общемировому процессу социалистического реализма, фигурируют обычно отдельные, «дежурные» имена, а целые направления новой литературы неправомерно обходятся. Между тем в них, именно как в направлениях, ясно видны черты широкой поступи социалистического искусства.

Мы можем говорить о том, что в славянских зарубежных литературах такие направления существовали уже в 20-х годах. Укажем, например,

на очень сильно проявившееся направление социалистического реализма в чешской литературе этих лет. Его представляли видные критики (З. Нееды), крупнейшие поэты (С. К. Нейман, И. Волькер), известные прозаики (М. Майерова, И. Ольбрахт). Вполне понятно, что всестороннее изучение этого направления — в высшей степени актуальная задача, связанная с установлением общих закономерностей развития нового художественного метода в мировом масштабе.

С решением той же задачи самым непосредственным образом связаны также творчество крупного пролетарского поэта Болгарии начала 20-х годов Смирненского, широкая деятельность болгарского критика-марксиста Г. Бакалова, деятельность выдающегося польского поэта В. Броневского и др.

Таким образом, зарубежные славянские литературы начала века и особенно 20-х годов характеризуются такими значительными явлениями, без которых просто нельзя обойтись при характеристике этапов социалистического реализма, при установлении его периодизации в мировой литературе.

Центром наших исследований проблемы социалистического реализма должно стать изучение социалистических литератур на современном этапе их развития. Живой опыт этих литератур демонстрирует их подлинный расцвет, богатство содержания и стилевую многокрасочность, особенно ярко выступающие в сравнении с характерным состоянием упадка и тупика современной буржуазно-модернистской литературы. Раскрытие этого контраста и, следовательно, широчайших эстетических возможностей социалистического реализма — задача увлекательная, воинствующе боевая, связанная с живой практикой строительства социалистической культуры.

Отрадно отметить, что за последнее время заметно усилилась тяга к проблемам современности. В подтверждение этого можно назвать ряд работ. В. И. Злыдневым и С. А. Шерлаимовой написаны обобщающие статьи о современных болгарской и чешской литературах. Отдельным вопросам современного этапа развития чешской и польской литератур посвящены статьи И. Анисимова, И. Бернштейн, Т. Мотылевой, А. Пиотровской, Е. Цыбенко и других литературоведов. Весьма характерным является и тот факт, что на республиканской славистической конференции Украины, состоявшейся в конце декабря прошлого года в Харькове, было заслушано и обсуждено семь литературоведческих докладов на современные темы. Среди них были такие: современный болгарский роман (Е. В. Шпилева), некоторые вопросы развития современной польской литературы (В. П. Ведина), чешская литература в оценке украинской советской критики (В. И. Шевчук) и др.

Здесь названы далеко не все имена тех товарищей, которые уже выступали в печати или пишут статьи и книги по современным славянским литературам. А это значит, что у нас есть широкие возможности для плодотворной работы в этом направлении.

Указанные три линии в исследовании проблемы социалистического реализма включают еще ряд важных вопросов, которые должны привлечь внимание наших славистов. Это вопросы о национальных особенностях развития социалистического реализма, о его соотношении с другими творческими методами, о путях перехода разных писателей от модернистских течений к передовому искусству, о единстве и многообразии социалистических литератур, о характере и значении их связей и др.

Все эти вопросы могут решаться в плане литературно-критическом, историко-литературном или «чисто» теоретическом. Это зависит от конкретно поставленной задачи, от материала, индивидуальных склонностей исследователя и т. д.

Решая вопросы эстетики, мы ясно сознаем их политический смысл. Ведь успехи нашего искусства утверждают величие марксистско-ленинского мировоззрения, вооружающего наиболее последовательным, подлинно научным видением мира. И поэтому мы выступаем убежденными защитниками принципа коммунистической партийности в литературе. Борьба за социалистический реализм означает для нас борьбу против всякого рода реакционных теорий.

Буржуазных идеологов не устраивает прежде всего идейная основа нашего искусства. Они атакуют принцип коммунистической партийности, отрицают роль мировоззрения в процессе художественного творчества, пытаются увлечь писателей в безнадежные дебри интуиции и хаоса страстей, безмерно раздувают значение модернизма, призывают к его возрождению, создают миф об отсутствии национально-исторической почвы для возникновения и развития социалистического реализма в мировой литературе и т. д.

Мы должны широко показывать, что влияние буржуазных эстетических теорий и течений ничего, кроме вреда, не приносит, что только полное освобождение от этого влияния ведет к действительному подъему и расцвету литературы.

История щедро дает нам в руки множество фактов, свидетельствующих, с одной стороны, о замечательных успехах, о широких возможностях социалистического реализма, с другой — об идейной и художественном банкротстве буржуазно-модернистской литературы. О том, какое опустошающее воздействие оказывает буржуазная идеология на литературу, свидетельствуют многие факты в литературе современной Югославии. Ревизионистские тенденции, апология модернизма завели ряд югославских писателей в тупик. Об этом справедливо писали недавно М. Николин и Е. Рябова в статье «В лабиринте модернизма». Борьба против ревизионистских теорий и течений остается и впредь важной стороной борьбы за социалистический реализм.

Названные выше проблемы социалистического реализма оживленно обсуждаются и в странах народной демократии на совещаниях, конференциях и съездах творческой интеллигенции; за последние годы там появился ряд работ, представляющих большой интерес. Здесь нет возможности говорить о характере всего круга охватываемых этими работами проблем. В ряде случаев общее направление исследований чехословацких, польских болгарских ученых то же, что и у советских славистов. Поэтому надо стремиться к координации, к объединению усилий для решения общих задач.

Приходится, однако, констатировать, что и между институтами Академии наук и другими учреждениями широкой научной координации еще нет. До недавнего времени в планах Института славяноведения, ИМЛИ и Института литературы АН УССР налицо были факты ненужного дублирования тем; один институт не знал, что делается в другом, не говоря уже о том, что у нас вообще нет настоящих творческих научных связей между институтами.

Некоторые из этих недостатков были на ходу устранены, в процессе подготовки к нашему совещанию. Но работу эту надо довести до конца, придав ей планомерный, продуманный характер.

В Институте славяноведения АН СССР создана группа по изучению социалистического реализма. Главное в ее работе — комплексное решение проблемно-теоретических вопросов на материале нескольких славянских литератур. В настоящее время члены группы работают над темой «Становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран» (срок окончания — 1961 г.). Задача этой коллективной работы — в установлении общих закономерностей и национального своеобразия процесса формирования социалистического реализма. В дальнейшем

литературоведы нашего института сосредоточивают свое внимание на вопросах, связанных с современным этапом развития социалистических литератур.

В разработке названных проблем могут принять участие слависты всех научных учреждений и вузов Советского Союза. Особенно важна координация усилий по теме: «Проблемы социалистического реализма в современных литературах зарубежных славянских стран» (сроки выполнения — 1961—1965 гг.). Широта этой темы позволяет включить разнообразные вопросы, связанные с развитием современных социалистических литератур; не исключена возможность группировки работ по проблемному принципу и издания ряда сборников, основной задачей которых является раскрытие богатства, широких возможностей, многообразия форм литератур социалистического реализма.

Согласование планов, взаимные обсуждения выполненных работ, в том числе и вышедших в свет, — важное условие нашей дальнейшей работы. Филологическая секция Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения должна располагать всеми нашими планами, рассматривать их и нести ответственность за осуществление координации усилий славистов-филологов.

Чтобы не отставать, нам нужно знать все новейшие исследования по проблеме социалистического реализма, регулярно откликаться на работы зарубежных и советских ученых, участвовать в совещаниях и конференциях по социалистическому реализму, проводимых в Советском Союзе, выступать с проблемно-теоретическими статьями в центральной прессе и т. д.

Для успешной работы в дальнейшем необходимо периодически подводить итоги научных исследований проблемы социалистического реализма в зарубежных славянских литературах, определять общие задачи нашей работы, намечать перспективные планы. Формы подведения подобных итогов могут быть различными, они должны каждый раз определяться конкретно.

Н. И. Кравцов

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Устно-поэтическое творчество славянских народов создано трудовыми массами в результате длительного и сложного их исторического пути. В силу этого оно отличается богатейшим жизненным содержанием и прогрессивными социальными и национальными идеями (идеи справедливости, мира и независимости), которые воплощаются в художественно совершенных, национально самобытных формах, жанрах и выразительных средствах.

Раскрытие идейной и эстетической ценности славянского фольклора является насущной задачей, вызывается необходимостью разоблачать реакционные теории, бытующие в фольклористике капиталистических стран и имеющие целью принизить культуру славянских народов, особенно культуру народно-демократического периода их истории. Поднимающий голову германский реваншизм оказывает влияние на освещение проблем славянской культуры в буржуазной науке Запада. Неправильное ее толкование проявляется и в других странах. Во втором издании известной книги Стиса Томсона «Мотив индекс» (1955) славянскому фольклору почти не уделено места, а автор претендует на всеобщность своего указателя. Французский славяновед Андре Вайян продолжает выискивать французские истоки южнославянского эпоса. Подобное направление исследований характерно и для некоторых югославских литературоведов.

Вопрос об общей ценности славянского фольклора приходится ставить и потому, что советские фольклористы изучают его еще мало. В зарубежных славянских странах существует много научных учреждений и обществ, изучающих устно-поэтическое творчество. Издается там и немало журналов и сборников, печатающих материалы и статьи по фольклору. В Советском Союзе необходимо также создать научную единицу, например в составе Института славяноведения АН СССР, которая бы объединяла работу фольклористов-славяноведов, и неперIODический сборник «Славянский фольклор». Советская наука должна сказать свое слово в освещении вопросов славянского народного творчества.

Современная славянская фольклористика получила в наследство от старой науки богатые материалы и ценные идеи: о близости и своеобразии славянского фольклора, о связи фольклора с другими видами искусства, о сотрудничестве славянских фольклористов, — высказанные Колларом, Бодянским, Срезневским, Григоровичем, Буслаевым. Достижения старой науки следует использовать, но использовать их необходимо критически. Следует разоблачать ошибочные и реакционные положения в понимании истории, смешение понятий нация и народ, что не позволяло раскрыть

социальную сущность фольклора, увлечение мифологической теорией и теорией заимствования, неверное понимание историчности эпоса.

Советская фольклористика в изучении славянского фольклора должна не только обстоятельно исследовать его классические собрания (Челаковского, Кольберга, Федоровского, Стоина и др.), не только использовать ценные идеи старой фольклористики, не только регулярно информировать о развитии фольклористики славянских стран, но и раскрыть заслуги русских, украинских и белорусских фольклористов в изучении народного творчества западных и южных славян. Очевидно, возникает задача — создать историю славянской фольклористики, выполнение советского раздела в которой — обязанность советских ученых. Нет у нас пока и библиографии народного творчества.

Новый социально-исторический этап развития зарубежных славянских стран ставит перед фольклористикой задачу изучения современного состояния фольклора и раскрытия его общественного значения и эстетической ценности. В решении этих вопросов славяноведам помогают общие достижения советской фольклористики, которые благотворно сказались и на всей славянской фольклористике. Большое значение имели дискуссии по вопросам народного творчества, а также такие теоретические работы наших ученых, как книга В. И. Чичерова «Вопросы теории и истории народного творчества» (1959) и особенно сборники «Русский фольклор». Советская фольклористика помогает фольклористике других славянских стран ставить новые проблемы, правильно понимать коллективность и индивидуальное начало в народном творчестве, решать вопросы современного фольклора.

Правда, зарубежные фольклористы не всегда согласны с позициями советских ученых. Так, В. Карбусицкий в статье «Новые пути нашей фольклористики» в журнале «Ческа литература» (1960, № 2) заявил, что нельзя принять точки зрения советских фольклористов на предмет фольклористики, нельзя изучать словесный текст песни, отрывая его от напева, неправильно разделять фольклор на словесный и музыкальный. Такую точку зрения сформулировал А. Сихра в 1948 г. в книге «Гудба а слово в лидове песни». Ее подчеркнул Ф. Вольман в отзыве на работы Чичерова («Славия», 1955, стр. 436). Ее отстаивает О. Зилинский в журнале «Ческо-словенска русистика» (1957, стр. 183).

Принципиально точка зрения чехословацких ученых правильна. Однако не следует забывать, что полного единства между текстом и напевом нет, почему многие песни поются на один и тот же мотив, почему существуют местные напевы частушек, общие для всех текстов; да и нужно учитывать, что слово есть смысловой центр произведения, что вполне правомерно изучать не только художественное целое в единстве его элементов, но и отдельные элементы. Кстати сказать, невнимание к этим последним привело к тому, что в славянской фольклористике нет обстоятельных исследований народно-поэтической ритмики, рифмы, системы выразительных средств, символики и т. д. Надо, наконец, помнить и то, что есть немало жанров, не имеющих напева (пословицы, прозаические жанры), и нельзя ориентироваться только на музыкальный фольклор.

В славянских странах существует двойственность в классификации: фольклористика то включается в этнографию, то в литературоведение. И у нас секторы фольклора есть и в Институте русской литературы АН СССР и в Институте этнографии. Но фольклор живет самостоятельной жизнью, хотя и связан и с литературой и с бытом и нравами, поэтому фольклористика имеет свой предмет изучения и не должна входить ни в литературоведение, ни в этнографию.

Устно-поэтическое творчество славянских народов отличается большой близостью сюжетов, образов и выразительных средств. Это объясняется и

общими закономерностями, действующими в фольклоре, и родством этих народов, и их длительными политическими и культурными связями. В последнее время сблизилась пути их социально-исторического развития и возросли связи между собой, что не могло не усилить общности процессов развития их устно-поэтического творчества.

Все это требует широкой постановки сравнительно-исторического изучения славянского фольклора, выяснения его общности и форм творческих связей. На киевском совещании по вопросам эпоса в 1955 г. и на IV Международном съезде славистов в докладах Н. Кранцова, В. Жирмунского, П. Богатырева были освещены общие пути и задачи сравнительного изучения славянского фольклора. Но в конкретном изучении сделано еще очень мало. А задачи возникают весьма важные, например: пересмотреть научное наследство старой сравнительной фольклористики (Потебня, Веселовский, Франко, Шишманов, Поливка и др.); охватить изучением фольклор и восточных, и западных, и южных славян, что позволит раскрыть важные закономерности его развития; изучить фольклор пограничных областей (украинский и польский, украинский и словацкий, белорусский и польский, болгарский и сербский и т. д.); исследовать моменты особо близкой общности (украинских дум и болгарских и сербских гайдуцких и ускоцких песен); на очереди стоит и изучение символики славянской лирики, ритмико-интонационной стороны песен.

Много интересных общих положений и конкретных наблюдений есть в работах чешских (Вольман, Горалек, Долацкий) и советских ученых (В. М. Жирмунский). Но существуют и некоторые опасности в сравнительном изучении славянского фольклора. Показательно, например, что югославские фольклористы широко сопоставляют сербо-хорватский эпос с гомеровскими поэмами, но совершенно не изучают его в сравнении с русским и украинским эпосом. У некоторых советских ученых (В. М. Жирмунский) видно преувеличение значения типологического фактора общности, т. е. общих закономерностей развития фольклора, что приводит к стиранию своеобразия славянского народного творчества, во многом обусловленного родством, многовековыми связями и особенностями исторических судеб славянских народов. Ценности славянского устно-поэтического творчества во многом создавались при межславянском творческом сотрудничестве. Но основной близости их творчества служит сходство их исторических путей. В отличие от других народов они миновали в древности рабовладельческую социально-экономическую формацию и от первобытнообщинного строя прямо перешли к феодализму; весьма рано у них сложились и устойчиво держались определенные формы земледелия, много веков славянам пришлось вести борьбу с иноземным феодальным владычеством, наконец, одновременно западные и южные славяне перешли на путь социалистического развития. Все это наложило отпечаток на их фольклор, тем более что многие важные процессы имели место еще в бесписьменный период, когда устно-поэтическое творчество было основной формой выражения духовной жизни в слове.

Народное творчество и литература славян неразрывно связаны с их национально-освободительной борьбой и процессом формирования наций и национальных культур; они отразили исторический опыт народов, особенности их духовной жизни и быта, играли важную роль в укреплении освободительных стремлений и обогащении культуры славянских народов, в так называемом их национальном возрождении. Исследование этих явлений — важная задача. Оно может вестись в коллективном сотрудничестве с историками, которые включили в план своей научной работы изучение процесса формирования наций и национальных культур славянских народов.

Еще более важной задачей является изучение связи народного творче-

ства с социальными процессами. Одним из достижений славянской фольклористики является подход к осмыслению социальной сущности фольклора, исследование ранее не изучавшихся областей народного творчества (рабочий фольклор). Вслед за советскими учеными идут ученые других славянских стран (Айненкель, Карбусицкий, Плетка, Живирская, Гауфман). Однако нельзя уже ограничиваться изучением общественного содержания рабочего фольклора, нужно исследовать его художественное своеобразие, жанры, образность, поэтику, а также интернациональные моменты в его идейности, широко развивающиеся в наше время.

Особое значение имеет изучение современного народного творчества славян, которые вступили в новую стадию своего общественно-исторического развития, что не могло не вызвать новых процессов в их устном творчестве.

Необходимо выяснить характер изменения и судьбу традиционных жанров в новых условиях, отражение в народном творчестве новой социальной действительности, новых форм труда и быта, зарождение новых художественных форм, образности и выразительных средств. По сути дела надо ответить на вопрос: что собою представляет современный фольклор?

При решении этого вопроса большое значение имеет широкое исследование народного творчества. И в Советском Союзе, и в славянских странах народной демократии проводится немало экспедиций (в Чехословакии под руководством Й. Горака, в Болгарии экспедиции Института этнографии БАН), но этого еще недостаточно. Неполнота материалов как раз и вызывает споры по многим вопросам. Есть уже интересные работы по современному фольклору, например болгарских ученых Е. Стоиной, И. Качулева, Р. Кацаровой-Кукудовой, Г. Керемидчиева. В Югославии следует отметить третий том трудов Института этнографии САН.

При решении вопроса о современном фольклоре надо учесть, что условия его жизни в разных славянских странах различны, например, в Болгарии и Югославии, мы полагаем, существуют условия для большего сохранения традиционных жанров; что в области фольклора в наше время происходит большая ломка, которая, возможно, ведет к тому, что складывается новое понятие фольклора и что к современному народному творчеству нельзя поэтому подходить со старыми мерками. Ясно одно: надо раскрыть новые закономерности развития фольклора, потому что новые явления становятся отличительными чертами духовной культуры. В частности, таким новым моментом выступает своеобразное сочетание национальных традиций и интернациональной социалистической культуры.

Необходимо широко исследовать современное народное творчество, не ограничиваясь партизанским фольклором. Это важный раздел творчества, но полезно рассмотреть и более новые явления в фольклоре.

Славянское народное творчество исключительно богато в жанровом отношении. В различных славянских странах есть свои особенности в изучении фольклора соответственно жанровому его составу. Так, в Чехословакии более изучают баллады, песни о разбойниках, рабочий фольклор, а в последнее время анекдоты; в Югославии много внимания уделяют эпосу и песням народно-освободительной борьбы. Советская фольклористика должна широко охватить славянский фольклор в жанровом отношении. Но, естественно, всего охватить нельзя. Поэтому полезно учесть, что в первую очередь необходимо уделить внимание основным, важнейшим в идейном и художественном отношении жанрам — эпосу, трудовым песням, рабочему фольклору, лирике, пословицам. Отметим, что недостатком фольклористики всех других славянских стран, кроме СССР, служит то, что она не изучает трудовых песен (песни жнецов и другие, сопровождающие работы песни), а также то, что она не учитывает при изучении обрядового фольклора работ советских фольклористов, например В. И. Чи-

черова. Чешские и болгарские ученые чаще рассматривают религиозную и театральную сторону обрядового фольклора, а проходят мимо его жизненных корней в крестьянском труде и быту. Советская наука имеет другие недостатки в изучении славянского фольклора; например, она, занимаясь фольклором южных славян (работы Шептунова, Гридасовой, Кравцова и др.), почти не изучает фольклора западных славян: не уделяет она внимания и обрядовому фольклору.

Исключительно важна проблема эпоса. Поднятый академиком Б. А. Рыбаковым вопрос об историчности русского эпоса имеет значение и при изучении эпоса южных славян, так как его историческая основа или совершенно забывается или трактуется примитивно. Югославские фольклористы, широко занимаясь выяснением исторических реалий — отражением в эпосе бытовых моментов (см. статьи об окованном пере и знамени с крестами в 24-ой книге «Гласника этнографического музея в Белграде»), — обходят общие проблемы исторического характера эпоса. Подобные статьи публикуются часто, статей о пере и знамени и ранее уже было напечатано немало. Но это не изучение эпоса, это комментирование его. Проблему историчности эпоса следует ставить во всем ее объеме. Необходимо ставить и вопрос об истории и формах славянского эпоса, в частности в связи с появлением книги С. Черника «Польска эпика людова» (Вроцлав, 1958), книги «Белорусский фольклор» (Минск, 1959) и статьи К. Горалека «Сохранились остатки сербо-лужицкой эпики» («Славия», 1959).

Одной из особенностей культуры художественного слова у славян является тесная связь фольклора и литературы. В общем плане этот вопрос рассмотрен в работах Азадковского, К. Горалека, Динекова, Вольмана. Чешские ученые много нового выяснили в связи творчества Врхлицкого. Чеха, Шрамека, Волькера с рабочим фольклором, в отношении к городскому фольклору Незвала и Гапека. Подобные исследования ведутся и в других славянских странах. Советские ученые в общих трудах по истории Чехии, Польши, Болгарии, в истории литератур этих стран и в статьях и монографиях о славянских писателях (Вазов, Чех, Нейман и др.) рассматривают отношения литературы и фольклора. В диссертациях Можяевой о Змае Йовановиче, Шептунова о гайдудском движении и его отражении в литературе, Кацнельсона о Мицкевиче специально исследуются эти проблемы. Но вопрос о воздействии литературы на фольклор славянских народов (за исключением русского и украинского) советскими фольклористами не поставлен и не изучен. Важными задачами также являются исследование эпох наиболее широкого взаимодействия литературы и фольклора (древний период, национальное возрождение), выяснение отношения к фольклору различных литературных направлений (романтизма, реализма и даже модернизма), проявление фольклоризма в различных родах литературы. Следует также выяснить судьбу литературных произведений в народной среде, а в связи с этим разграничить эти произведения от произведений, созданных самим народом, иначе мы можем прийти к принижению творческой способности народных масс.

Прекрасную работу о фольклоризации литературных произведений написали чешские ученые Вацлавек и Сметана («Ческе светске писпе злидовеле»). У нас этими вопросами занимался И. Н. Розанов. В исследованиях по этой теме нужно изучить отличия связей литературы и фольклора в более раннее время и в наши дни, роль фольклора в выработке литературных жанров, общие процессы в развитии литературы и фольклора, особенности отношения этих форм творчества у славянских народов.

Выполнение указанных выше сложных и трудных задач в изучении фольклора западных и южных славян возможно только при определенных организационных мероприятиях. Для того чтобы плодотворно шла работа по изучению богатейшего и исключительно ценного в общественном и

эстетическом отношении славянского народного творчества, необходимо: а) согласовать усилия фольклористов-славяноведов, б) не отрывать изучение фольклора западных и южных славян от изучения фольклора восточных славян, в) созывать совещания по проблемам славянского фольклора, г) наладить научную информацию и библиографию в этой области науки, д) расширить сотрудничество фольклористов славянских стран, е) широко использовать богатейшие собрания произведений славянского народного творчества, вводя в научный оборот и архивные, неопубликованные материалы, ж) организовать обмен изданиями, фотокопиями и микрофильмами между научными учреждениями, з) создать при Институте славяноведения АН СССР группу славянского фольклора, которая бы координировала работу в этой области в нашей стране.

Выполнение этих мероприятий должны взять на себя Институт славяноведения АН СССР, Институт русской литературы АН СССР и институты искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР и БССР. Что же касается выполнения программы научно-исследовательских работ в области славянской фольклористики, изложенной выше, то ее следует осуществлять общими усилиями научных учреждений и высших учебных заведений нашей страны при сотрудничестве с научными учреждениями зарубежных славянских стран.

А. И. Белецкий

«ГЛАВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ»

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

1. Давний традиционный интерес к зарубежным славянским литературам в России. Эпоха «славянского Возрождения». Борьба вокруг «славянского вопроса» ведется уже с 20—30-х годов XIX в. Теория «замкнутого славянского мира» у славянофилов. Идея единения народов, выдвинутая демократической и революционной общественной мыслью (А. Мицкевич, А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевский, И. Франко). Сближение славянских народов и их литератур в эпоху империализма и пролетарских революций. Дружба славянских народов, закаленная в огне борьбы против фашизма. Новые качества в сближении литературы послевоенного периода.

2. Дореволюционное русское, украинское и белорусское славянское литературоведение. Оценки зарубежного славянского литературного процесса, информации о литературном движении западных и южных славян (Срезневский, Бодянский, Пыпин, Спасович). Монографическое изучение процессов взаимопроникновения, сближения и взаимовлияний в славянских литературах, стремление дать сравнительный анализ отдельных периодов их развития. Богатый фактический материал и методологическая несостоятельность различных буржуазных «школ» при разрешении проблемы связей (работы Францева, Эдзеховского, Колессы и др.). Интерес к литературному процессу западных и частично южных славян со стороны революционно-демократической критики (Герцен, Чернышевский, Франко, Украинка), марксистской критики (Воровский). Преодоление советским литературоведением 20—30-х годов вульгарно-социологических воззрений на зарубежный славянский литературный процесс.

3. Возросший интерес в Советском Союзе к литературе Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии после окончания Великой Отечественной войны и образования стран народной демократии. Два периода в изучении славянских литератур в послевоенное время. *Первый* (1945 — середина 1950 г.) характеризуется превалированием работ научно-популярного содержания (брошюры, газетные статьи), появлением многочисленных переводов художественной литературы, изданием сборников и антологий. В этот период выходят в свет монографические исследования ученых старшего поколения: академиком Державина, Пичеты, профессора Копержинского и др. Эти работы (монографии об Иване Вазове и Христо Ботеве, статьи о Юрии Крижаниче, о значении Пушкина в формировании болгарской поэзии и др.), представляющие значительный научный интерес, стоят

особняком среди множества описательных, а то и просто дилетантских статей на актуальную тему, в связи с юбилейной датой и т. д.

Появление в конце 40-х годов молодых исследователей, которые прошли обучение на специальных кафедрах университетов Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и которые в своих работах с позиций марксистского литературоведения смогли использовать и оценить ранее накопленный материал.

Начало 50-х годов. Поток кандидатских диссертаций, посвященных разработке прогрессивных явлений в западных и южных славянских литературах XIX—XX вв. Некоторые из них не оставили в науке никакого следа, подавляющее большинство стало отправным пунктом дальнейших исследований.

Второй период, начавшийся приблизительно в середине 50-х годов, после XX съезда КПСС, продолжается поныне. Зрелость литературоведческих работ, их высокая научная ценность. Влияние советского славяноведения на становление марксистского литературоведения в странах народной демократии. Роль исследований советских ученых-славистов в новой оценке зарубежными литературоведами некоторых явлений отечественной литературы (работы о Мицкевиче М. Рыльского, М. Живова, Борового. О значении советского мицкевичеведения в свое время свидетельствовал Бой-Желенски).

Появление целой плеяды ученых-славистов, которые зарекомендовали себя зрелыми научными исследователями. Работы *по чешской литературе* — С. В. Никольского (о Челаковском, Волькере), С. А. Шерлаимовой (о С. К. Неймане), Л. С. Кишкина («Святошлук Чех»), В. Шевчука («Карел Чапек»), Н. П. Елапского («Раннее творчество Гапска», «Ярослав Гапек в революционной России»); *по болгарской* — Д. Ф. Маркова («Болгарская поэзия первой четверти XX века»), В. И. Злыднева, И. М. Шептунова, Шилевой; *по польской* — Н. И. Балашова (о Ю. Словацком), Г. Д. Вербеса (о Реймонте, Ожешко, Словацком), Ю. А. Булаховской (о Ю. Тувиме), Б. Ф. Стахеева (о Мицкевиче, Словацком), И. К. Горского (о Сенкевиче, Мицкевиче), В. В. Витт и В. П. Вединой (о Жеромском). Рост интереса к литературам народов Югославии (труды Голенищева-Кутузова, Зайцева, Беляевой, Рябовой, Гольдберга, Пулинца, Карасева). Слабость разработки вопросов хорватской, словенской и македонской литератур. Отсутствие цельных сведений о современной литературной жизни Югославии. Необходимость борьбы с ревизионистскими течениями.

От монографических исследований отдельных писателей и целых периодов — до создания синтетических работ по истории отдельных национальных литератур. «Нариси історії болгарської літератури» Свенцицкого. «Очерки по истории болгарской литературы XIX—XX веков» (1959, коллектив авторов). Обзоры польской, болгарской и чешской литератур в «Истории Польши», «Истории Чехословакии», «Истории Болгарии».

4. Сравнительное изучение славянских литератур. Борьба с компаративизмом. Разработка марксистским литературоведением принципов сравнительного изучения литератур (работы Жирмунского, Белецкого, Неупокосовой, Самарина). IV съезд славистов. Всесоюзное совещание по вопросам сравнительного изучения литератур. Появление научно-популярных и синтетических работ, монографических исследований по вопросам межславянских литературных связей: работы Н. И. Кравцова, С. В. Никольского, Ерихонова, Д. П. Заславского, А. Г. Пиотровской, Т. Л. Мотылевой, Журавской, Гонтаря — «Чешско-украинские литературные взаимоотношения» (1956), Вербес — «Адам Мицкевич в украинской литературе» (1955), «Иван Франко и вопросы украинско-польских литературно-общественных отношений» (1957), «Юлиуш Словацкий и Украина» (1959), Стахеева —

«Мицкевич и его русские друзья» (1956), Вединой «Литературно-общественные связи пролетарских писателей Западной Украины и Польши» (1960) и др. Проблема славянских литературных взаимоотношений на IV Международном съезде славистов (доклады Голенищева-Кутузова, Никольского, Соколова, Стахеева, Рыльского, Беркова, Белецкого, Богатырева, Гудзия, Кирилюка, Жирмунского и др.). Необходимость дальнейшего подъема научного уровня исследований в области литературных связей и взаимовлияний, разоблачение концепций современных компаративистских «школ» Европы и Америки. Необходимость в сравнительных исследованиях глубже раскрывать не только общность, но и различие национальных литератур, их самобытность. Важность дальнейшего изучения интернациональных связей в свете «Заявления совещания представителей Коммунистических и рабочих партий».

5. Современное состояние славянского литературоведения в СССР. Труды славистических центров — Института славяноведения АН СССР, кафедр славянских литератур Московского, Ленинградского, Киевского, Львовского университетов, Отдела зарубежных славянских литератур Института литературы АН УССР — значение выпусков «Литература славянских народов», «Кратких сообщений», сборника «Славянская филология» (т. I—III), «Славянские литературы», ежегодник «Міжслов'янські літературні взаємини», «Славянское литературное единение» (Львов), многочисленные статьи в научных сборниках университетов и пединститутотв (от Черновиц и Ужгорода до Тамбова и Владивостока).

Наличие параллелизма в исследованиях, созвучие, повторяемость тем и проблем, разбросанность сил. Необходимость координации научных усилий, определение основных задач и направлений.

6. Известный пробел в изучении советскими учеными славянских литератур эпохи феодализма. Труды Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Голенищева-Кутузова составляют исключение. Больше внимания воспитанию молодых исследователей в этой области. Сравнительно слабая осведомленность в вопросах развития современных славянских литератур. Необходимость заострения борьбы против ревизионизма в Югославии и Польше (статьи на эту тему Николина и Рябовой, Лифшица, Вединой). Желательно издание монографий и сборников о современных литературах типа «Современная польская литература» (М., 1958), «Случасні польські письменники» (Киев, 1960); регулярное проведение научных сессий и конференций, живой обмен мнениями (опыт трех украинских республиканских славистических конференций в Киеве, Львове, Харькове). Издание общесоюзных и республиканских периодических органов по славистике (журналы, бюллетени и т. д.).

Недостаточное внимание в СССР к изучению связей зарубежных славянских литератур между собой и с литературами европейских народов. Пересмотр вопроса о «влияниях» романо-германских литератур на славянские. Борьба с новейшими буржуазными вульгаризаторами этой проблемы. Определяющая роль русской литературы в развитии как восточных, так и юго-западных славянских литератур, мировое значение литератур славянских народов.

7. Дальнейшие усилия по созданию монографических исследований, в первую очередь о наиболее «запутанных» и неразработанных периодах развития славянских литератур, начиная с возникновения славянской письменности и до наших дней. Проблематика и тематика V Международного съезда славистов — основное направление исканий наших исследователей. В повестке дня — написание работ об отдельных писателях, о борьбе литературных течений, направлений, стилей, об особенностях жанров современных литератур и т. д. Заострить внимание также на тех вопросах, которые настойчиво поднимаются современными компаративистами

(барокко в славянских литературах, реакционный романтизм, проблема «Молодой Польши», модернистские течения в литературах славянских стран и др.).

Создание учебников для студентов-славистов вузов и массового советского читателя — «История польской литературы», «История литературы Чехословакии», «История литературы народов Югославии» и т. д. Возможность написания таких учебников, важных и для зарубежных славянских стран, общими усилиями славистов всего Союза. Укрепление контактов с литературоведами-марксистами Польши, Чехословакии, Болгарии и т. д. Общая разработка с ними ряда проблем славянского литературоведения (опыт проведения научной сессии, посвященной Франко, в Варшаве и Юлиушу Словацкому — в Кременце, пятитомное издание сочинений Франко на немецком языке совместно с Институтом славяноведения Германской Демократической Республики и т. д.), обмен архивными материалами.

8. Вопрос о сравнительной истории славянских литератур. Попытки создания обзоров истории славянских литератур (И. Шафарика, А. Милковича, А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, О. О. Карасека, Я. Махала и др.), богатый фактический материал и непоследовательность систематизации. Методологическая и методическая невыразительность. Два основных принципа при создании такой истории: «szufladkowy» (термин С. Колбушевского) и сравнительно-хронологический. Эффективность параллельного раскрытия марксистским литературоведением аналогичных в славянских литературах явлений (доклады на IV съезде славистов Никольского, Соколова и Стахеева, Голенищева-Кутузова и др.). От параллельного раскрытия течений, направлений, целых периодов, от написания историй национальных литератур — до создания синтетического марксистского курса литератур славянских народов.

9. Несколько предложений. Необходимы организация ежегодных координационных совещаний, регулярные заседания Объединенного Ученого совета по координации, учет всей работы, которая ведется по славистике в СССР. Издание специальных ежегодных бюллетеней с указанием тем, их исполнителей, места и года издания. Большое значение настоящего Координационного совещания, созданного по инициативе Института славяноведения АН СССР.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

Оживленную дискуссию вызвали на заседаниях секции доклады С. В. Никольского, Д. Ф. Маркова, Н. И. Кравцова, а также тезисы доклада академика А. И. Белецкого о главных проблемах изучения в Советском Союзе литератур зарубежных славянских народов.

В прениях выступило 28 человек — представители Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова, Львова, Драгобыча и других городов Советского Союза. Обмен мнениями состоялся как по научной проблематике, так и по организационным вопросам. Некоторые выступления носили в основном информационный характер и знакомили присутствующих с тематикой и проблематикой, с характером работы в области славяноведения, которая проводится на местах.

Из организационных вопросов наиболее важными были предложения о необходимости периодических совещаний по конкретным научным проблемам, а также совещаний специалистов разных профилей (историков, литературоведов, искусствоведов и др.), о целесообразности совещания преподавателей курсов славянских литератур, о необходимости славистического журнала, об укреплении издательской базы и более четком налаживании информационно-библиографической работы, о подготовке к Международному съезду славистов и т. д. Фольклористы поддержали предложение Н. И. Кравцова о создании в Институте славяноведения группы по изучению славянского фольклора.

В центре внимания литературоведов оказались вопросы, связанные с генезисом и развитием социалистического реализма, вопросы модернизма и ревизионизма, а также проблемы межславянских литературных связей и национальной специфики литературы. Наибольший резонанс у участников совещания нашли положения доклада Д. Ф. Маркова о стилевой многокрасочности и многообразии форм и жанров социалистического реализма, о необходимости широкого обобщения опыта нового искусства, об изучении процесса развития социалистического реализма в его соотношениях с другими творческими методами.

В советском литературоведении, отмечает *Е. В. Шпилева (Киев)*, все чаще ставятся вопросы, связанные с генезисом, отличительными особенностями и перспективами развития метода социалистического реализма. Вызвано это, с одной стороны, большими успехами этого метода, а с другой — необходимостью давать отпор все более яростным нападкам на социалистический реализм. Шпилева отметила важность и своевременность доклада Д. Ф. Маркова, который, по мнению выступавшей, даст толчок для новых исследований в области социалистического реализма и укажет новые направления в разработке проблемы.

В. П. Ведина (Киев) поддерживает высказанное в докладе Маркова

предложение о создании истории социалистического реализма в мировой литературе с широким привлечением опыта зарубежных славянских литератур. О злободневности постановки этого вопроса в связи с имеющими место на Западе и в некоторых зарубежных славянских странах ревизионистскими воззрениями на сущность современного литературного процесса, на цели и задачи искусства, на метод социалистического реализма говорили в своих выступлениях М. Б. Ешич, И. Е. Журавская, А. М. Балакин и др. Они, как и другие выступавшие (в частности, В. К. Зайцев), подчеркнули, что невозможно решить эту задачу без последовательной борьбы против модернизма и ревизионизма. Причем эта борьба, вскрытие корней модернизма и ревизионизма в зарубежных славянских странах требуют к себе большого внимания и осторожности. При разработке этих вопросов следует разделять заблуждения честных писателей от демагогических приемов борьбы против социалистического реализма. Необходимо также учитывать не только влияние буржуазной идеологии Запада, но и трудности становления и развития социалистического реализма в зарубежных славянских странах (что способствовало появлению ревизионистских тенденций), а также отрицательную роль вульгарно-социологических начетнических трактовок ряда эстетических проблем и сущности метода социалистического реализма конца 40—50-х годов. Вместе с тем не следует замалчивать разногласий, и как ревизионистская «черная литература», так и неверные, искаженные трактовки отдельных явлений литературы, метода социалистического реализма должны получить решительный отпор советских славистов, В. П. Веди́на отметила особую важность правильного теоретического осмысления принципов социалистического реализма в условиях существования всевозможных ревизионистских «теорий». Советские ученые-слависты в первую очередь должны дать пример творческой разработки важнейших вопросов эстетики, показать определяющую роль идейных факторов. Особенно важной, по мнению Вединой и других выступавших (А. Р. Волков, Н. П. Еланский, В. И. Шевчук и др.), представляется разработка проблемы многообразия форм, стилей и жанров в рамках метода социалистического реализма, разработка вопросов о подлинном и мнимом новаторстве. Важно показать, что борьба против ревизионизма отнюдь не означает борьбы против богатства форм и стилей искусства, как это стремится представить модернистская критика, вскрыть подлинную сущность формального экспериментаторства, сюрреализма, экзистенциализма, которые рекламируются как «новое слово» в литературе.

А. Р. Волков (Черновицы) говорил в своем выступлении о многообразии форм реалистического искусства, в частности искусства социалистического реализма, использующего приемы художественной условности драматургии, основанные на отказе от внешнего эмпирического правдоподобия, на больших философских обобщениях, характерной чертой которой является социально-политическая нацеленность в сочетании с яркой театральной формой, усиливающей воздействие театра на зрителя. Выступавший поставил вопрос о необходимости изучения истории славянских литератур, используя факты и методы смежных отраслей знаний. Так, например, драматургия К. Чапека, говорит Волков, ее значение и особенности всесторонне могут быть поняты только на основе сопоставления с крупнейшими современными явлениями европейского искусства.

В центре внимания выступления *Н. П. Еланского (Саратов)* находился вопрос о соотношении социалистического реализма с другими творческими методами. Выступавший подчеркнул важность исследования вопроса о реалистических и нереалистических формах условности в искусстве, а также необходимость и важность изучения особенностей эволюции писателей. Он предложил проявить больше внимания к изучению процессов, сопут-

ствовавших переходу многих писателей от авангардизма к социалистическому реализму и от критического реализма к социалистическому.

В. И. Шевчук (Киев) предложил выделить такие актуальные и конкретные проблемы для исследования:

1) эволюция положительного героя — строителя социализма в советской литературе и судьбы нового человека в славянских литературах стран народной демократии;

2) эволюция жанров и форм выражения в современных зарубежных славянских литературах.

Выступавший коснулся вопроса о поисках новых форм художественного выражения в драме и прозе. Он поделился в связи с этим своими наблюдениями над некоторыми характерными чертами польской, чешской и болгарской новеллистики. Если для болгарских новелл характерна описательность и малая динамичность сюжета, то в чешской новелле последних лет описательность отсутствует, развитие сюжета оставляет простор для читательских выводов, а авторская оценка событий и героев присутствует не как исповедь, а как возможный читательский вывод. Польская новелла отличается парадоксальностью ситуаций.

И. Е. Журавская (Киев) отмечала необходимость создания работ о передовых литературных явлениях 90-х годов прошлого столетия, о появлении рабочей тематики в славянских литературах в те годы. Актуальность правильного освещения этого вопроса очевидна, по мнению выступавшей. В связи с тем, что в ряде работ польских авторов это связывается с влиянием французского натурализма (с европейским натурализмом связывается, например, и творчество чешского писателя Арбеса. А между тем это чрезвычайно спорные вопросы).

А. М. Балакин (Москва) в своем выступлении предложил, как и Е. В. Шпилева и др., особо подчеркнуть важность изучения специфики развития социалистического реализма в каждой из литератур. Он говорил о различном проявлении общих принципов в литературах Болгарии, Польши, Югославии и более подробно остановился на основных вопросах югославского модернизма.

Проблему борьбы против ревизионизма и модернизма *М. Б. Ешич (Москва)* считает особо важной при изучении литературы народов Югославии. По мнению Ешича, необходимо полемизировать с югославскими модернистами и ревизионистами по вопросу о периодизации югославской литературы, по оценке того или иного течения, тех или иных статей и книг. Следует с принципиально марксистских позиций выступить по вопросу взаимоотношений и взаимосвязей между югославской и русской литературой и разобраться в судьбах социалистического реализма в югославской литературе.

В связи с обсуждением проблем социалистического реализма многими выступавшими ставился вопрос о сравнительном изучении славянских литератур, что позволит, по их мнению, решить ряд теоретических проблем, о национальной специфике и о необходимости учитывать достижения сравнительного литературоведения в синтетических работах. Так, Е. В. Шпилева в своем выступлении предлагает останавливаться не только на сходных явлениях литератур славянских народов, но и больше внимания уделять различиям, самобытности исторического пути каждого народа, ведя исследование по национальной специфике литературы от главных особенностей исторического развития народа к главным особенностям (своеобразию) его литературы, а отсюда к определению ее специфики. Шпилева, как и многие другие, считает целесообразным комплексный метод работы — содружество историков, литературоведов и фольклористов. Многие выступавшие отмечали необходимость и злободневность не только синтетических работ по современной литературе, но социалистиче-

скому реализму, но и актуальность пропаганды достижений современных славянских литератур, ознакомления читателя с творчеством лучших ее представителей. Подчеркивалась необходимость рецензий на произведения зарубежных славянских писателей, обзоров современных литератур, монографий и критико-биографических очерков, в связи с чем отмечалась целесообразность специального периодического издания и регулярность выпуска сборников по социалистическому реализму.

Проблеме межславянских литературных связей, поставленной в докладе С. В. Никольского в качестве одной из наиболее важных в славяноведении, был посвящен ряд выступлений. О необходимости синтетических работ о месте и значении украинской литературы в общеславянском литературном процессе, об изучении влияний одной литературы на другую и о самобытности и оригинальности каждой из национальных литератур говорила в своем выступлении *И. Е. Журавская*. На актуальности проблемы межславянских литературных связей подробно остановились в своих выступлениях *В. И. Злыднев*, *Л. С. Кишкиц*, *П. Г. Богатырев*, *Г. Д. Вервес* и др. *В. И. Злыднев* предложил подвести итоги всего сделанного в этой области, а также коллективными усилиями наметить план совместной работы, пути исследования. Для того чтобы представить себе истинную картину литературного развития того или иного народа, следует наряду с изучением конкретных исторических условий и самих литературных явлений заниматься также изучением литературных связей. В истории развития славянских литератур культурные связи сыграли исключительную роль. Показать их роль, показать, как достижения литературы одного славянского народа помогали создавать национальную литературу другому славянскому народу — это большая и сложная задача. По мнению выступавших, специальная дискуссия, организованная Институтом мировой литературы, явилась важным событием в постановке теоретических вопросов методики изучения международных литературных связей. Однако славянским литературам было уделено неправомерно мало внимания.

О важнейшей задаче славистов — решить теоретические и методологические вопросы, связанные с проблемой межславянских литературных связей, воссоздать верную картину их исторического развития — говорили также *Ш. Г. Богатырев* и *Г. Д. Вервес*. Богатырев подчеркнул важность изучения славянских архивов, что облегчит решение этой задачи. Он говорил о целесообразности изучения совместными силами советских ученых и ученых славянских стран творчества ряда писателей, таких, как *Гашек* или *Илемницкий*, жизнь и деятельность которых связана с длительным пребыванием в СССР, как творчество польских писателей так называемой украинской школы и т. д.

Г. Д. Вервес в изучении межславянских связей выделяет три важнейших тематических цикла: межславянские связи эпохи феодализма, славянские литературные взаимоотношения дворянского и революционно-демократического периодов освободительной борьбы, славянское литературное единение пролетарского периода. Выступавший отметил необходимость совместных усилий ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов в решении проблем межславянских связей, результатом которых могли бы быть и крупные монографические исследования и тематические сборники. А глубокая, всесторонняя разработка вопросов межславянских литературных связей приблизила бы советскую науку к созданию сравнительной истории славянских литератур.

Доктор филологических наук *В. Д. Кузьмина* отметила актуальность изучения межславянских связей древнего периода, перечислив ряд наиболее важных проблем. В их числе сравнительное изучение литературных жанров, например жанр хроника в средневековых славянских литературах: сравнительное изучение рукописной демократической сатиры и дра-

матургии в славянских литературах XVI—XVIII вв., изучение новелл Возрождения на сборниках фадеев. Кроме того, по мнению выступавшей, вопрос о взаимодействии литературы с фольклором должен быть поставлен в широком межславянском плане.

Л. С. Кишкин (Москва) останавливался в своем выступлении на вопросе о национальной специфике литературы, под которой выступавший понимает раскрытие национального характера, своеобразие тематики, и исторически сложившиеся традиционные приемы и формы отражения действительности, своеобразное видение мира и всю совокупность особенностей культурно-исторического развития.

О вредности тенденции рассматривать славянские литературы изолированно от мирового историко-литературного процесса говорил в своем выступлении *Н. Я. Гольберг (Дрогобыч)*. Зарубежные исторические романы так или иначе идут от вальтер-скоттовских традиций, но ведь есть и другой исторический роман, есть вклад, внесенный в конце XIX в. Ирасском и Прусом в развитие этого жанра. Это же касается связей славянских литератур с литературами Востока и др. Только рассматривая славянские литературы в широком плане, в рамках мирового историко-литературного процесса можно более глубоко осветить тот вклад, который внесли славянские литературы в мировую литературу. Лучше, чем другие, изучаются украинско-славянские литературные связи. Однако в этом изучении есть пробел. Совершенно не исследуются взаимосвязи украинской литературы с литературой народов Югославии. А между тем эти взаимосвязи начали складываться в 30—40-е годы прошлого столетия. Основу ее заложили Шашкевич и Головацкий, которым принадлежат первые переводы сербских народных песен на украинский язык. В деле укрепления украинско-югославских связей большую роль сыграли М. Старецкий и И. Франко, Леся Украинка, а в наши дни М. Рыльский и Л. Первомайский.

Как и И. Е. Журавская и др., *Н. Я. Гольберг* ставит вопрос о необходимости изучения не только роли русской и украинской литературы для славянских литератур, но и влияния славянских литератур на русскую и украинскую. Так, например, югославская и болгарская литературы и в смысле тематики и в смысле образов обогатили украинскую литературу. Это же касается и польской и чешской литератур. Важно поставить вопрос о том, как отразилась освободительная борьба братских славянских народов в русской и украинской литературах. Так, например, «Еретик» Шевченко вырастает на основе славянского освободительного движения, на основе знакомства Шевченко с деятельностью чешских будителей. Можно назвать еще «Повести в повести» Чернышевского, «Поэму про білу сорочку» Франко и «Вілу-посестру» Леси Украинки, основанные на творческом использовании тем, образов, мотивов южнославянской народной поэзии.

Литературные взаимоотношения — это сложный двусторонний процесс. Однако, подчеркивает Гольберг, проблема взаимодействия и взаимосвязей литератур не может быть сведена к проблеме влияний.

Проблема русско-польских культурных связей, говорит в своем выступлении *С. С. Ланда (Ленинград)* важна для решения вопроса об особенностях становления польской национальной культуры. Советские слависты должны одновременно с публикацией частных фактов и источников заниматься решением актуальных проблем, равно значительных для советской и международной славистики. Такой назревшей задачей является создание капитальных исследований, посвященных истории русско-польских общественно-политических и литературных связей по соответствующим этапам исторического развития. Многого может объяснить изучение деятельности первого пропагандиста русско-польского культурного сближения начала XIX в. Анастасевича. Не меньший интерес представляют польские связи Вяземского, в значительной степени подготовившего

последующее культурное сближение декабристов с прогрессивными деятелями польской литературы. Несмотря на большую литературу вопроса, далеко не изучены польские интересы декабристов. Комплексное изучение указанных проблем в связи с основными моментами становления польской и русской национальных культур крайне необходимо. Эта задача может быть успешно разрешена лишь при условии смелого ввода в научный оборот новых архивных данных и других фактов. Советские слависты располагают истинно громадными возможностями в работе над почти не изученными архивами.

Многие из выступавших, отмечая важность изучения межславянских литературных связей, предлагали лучше наладить информацию в этой области, регулярно созывать совещания славистов, занимающихся данными вопросами, наладить обмен информационно-библиографическим материалом, а также издавать сборники, посвященные культурным связям, подготовив к V Международному съезду славистов проблемные доклады.

Заведующие кафедрами славянских литератур филологических факультетов университетов Е. З. Цыбенко (Москва) и В. А. Моторный (Львов) рассказали о научной деятельности их кафедр. Е. З. Цыбенко сообщила о подготовке студентов-славистов, о тематике дипломных работ и диссертаций (по драматургии Б. Нушича, поэзии С. Гоциньского, творчеству С. Жеромского, сельским новостям И. Крашевского и др.). Выступавшая отметила большой интерес к изучению славянских языков и литератур, о чем свидетельствует большой наплыв студентов не только на дневное, но и на вечернее отделение: Цыбенко говорила о задаче создания учебников по славянским литературам. Идет подготовка к созданию учебника чешской литературы XX в., готовится учебник по польской литературе XIX—XX вв. и литературе Югославии. Выступавшая отметила возросшие связи кафедры славянских литератур со славистами Польши, Чехословакии и Болгарии.

В. А. Моторный рассказал о работе в области славянского литературоведения во Львовском университете, которая ведется по следующим аспектам: создание учебных пособий, выпуск статей и монографий, работа над диссертациями, изучение коммунистической прессы Чехословакии и Польши на кафедре журналистики, переводы.

Так, во Львовском университете написаны «Очерки по истории болгарской литературы» (И. С. Свенцицкий). В настоящее время ведутся работы над темой «Чешская и болгарская литературы на страницах революционной западноукраинской прессы» (В. А. Моторный). П. Гонтарь работает над изучением чешско-украинских культурных связей, Ф. И. Пачевский — украинско-польских связей, а А. И. Грибовская — русско-польских литературных связей.

Выступавшие далее Н. С. Николаева, Р. Р. Кузнецова, В. А. Мартемьянова касались в основном организационных вопросов, высказав ряд критических замечаний по практике обсуждения научных работ, методике научных исследований и ряд пожеланий о необходимости предварительного обсуждения конценций коллективных трудов, о более тесных контактах Института славяноведения АН СССР с Институтом мировой литературы и МГУ, а всех славистов — с издательствами. О важности установления более тесных связей с периодическими изданиями и необходимости отклика на славистические работы в «Литературной газете» и других печатных органах поднимал вопрос в своем выступлении В. И. Злыднев.

И. М. Шептунов, М. Б. Ешич, А. Н. Балакин, И. Б. Журавская и другие говорили о более тщательном отборе произведений для перевода, о качестве и количестве переводной литературы. И. М. Шептунов подчеркивал необходимость прерывающегося появлению переводов низкого качества, важность рецензирования переводной литературы с точки зрения

качества перевода и т. д. Кроме того, выступавший говорил о необходимости более активного вмешательства литературоведов в издательские планы, о недопустимости так называемой тиражной политики, которая сводится к занижению тиражей. В. А. Мартемьянова поднимала вопрос о повышении качества предисловий, примечаний и комментариев.

В ряде выступлений ставился вопрос о необходимости создания работ обобщающего характера, о литературном процессе XIX—XX вв. в славянских странах, о целесообразности введения в университетах, педагогических и библиотечных институтах курса истории славянских литератур, об улучшении славистической подготовки студентов и их распределении по специальности, о необходимости подготовки специалистов по древним славянским литературам, литературе XVI—XVIII вв. и других периодов. О недостаточной изученности славянских литератур эпохи феодализма, слабой изученности демократической литературы Польши 50—60-х годов XIX в. и путей развития польского критического реализма, а также литературы межвоенного двадцатилетия говорил в своем выступлении Г. Д. Вервес.

Вопросу о «белых пятнах» в славянском литературоведении посвятил основную часть своего выступления и В. К. Зайцев. В науке должны быть рационально расставлены силы так, чтобы не оставалось «темных углов». Нужно серьезно изучать древнюю литературу, литературу эпохи Возрождения, раннего капитализма. Нельзя эти области литературы отдавать маркобесам в сутанах. Обращение советских ученых к эпохе Возрождения показало, что вклад славян в культуру Ренессанса был очень значительным. Вирах были развешены буржуазные теории о том, что славяне к ней не причастны. Там, где ослабляется влияние марксистской идеологии, начинается влияние идеологии буржуазной.

Вопросам, поставленным в докладе Н. И. Кравцова «Итоги и задачи изучения фольклора западных и южных славян», частично или полностью посвятили свои выступления 10 человек.

О достижениях науки, сказал В. Е. Гусев (*Ленинград*), судят не по декларациям, не по планам, а по реальной научной продукции. В. Е. Гусев призвал участников совещания к тому, чтобы оно оказало поддержку и помощь советским фольклористам: фольклористика едва ли не единственная наука, которая до сих пор организационно не оформлена, хотя существует долгое время; она воспринимается приложением к литературоведению, то этнографии, то искусствоведению. Фольклористика является самостоятельной наукой, но она не имеет ни своего института, ни научного центра, ни своего журнала. Это, конечно, затрудняет решение многих практических и научных задач, которые стоят перед нашей наукой. В. Е. Гусев особенно отметил крайнюю малочисленность славистов, занимающихся фольклором западных и южных славян, и отсутствие организационных связей между ними.

Несколько по-иному к оценке состояния славянской фольклористики подошел Ю. И. Смирнов (*Москва*). В докладе Н. И. Кравцова, говорил он, приводится много фактов, характеризующих деятельность зарубежных ученых в послевоенный период. Вместе с тем проблематика доклада построена прежде всего на результатах деятельности советских фольклористов, изучающих русский и другие фольклоры народов СССР. Меньше всего докладчик говорит о работах советских ученых по фольклору западных и южных славян. И это не случайно: таких ученых крайне мало, исследований по фольклору зарубежных славян также очень мало и они посвящены помимо прямой, непосредственной работы ученых. Советская славянская фольклористика — в качестве специальной отрасли славяноведения или фольклористики — находится в лучшем случае в стадии становления. Поэтому Ю. И. Смирнов подчеркивает чрезвычайную важность составле-

пия плапа совместных работ по фольклору западных и южных славян. К сожалению, организаторы совещания не предусмотрели это в плане работы.

А. А. Мордвицев (Киев) также говорил о том, что пора согласовать вопросы научной работы по славянскому фольклору не только между славистами СССР, но и с учеными зарубежных стран.

Как заметил В. К. Зайцев, доклад охватывает, пожалуй, все основные современные аспекты изучения народного словесного наследия. Совершенно справедливо ставится вопрос о более изученных и менее изученных жанрах и аспектах.

В. К. Зайцев отмечает, что в советской фольклористике пока забыли многие важные жанры, например обрядовый фольклор. Наиболее слабоизученной и забытой является у нас плачевая поэзия, представляющая большую художественную ценность.

Во многих изданиях как советских, так и зарубежных, сказал И. М. Шептунов, очень чувствуется большая недооценка фольклора славянских народов, и в особенности фольклора Болгарии во всех его жанрах. Эту несправедливость нужно исправить. И. М. Шептунов указал, в частности, на необходимость создания работ по болгарскому эпосу, по славянской балладе — подобные работы помогут затем создать большой обобщающий труд «Фольклор славянских народов», где всесторонне было бы освещено устно-поэтическое творчество славян, история его жанров и множество других вопросов, среди которых важное место занимает периодизация фольклора каждого народа.

Б. Н. Путилов (Ленинград) обратил внимание на проблему истории фольклора. Опыт советских фольклористов последних лет и в меньшем объеме опыт фольклористов некоторых славянских стран показывает, что одной из важных и вполне назревших для глубокого и всестороннего научного изучения и разработки тем является проблема истории фольклора. Речь идет об историческом изучении жанров славянского фольклора и фольклора отдельных народов в целом. В связи с этим встает вопрос о периодизации. Опыт и искания нашей науки показывают, что жанр нужно изучать в его историческом развитии, генезисе, формировании в его исторической судьбе. При историческом изучении фольклорного жанра необходимо учитывать соотношение его с другими жанрами.

Что касается периодизации, изучения какого-то этапа истории фольклора, то в этом отношении русские и украинские фольклористы накопили и положительный и отрицательный опыт. Знакомство с работой болгарских фольклористов показывает, что она развивается в том же направлении, причем создается впечатление по их последним работам, что они повторяют в какой-то степени этап, который нашей наукой уже пройден. Здесь обмен научными достижениями и опытом представляется очень важным. Он может быть проявлен в разных формах.

Далее Б. Н. Путилов сообщил, что в фольклорном секторе Пушкинского дома ведется конкретное изучение истории русского фольклора. Упор делается на глубокую разработку ряда конкретных вопросов, прежде чем снова обратиться к большому синтетическому труду, подобному изданным Пушкинским домом трехтомным очеркам русского поэтического творчества. В частности, в специальном издании — ежегоднике «Русский фольклор» выйдет коллективная монография «Историческое развитие жанров русского фольклора».

Б. Н. Путилов отметил, что было бы полезно подобно югославским ученым заяться проблемой подделок в фольклоре. Проблема взаимоотношения славянского фольклора с литературой, по мнению Б. Н. Путилова, имеет преимущественно историко-литературное значение. В конечном счете самое главное, что должно вытекать из этой работы, это отражение

фольклора в литературе, это вопрос о том, что дал фольклор литературе, как он использован в литературе.

Касаясь вопроса взаимосвязей литературы и фольклора, *П. Г. Богатырев* заметил, что в изданных в Чехословакии первых томах чешской и словацкой литератур очень интересна постановка изучения фольклора во взаимосвязи с древними литературами. Опыт чешских и словацких коллег, заявил *П. Г. Богатырев*, нам очень поможет при изучении нашей древней литературы и особенно хроник и летописей.

В своем выступлении *С. И. Василенок* признал, что нужно смелее критиковать теоретическую отсталость некоторых наших фольклористов, что еще не решен вопрос — быть или не быть современному эпосу, еще не решены также проблемы специфики и исторических судеб эпоса, исторического изучения фольклора. В связи с высказываниями *Н. И. Кравцова* и *В. Е. Гусева* в адрес его книги «Белорусский эпос», *С. И. Василенок* предложил покончить с вопросом — есть или нет эпос у разных народов. У каждого народа есть свой эпос, отражающий ход исторического и политического развития. Вот почему выступающий считает очень важным вышедший сборник об эпосе, хотя еще и далеко не совершенный.

С. И. Василенок также предложил решительно расширить рамки советской фольклористики за счет изучения самостоятельности и армейского фольклора. По его мнению, следует активнее собирать и изучать фольклор гражданской войны, который почти совсем не записан, и фольклор Великой Отечественной войны, который представлен случайными записями.

И. В. Гуторов проинформировал собравшихся о прошедшем недавно координационном совещании белорусских фольклористов. Он призвал шире и активнее использовать белорусские фольклорные материалы. Далее *И. В. Гуторов* на материале белорусских, украинских и польских народных песен показал необходимость разработки темы о взаимоотношениях содержания поэтических фольклорных произведений и их ритма.

А. А. Мордвицев рассказал о том, как в Киевском институте искусствоведения, этнографии и фольклора группа молодых ученых разрабатывает тему украинско-белорусских, украинско-чешских, украинско-словацких, украинско-польских и украинско-сербских фольклористических связей. До последнего времени названная тема в ее прямом значении не только не исследовалась, но даже и не ставилась в советской фольклористике. Этой теме посвящается специальный сборник статей, который выйдет в текущем году. Вместе с тем украинские ученые уже приступили к изучению сербского и чешского фольклора, внимательно следят за развитием современной болгарской фольклористики, фиксируют ее достижения, рецензируют различные болгарские издания. Некоторые украинские издательства опубликовали ряд популярных сборников славянских народных песен и сказок. В них более полно представлены болгарские фольклорные подлинные произведения и их литературные обработки.

А. А. Мордвицев в связи с этим указал на ряд недостатков, вызванных главным образом переводческой практикой, которая, к сожалению, все еще оставляет желать много лучшего. В заключение оратор призвал уделять больше внимания проблемам фольклорных, фольклористических и общекультурных взаимосвязей на современном этапе, смелее ставить и раскрывать проблему социалистического реализма в славянском фольклоре.

Ф. И. Лавров (Киев) значительную часть выступления посвятил наиболее актуальному вопросу о современном фольклоре, указывая на ряд статей с нигилистическим отношением к этому вопросу. Например, статья *Емельянова*, опубликованная в журнале «Русская литература» (№ 2, 1960). В области этнографической науки нет ни одного этнографа, который бы отрицал необходимость развития советской этнографии. Фольклористы же в своей

среде имеют товарищей, которые просто заявляют, что советского фольклора нет. Ф. И. Лавров выразил надежду, что будущее Всесоюзное совещание по современному фольклору примет какое-то решение, которое будет интересно не только для фольклористов СССР, но и для всех славянских стран. Ф. И. Лавров возражал В. Е. Гусеву и В. К. Зайцеву, выдвигавшим задачу изучения и публикации славянских причитаний. Но его мнению, снимать эту задачу нельзя, но также нецелесообразно и выдвигать ее на первый план.

Большое место в выступлениях занимали вопросы подготовки к V Международному съезду славистов в Софии. Если мы будем вести эту подготовку такими же кустарными методами, как ее вели к IV съезду, сказал И. М. Шентунов, то у нас опять не будет хорошо собранного и изданного материала, которым мы могли бы порадовать наших друзей-славистов из других стран. Мы должны наметить хотя бы основные вехи для создания подобных работ к V съезду славистов с тем, чтобы потом в рабочем порядке институты и учебные заведения уточнили, что и как нужно сделать, разграничили между собой функции и приступили бы к выполнению этой важной и ответственной задачи. Нужно уже в первом полугодии 1961 г. составить окончательную программу подготовки во всех краях, республиках, городах, институтах, университетах к этому большому международному мероприятию.

Б. П. Пугилев поддержал И. М. Шентунова и предлагал обобщить работу по славянскому фольклору, сделанную за послевоенный период учеными стран народной демократии. В. Е. Гусев призвал фольклористов активнее участвовать в разработке проблемы взаимосвязей русского фольклора с фольклором других славянских народов. Этой проблеме посвящается восьмой номер ежегодника «Русский фольклор», который выйдет к V съезду славистов. Ф. И. Лавров сообщил о том, что сделали и что готовят украинские ученые к V съезду славистов.

Некоторые участники совещания, начиная с докладчика Н. И. Кравцова, поделились соображениями о постановке экспедиционной работы, о сборе фольклора среди значительных групп западных и южных славян, живущих на территории СССР.

Еще до первой мировой войны, говорил Ю. И. Смирнов, ряду собирателей удалось записать и опубликовать в числе других материалов около 1000 болгарских народных песен. Правда, большинство из них записано лишь от нескольких исполнителей, что не дает возможности объективно судить о бытовании болгарской фольклорной традиции в южной России того времени. Затем только в конце 40-х годов возобновилась собирательская работа. Так, ею попутно занимались диалектологи МГУ и Института славяноведения. В прошлом году Ю. И. Смирнову в с. Преслав Запорожской области за месяц работы удалось записать около 400 произведений болгарского фольклора, причем 225 песен, помимо этого, были записаны и на пленку. Наблюдения показывают, что фольклорная традиция с. Преслав представлена всеми жанрами, значительное место занимают мифические, легендарные, юнацкие, гайдукские, исторические и балладные песни. Уже теперь ряд учреждений Москвы, Киева и, возможно, Молдавии и других мест могли бы проводить совместные комплексные экспедиции по сплошной записи фольклора от болгар, чехов, словаков, поляков и др. Разумеется, необходима разработка единой собирательской программы, что позволит сопоставлять записываемые материалы. Важно выявить закономерности внутрияжанровых изменений, обнаружить двуязычных исполнителей, определить взаимосвязи фольклорных традиций этих славян с фольклором русских, украинцев, молдаван и других народов СССР.

О постановке собрания фольклора среди болгар, живущих на юге Украины, говорил также А. А. Мордавицев. Он сообщил, что Киевским

институтом искусствоведения, этнографии и фольклора в 1958—1960 гг. были проведены три экспедиции в болгарские села Запорожской и Одесской областей. Участниками экспедиций записано свыше 600 болгарских народных песен и танцевальных мелодий*. Помимо традиционных текстов, обнаружен ряд новых, современных песен различных жанров и сюжетов. Большой популярностью в болгарских селах Украины пользуются русские и украинские старинные и особенно современные песни.

На совещании широко ставился вопрос об организации информационной работы, о создании библиографических справочников и каталогов, о регулярном, строгом и справедливом рецензировании работ зарубежных ученых. *И. В. Гугоров* выступил против укоренившейся практики закрытых рецензий. Было высказано предложение приступить к составлению указателей сюжетов славянских сказок и эпических песен. Предлагалось расширить и улучшить практику публикаций антологий по славянскому фольклору, в этом отношении основными требованиями выступавших были точность перевода и научный комментарий. *И. Г. Богатырев* и *И. М. Шептунов* подчеркивали необходимость тщательного обследования архивов.

Все выступавшие горячо одобрили созыв координационного совещания и подчеркнули необходимость регулярных конференций, совещаний, целесообразность совместных усилий славистов Москвы, Ленинграда и союзных республик, а также тесных контактов с зарубежными славистами для решения актуальных проблем славяноведения.

* К сожалению, все фольклорные произведения не переписаны украинскими товарищами с магнитофонной пленки на бумагу.

РЕШЕНИЕ
СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Секция литературоведения и фольклористики обсудила представленные Институтом славяноведения АН СССР доклады, характеризующие состояние и главные проблемы изучения в Советском Союзе литературы зарубежных славянских народов, проблемы изучения социалистического реализма в зарубежных славянских литературах и задачи советской славянской фольклористики.

В работе секции участвовали представители научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова, Вильнюса, Черновиц, Воронежа, Саратова и других городов (89 человек). В прениях по докладам участвовало 29 человек.

Все выступавшие горячо одобрили инициативу проведения координационного совещания и основные направления литературоведческих и фольклорных исследований в области славистики, освещенные в докладах. В ходе совещания были выдвинут ряд новых предложений, реализация которых будет способствовать улучшению координации работы славистов разных республик и городов Советского Союза и повысит уровень исследований в области славянского литературоведения и фольклористики.

Секция литературоведения и фольклористики считает необходимым наладить координацию научно-исследовательских работ по следующим главным направлениям:

1. Генезис и развитие социалистического реализма в литературах и искусстве зарубежных славянских стран; новый этап социалистического реализма в современных литературах и искусстве зарубежных славянских стран.
2. Межславянские литературные связи.
3. Формирование национальной культуры у южных и западных славян.
4. Развитие реализма в славянских странах и его соотношение с другими творческими методами на разных исторических этапах.
5. Фольклор западных и южных славян (жанры, фольклор и литература, фольклорные и фольклористические связи).

В рамках этих направлений целесообразно поручить проведение научно-организационных мероприятий по теме «Социалистический реализм» — Институт славяноведения АН СССР; по теме «Межславянские литературные связи» — Институт литературы им. Шевченко АН УССР. По теме

«Славянский фольклор» обратиться с просьбой к Институту искусствоведения, этнографии и фольклора АН УССР возглавить эту работу с участием Института славяноведения АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН БССР.

Просить Институт славяноведения АН СССР принять организационные меры по расширению работы в области славянского фольклора.

Предложить координирующим институтам в двухмесячный срок разработать планы исследований и предложения по их изданию. Созвать совещание представителей соответствующих научных учреждений для обсуждения этих предложений. Проект представить на утверждение бюро Научного совета по координации славяноведческих исследований.

Секция литературоведения и фольклористики считает важнейшей задачей развертывание борьбы против буржуазной идеологии, против ревизионизма и модернизма в эстетике и литературной критике.

Необходимо принять меры по ликвидации отставания и пробелов на некоторых участках исследовательской работы (средневековая литература, литература Возрождения, фольклор славянских народов), подготовить кадры в этих областях.

Важнейшие проблемы славяноведения должны разрабатываться комплексно, объединенными усилиями славистов разных специальностей (литературоведов, историков, искусствоведов). Сюда относятся проблемы социалистической культуры и социалистического реализма, формирования славянских наций и славянских культур и т. д. Необходимо также улучшить координирование научно-исследовательской работы с учеными зарубежных славянских стран.

Секция придает большое значение созданию обобщающих трудов по истории славянских литератур, имея в виду перспективу создания в будущем единой истории славянских литератур.

Секция считает весьма целесообразным издание специального славистического журнала, выход которого мог бы оказать содействие дальнейшему развитию советского славяноведения и координации работ в этой области.

Секция считает необходимым осуществить ряд мероприятий по улучшению организации работы в области литературоведения и фольклористики:

а) организовать регулярный и своевременный обмен планами работы между научными учреждениями, представление в I квартале каждого года планов научно-исследовательских работ в бюро объединенного Научного совета по координации в области научно-исследовательских работ по славяноведению;

б) вести совместные широкие обсуждения подготовленных работ;

в) улучшить информационно-библиографическую работу (публикация библиографических разделов в славяноведческих изданиях, публикация сообщений о работе и планах научных учреждений); просить Институт славяноведения АН СССР координировать эту работу с научными учреждениями и крупнейшими библиотеками Советского Союза;

г) резко увеличить число рецензий на литературоведческие работы по славистике советских и зарубежных авторов;

д) широко и всесторонне обследовать и использовать материалы по истории славянских литератур, фольклору и истории отечественного славяноведения, имеющиеся в архивах СССР;

е) считать желательным проведение юбилейных и научных сессий по славянским литературам и фольклору с привлечением широкого круга славистов разных научных учреждений.

Секция признала целесообразным просить Министерство высшего и среднего специального образования принять меры по улучшению препода-

вания славянских литератур на филологических факультетах и институт-
тов и университетов.

Важной обязанностью литературоведов-славистов является популяри-
зация лучших произведений славянских писателей; необходимо оказывать
помощь редакциям и издательствам в составлении планов и обеспечении
высокого качества издаваемых книг.

Следует усилить внимание к проблемам переводов с зарубежных сла-
вянских языков.

Секция отмечает, что необходимо внести в соответствующие организа-
ции предложения по улучшению издательской базы для публикации сла-
вяноведческих трудов (особенно на периферии), по обеспечению выпуска
славяноведческой литературы тиражами, отвечающими запросам читате-
лей, и по улучшению работы Книготорга.

ЗАСЕДАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ДОКЛАДЫ

Н. И. Толстой

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ В СССР ЯЗЫКОВ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Цель настоящего обзора — наметить основные задачи нашего языкознания в области изучения западно- и южнославянских языков.

Определение основных задач в широком плане зависит, во-первых, от общего объема и характера задач изучения южно- и западнославянских языков, стоящих перед славянским языкознанием в международном масштабе; во-вторых, от исследований этих языков за рубежом, прежде всего в южно- и западнославянских странах; в-третьих, от состояния и возможностей изучения этих языков в нашей стране. Первое непосредственно связано с нашими обязательствами и научными задачами, поставленными перед V Международным съездом славистов, который будет созван в Софии в 1963 г.; второе — с нашими научными планами и совместными работами союзных академий и академий наук славянских стран; третье — с нашей взаимной внутрисоюзной координацией, осуществлявшейся до сих пор, к сожалению, непланово и часто чисто административно, без должного внимания к новой славистической и общезыковедческой научной проблематике.

Границы нашей страны охватывают всю территорию распространения современного восточного славяинства; это ставит перед нашими языковедами серьезные задачи не только в плане изучения русского, украинского и белорусского языков, но и в плане общеславистической проблематики. Безусловно весьма продуктивной и полезной была бы координация всех исследований по русистике, украинистике и белорусистике с работами по другим славянским языкам и по общеславянским проблемам. По давно установившейся традиции под славистикой понимается наука, занимающаяся либо общеславянской, либо инославянской проблематикой, и потому наука о русском или украинском языке как таковом, отдельно взятом занимала всегда обособленное, несколько автономное положение. Подобным же образом могли бы быть выделены и чехистика, полонистика, сербистика, болгаристика и т. п., однако в аспекте языковедческом в условиях нашей страны гораздо целесообразнее добиваться постановки частных инославянских проблем в связи с проблемами общеславянскими и разрешать в ряде случаев первые в зависимости от вторых.

Изучение отдельных славянских языков и прежде всего их истории очень затруднительно без обращения к таким ведущим дисциплинам, как сравнительная грамматика и сравнительная лексикология славянских

языков, общеславянская этимология, славянская лингвистическая география, изучение праславянского языка, славяно-балтийских, славяно-германских, славяно-иранских, славяно-финских и других отношений, славянская топонимика и ономастика, история старославянского и церковнославянского языка, история славянской письменности и т. д. Все эти дисциплины комплексно связаны со славянской историей, политической, экономической и культурной, славянской археологией и этнографией. Большое значение имеет изучение межславянских языковых связей как в области истории литературных языков, так и в области взаимодействия диалектов.

Славянское языкознание второй половины XIX в. и начала XX в., принятное в основном духом исторической, диахронической лингвистики, неоднократно подчиняло методику исследования современных славянских языков и диалектов приему, связанному с атомарно генеалогическим каталогизированием фактов и явлений. Требование синхронного изучения языковой системы, энергично прозвучавшее в конце первой четверти нашего века, привело к размежеванию и даже, как полагали некоторые исследователи, к «разрыву» в целях и методах изучения истории современного состояния языков. Несовместимость диахронии и синхронии по Соссюру следует понимать, однако, как одновременную несовместимость разных методов при подходе к языку, а не как невозможность создания структурной диахронии. Никакого «разрыва» на самом деле не произошло. Структурная диахрония, т. е. понимание истории языка как хронологически последовательного набора синхронных срезов, начала вырастать на базе синхронного изучения живых славянских языков и диалектов, при котором не требовались дополнительные усилия для реконструкций. Изучение современных славянских языков, их фонологической и грамматической системы, изучение не разрозненное, а по единой заданной программе, преследующее цель установить структурный характер языка, приводит к созданию новой дисциплины — структурной типологии славянских языков. Эта дисциплина оказывает серьезное методологическое воздействие и на сравнительно-историческую грамматику славянских языков, превращая ее все более в историческую сравнительно-типологическую грамматику славянских языков. Славянская сравнительная грамматика, так же как и иных, индоевропейских, тюркских и других языков, все чаще обращается к приему и понятию модели, разрабатываемому прежде всего на материале современных языков и диалектов.

Такова непосредственная связь методов и задач изучения современных славянских языков с методами и задачами славянского сравнительно-исторического и сравнительно-типологического языкознания. Успешное изучение современных южно- и западнославянских языков в нашей стране невозможно без понимания и учета этой связи.

Прежде чем перейти к определению некоторых актуальных проблем изучения южных и западных славянских языков, попытаемся кратко охарактеризовать наши исследовательские возможности.

IV Международный съезд славистов, оказавшийся за весь послевоенный период самым крупным смотром славистических сил, продемонстрировал безусловный рост и зрелость наших славистических кадров и утвердил за нашим славяноведением одно из ведущих мест в мировой науке о славянстве. Вместе с тем он обнаружил и ряд слабых мест нашего славянского языкознания, о которых уместно сейчас говорить в первую очередь, так как нашей целью должно быть планомерное их устранение. Одним из таких слабых мест оказывается неравномерность исследовательской работы по изучению южно- и западнославянских языков в СССР. Эта неравномерность выражается прежде всего в территориальном плане. В СССР существует четыре крупных славистических центра — Москва, Ленинград, Киев и Львов, где имеются кафедры славянских языков и

сектора в научно-исследовательских институтах. Можно также назвать небольшие центры, где ведутся исследования по славянскому языкознанию: Вильнюс, Ужгород, Черновцы, Минск. Затем уже можно перечислить города, где слависты-языковеды работают почти в одиночку, но труды их широко известны научной общественности: Тарту, Запорожье, Житомир, Одесса, Владивосток, Фрунзе, Самарканд, Алма-Ата и др. Однако и в Киеве, и во Львове, так же как и в Вильнюсе, Ужгороде и Минске, изучаются преимущественно западнославянские языки, главным образом польский и чешский. Западнославянским языкам большое внимание уделяется в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Белоруссии. В Ленинграде довольно равномерно представлены и южно- и западнославянисты, но отсутствует специализация по более «редким» языкам — словацкому, словенскому, македонскому, лужицко-сербским. В Москве представлены специалисты по всем языкам. Но в Институте славяноведения наблюдается также известная неравномерность: если в области болгаристики мы обладаем достаточным числом квалифицированных специалистов, то в области богемистики, полонистики, сербистики и словенистики у нас дело обстоит значительно хуже. Необходимо усилить изучение южнославянских языков во всех периферийных центрах и городах, кроме Ленинграда, и укрепить полонистику и чехистику в Москве. Пути разрешения этого вопроса различны, но в качестве одной из важных мер хотелось бы предложить обмен аспирантами и командировки молодых ученых для специализации в Москву и в другие города на длительный срок.

Неравномерность в изучении южно- и западнославянских языков в нашей стране сказывается и в плане тематики, выбора научных проблем для исследования. Если не касаться некоторых общеславянских вопросов, т. е. в первую очередь сравнительной исторической грамматики и лексикологии славянских языков, то можно отметить, что более всего разрабатывались проблемы синтаксиса сложного предложения — исторического польского (Я. В. Мацусович — Ленинград, О. Б. Ткаченко — Киев), современного сербского (П. А. Дмитриев — Ленинград), современного чешского (В. Т. Коломиец — Киев), порядка слов — в польском языке (А. С. Посьвянская — Москва), в славянских языках (А. С. Мельничук — Киев), вопросы категории вида, в первую очередь болгарского, затем чешского и других славянских языков (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко — Ленинград, В. В. Бородич, Г. К. Венедиктов — Москва), вопросы употребления времен — старославянских (И. К. Бунина), болгарских (Е. И. Демина), сербских (И. Е. Можяева), вопросы именного словообразования — чешского (Т. Б. Лукинова, Р. В. Кравчук — Киев, Г. П. Нещименко — Москва), польского (В. С. Золотова — Ленинград, М. О. Онышкевич — Львов), глагольного словообразования — польского (З. Н. Стрекалова — Москва), чешского (А. Г. Широкова, З. П. Грозная).

Вопросы морфологии изучались мало. В этой области можно упомянуть работы по классификации глагола (В. К. Журавлев, А. Г. Широкова), по склонению имен собственных мужского рода в сербском языке (З. Г. Розова). Почти без внимания оставались проблемы исторической морфологии. Болгарский язык оказался вообще предметом наиболее детального и внимательного изучения наших ученых, и в этом отношении вклад советских лингвистов в болгаристику весьма ощутителен («Атлас болгарских говоров в СССР», девять выпусков «Статей и материалов по болгарской диалектологии», сборник «Основные проблемы болгарской грамматики», подготовленный совместно с болгарскими диалектологами к изданию «Атлас юго-восточных болгарских говоров» и др.). Менее всего исследовалась современная и историческая фонетика болгарского языка. В этой области, кроме небольшого этюда М. И. Матусевич, почти ничего не сделано. Мало разрабатывалась фонетика и фонология других славянских

языков в современном и историческом плане. Исключением является польский язык (см. работы С. К. Шаумяна и М. О. Онышкевича). Отрывочно и непланово исследовалась западно- и южнославянская лексика (см. статьи Г. Е. Ластовоцкой, М. О. Онышкевича, М. А. Пущкаря — Львов, М. В. Тамань — Ленинград и др.), а между тем и в плане задач общеславянского атласа и в плане проблемы взаимодействия литературных языков открываются широкие перспективы и видны заманчивые результаты для исследователя.

Разыскания в области западно- и южнославянских литературных языков в принципе только начинаются: будет исследоваться в первую очередь донациональный период и период становления национального литературного языка — болгарского (Ю. С. Маслов, Г. К. Венедиктов) и чешского (А. Г. Широкова). Большая работа намечена совместно с Чехословацкой Академией наук по составлению словаря классических старославянских текстов (Р. М. Цейтлин, К. И. Ходова), продолжается исследование лексики древнейших евангельских текстов русского извода (Л. П. Жуковская) и старославянской лексики, связанной с разночтениями (А. С. Львов).

Неравномерность сказывается также в самих научных методах исследования, в способах отбора и подачи материала, в различных общетеоретических позициях и предпосылках авторов. И хотя в широких масштабах нашей страны нельзя настаивать на едином рабочем методе, выдвигая, например, структурное исследование языка на первый план и отказываясь от традиционно-описательных работ, все же следует добиваться более широкого внедрения новых точных методов анализа языка, применения дистрибутивного анализа, трансформационного анализа, структурно-типологического подхода, статистического обследования и т. п. Мало использовался также метод лингвистической географии и метод структурного моделирования языков и диалектов.

Переходя непосредственно к вопросу о научных задачах изучения южно- и западнославянских языков, отметим, что, в условиях нашей страны пока, видимо, невозможна постановка программы исследования в том же объеме и масштабе, что и в соответствующих южно- и западнославянских странах. Для нас крайне затруднительно, а потому и мало целесообразно исследование вопросов стилистики и культуры речи южно- и западнославянских языков, составление толковых, нормативных и синонимических словарей, составление исторических словарей, а в некоторых случаях из-за отсутствия ряда необходимых источников и изучение отдельных частных проблем истории языка и истории литературного языка. Ограничены возможности в области диалектологической работы; правда, в результате сотрудничества Института славяноведения с братскими академиями Болгарии и ГДР удалось много сделать в области болгарской диалектологии и начата серьезная работа по сербо-лужицкой диалектологии. Затруднителен сбор материалов по топонимике южно- и западнославянских стран и исследование не в сравнительном и историческом плане. Тем не менее и остальных проблем вполне достаточно, чтобы широко развернуть языковедческие славистические работы в нашей стране и закрепить за нашей наукой авангардные позиции.

В области фонетических исследований в ближайшее время трудно предвидеть возможность изучения в нашей стране звуковой стороны южно- и западнославянских языков с применением тщательного экспериментального рентгенологического и акустического анализов, имеющих целью исчислить соотношение между артикуляцией и ее акустическим эффектом и установить формулы, на основании которых было бы возможно снабдить различительные элементы в языке четкими акустическими определениями. Эта работа еще не проделана у нас и применительно к русскому языку. Поэтому более реальны ближайшие перспективы фонологического анали-

за южнославянских языков (для западнославянских в этом плане сделано уже много) и диалектов, хотя бы в духе традиций пражской школы (исследования П. Ивича и Г. Клагстада можно считать лишь первым шагом в этом направлении). Историческое развитие фонологической системы южнославянских языков также ждет своих исследователей. Нужно отметить, что и западнославянские языки в указанном аспекте, несмотря на работы З. Штибера, С. К. Шаумяна и М. Комарша, требуют дальнейших исследований. Дихотомическая теория применена пока на сравнительно небольшом материале в довольно схематичных формах. На материале славянских языков зародилась в свое время новая теоретическая дисциплина — фонология, и было бы важно, чтобы ее дальнейшее развитие базировалось опять-таки на славянских фонологических системах. Учитывая более широкую перспективу, целесообразно установление фонологических моделей для отдельных славянских языков и диалектов, в основу которых кладется понятие дифференциального признака. Такие фонологические модели следует соотносить с данными спектрального анализа. Не вычислена еще энтропия для большинства славянских языков и не подвергнута статистическим подсчетам употребительность отдельных фонем и их сочетаний, прежде всего консонантных.

Из морфологических проблем особенно важной является проблема развития системы склонения в отдельных славянских языках. При этом необходим учет внутреннего соотношения как внутри парадигм (проблемы морфологического значения падежа), так и соотношение отдельных типов парадигм между собой (при учете различных формальных показателей одного и того же морфологического значения). В этой области необходимо, с одной стороны, накопление нового фактического материала (помним имеющиеся старые работы О. Гуйера, В. Облака, Дж. Даничица и новых А. Грашана, Г. Свапе), с другой — новый методологический подход к проблеме, требующий строгого соблюдения последовательного ряда синхронных срезов, устанавливаемых в связи с основными фонетическими и словообразовательными процессами. Особую проблему представляет развитие аналитизма в болгарском языке (имеющиеся работы К. Мейера и более поздняя И. Дуриданова ни по объему привлеченного материала, ни по методологии не могут отвечать современным требованиям).

Исключительно важным является статистический подсчет морфем в отдельных славянских языках, определение степени их грамматической информации как в современном, так и в историческом плане (такой подсчет также можно считать возможным).

Проблема классификации славянского глагола с учетом специфики глагольного морфологического механизма отдельных славянских языков и диалектов на современном этапе их развития и в различные исторические периоды до сих пор остается неразрешенной, а между тем очевидность несостоятельности применения ряда традиционно установившихся схем (например, классификация А. Лескина), часто перенесенных с одной эпохи на другую, едва ли вызывает сомнения. Разрешение этой, так же как и изложенной выше, проблемы на материале отдельных славянских языков важно не только для дальнейших сравнительно-исторических, но и типологических исследований.

Проблема славянского глагольного вида, несмотря на обилие собранного материала и множество наблюдений, продолжает оставаться актуальной и неразрешенной до конца. Даже современное состояние морфологического механизма глагольного вида не изучено во всей его полноте в отдельных славянских языках (ср. например, работу И. Грицкат о двухвидовых глаголах в сербо-хорватском языке) и диалектах. Этот вопрос недостаточно изучен и в историческом аспекте (по материалам памятников). Некоторые славянские языки (например, словенский) еще не подверглись

внимательному исследованию аспектологов. «Классической» аспектологической проблемой было в основном происхождение вида, а между тем, как справедливо указал А. В. Исаченко¹, до сих пор остаются не изученными такие вопросы, как категория «актуальности» и «неактуальности» действия в современном чешском языке, ряд проблем, связанных с глаголами движения и др.

Дальнейшее успешное изучение синтаксиса отдельных славянских языков (как синтаксиса частей речи, так и синтаксиса словосочетания — синтагмы и предложения — простого и сложного) зависит от развития общей лингвистической (синтаксической) теории, видимо, более, чем другие грамматические дисциплины. Дальнейшее исследование современных славянских языков в плане традиционного синтаксиса едва ли может привести к более четкому выявлению специфических особенностей отдельных языков и дать что либо большее, чем каталогизацию фактов (которая сама по себе очень важна и нужна). Весьма существенный для сравнительно-исторического изучения (в целях реконструкции) и для проблем ареальной лингвистики вопрос синтаксиса диалектов, к сожалению, почти недоступен нашим исследователям, так как требует длительной и специальной полевой экспедиционной работы. Изучение синтаксиса современных славянских языков (так же как отчасти и исторического синтаксиса) должно быть подчинено в большей мере задачам типологического исследования и в меньшей — задачам реконструкции (в этой области до сих пор лингвистика не обладает надежными критериями); при этом существенную помощь может оказать трансформационный анализ как один из эффективных методов синтаксического исследования, тесно связанного с задачами машинного перевода. Перевод отдельных синтаксических конструкций с одного близкородственного языка на другой можно рассматривать в какой-то мере как межъязыковую трансформацию. Набор возможных трансформирующихся вариантов в одном языке можно рассматривать как дистрибутивный показатель данной конструкции или модели, который следует сопоставлять с соответствующим показателем, т. е. набором признаков в другом языке. Это один из возможных методов сравнительно-типологического исследования синтаксиса родственных языков. Однако на данном этапе развития науки такой анализ остается еще довольно громоздким и практически трудно применим ко всем синтаксическим явлениям в целом (сравните исследование Д. С. Уорф по трансформационному анализу конструкций с творительным падежом в русском языке).

Изучение словообразовательной системы южно- и западнославянских языков как в плане их современного состояния, так и исторического развития имеет в нашей стране довольно широкие перспективы и вызывает интерес многочисленного круга специалистов. В этой области, равно как и в других областях славянского языкознания, исключительно важным является применение единых принципов исследования и принятие общих целевых установок. Не затрагивая существенный в общеславянском аспекте, но еще малоисследованный вопрос о географическом распространении различных словообразовательных формантов и типов, отметим необходимость их рассмотрения в современных славянских языках (в определенные исторические периоды) в плане внутреннего соотношения, а также продуктивности и непродуктивности. Для решения этих задач необходимо создание обратных словарей и указателей частотности словообразовательных формантов и моделей и применение трансформационного метода. Тесно связан с трансформационным методом и может даже считаться его

¹ А. В. Исаченко. О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках. — «Slavia» (Praha), гоđ. XXI, seš. 2—3, 1953, стр. 210.

разновидностью метод выявления потенциально-словообразовательных возможностей отдельных классов слов, например качественных прилагательных и т. п. Этот метод, помимо решения задачи системного описания словообразовательных средств отдельного языка или диалекта, может быть успешно применен при сравнительно-типологических исследованиях славянских языков. Исключительный интерес представляет также изучение архаических словообразовательных типов, отраженных в ономастическом материале.

Возможности изучения южно- и западнославянской лексики, прежде всего диалектной и исторической, в нашей стране несколько ограничены. Тем не менее на основании уже опубликованных материалов возможно отчасти разрешение такой актуальной проблемы, как лексические соответствия между отдельными славянскими языками, выделение в каждом языке круга лексики, которую можно отнести к праславянской эпохе, определение ее географического ареала, не говоря уже о задачах этимологических исследований.

В области структурной типологии словарного состава славянских языков основные задачи были недавно сформулированы А. В. Исаченко¹. В этой сфере проблемы лексикологии и семасеологии тесно сплетаются с проблемами словообразовательного порядка. Мало изучены пока процессы семантической конденсации в связи с различными формальными средствами отдельных славянских языков, явление сосуществования в ряде современных языков двух (или даже нескольких) лексических и стилистических «регистров» (например, в русском языке — исконно русского и книжнославянского), стандартность и нестандартность словообразовательных средств и лексических возможностей и др.

Важной задачей, непосредственно связанной с историей древнеславянского языка и историей литературных языков, является определение круга церковнославянской лексики и ее стилистических функций на всех этапах развития отдельных славянских языков. Эту работу следует проводить, видимо, постепенно, по отдельным группам лексики, не дожидаясь выхода в свет исторических словарей славянских языков и словаря церковнославянского языка, который, как можно предполагать, будет делом довольно далекого будущего. Изучение церковнославянской лексики, особенно лексики, характерной для того или иного центра, связанного с поздним периодом истории церковнославянского языка (Вильнюс, Киев, Москва), может вестись параллельно с изучением исторической лексики восточнославянских языков и одновременно с эдичионной работой — подготовкой к изданию древних восточно- и южнославянских рукописей, хранящихся в наших библиотеках и музеях.

Из разнообразных и довольно многочисленных проблем, стоящих перед исследователем истории славянских литературных языков, в настоящее время целесообразно выделить две проблемы: историю древнеславянского (церковнославянского) литературного языка и формирование славянских национальных литературных языков.

История древнеславянского литературного языка, в основе которого лежит старославянский язык, изучена очень мало. До сих пор нет четкого представления о его грамматической, лексической и орфоэпической системе в различные эпохи его развития (от XII в. до начала XVIII в.), четкой характеристики «изводов» и их взаимообусловленности, наконец, определения соотношения «изводов» с отдельными народно-разговорными «субстратами». Изучение истории древнеславянского литературного языка важно не только и не столько само по себе, сколько для истории отдельных

¹ А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. — «Slavia» (Praha), гоґ. XXVII, seš. 3, 1958, стр. 334—352.

восточно- и южнославянских языков — русского, украинского, белорусского, сербского, болгарского. Без определения «книжнославянского типа», т. е. норм и модели церковнославянского языка, крайне затруднительно выявление «народно-разговорного типа», т. е. собственно древнерусского, древнеукраинского, древнесербского и т. д. языка.

Проблема становления современных литературных славянских языков, с одной стороны, тесно связана с вышеизложенной проблемой, так как для ряда языков, прежде всего южнославянских, важно определение исходных позиций процесса формирования национальных литературных языков; с другой — интересны существенные «типологические» различия в плане сохранения или отрицания исторических традиций, обращения к той или иной диалектной основе, степени участия западноевропейского (французского, немецкого) элемента, связанного, как правило, с двуязычием, в плане наличия или отсутствия пуристических тенденций и т. п. Особенно плодотворным может быть разрешение этой проблемы в сопоставительном и сравнительно-типологическом плане.

С. Б. Бернштейн

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

После лингвистической дискуссии 1950 г. у нас создались благоприятные предпосылки для развития сравнительно-исторического языкознания. Однако длительное господство «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра нанесло серьезный ущерб этой отрасли языкознания. Потребовался большой период накопления сил и материалов. Вот почему главной задачей истекшего десятилетия состояла в подготовке молодых специалистов. Она была очень трудной и сложной, во-первых, потому, что было очень мало ученых в области сравнительной грамматики, которые бы могли успешно руководить подготовкой молодых специалистов, а во-вторых, потому, что овладение материалом и методами сравнительной грамматики представляет вообще наибольшие трудности. Творческая работа в области сравнительной грамматики славянских языков требует от молодого ученого не только глубоких знаний всего славянского языкового материала, но и некоторой ориентировки в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, знакомства с отдельными родственными индоевропейскими языками (балтийскими), умения самостоятельно применять разнообразные и сложные методы исследования. Здесь по природе самой науки не может быть специалистов так называемого узкого профиля.

Существенной помехой в развертывании работы по сравнительному славянскому языкознанию в истекшем десятилетии явилось и то, что в ней не принимали участия ведущие языковедческие институты Отделения языка и литературы АН СССР. Полностью отсутствовала соответствующая тематика в Институте русского языка, не осуществлялась подготовка аспирантов. Вся работа по сравнительной грамматике славянских языков, по истории праславянского языка, по этимологии была сконцентрирована в Институте славяноведения АН СССР, который входит в состав Отделения исторических наук. Больших успехов в развитии славянского сравнительного языкознания, в подготовке молодых ученых достигли языковеды Института языкознания им. Потебни АН УССР. В этом большая заслуга выдающегося советского слависта Л. А. Булаховского.

Несмотря на все трудности, в результате упорных усилий в какой-то степени удалось разрешить задачу подготовки молодых специалистов. Было защищено несколько серьезных диссертаций, опубликован ряд исследований, свидетельствующих о хорошей подготовке молодых ученых. Теперь исследования ведутся уже достаточно широким фронтом в области фонетики, фонологии, грамматики, лексики. Уже можно говорить

о первых серьезных достижениях в области славянской этимологии. Во всей этой работе принимают участие не только языковеды Москвы, но и Ленинграда, Киева, Львова, Минска и других городов. О серьезных достижениях в области подготовки славистов-сравнителей свидетельствует пропедший в 1958 г. IV Международный съезд славистов. В обсуждении многих актуальных проблем сравнительной грамматики приняли активное и вполне квалифицированное участие молодые слависты. Это было неожиданным не только для зарубежных, но и для многих наших языковедов.

Нет сомнений в том, что уже ближайшее десятилетие будет характеризоваться большим оживлением сравнительно-исторических исследований в нашей стране. Конечно, центральное место среди них займут исследования по сравнительной грамматике славянских языков.

Если прежде вопрос о координации всех творческих усилий наших немногочисленных ученых-сравнителей не являлся актуальным, то теперь положение меняется коренным образом. Первые сигналы о необходимости координации были получены нами уже в прошлом году. Неожиданно выяснилось, что в двух городах (Москве и Запорожье) ведутся параллельно и совершенно независимо два больших исследования на одну тему. В дальнейшем в связи с расширением исследований в данном направлении случаи подобного рода могут возникать все чаще и чаще. В этом нас может убедить опыт специалистов в области русского языка. Здесь отсутствие координации приводит к огромной и непроизводительной трате сил. В частности, в разных городах (а иногда и в одной Москве) пишутся диссертации на одну тему.

Я не думаю, что передо мной стоит задача доказывать вам необходимость координации научных усилий. Это настолько очевидно, что здесь не может быть двух мнений. Однако разногласия могут возникнуть в связи с тем, какое содержание вкладывается в понятие координации. Возможно ли при наличии координации проведение одного и того же исследования различными лицами в различных научных центрах?

Координация — это прежде всего строгое и четкое планирование научных исследований. Научные исследования должны вестись в полном соответствии с решением тех задач, которые ставит наука на данном этапе ее развития. Постановка мелких и случайных тем наносит огромный ущерб науке, так как задерживает ее развитие. Нет сомнения в том, что научные исследования в нашей стране должны осуществляться по единому генеральному плану развития науки на семилетие. В настоящее время поставлена задача подготовки плана развития науки и на более длительный период. С ним мы сможем удовлетворительно справиться только в том случае, если будем решать его сообща, общими усилиями.

Четкая координация научных планов различных учреждений отнюдь не исключает возможности и даже целесообразности в ряде случаев постановки параллельных исследований. Пути решения трудных научных проблем могут быть разными. Полное исключение возможности разработки общих тем различными научными коллективами может дать отрицательные результаты, привести к монополизму, к застою. Так говорит опыт. Однако постановка параллельных тем не должна быть случайной, необходима постоянная взаимная информация. Здесь я обращаю ваше внимание на те вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков, которые представляются мне важными и актуальными. Я не думаю, что к решению всех этих вопросов мы сможем приступить в ближайшее время. Перед нами поставлена очень трудная задача, полное решение которой потребует длительных и упорных усилий. В этом направлении мы делаем теперь лишь первые шаги.

Для более успешного обсуждения докладов на нашем координационном совещании мы сочли целесообразным выделить в самостоятельные докла-

ды две важнейшие проблемы: балто-славянские языковые отношения и этимологию.

Большое место в сравнительной грамматике славянских языков всегда занимал праславянский язык, его история от выделения из индоевропейского праязыка до распада на самостоятельные диалекты, давшие начало отдельным славянским языкам. В этом легко убедиться, если обратиться, например, к сравнительной грамматике славянских языков В. Вондрака. Каждое фонетическое явление прослеживается автором от начальных эпох праславянского языка. У нас нет никаких оснований отказываться от этой традиции. Отсечение праславянского языка было бы неоправданным и искусственным. И в современной тематике исследований история праславянского языка должна занять центральное место. Главное отличие от старых работ по истории праславянского языка будет состоять в методах исследования, в привлечении нового материала.

О недостатках в изучении истории праславянского языка в последние годы писалось много. Совершенно справедливо указывалось на то, что исследователи свою задачу видят лишь в сопоставлении изолированных фактов различных эпох. Они исходят из того априорного допущения, что в своих главнейших элементах структуры праславянский язык принципиально не претерпевал изменений. Им кажется, что, например, падежная система периода распада праславянского языка сформировалась еще на индоевропейской почве. В этом отношении взгляды специалистов по праславянскому языку принципиально не отличались от представлений специалистов по сравнительной грамматике других групп индоевропейских языков.

С антиисторической трактовкой фактов праславянского языка приходится сталкиваться постоянно. Исследователи не допускают возможности глубоких и принципиальных отличий в структуре праславянского языка, который, однако, существовал несколько тысяч лет. Для объяснения многих древних явлений свободно привлекаются факты, возникшие в принципиально иных условиях, при иных системных отношениях. Укажу на один пример.

При объяснении многих фактов приходится иметь дело со структурой слога. Именно этому вопросу слависты всегда уделяли больше внимания. Как уже давно хорошо известно, большинство праславянских фонетических процессов позднего периода было вызвано тенденцией неуклонного усиления сонорности слога: все закрытые слоги тем или иным путем должны были стать открытыми. Полностью учитывая это своеобразие слоговой структуры праславянского языка позднего периода, исследователи часто не видят, что могут принципиально различаться между собой в различные исторические периоды слоги внешне тождественной структуры. Так, глубоко различались между собой в ранние и поздние эпохи праславянского языка открытые слоги. Утрата закрытых слогов вызвала в праславянском языке многочисленные случаи изменения слогораздела. До этого периода слогораздел был постоянным и устойчивым. В структуре слова он выполнял очень важную функцию. В этот период не возникало и не могло возникнуть зияние, отсутствовали случаи *sandhi*, так как слогораздел являлся надежной защитой от этого. Принципиально иным стал слогораздел в поздний период. Утрата конечных согласных вызвала появление протетических звуков потому, что в эту эпоху возможны были уже свободные перемещения слогораздела. Теперь слогораздел не мог уже предохранить от зияния, от случаев межсловной фонетики.

Аналогичных примеров можно привести много. Все они наглядно будут свидетельствовать о том, что необходимо больше внимания обращать на различную роль в структуре языка внешне *тождественных* элементов в разные исторические эпохи. Все это в равной мере будет относиться

как к изучению истории праславянского языка, так и к изучению истории отдельных славянских языков.

К важнейшим теоретическим проблемам нашей науки относится разработка и применение методов дистрибутивного анализа. Элементы этого анализа можно обнаружить уже в старых работах (например, в работах Мейе). Теперь перед нами во весь рост поставлена задача полного изучения дистрибуции фонем и их вариантов для различных эпох истории праславянского и всех славянских языков. Одним из существенных недостатков новой работы В. Ф. Мареша, посвященной истории фонем праславянского языка, является именно недооценка проблемы дистрибуции.

Уделяя большое внимание проблемам соотносительной хронологии, слависты совершенно не используют новых приемов глоттохронологии для решения важных вопросов *абсолютной* хронологии. А это может иметь очень большое значение не только для языковедов, но и для археологов. Верно, что первые работы по вопросам глоттохронологии не вызвали у нас большого восторга. Однако нельзя закрывать глаза на то, что М. Сводешу и ряду его последователей все-таки удалось внести важный вклад в решение данной важнейшей для исторического языкознания проблемы. Слависты не могут и не должны стоять спиной к проблемам глоттохронологии. Здесь для славистов большое поле деятельности.

Таким образом, перед нами в настоящее время стоит задача углубленной разработки важнейших теоретических проблем сравнительной грамматики. Необходимо пиере и смелее ставить теоретические вопросы. В этом отношении мы, слависты, отстаем, например, от германистов, которые за последние годы провели ряд интересных и важных теоретических конференций. Было бы полезно и нам договориться теперь о всесоюзной конференции, посвященной теоретическим проблемам сравнительной грамматики славянских языков. Эту конференцию целесообразно было бы провести до пятого съезда славистов (например, во второй половине 1962 г.). Для каждого должно быть ясно, что без серьезной теоретической работы мы не сможем решить тех вопросов, которые в настоящее время поставлены перед нами. Это в первую очередь относится и к тем из них, которые ставит перед сравнителями структурная лингвистика.

Укажу теперь на несколько конкретных задач нашей науки, решение которых назрело. Их много. Думаю, что участники нашего совещания дополнят меня.

Мы очень плохо знаем структуру праславянского языка ранних эпох. Во всех руководствах и специальных исследованиях речь фактически идет о позднем периоде. В решении данной задачи большую помощь может оказать метод внутренней реконструкции и данные наиболее древних индоевропейских языков (в первую очередь данные хеттского языка). В нашем институте В. М. Илличем-Свитычем уже в течение ряда лет успешно разрабатывается ларингальная проблема в применении к славянскому материалу. Это исследование (полностью оно будет завершено в 1962 г.) показало, что славист должен всесторонне учитывать ларингальную теорию и активно участвовать в ее разработке. В. Н. Топоров в своем исследовании «Локатив в славянских языках» убедительно показал, что в ранний период истории праславянского языка система склонения существенно отличалась от привычной для нас славянской системы склонения. Нет сомнения в том, что это же относится и к глаголу. Славянская глагольная система времен в праславянском языке претерпела ряд существенных и коренных преобразований. Известная нам система времен характеризовала поздний период праславянского языка. Это на одном примере убедительно показано В. Н. Топоровым в его статье, которая публикуется в пятом выпуске «Вопросов славянского языкознания».

Еще очень мало сделано для изучения праславянских диалектов, для

изучения взаимоотношений между ними. Обычно исследователи ограничиваются уже давно известными отдельными фонетическими и грамматическими чертами. А между тем не может быть сомнений в том, что праславянские диалекты в поздние периоды своей истории характеризовались значительным своеобразием в области звуковой системы, грамматики, лексики и семантики. Решить все эти вопросы можно путем широкого обследования различных черт славянских языков методом лингвистической географии. Этот метод дает возможность установить многочисленные древнейшие изоглоссы, на основе которых в дальнейшем можно будет выявить праславянские изоглоссные области.

К этой работе в широком масштабе мы приступаем в ближайшее время в связи с предстоящей работой над общеславянским лингвистическим атласом, который, конечно, даст очень много для решения указанной выше задачи. Однако данную проблематику нельзя ограничивать только общеславянским атласом. Совершенно очевидно, что общеславянский атлас не сможет охватить всей проблематики. Следует иметь в виду, что этот атлас будет иметь очень редкую сетку. Да и программа-вопросник общеславянского атласа не предусматривает охвата тех явлений, которые носят локальный характер. Вот почему широкое лингвистическое картографирование различных славянских областей может проводиться совершенно независимо от работы над общеславянским атласом по своей программе. Я не буду говорить о всех возможных в этом аспекте исследованиях. Их немало. Я остановлюсь на одном, который представляет большой научный интерес для историков восточнославянских и южнославянских языков.

Уже давно славистов интересует вопрос о так называемых переходных говорах между восточнославянскими и южнославянскими диалектами. Академик Соболевский полагал, что на территории Бессарабии и соседних областей в древности существовали такие переходные говоры. Таким образом, по мнению Соболевского, была широкая полоса говоров, в формировании которой деятельное участие принимали племена южнославянские и восточнославянские. Эта точка зрения нашла широкую поддержку среди некоторых историков, которые полагали, что между словенами и антами были очень тесные связи. Языковеды же к ней отнеслись очень сдержанно. Дело в том, что Соболевский не смог предложить убедительных доказательств. Ссылка на язык молдавских грамот XV в. была лишена всяких оснований. Вот почему большинство славистов-языковедов отнеслось скептически к утверждениям Соболевского. Ван-Вейк отразил господствующую точку зрения, заявив, что «все теперешние переходные диалекты (восточнославянских языков — С. Б.) — нового образования и везде можно определить совсем точно западную границу целого ряда языковых черт «общерусских» («Slavia», гоѣ. II, стр. 15). Вновь этот вопрос стал дискутироваться в связи с работами В. Погорелова, который попытался еще раз пересмотреть это положение. Следует сказать, что и эта дискуссия не дала положительных результатов, так как ее участники оперировали отдельными примерами, которые должны были подтвердить различные точки зрения.

Совершенно очевидно, что ответ может быть получен только в результате детального и всестороннего обследования определенной группы говоров по единой программе.

В настоящее время полным ходом идет работа над атласами украинского и болгарского языков. Имеются программы-вопросники этих атласов, собран большой материал, составлено много карт. В составлении болгарского атласа принимает активное участие коллектив Института славяноведения. Завершен уже первый том (юго-восточные говоры), который будет опубликован в Софии к V съезду славистов. Весной 1960 г. во Львове я имел возможность ознакомиться с картами украинского атласа.

К сожалению, атласы болгарского и украинского языков не дадут ответа на поставленный выше вопрос. Дело в том, что составители программ этих атласов совсем не имели в виду решения указанной выше проблемы. Вот почему в этих атласах так мало карт, которые бы давали возможность провести общие украинско-болгарские изоглоссы. Однако имеющиеся карты украинского атласа убедительно свидетельствуют, что от работы в этом направлении можно ожидать значительных результатов. В закарпатских и особенно буковинских говорах содержится много явлений, характерных прежде всего для южнославянских языков. Их полное выявление, установление их границ даст в руки историков славянских языков надежный материал для решения вопросов древнейшей истории западноукраинских говоров, для определения характера генетических связей восточнославянских и южнославянских языков. Западноукраинский областной диалектный атлас будет самым тесным образом связан с общим атласом украинского языка. Он даст много важного и нового историкам украинского атласа.

Конечно, не все аспекты языка будут в одинаковой степени учитываться при составлении программы данного атласа. Специфической особенностью данного атласа будет являться то, что, например, фонетика в нем займет очень скромное место. Можно ясно предвидеть, что и морфологических карт будет мало. Главное внимание будет уделено лексике, семантике и словообразованию. Следует подумать о целесообразности и возможности карт синтаксического характера.

Работа над областным западноукраинским атласом намечается в нашем Институте славяноведения на ближайшие годы. В важности данного исследования у нас нет сомнений. Однако своими силами мы осуществить это научное предприятие не в состоянии. Вот почему до настоящего координационного совещания мы не решились поставить эту тему в наш перспективный план. Все теперь будет зависеть от того, какое по данному вопросу примет решение наше совещание. Если наше предложение найдет поддержку со стороны Академии наук УССР, Министерства просвещения УССР, мы сможем завершить данное научное предприятие за пять лет.

Я полагаю, что в работе над западноукраинским областным атласом могли бы принять участие Институт славяноведения АН СССР, Институт общественных наук АН УССР во Львове, кафедры украинского языка Львовского, Ужгородского и Черновицкого университетов.

Программа-вопросник данного атласа могла бы быть составлена к лету 1962 г. В ее составлении должны принять участие специалисты-диалектологи по украинским и болгарским говорам. Целесообразно было бы привлечь для консультаций молдавских и румынских диалектологов. За это же время можно было бы решить и другие вопросы. Главными из них являлись бы вопросы о территории обследования и о сетке обследования. Здесь первое слово принадлежит специалистам по западноукраинским говорам. Нужно обследовать те западноукраинские говоры, материал которых наиболее полно может дать ответ на поставленный вопрос.

Можно думать, что максимальное число обследованных пунктов не должно превышать пятидесяти. Вот почему выбор каждого пункта — дело очень ответственное. Обследование должно проводиться в очень старых селах, население которых не является смешанным.

Учитывая специальные задачи атласа и очень редкую сетку, к экспедиционной работе нельзя привлекать неквалифицированных диалектологов. Руководить группой должен опытный диалектолог. В состав группы должны входить только научные работники и аспиранты. Следует сразу же отвергнуть возможность участия студентов в этой работе. Дальнейшая детализация плана работы в данный момент едва ли была бы целесообразной.

Специалистам по украинскому языку может показаться, что поставленная нами задача слишком узкая и частная, решение которой не является первоочередной. Это не так. Планируемый нами атлас даст ответы на многие важнейшие вопросы из области древнейшей истории украинского языка, украинского народа, межславянских языковых и этнических связей. Он поможет решить одну из задач, которые стоят перед общеславянским атласом. Он приблизит нас к решению трудной задачи, которая будет поставлена позже. Речь идет о так называемом карпатском лингвистическом атласе, который по своим задачам будет приближаться к средиземноморскому лингвистическому атласу, в работе над которым из славянских стран в настоящее время принимают участие Болгария и Югославия. Я думаю, что общее научное руководство данной темой может осуществлять наш Советский комитет по общеславянскому атласу.

Перехожу к новой теме. Речь идет о совместной работе по изучению диалектной лексики Полесья. Значение диалектной лексики для сравнительно-исторических исследований огромно. В то же время мы все хорошо знаем, как плохо она изучена, как ненадежны те словарные материалы, которыми приходится пользоваться. О старой лексике полесских говоров украинского и белорусского языков мы почти ничего не знаем. А ведь нужно иметь в виду, что это — древнейшая славянская территория. Глубокое изучение лексики полесских говоров даст много для изучения праславянского языка и его территории, для решения балто-славянской языковой проблемы, для истории украинско-белорусских языковых связей. В этой работе могли бы принять участие Институт славяноведения АН СССР, Институт языкознания им. Потебни АН УССР, Институт языкознания АН БССР, Институт литовского языка АН Литовской ССР, Житомирский и Гомельский пединституты.

Составление программы по данной теме потребует значительно больше времени, нежели составление программы атласа. Думаю, что программа по изучению лексики полесских говоров могла бы быть составлена к концу 1962 г. Было бы целесообразно установить не более 10—12 пунктов обследования на всей территории. На сбор материала по одному населенному пункту потребовалось бы месяца два. Таким образом, пять групп могли бы собрать материал за два-три года. Вся работа могла бы быть завершена к концу 1965 г. К данной работе необходимо привлечь не только диалектологов, но и специалистов по этимологии, лексикографов и этнографов.

Перечисленными темами, конечно, не исчерпываются возможности больших совместных работ над теми проблемами, которые в какой-то степени важны для сравнительно-исторического языкознания. Я назвал две темы, над которыми было бы целесообразно начать совместную работу теперь. В этих темах Институт славяноведения заинтересован, он мог бы принять в их решении самое активное участие. Вероятно, в процессе обсуждения докладов возникнут новые и не менее важные темы.

Конечно, нельзя всю работу по сравнительной грамматике сводить к изучению истории праславянского языка, к проблемам лингвистической географии. У нас ведется интенсивная работа и в других областях. Если говорить об Институте славяноведения, то здесь я могу указать на исследования в области фонологии. Л. Э. Калнынь выполнила исследование по истории категории твердости и мягкости согласных в славянских языках. Планируется большое исследование, посвященное проблеме стяжения гласных в славянских языках. И это исследование будет носить фонологический характер. Вообще применение и углубление фонологического анализа в области сравнительной фонетики славянских языков является актуальной и насущной задачей современной науки.

Очень мало сделано и делается в области словообразования. Следует подумать над организацией соответствующих исследований.

Что касается синтаксиса, то здесь работа идет в двух направлениях: изучение синтаксиса частей речи и синтаксиса предложения. Синтаксису частей речи уделяется большое внимание славистами Института славяноведения. Выполнено несколько монографий по синтаксису падежей. Работа в этом направлении продолжается. Киевские слависты планируют исследования по сравнительному синтаксису структуры предложения. Было бы полезно на нашем совещании обсудить возможность и целесообразность постановки новых тем, возможность коллективных усилий в разработке уже поставленных тем.

Нет сомнений в том, что перед советскими славистами будет поставлена в будущем задача создания капитальной сравнительной грамматики славянских языков. Эта задача очень ответственная и трудная. Она не должна нас застать врасплох. Ближайшее десятилетие мы должны поработать так, чтобы быть готовыми к решению этой задачи.

Р. И. Аванесов

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

На IV Международном съезде славистов, состоявшемся в Москве в сентябре 1958 г., создание общеславянского лингвистического атласа было признано одной из насущных и важных задач славянского языкознания. Были приняты и некоторые решения, которые стимулировали начало этой работы в период после съезда.

Лингвистическая география, возникшая еще в последней четверти XIX в., в течение XX в. сделала огромные успехи. Был создан ряд неодинаковых по своим исходным позициям и методике национальных атласов, а также более специальных атласов для отдельных ограниченных территорий. Конечно, в течение этого времени вместе с языкознанием в целом эволюционировала и лингвистическая география. Поэтому современные лингвистические атласы по тому, что и как в них картографируется, по своим теоретическим установкам во многом отличаются от первых опытов. Едва ли не основное и принципиальное отличие современного атласа заключается в учете того, что язык образует систему, что он представляет сложную структуру, в связи с чем картографируемые явления всегда представляют собой какой-то элемент этой системы.

Следует отметить, что имеющиеся лингвистические атласы охватывают территорию одного языка или даже часть его территории. Атласа группы родственных языков мы до сих пор не имеем. Это делает особенно необходимым предварительную разработку основных вопросов теории такого атласа. Надо отметить прежде всего, что если на отдельной национальной территории язык чаще образует систему частных систем или одну сложную систему, различающуюся в отдельных своих звеньях, то на территории группы родственных языков наличествуют разные системы, имеющие общие элементы. Это разграничение не всегда совпадает с разграничением отдельного языка, с одной стороны, и группы близкородственных языков — с другой. В частности, в языках с глубокими диалектными различиями диалекты могут образовать разные системы, имеющие общие элементы (такие отношения существуют, например, в словенском языке). Картографируемые в частном атласе соотносительные элементы структуры языка — если они относятся к фонетической системе или морфологическому строю — обычно (хотя и не всегда) представляют собой последовательно проводимые закономерности и потому образуют то, что можно назвать синхроническим тожеством. Такие элементы обычно лексически не ограничены и проявляются на любом лексическом материале. В силу последовательности проведения данного элемента системы язы-

ка при синхроническом тождестве имеет место взаимное отождествление вариантов данного явления представителями разных диалектов, несмотря на различия, обусловленные свойственными отдельным частным системам специфическими закономерностями. В противоположность этому картографируемые в общеславянском лингвистическом атласе как атласе группы родственных языков соотносительные элементы строя языка обычно последовательно не проводятся, ибо они подчинены законам своих, различных, часто принципиально отличающихся языковых систем; в связи с этим они в большей или меньшей степени в лексическом отношении бывают ограничены. Не будучи закономерными и регулярными с точки зрения синхронической, эти отношения обычно бывают основаны на диахроническом тождестве, на общности происхождения. Это коренным образом меняет самый характер многих разделов программы (вопросника). Применительно к общеславянскому атласу необходимо для этих разделов вопросника не только иметь в виду явление как таковое, но также прежде всего особое внимание уделять определенным конкретным словам, которые могут характеризовать данное явление в пределах, охватываемых программой.

Далее. Различия структурно-типологического характера для частного атласа одного языка обычно не представляют большого значения, так как отдельный язык чаще образует единую сложную систему, типологически малоразличающуюся в своих местных разновидностях. В противоположность этому типологический аспект в атласе группы языков даже близкородственных приобретает серьезное значение, поскольку разные языковые системы могут более или менее существенно отличаться друг от друга типологически.

* * *

Различия национального атласа, атласа одного языка и атласа группы родственных языков объясняются также тем, какие задачи ставятся в том и другом типе атласа. Национальный атлас изучает различия внутри данного языка. Все то, что является общим для языка в целом, он оставляет в стороне. Поэтому национальный атлас дает материал для изучения истории данного языка в те его периоды, когда картографированные диалектные различия появлялись. В противоположность этому общеславянский лингвистический атлас изучает различия в таких соотносительных элементах строя славянских языков, которые охватывают разные славянские языки и диалекты. Эти различия противопоставляют друг другу разные славянские языковые группы или один из славянских языков всем другим, в том числе языкам той же группы, или один диалект данного языка другим его диалектам и одновременно другим славянским языкам и т. д. Общая черта данного языка, которая в силу своей общности не картографируется в национальном атласе, с точки зрения общеславянского атласа часто оказывается частной, различительной чертой, так как ей в других славянских языках и диалектах соответствуют другие соотносительные варианты, и потому картографируется. Все описанные территориальные соотношения — «родимые пятна» истории, результаты пройденного славянскими народами исторического пути. Они важны и интересны не только для лингвиста, но также для славянского историка, археолога, этнографа.

Какие эпохи в истории славянских языков должны осветить материалы атласа? Этот вопрос хотя бы в общем плане должен быть разрешен предварительно, так как от того или иного его решения зависит характер вопросника, учет, какие явления и в каком объеме он будет включать в свой

состав. Атлас должен отразить элементы строя славянских языков, словарного состава, типичных значений слов в том виде, как они сохранились в начале второй половины XX в. в устах носителей наиболее традиционного типа местной речи — жителей сельских местностей, при том в их стилистически нейтральной речи. Подбор явлений должен быть таким, чтобы ретроспективно и опосредствованно (сквозь изменения позднейшего времени) охарактеризовать историю славянских языков и диалектов в их взаимоотношениях от эпохи (не одинаковой для разных славянских языков), когда сложились современные славянские языки и их древнейшие диалекты, и далее в глубь истории до поздней праславянской эпохи, когда появились древнейшие диалектные различия. Этот круг вопросов относится к сфере сравнительно-исторической грамматики славянских языков, а также к взаимно соотносительным явлениям в истории отдельных славянских языков.

Общеславянский лингвистический атлас не ставит своей задачей охватить черты новые и новейшие, появившиеся в эпоху после сложения современных славянских языков и их основных диалектов и в большей своей части связанные с нивелировкой старых диалектных различий или с новообразованиями, охватывающими язык нации как целое, а также с воздействием литературного языка, а через литературный язык нередко также с иноязычными воздействиями. Это совсем особая проблематика, которая должна изучаться иными методами, не методом лингвистической географии.

С затронутыми вопросами тесно связан вопрос о территории, которая будет охвачена общеславянским лингвистическим атласом. В связи с тем, что высказанными соображениями о задачах этого атласа можно считать нецелесообразным привлечение к картографированию обширных территорий новой колонизации, относящихся ко времени после сложения основных диалектов данного языка. Это относится к территории русского и украинского языков. Основные диалекты этих языков сложились, во всяком случае, не позднее XVI в. В дальнейшем они в той или иной степени подвергались нивелировке, а также распространялись на обширные территории, где нередко чередовались, соседствовали друг с другом (так как колонизация одного и того же края нередко осуществлялась из разных мест), смешивались между собой. Принимая это во внимание, общеславянский лингвистический атлас не охватит территории северо-востока и востока и юго-востока Европейской части СССР, не говоря о Сибири и Дальнем Востоке. Не будут картографироваться также говоры Слободской Украины, Донбасса, Новороссии, Бессарабии. Для остальных славянских языков, как правило, будут картографироваться говоры всех территорий, на которых они распространены.

Однако вопрос о территории общеславянского лингвистического атласа этим не ограничивается. Обычно лингвистический атлас создается применительно к определенной непрерывной территории, образующей некое географическое целое, население которого (если тому не препятствовали политические границы возникающих в определенную эпоху государств) по крайней мере на соседних территориях непосредственно соприкасалось друг с другом. В настоящее время славянская языковая территория не характеризуется непрерывностью: южные славяне отделены от восточных и западных славян румынами, венграми, австрийцами. Только территории восточных и западных славян образуют одно географическое целое. Однако в прошлом славянство обладало непрерывностью территории. Отсутствие такой непрерывности в настоящее время, если речь идет о группе родственных языков, какими являются славянские языки, не делает невозможным создание общеславянского лингвистического атласа, а лишь усложняет задачу и делает ее, пожалуй, еще более интересной. Карты

этого атласа должны показать, в каких случаях славяне Балканского полуострова сохранили в своем языке черты, которые прямо или косвенно свидетельствуют о той эпохе, когда они непосредственно соприкасались с предками восточных и западных славян, занимая часть географически целостной и непрерывной территории. Не менее важно и интересно получить на картах общеславянского атласа сведения о том, как и в каком направлении развивались в самостоятельной языковой жизни отдельных частей славянства те более поздние элементы системы языка, известные в своих местных вариантах, которые также восходят к единому праславянскому источнику (например, разнообразные последствия истории редуцированных в области вокализма и консонантизма, слогаделения, в области структуры слова).

Хотя славянские языки в своем географическом распространении в настоящее время и не образуют сплошной территории, нам представляется, что общеславянский атлас должен охватить сплошную территорию, на которой окажутся и соседние иноязычные народы. Речь идет о таких народах, с которыми длительное время славяне находились в контакте. Особое значение имеет языковое обследование неславянских территорий, на которых в прошлом жили славяне. Например, атлас мог бы охватить румынскую и венгерскую территории в Центральной Европе, латышскую и литовскую на северо-западе, возможно, часть финно-угорской языковой территории на северо-западе и северо-востоке. Носители отдельных славянских языков и диалектов в течение длительного времени соприкасались и взаимодействовали с названными и другими неславянскими народами. В процессе этого взаимодействия они, с одной стороны, усваивали некоторые неславянские языковые особенности, с другой стороны, передавали свои особенности. Обследование неславянских территорий с точки зрения задач общеславянского лингвистического атласа может дать ценный материал для истории славянских языков, так как тот или иной неславянский язык мог в некоторых случаях сохранить черты славянского происхождения, уже утраченные в соответствующем славянском языке, и, наоборот, для некоторых черт славянских языков и диалектов можно будет установить их иноязычное, неславянское происхождение.

Среди предварительных работ, без которых нельзя приступить к созданию общеславянского лингвистического атласа, едва ли не важнейшей является составление вопросника, по которому во всех странах будет вестись собирание материала. От качества вопросника в очень значительной степени будет зависеть качество работы в целом.

Вопросник общеславянского лингвистического атласа должен охватить в той или иной степени все стороны строя славянских языков и диалектов в их соотносительных, различительных элементах — фонологическую систему, флексию, словообразование, словарь, семантику, элементы фразеологии и синтаксического строя.

Несколько обобщая и упрощая все многообразие соотносительных, различительных элементов системы славянских языков и диалектов в зависимости от той общности, на базе которой они выделяются, можно его свести к трем типам: а) соотносительные различительные элементы, выделяемые на базе материальной общности — общности слова, морфемы, парадигмы; б) соотносительные различительные элементы, выделяемые на базе структурно-типологической общности вне зависимости от общности слов и морфем; в) соотносительные различительные элементы, выделяемые на базе семантической общности (или общности предметной отнесенности). Все они в разных отношениях существенны для общеславянского лингвистического атласа. Для исторического и сравнительно-исторического языкознания существенно изучение соотносительных различительных элементов, выделяющихся на базе материальной общности, так как они дают

возможность освещать и воссоздавать внутреннюю историю языковых явлений, внутренние законы развития их в разных славянских языках и диалектах. Таковы, например, различия в фонематическом составе или в семантической стороне «того же» (пусть часто в генетическом плане) слова.

Различия, выделяющиеся на базе материальной общности, нередко существенны также для структурно-типологического изучения славянских языков. Сравните, например, типологические особенности фонематической системы и морфологического строя, выявляемые на основе материальной общности (ср., например, категории твердости — мягкости, состав гласных фонем, различие или неразличие количества, тонов, ударения, видо-временные отношения, образование прошедших времен и т. д.). Специфические различия синтаксического строя славянских языков также могут носить типологический характер и представляют большой интерес для общеславянского лингвистического атласа.

Однако различия структурно-типологические не предполагают обязательно материально-языковой общности. Поэтому они могут охватывать не только территорию родственных языков, но также и смежные территории языков неродственных. Сравните, например, наличие одной аффрикаты во многих северновеликорусских говорах и в смежных языках финно-угорской группы при двух аффрикатах ([ц] и [ч]) в других русских говорах и в большей части других славянских языков и диалектов; или наличие инфинитива в большей части славянских языков и его замену описательной конструкцией в некоторых славянских и неславянских языках Балканского полуострова.

Изучение структурно-типологических различий строя славянских языков и диалектов в лингвогеографическом аспекте, важное само по себе, может дать также ценные данные для их внутренней истории, а также для истории разных по своему характеру взаимодействий между языками как родственными, так и неродственными.

В противоположность рассмотренным типам различий различия, основанные на семантической общности (или общности предметной отнесенности) — по крайней мере если речь идет о различиях в значении отдельных слов, — обычно не существенны для внутренней истории языка, для изучения языкового родства, но они чрезвычайно важны для истории лексического состава славянских языков и диалектов и прямо или косвенно отражают экономические, политические, культурно-исторические связи между славянскими народами, а также между славянскими и соседними неславянскими народами. Типичным для этой категории различий являются разные названия одного и того же предмета или понятия.

Кроме рассмотренных различительных элементов системы языка, которые можно назвать *противопоставленными*, так как в них всегда противопоставляются соответствующие друг другу соотносительные, разноязычные и разнодиалектные варианты, имеются еще такие особенности родственных языков и диалектов, которые можно назвать *непротивопоставленными*. Они обычно относятся к лексике и большей частью связаны с различными на разных территориях природными условиями и специфическими особенностями материальной и духовной культуры. В этих случаях констатируется наличие специфического слова на данной территории и его отсутствие на другой в виду отсутствия на этой последней соответствующего предмета или понятия (например, слово, обозначающее понятие «северного сияния», имеется в русских диалектах севера, но отсутствует на юге). Чем обширнее территория атласа, разнообразнее природные условия, своеобразнее история отдельных частей этой территории и в связи с этим, чем разнообразнее материальная культура и исторически

сложившийся круг понятий, тем в большей степени можно ожидать языковых особенностей непротивопоставленных.

Имеется и другой тип непротивопоставленных особенностей лексики родственных языков и диалектов, когда соответствующий предмет или понятие имеется у говорящих всюду на картографируемой территории, но в языках или диалектах одной ее части имеется для него соответствующее слово, а в другой части отсутствует.

Непротивопоставленные особенности имеют известное значение для общеславянского лингвистического атласа, но неизмеримо меньше, чем различия противопоставленные. Поэтому в вопроснике общеславянского лингвистического атласа слова, относящиеся к сфере материальной и духовной культуры, быта, исторически сложившихся обычаев и традиций, требуют особенно осторожного подхода, так как здесь очень много различий в самих реалиях и понятиях. Соответствующие карты, поскольку это карты лингвистического атласа, а не этнографического, могут показать лишь наличие на данной территории данного слова без указания на то, какое слово ему соответствует на другой территории. Поэтому в вопроснике важно охватить прежде всего названия в полном смысле слова одних и тех же предметов и понятий, т. е. противопоставленные языковые различия, основанные на семантической общности. Богатый материал дадут названия домашних и диких птиц и животных, рыб и деревьев, ягод, плодов, овощей, злаков, цветов, металлов и минералов и т. д. в той их части, которая относится к одним и тем же предметам, иначе — когда одни и те же предметы известны на разной территории. Конечно, вопросник должен охватить в известной мере слова, относящиеся к сфере производства и материальной культуры, например слова, связанные с культурой земледелия (обозначающие понятия «пахать», «боронить» «сеять», «полоть» и т. д.), скотоводства (обозначающие понятия «пастух», «дойть» и т. д.), ткачества, гончарного дела и т. п. Однако эти слова должны прежде всего характеризовать общие элементы культуры славянских народов, а не их специфические различия. В противном случае лингвистический атлас, атлас языковых различий превратится в этнографический атлас, цель которого — показать отличия в культуре, прежде всего материальной.

Даже самое краткое раскрытие проблемы вопросника показывает, как трудно его осуществить. При многообразии различительных, соотносительных элементов, характеризующих разные «ярусы» строя славянских языков и диалектов, большое значение приобретает умелый отбор черт, существенных в плане генетическом или типологическом. Несмотря на то что по вопроснику уже проделана немалая работа и у нас (в Институте русского языка и Институте славяноведения) и за рубежом, многие вопросы до настоящего времени не выяснены еще окончательно. Так, например, для разделов фонологии и морфологии не до конца ясно, в каких случаях в «ответах» необходимо получить именно предусмотренные вопросом слова и словоформы и в каких — любые слова и словоформы, характеризующие данное явление. Для тех же разделов не до конца ясно, должны ли все вопросы строиться на генетическом, диахроническом тождестве слова или морфемы или, кроме того, должны быть вопросы, структурно-типологические по своему характеру и не связанные с материальной общностью. Большие трудности стоят перед составителями синтаксического раздела вопросника.

Трудность отбора материала для вопросника заключается в своего рода заколдованном круге: только сам атлас, когда он будет создан, покажет, какие различительные элементы строя славянских языков и диалектов являются действительно существенными. Между тем они должны быть предусмотрены вопросником до составления атласа. Именно поэтому особое значение приобретает коллективный метод составления вопросника с

участием специалистов по всем славянским языкам, по сравнительно-исторической грамматике и лексикологии славянских языков, по структурно-типологическому изучению, а также специалистов по ряду неславянских языков.

Диалектологическое обследование неславянских языковых территорий, по-видимому, будет проводиться по специально выработанным для каждой из таких территорий (например, румынской, венгерской и т. д.) вариантам вопросника. Вопросы в них будут строго согласованы с соответствующими пунктами основного вопросника (для славянской языковой территории).

Еще очень неясен вопрос о том, как должны обследоваться территории неславянских языков. Здесь намечаются следующие типы вопросов: есть ли у Вас данное слово и если есть, то как оно произносится и что оно обозначает (для слов славянских по происхождению в неславянских языках и неславянских слов в славянских); как у Вас называется тот или иной предмет или понятие (если предполагается общность в соответствующих названиях в соседних славянских и неславянских диалектах). Наконец, большое значение имели бы вопросы структурно-типологического характера, не связанные с материальной общностью слов и морфем, непосредственно характеризующие элементы фонологической системы, морфологического строя, синтаксических моделей.

* * *

Лингвистический атлас есть работа не только лингвистическая, но и географическая. Поэтому при установлении сетки обследования — специфически географической стороны дела — должен приниматься во внимание аспект не только лингвистический, но также и географический.

Географический аспект заключается в *равномерном* покрытии территории, охватываемой атласом, обследованными населенными пунктами. Лингвистический аспект требует большого сгущения сетки на территориях с более глубокими диалектными различиями. Поэтому представляется целесообразным следующее решение вопроса — установление единой минимальной сетки (общего «каркаса»), которая нигде не должна быть разрежена, но которая может быть сгущена для территорий, на которых отмечены особенно глубокие диалектные различия, а также на территориях переходных говоров относительно старой формации между разными славянскими языками.

Вопрос о том, какова должна быть минимальная сетка, должен разрешаться в зависимости от того, какие результаты мы хотим получить от картографирования. Ограничатся ли карты атласа только указанием на варианты того или иного явления для каждого населенного пункта или на основе этих указаний будут вычерчиваться изоглоссы, проводиться границы? Если первое, то сетка не только может быть неравномерной, но может и не иметь единого минимума («каркаса») — она должна следовать лишь за глубиной диалектных различий. Если второе — то единый каркас необходим. Мы считаем, что карты общеславянского лингвистического атласа должны давать материал для проведения границ картографируемых вариантов языковых явлений. Это означает, что при установлении сетки аспект географический должен быть на первом плане.

Вопрос о густоте минимальной (нормальной) сетки иначе общего и единого «каркаса», должен быть решен в связи с характером ожидаемых изоглосс для разнокачественных языковых явлений — относящихся к фонематической системе, морфологическому строю, составу фонем в отдельных словах, формам отдельных слов, лексике, семантике и т. д. Если по отношению к фонетическим явлениям и явлениям флексии (в том числе нередко лексиколлизированным) чаще мы вправе ожидать противопоставления больших территориальных массивов, то по отношению к явлениям

лексики и семантики можно ожидать также и иного рода изоглосс, при которых окажется противопоставленной одна очень частная, порою, возможно, незначительная территория другой значительной. Возможно также выделение по общей языковой черте островков на самых разных славянских языковых территориях. Возможна также значительная пестрота, «чересполосица»: на далеких друг от друга, часто разноязычных территориях может оказаться распространенным один и тот же вариант, а на смежных — разные. Это объясняется спецификой явлений лексики и семантики сравнительно со строем языка в собственном смысле слова: старое слово или старое значение (иногда очень старое, восходящее к праславянскому) может сохраниться в том или ином уголке славянской языковой территории и исчезнуть на остальной ее части или сохраниться в отдельных уголках на разных частях славянской языковой территории. Кроме того, общность и различия в семантических явлениях (в большей степени, чем новообразования в области фонетики и морфологии) могут появиться на разных территориях независимо друг от друга и объясняться общностью законов семантического развития слова.

Учитывая многообразие возможных изоглосс, в особенности в области лексики и семантики и лексиколизированных явлений, а также то большое место, которое явления лексики и семантики будут занимать в общеславянском лингвистическом атласе, «нормальная», минимальная сетка обследования (общий и единый «каркас») не должна быть очень редкой. Иначе можно упустить многие важные явления. Вместе с тем она не должна быть слишком густой, принимая во внимание обширность территории и исключительную трудоемкость работы.

Русская языковая территория относится к тем славянским территориям, на которой диалектные различия относительно менее глубокие. Поэтому ее удобно взять за основу при установлении минимальной сетки (общего и единого «каркаса»). Принимая во внимание опыт работы над атласами русских говоров разных территорий в качестве минимальной сетки, разрезать которую будет считаться нецелесообразным предлагается 50 км². При сгущении сетки желательно сохранять кратность 50, например, брать 25 км² или даже 10 км² (если это окажется нужным). Конечно, на практике от этих общих положений будут отступления, объясняющиеся характером размещения населения на данной территории, например незначительной плотностью населения, иноязычными выражениями, отсутствием в данном квадрате населенного пункта, удовлетворяющего определенным требованиям (известно, что вновь основанные поселки с населением из разных мест, рабочие поселки при предприятиях, поселки городского типа и т. д. не будут привлекаться в атласе для языкового обследования).

* * *

Осуществление планов создания общеславянского лингвистического атласа потребует огромных усилий по координации работы разных организаций и лиц как в пределах отдельной страны, так и между странами — участницами этой работы. В Советском Союзе эта работа будет вестись под руководством Советского комитета славистов. Общее руководство работой в целом будет осуществлять Международный комитет славистов через свою специальную комиссию общеславянского лингвистического атласа.

И. А. Дзензелевский

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АТЛАСОВ

1

Лингвистическая география — один из самых молодых разделов языкознания. Но несмотря на это, она получила всеобщее признание не только среди лингвистов, но и среди историков, этнографов и представителей других родственных наук.

Лингвистическая карта имеет ряд значительных преимуществ по сравнению с традиционным (монографическим) описанием диалектных групп: 1) на карте наглядно обозначаются точные ареалы анализируемого явления и его вариантов; 2) большая часть лингвистических карт отражает тенденции развития картографируемых явлений к территориальному расширению или сужению; 3) лингвистическая карта указывает на эквиваленты данного явления в соседних диалектных группах; 4) изображенные на карте противопоставления строго синхронны, что дает возможность изучить структуру языка (диалекта). Такие данные об исследуемом явлении чрезвычайно важны, поскольку они по сути дела дают большую часть сведений для установления генезиса, изучения истории и направления развития.

Только на основании лингвистических карт (причем, карт различных в структурном отношении явлений) можно надежно установить взаимоотношения (классификацию) различных диалектных групп языка. Следует указать и на то, что лингвистическая география является одним из самых надежных и эффективных приемов изучения интеграционных процессов в развитии родственных языков и различных диалектов одного языка.

Можно с полным основанием утверждать, что решение таких достаточно сложных и весьма актуальных проблем, как происхождение отдельных славянских языков и говоров, их взаимосвязи, влияние соседних славянских и неславянских языков и т. п., в наше время зависит главным образом от степени развития лингвистической географии. Дальнейшее успешное исследование упомянутых проблем могут в значительной степени обеспечить: а) общеславянский лингвистический атлас, б) общезыковые атласы отдельных славянских языков и в) региональные, или областные, атласы определенных, сравнительно небольших территорий отдельных языков.

Основным заданием национального атласа является изображение общей перспективы диалектного состояния данного языка. Самим заданием национального атласа определяется состав и характер вопросника, по кото-

рому проводится соби́рание материалов для его составления. В национальном атласе (украинского, русского и любого другого языка), как это определяется его заданием, могут быть представлены карты только таких языковых явлений, которые являются важными в общенациональном масштабе. Таким образом, довольно большое количество диалектных черт со сравнительно небольшой территорией распространения частных локальных языковых явлений (которые нередко имеют также очень важное значение для исследования языка) в национальном атласе или совсем не находят своего отражения или отражаются очень слабо, поверхностно. При сравнительно небольшой густоте сетки опорных пунктов в национальном атласе целый ряд узколокальных форм, их вариантов и т. п. выпадает, и поэтому такие диалектные явления с небольшой территорией распространения (особенно, когда из-за недостаточной густоты сетки выпадают промежуточные диалектные формы) иногда могут выступать как какие-то оторванные островки среди огромных массивов своих эквивалентов. В связи с этим возникает необходимость в региональных (областных) атласах, в которых представлена более сгущенная сетка пунктов, следует картографировать и такие мелкие, но также очень важные для истории языка вообще и для исследуемых говоров в частности языковые явления.

В славянском языкознании уже накоплен немалый опыт составления региональных атласов: М. Małecki i K. Nitsch, Atlas językowy polskiego Podkarpacka, Kraków, 1934; М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин, Лингвистический атлас района озера Селигер, М — Л. 1949; К. Dejna, Polsko — laskie pogranicze językowe na terenie Polski, I—II, Łódz, 1951—1953; Z. Stieber, Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny, I—II, Łódz, 1956—1960. Хорошим примером комплексной работы являются атласы Я. Сятковского, Я. Симо́ни-Сулковской, Г. Городыской под общим названием «Słownictwo Warmii i Mazur» (1958). Правда, каждый из этих атласов представляет свою теоретическую и методологическую концепцию, но несмотря на это, все они (одни в большей, другие в меньшей степени) вносят свой вклад в изучение диалектных групп отдельных славянских районов, в теорию и практику лингвистического картографирования.

2

Территория обследования для составления регионального атласа может определяться лингвистическими, этнографическими и другими соображениями. Если в основу кладутся лингвистические критерии, то для обследования выбирается такой район, где сходятся, сталкиваются границы разных говоров и языковых явлений. По этому принципу выделяются тома («квадраты») диалектологических атласов русского и украинского языков. Сущность историко-лингвистического принципа состоит в том, что наметенный для картографирования район представляет в какой-то степени единое целое и исторически и лингвистически. По такому принципу строится, например, новый лингвистический атлас Франции («Nouvel atlas linguistique de la France par régions»), который будет состоять из отдельных (региональных) атласов Шампани, Гаскони, Бретани и т. д.

Каждый из названных принципов связан с определенными трудностями. Сложность применения историко-лингвистического принципа например, состоит в том, что и лингвистические (диалектные) и политические границы в разные исторические эпохи были разными. Кроме того, чрезвычайно трудно заранее определить более или менее точные границы диалекта или группы диалектов. Лингвистический принцип имеет по сравнению с другими то решающее преимущество, что при его применении мы получаем наибольшее количество изоглосс, а следовательно и наибольшее количество данных, на основе которых можно делать те или иные обобще-

ния, выводы и т. д. Правда, для восстановления всей территории распространения целого ряда картографируемых явлений в этом случае нужны и данные атласов соседних районов, но этот недочет часто присутствует и при использовании других принципов.

Если говорить конкретно об украинских диалектах, то в первую очередь чрезвычайно важно было бы иметь региональные атласы старых районов поселения и территорий, находящихся на стыке с иноязычными областями, атласы говоров, сохранивших наибольшее количество традиционных элементов, и районов, характеризующихся особенной диалектной пестротой. В числе районов, где, по нашему мнению, следовало бы провести сбор материалов для составления региональных украинских атласов, можно назвать, например, Киевскую область, где представлены среднеднепровские, центральнопопесские и восточнопопесские говоры; Ровенскую область, где распространены волынские, западнопопесские и среднепопесские говоры; Житомирскую область, где представлены южновопынские и среднепопесские говоры; Дрогобычскую область, где распространены бойковские, поднестровские и попанские говоры и многие другие районы. В числе таких областей и Закарпатье, где представлены центральнозакарпатские и западная часть гуцульских говоров. Выполненная лексическая часть закарпатского атласа выявила множество традиционных черт (архаизмов); атлас дает богатый материал о румынском, венгерском, словацком, южнославянском и других воздействиях на эти говоры. Работниками кафедры украинского языка Ужгородского университета подготовлен вопросник (включающий 1173 вопроса) из разделов фонетики, морфологии (словоизменение и словообразование) и синтаксиса.

3

Составлению вопросника регионального (как и всякого другого) атласа должно предшествовать основательное изучение всей имеющейся литературы о говорах района. Эта работа проводится с целью выявления того круга языковых данных, которые вообще можно картографировать (т. е. которые противопоставлены) на данной территории. По сравнению с монографическим описанием лингвистическая география является в определенном отношении как бы дальнейшим этапом исследования диалектов. Чем лучше изучена фонетика, морфология, синтаксис, лексика говоров какого-либо района, тем подробнее можно разработать вопросник для регионального атласа. Составителю атласа в основном должны быть известны почти все разновидности исследуемого явления, ему нужно лишь установить точные границы распространения каждого из них, сделать их географическую проекцию, т. е. составить лингвистическую карту.

Поскольку диалекты в различных частях национальной территории характеризуются разными фонетическими, грамматическими и лексическими чертами, естественно, что для каждого регионального атласа следует составлять отдельный, специальный вопросник.

Вопросник регионального атласа целесообразно составлять как можно более полным и детальным, он может включать до двух-трех тысяч вопросов; конечно, можно работать с небольшим вопросником в 100—150 вопросов, но это просто невыгодно материально.

Вопросник областного атласа должен быть определенным образом связан с картами (вопросником) общезыкового атласа. Эта связь может выражаться во включении в вопросник областного атласа ряда таких вопросов, материал которых с той или иной стороны детализировал бы, дополнял соответствующие карты общезыкового атласа. К другой, основной в количественном отношении группе будут относиться карты диалектных явле-

ний, картографирование которых не предусматривалось в общезыковом атласе.

В областном атласе можно представить достаточно широко и разнообразно раздел лексики. Здесь прежде всего следует позаботиться о том, чтобы картографируемые лексемы были словами различной давности, причем значительное внимание нужно уделить и сравнительно совсем новым словам. В этом случае атлас в определенной степени будет отражать развитие словарного состава исследуемых говоров, начиная с древнего периода и до их современного состояния. Из старых лексических черт интересно было бы, например, картографировать названия частей тела человека и животных, названия родства и свойства, названия, связанные с домашним хозяйством, сельскохозяйственную лексику, названия географического ландшафта и т. п. При составлении лексической части вопросника целесообразно обратить определенное внимание и на культурно-хозяйственные особенности данной местности (например, на ведущую отрасль хозяйства и т. п.).

В общезыковом атласе невозможно достаточно широко представить карты, посвященные иноязычным влияниям, свойственным, как известно, главным образом окраинным говорам и отраженным различно в разных районах. В областном же атласе имеются возможности со всей полнотой осветить этот весьма важный вопрос. Мы считаем, что одной из специфических черт и задач регионального атласа по сравнению с общезыковым является наиболее полное отображение объема, глубины и характера влияния соседних языков на картографируемые говоры. Естественно, это относится прежде всего к региональным атласам окраинных говоров, непосредственно граничащих с иноязычными массивами.

Насколько нам известно, в опубликованных лингвистических атласах, и региональных и общезыковых, а также в отдельных исследованиях по лингвистической географии еще не было опытов картографирования ономастического материала. Практика «Атласа говоров Закарпаття», как мы считаем, убеждает не только в возможности составления, но и в определенной научной важности таких карт, в особенности относящихся к распространению имен.

Перед окончательным редактированием вопросника очень полезно провести его проверку путем пробного собирания по нему материалов хотя бы в нескольких (8—12) пунктах в разных частях территории будущего регионального атласа. Эта «генеральная репетиция» даст возможность в ряде случаев четче сформулировать вопросы, внести коррективы в направлении выработки более удобного для работы в полевых условиях порядка вопросов, выявить еще неизвестные диалектные эквиваленты включенных в вопросник явлений, внести некоторые дополнительные вопросы, проверить целесообразность отдельных вопросов.

4

На лингвистической карте могут быть представлены лишь противопоставленные друг другу явления, т. е. равнозначные, взаимно исключающие друг друга в разных частях обследуемой территории.

Язык имеет системный характер. Понимание языка как системы должно получить отражение в лингвистическом картографировании, в самих способах отражения исследуемых явлений на лингвистических картах. Практически это означает использование четкой системы картографических знаков, причем такое использование, которое наглядно отразило бы на лингвистической карте взаимоотношения между структурно различными элементами, представленными на карте.

На лексических картах разные в структурном отношении противопоставленные элементы по их значимости можно разделить на три типа, или три ступени: 1) основные противопоставления или противопоставления корней, а точнее — названия разной этимологии; 2) словообразовательные и морфологические варианты одного и того же корня; 3) фонетические и акцентологические варианты одного и того же (со словообразовательной точки зрения) названия.

Чтобы каждая карта наглядно отражала названные три ступени противопоставлений, каждая из них должна получить соответствующее графическое выражение. Противопоставления первой ступени (названия разных этимологий), как показывает опыт, эффективней всего передавать различным цветом, противопоставления второй ступени — геометрическими фигурами одного цвета, противопоставления третьей ступени — различной штриховкой в одинаковых фигурах одного цвета. Описанная здесь система картографических знаков не является единственной; можно выработать и другие системы. Важен сам принцип системности в использовании картографических знаков.

Специального внимания заслуживает вопрос о способах передачи фонетических вариантов картографируемых названий на лексических картах. Фонетические варианты на лексических картах являются только вспомогательными противопоставлениями и в атласах, как известно, передаются не всегда.

По нашему мнению, здесь необходим дифференцированный подход. В общезыковом атласе нет необходимости передавать фонетические варианты отдельными знаками, так как нагромождение большого количества разных картографических знаков может в значительной степени усложнить чтение карты, затемнить ее основную тему. Фонетические варианты (а они, несомненно, имеют значение и при изучении лексики в общезыковом атласе), по-видимому, следует давать в комментариях.

Другое дело — региональный атлас. Картографируемое на небольшой территории явление безусловно будет иметь гораздо меньше и основных и вспомогательных (словообразовательных, фонетических) противопоставлений, чем на всей языковой территории. Это обстоятельство, а также то, что в региональном атласе гораздо более густая сетка опорных пунктов, позволяет в большей степени сохранить членение или детализацию противопоставленных элементов, т. е. и фонетические варианты картографировать отдельными знаками. Нанесенные на карту фонетические варианты дадут вспомогательные изоглоссы, т. е. добавочный, весьма важный лингвистический материал, научная ценность такой карты значительно повысится. Спецификой регионального атласа в сравнении с общезыковым как раз и является как можно более точное отображение отдельных диалектных особенностей. Именно этим во многом определяется его научная ценность, этим он как раз и дополняет общезыковый атлас.

Вышесказанное относится только к фонетическим вариантам, которые не отражают регулярных фонетических изменений. Те же варианты, которые отличаются только регулярными, последовательными фонетическими изменениями, характерными для фонетической системы обследуемых говоров, и в региональном атласе нужно картографировать одним знаком.

Отражение влияния соседних языков, естественно, является одной из главнейших задач любого атласа, и в особенности регионального. Поэтому способ передачи таких заимствований на лингвистической карте имеет принципиальное значение; именно от этого зависит, насколько наглядно будут отражены в атласе межъязыковые отношения. Заимствованное слово может, в частности, содержать тот же корень, что и его диалектный синоним, но отличаться от этого последнего только словообразовательными или фонетическими особенностями. Мы целиком согласны с авторами,

считающими, что всякое иноязычное заимствование (независимо от корневой близости с каким-либо диалектным словом) следует передавать как основное противопоставление, т. е. противопоставление разных корней.

5

Лингвистическая карта является в определенном отношении схемой, на которой проведены вызванные различными обстоятельствами обобщения, а в отдельных случаях допущено и определенное упрощение действительного положения. Ведь на лингвистической карте не всегда возможно (а часто и не нужно) отразить абсолютно все сведения, собранные о картографируемом явлении. Для полной научной интерпретации лингвистической карты все дополнительные сведения имеют важное значение. В связи с этим возникает потребность сопровождения лингвистической карты вспомогательными, поясняющими, уточняющими и т. п. сведениями, нужными для правильного ее понимания (и чтения).

По нашему убеждению, комментарий к лексической карте регионального атласа должен состоять из следующих частей:

- 1) вопроса, по которому собирался материал для данной карты;
- 2) общих замечаний, касающихся картографируемого понятия, уточнения его объема, этнографических признаков реалии и т. п.; в отдельных случаях нужен еще рисунок или фотография предмета, названия которого картографируются;
- 3) замечаний о взаимоотношениях картографируемых названий и их вариантов и об употреблении тех или иных знаков при картографировании;
- 4) замечаний об использовании картографических и отсылочных знаков;
- 5) замечаний о сфере употребления картографируемых названий, сведений, относящихся к эмоциональной, стилистической и т. п. оценке картографируемых названий, даваемой населением обследуемой территории. Мы считаем целесообразным давать также высказанные информаторами соображения об источнике картографируемого названия в данном пункте (откуда перенято название) и об его этимологии. Последние сведения безусловно представляют значительный интерес, поскольку здесь обнаруживается осмысление самими говорящими истории слова, его связей с другими словами и т. п.;
- 6) иллюстрации функционирования картографируемых названий в живой разговорной речи.

Потребность в замечаниях, названных в пунктах 2—6, их объем в каждом конкретном случае определяется материалом, на основе которого составлена карта.

В комментариях к фонетическим картам нужно давать сведения относительно характера того или иного фонетического явления, сферы его употребления и т. п. Комментарии к грамматическим картам, кроме общей характеристики и сведений о сфере употребления явлений, могут включать данные о синтаксических границах использования картографируемых форм или конструкций.

6

Качество атласа зависит от качества собранных для картографирования материалов. Поэтому собирание материалов — один из самых ответственных и трудоемких этапов в подготовке атласа — должно быть проведено на соответствующем научном уровне. Подготовка регионального атласа, как показывает опыт, под силу одному человеку или группе из

двух-трех человек. При правильной организации работы составитель (или составители) такого атласа может собрать необходимый материал за сравнительно недолгий срок (два-три года, в зависимости от густоты сетки, объема вопросника и темпа работы).

* * *

Таким образом, по нашему мнению, нет оснований противопоставлять друг другу общезыко́вый и региональный атласы (как это делают некоторые авторы). Областной атлас (в особенности, если он составлялся в какой-то степени с учетом общезыко́вого), во-первых, во многом дополняет, уточняет, детализирует данные общезыко́вого атласа, во-вторых, дает дополнительный богатый и разнообразный материал о диалектном состоянии обследуемого района. Если бы мы имели хотя бы несколько региональных атласов, то они в значительной мере могли бы дополнить, детализировать не только существующие диалектологические классификации говоров украинского языка, но и ту классификацию, которую дадут сводные карты «Диалектологического атласа Украины». В свою очередь, при помощи общезыко́вого атласа, который дает общую перспективу диалектного состояния языка, определяется место тех или иных диалектных черт в языковой системе на всей национальной территории, т. е. явление как бы оценивается в системе всего языка. Следовательно, данные и областного и общезыко́вого атласов дополняются и уточняются. Нужны и общезыко́вые и региональные атласы, они не могут заменить друг друга. Поэтому наряду с работой над общезыко́вым атласом украинского языка (и других славянских и неславянских языков) важно было бы развернуть большую работу по созданию областных атласов. Это дело нельзя откладывать, так как нивелировка, отмирание территориальных диалектов в наше время проходит с особенной интенсивностью и через каких-нибудь 20—30 лет едва ли можно будет что-нибудь сделать в этом отношении. Между тем составление атласов (общезыко́вого, областных) является общенациональным делом, и поэтому нельзя допускать безвозвратную утрату весьма важных для науки фактов и материалов. При этом нужно обратить внимание на то, чтобы между авторами и авторскими коллективами таких региональных атласов существовала договоренность об общей или приблизительно одинаковой методике картографирования, согласованные в определенной мере вопросники и т. п.

О. Н. Труба ч е в

ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Целью настоящего доклада является освещение задач этимологических исследований славянских языков в плане анализа состояния данной науки в нашей стране. Однако вместе с тем целесообразно вынести на обсуждение целый комплекс проблем этимологического исследования славянских языков.

Идеальные условия для этимологического исследования заключаются в наличии хороших этимологических словарей исследуемых языков, далее — подробных исторических словарей и словарей диалектной лексики, а также полных материалов по географии слов. Думается, что первым из перечисленных условий по праву может считаться наличие хорошего этимологического словаря соответственно русского, украинского или белорусского языка. В настоящем докладе нас в первую очередь интересуют вопросы, связанные с этимологизированием материала славянских языков Советского Союза. Тем не менее пока что приходится констатировать печальный факт отсутствия каких бы то ни было этимологических словарей для двух из трех восточнославянских языков. Не случайно поэтому работа на данном этапе без таких словарей создает впечатление, что вершиной достижений этимологических исследований представляется подготовка в будущем этимологического словаря того или другого языка. В действительности это не более как объективное свидетельство младенческих пока еще возможностей этимологии этих языков. Появление этимологического словаря — это лишь начало настоящего этимологического исследования лексики данного языка. Именно на примере русской этимологии, если брать примеры, наиболее нам близкие, мы можем убедиться, что наличие в распоряжении исследователя современного этимологического словаря открывает возможности серьезного развития этимологии языка в различных аспектах.

В силу общеизвестных причин и специфики развития нашего языкознания в целом за последние десятилетия к работе по этимологии славянских языков в настоящий момент у нас оказались привлеченными молодые, преимущественно начинающие специалисты. В частности, как курьез можно отметить, что эта старейшая область сравнительного языкознания по юности своих адептов у нас может успешно соперничать с такой совсем молодой наукой, как математическая лингвистика. Нормальным это явление можно признать, по-видимому, только для последней. Для планирования работы молодых специалистов по этимологии славянских языков в

ряде случаев оказывается характерным выделение в качестве основной задачи на ближайшее время составления этимологического словаря языка. Подобный выбор, разумеется, трудно назвать неактуальным; кроме того, можно вполне понять, что широкая научная общественность ждет от этимологов Украины и Белоруссии скорейшего создания украинского и белорусского этимологических словарей. Одним словом, руководство Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР и Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР в принципе было право, запланировав создание в ближайшие годы этимологических словарей. Реальная сторона дела заключается в том, что такой крупнейший по научной сложности и объему труд, как этимологический словарь, явится в обоих случаях по сути если не первой пробой пера, то во всяком случае первой значительной работой молодого ученого. Это достаточно серьезные факты, имеющие прямое отношение к качеству будущего труда, если учесть, что именно начальному этапу формирования молодого научного работника естественно присущи бурные темпы накопления научного опыта и другие «трудности роста», менее всего удобные при составлении этимологического словаря. Понятно поэтому, что успешное выполнение задачи создания этимологических словарей сопряжено на данном этапе с немалыми трудностями. С другой стороны, вынужденный практицизм планирования до известной степени сковывает силы молодых ученых, подчиняя их интересы всепоглощающей работе над словарем и, естественно, затрудняя им обращение к другим важным, более разнообразным и вместе с тем более удобовыполнимым темам по этимологии. Однако в целом, видимо, положение таково, что, даже отдавая себе отчет во всех трудностях и даже возможных неудачах, начатую работу по подготовке этимологических словарей как украинского, так и белорусского языков нужно обязательно довести до конца. Тем более отрадно поэтому отметить первые успехи в этом направлении. Так, можно не колеблясь назвать удачным первый выпуск «Краткого этимологического словаря украинского языка» (А — безбеш), подготовленный к печати Р. В. Кравчуком (Институт языкознания АН УССР, Киев).

Помимо основной настольной книги этимолога — этимологического словаря соответствующего языка, — успешная работа по этимологии зависит от наличия разнообразных прочих справочников. Первостепенное значение полного исторического словаря языка для этимологизирования хорошо известно. Однако в действительности мы имеем: по русскому языку — «Материалы» И. И. Срезневского, охватывающие главным образом собственно древнерусский период, тогда как лексический материал более поздних веков, имеющий нередко решающее значение для этимологии слов самого различного происхождения, остается по-прежнему неизданным; по украинскому языку в распоряжении исследователей имеется по-прежнему только «Исторический словарь украинского языка» Тимченко, публикация которого остановилась в самом начале алфавита. Для белорусского языка мы лишены и этого немногочисленного. Не менее насущна потребность этимолога в возможно более полных словарях диалектной лексики. Материалов по словарю народных говоров русского, украинского и белорусского языков опубликовано и публикуется очень много, но пользование этими многочисленными словарями, появившимися в разных изданиях, очень затруднено. Весьма полезно было бы получить в будущем для каждого языка объединенный в одном издании свод, который бы включал критически обработанные материалы по областной лексике, т. е. в первую очередь материал всех соответствующих публикаций, пополненных при возможности дополнительными изысканиями (ср., например, план, разработанный Ф. П. Филиным). Очевидно, подобные своды будут содержать довольно полные сведения об ареалах областной лексики во всем ее многообразии.

В целом ясно, насколько реальные условия работы этимолога далеки от идеальных. В этой связи уместно коснуться вообще состояния этимологии у нас в настоящее время. О положении с этимологическими словарями всех языков восточнославянской группы уже было сказано выше. В Москве (Академия наук СССР) запланирован на начало 70-х годов выпуск этимологического словаря славянских языков. Запланированный этимологический словарь славянских языков, как известно, будет далеко не первым трудом, носящим это название; он будет, по-видимому, обладать существенными отличиями от известных работ на эту тему. Современный уровень науки требует, чтобы это был, так сказать, праславянский этимологический словарь; понятие «праславянский» понимается как достаточно широкое, с обязательным включением древних лексических регионализмов и диалектизмов, выдержавших доступную хронологическую проверку. Некоторые предварительные наблюдения, публиковавшиеся ранее и встретившие одобрение, позволяют думать, что число древних слов, не имеющих общеславянского распространения, будет довольно внушительно. Так, если в каждом случае около сотни непроемных слов (со значительными допустимыми колебаниями в ту или другую сторону), будучи древними, являются только русскими или только польскими, или чешскими, то эта лексика представляется уже значительным компонентом будущего словаря. Принцип хронологической проверки будет применен и к заимствованиям, причем, вероятно, с особой строгостью.

Параллельно будут продолжаться этимологические исследования тематических групп лексики славянских языков. Такие работы представляются наиболее удобными в плане перспективы подготовки этимологического словаря славянских языков. Необходимость подойти к материалу не с точки зрения разобщенного семантически алфавитного словника будущего словаря, а с совершенно другой — смысловой стороны — представляет выгодные преимущества. Наличие взаимосвязи между словами, образующими смысловые группы, своеобразное равновесие внутри этих групп оправдывают такую форму с точки зрения лингвистической; общность культурного фона служит убедительной аргументацией с точки зрения реалий, все вместе взятое обеспечивает многостепенность контроля результатов исследования и приносит этимологии максимальную достоверность решений. Этимологическое исследование тематических групп лексики лучше всего позволяет нащупать типичные переходы значений и применить с пользой наблюдения над семантическими закономерностями в других близких случаях. К сожалению, у нас исследования тематических групп лексики пока крайне немногочисленны (ср. работу Булаховского об общеславянских названиях птиц, ряд статей Гринковой, далее — Богородского по мореходной терминологии, Меркуловой о некоторых названиях растений, по украинскому языку — ряд статей Дзедзелевского и Бурячка). Некоторые диссертации по истории русского языка посвящены аналогичным проблемам, например бытовой лексике определенной эпохи или определенного круга памятников.

Правда, этимологическая часть при этом бывает выполнена нередко на довольно низком уровне.

Обращаясь к монографическим исследованиям по этимологии отдельного слова, мы также должны будем констатировать незначительный еще пока объем продукции на соответствующие темы в нашей научной литературе. Этот факт служит свидетельством недостаточной интенсивности этимологических исследований в нашей стране. Следует подчеркнуть, что из всех форм этимологического исследования статья по этимологии отдельного слова, иначе говоря — этимология такого-то слова, представляет собой наиболее полное выражение сущности этимологического исследования. Она является, кроме того, основным конструирующим элементом двух дру-

гих, уже упоминавшихся выше видов этимологического исследования: этимологического словаря и этимологического исследования тематической группы лексики. Большинство работ о происхождении отдельных слов, публикуемых у нас, носит скорее лексикологический, а не этимологический характер. Таковы, например, работы Шанского. Сюда можно причислить также ряд конкретных словообразовательно-лексикологических заметок по русскому языку Виноградова, М. А. Соколовой. Смешанный характер имеют работы Ларина, обычно включающие значительный сравнительно-исторический материал. Особо можно упомянуть обстоятельную работу покойного Чичагова о слове «ружьё», в которой собственно происхождение слова «ружьё» сознательно используется автором лишь как призма для наблюдения над рядом общих вопросов истории русского языка. Можно было бы назвать и некоторые другие примеры элизодического вторжения в этимологию и ее периферийные области отдельных русистов-лексикографов. Специально нужно назвать многочисленные работы А. С. Львова, занимающегося активно старославянской этимологией. Лица, которые выступают с работами по этимологии в республиканских лингвистических центрах, можно перечислить по пальцам (например, в последнее время статьи по этимологии Кобылянского, Ткаченко и некоторых других на Украине, Крапивина и Вержбовского — в Белоруссии, Супруна — Фрунзе). Уровень этимологического анализа в этих работах невысок. Со статьями по этимологии выступает в последнее время профессор Черных (его поиски исконно славянской этимологии слова «варяг» нельзя, однако, считать удачными). Здесь можно еще упомянуть ряд работ ленинградского ученого Попова, активно занимающегося топонимикой Европейской России, вопросами финноугроведения и исследованием лексики восточноевропейских языков. В целом все работы по этимологии носят более или менее локальный характер и решают вопросы происхождения конкретных русских, белорусских и украинских слов. Вопросы славянской этимологии с широким привлечением индоевропейского материала пользуются незначительной популярностью.

Это зависит не столько от выбора слов, сколько от узости сравнительной базы.

Вышеизложенные наблюдения говорят о том, что нам еще многого недостает для того, чтобы поднять научный уровень нашей этимологической продукции, а вместе с тем и ее эффективность, а также удельный вес в общей лингвистике. Отставание это, нетерпимое по ряду принципиальных соображений, досадно еще и потому, что среди читателей и научной общественности вопросы этимологии пользуются живым интересом. Между тем у нас почти не известен вид этимологического исследования по принципу «слова и вещи», плодотворность которого для изучения названий реальных несомненна и далеко не исчерпана (ср. единичные опыты Абаева и др.). Заметим, что это лишь одна сторона широких возможностей контакта этимологии с историей и этнографией.

Поскольку в центре нашего обсуждения неизменно мыслятся нужды этимологии восточнославянских языков, целесообразно затронуть вопрос о дополнительных или косвенных ресурсах в реальных условиях сложной лингвистической и этнической ситуации Восточной Европы. Речь идет, например, об учете многообразного вклада языка балтийского населения в говоры восточных славян и в восточнославянскую ономастику в широком смысле слова, почему важно учитывать материалы по балтийским языкам и их этимологии, соответствующую литературу и словари. Далее, имеются в виду исключительно разнообразие контакты со всеми представителями финноугорской семьи языков (лексические связи западно-финских языков с русским изучены хорошо, однако существенные коррективы возможны и здесь, о чем свидетельствует хорошая этимология,

предложенная в последнее время Меркуловой для слова «*пихта*»). Далее, постоянно должны учитываться лексические связи — главным образом русских диалектов — с мордовскими языками, марийским языком, пермскими (удмуртским и коми). Нельзя сказать, чтобы материалы по этим языкам были удобно представлены в доступных изданиях, скорее наоборот. Немалый интерес поэтому вызывает известие о намерении наших финноугроведов выпустить этимологический словарь коми языка. Наличие надежных справочников, облегчающих ориентацию, помогло бы выявить немало находок по этимологии темных пока еще слов. Вопросами связей с обскоугорской группой у нас обстоятельно занимается в последнее время молодой исследователь Матвеев (Свердловск). Что касается контактов с венгерским языком, то более или менее регулярно они имеют место лишь в отношении к украинскому языку, западные диалекты которого содержат ряд венгерских заимствований.

Исключительно важное значение для раскрытия этимологии большого числа слов в славянских, конкретнее — в восточнославянских языках имеет учет разнообразных лексических проникновений из тюркских языков. Эти вопросы пользовались всегда вниманием русских этимологов, тем не менее можно без преувеличения сказать, что мы попросту еще недооцениваем размеры этих влияний и не всегда отдаем себе отчет в том, как много еще предстоит здесь сделать. Наиболее крупная публикация последних лет на эту тему — посмертная статья Дмитриева о тюркских элементах русского словаря («Лексикографический сборник», вып. 3, 1958) — может считаться сразу же устаревшей. Правда, изучение этих проблем сопряжено со значительными объективными трудностями; как известно, лексика самих тюркских языков изучена далеко недостаточно. Больше того, тюркологи сами многого ждут в этом отношении, в частности от изучения восточнославяно-тюркских лексических общений. Удобные справочники и современные этимологические словари по тюркским языкам почти полностью отсутствуют. Но, вероятно, уже в скором будущем положение улучшится, потому что сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР активно работает в течение ряда лет над этимологическим словарем тюркских языков. В нашей печати сообщалось, что готовится также особый этимологический словарь чувашского языка. Можно думать, что русская и в целом славянская этимология пополнится еще не одним десятком достоверных толкований слов, заимствованных из тюркских языков, включая сюда и весьма древние элементы восточнославянского словаря и слова, наименее всего подозревавшиеся ранее в заимствовании из названного источника.

Полезным может оказаться, далее, изучение материалов по лексическим отношениям с североиранскими языками, о чем немало указаний можно почерпнуть из знакомства с осетинской этимологией, которая у нас представлена важными трудами Абаева. «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (т. I, 1958 г.), принадлежащий перу последнего, заслуживает самого пристального внимания всех, кто интересуется этимологией восточнославянских языков, поскольку Абаев привлекает и этимологизирует большое число русских и других диалектных слов. Все мы ждем с нетерпением выхода второго тома этого словаря.

Обрисовав современное состояние славянской этимологии в нашей стране, остановимся коротко на принципах этимологических исследований. При этом вполне логичным представляется изменить преимущественному аспекту настоящего сообщения и отвлечься от конкретных вопросов состояния данной науки у нас. К тому же, например, разработка принципов этимологического исследования на материале славянских языков не привлекала до сих пор внимания наших исследователей. Редкие работы на эту тему построены на материале других языков (ср. А. А. Белец-

кий. «Принципы этимологических исследований», Киев, 1950). Особняком стоит статья Топорова «О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа» (ВЯ, 1960, № 3), представляющая собой первую попытку систематической переформулировки существующих понятий и принципов этимологии в духе структурного языкознания. При всей несомненности научно-теоретического значения этой работы, внимательное знакомство с ней оставляет довольно стойкое впечатление отсутствия существенных противоречий между лучшими из сложившихся в практике этимологизирования принципов, с одной стороны, и формулируемыми в данной работе принципами — с другой, при условии, если конструктивная сущность последних достаточно четко уловима. Таковы — на выбор, без строгий последовательности — принцип сравнения целых совокупностей элементов, а не изолированных единиц; задача определения участия различных компонентов, входящих в различные системы соответствующего отрезка истории языка, в акте образования данного слова вместе с задачей изучения дальнейшего развития слова; вспомогательная задача разработки в каждом отдельном случае возможно более сложной системы проверки (вопросов) с целью устранить или уменьшить субъективный фактор при выборе решений.

Собственно говоря, попытки синтезировать наблюдения над принципами этимологических исследований на материале славянских языков отсутствуют как будто и за рубежом. Мы воздержимся от рассуждений о том, говорит это или не говорит об относительной незрелости славянской этимологии. Важно прежде всего отметить, что ее принципы вполне поддаются формулировке. Во многом существенном это будут, разумеется, некие общие принципы этимологического исследования, приложенные к славянскому материалу.

Едва ли имеются основания утверждать, что в последнее время происходит сокращение исследований по славянской этимологии в целом. Напротив, после войны эта область славянского языкознания развивается весьма успешно. Показательно, что именно за последние годы окончательно сложился такой новый в славянской этимологии вид исследования, как монографический этимологический анализ определенной тематической группы лексики. Кроме того, достаточно интенсивно продолжают развиваться другие формы этимологических исследований, в первую очередь — этимологические словари славянских языков. Концепция этимологического словаря в славянской лингвистике тоже прогрессирует. Быть может, не лишено смысла и такое, казалось бы, внешнее условие, как вопрос о лицах, занимающихся славянской этимологией. Если раньше специализация преимущественно в области этимологии не имела места, а этимологией, как известно, занимались слависты весьма широкого профиля в порядке оформления попутных наблюдений, *пъдегъа*, то сейчас все более обычной, очевидно, будет становиться вполне определенная специализация слависта-этимолога. Необходимость постоянно учитывать материал и развитие других областей языкознания и других наук приобретает при этом особое значение.

По-видимому, и упомянутая четкая специализация этимологии и это второе условие, которое можно формулировать как необходимость, говоря словами одного ученого, «перебросить мосты» между различными областями науки, являются знаменем времени.

Другим положительным фактором развития современной славянской этимологии следует считать апробацию на практике основного инвентаря исследовательских приемов и главных направлений этимологических исследований славянских языков. На вопрос об основном источнике исследовательских возможностей славянской этимологии удобнее ответить, прибегнув к методу исключения. Так, очевидно, сюда не относятся такие

возможности периферийного значения, как апеллирование к субстрату, к экспрессивным фонетическим изменениям, к реалиям и другим моментам внеязыкового порядка, наконец, своеобразное наивное этимологизирование. Корни каждого из этих частных направлений гораздо индивидуальнее и субъективнее, чем иногда думают, и сами эти направления не могут служить достаточным основанием для мрачных прогнозов о судьбах славянской этимологии в целом. То, что, например, Вайяц эволюционировал от традиционной по методу этимологии *дождь* < **dus-diu-s* к этимологическим юморескам типа *котора* 'вражда' < *которати* с *А*, *которыи*, *котерыи*, — это вопрос главным образом творческой эволюции самого ученого. Впрочем, он сам с достаточной свободой откладывает их в сторону, чтобы выступить во всеоружии современной этимологии с ее первоочередным вниманием к словообразовательному оформлению (ср. этимологию *печатль-ти* < **печатль* из тюркского слова с суффиксом -li), чем в немалой степени усложняет труд каждому, кто пожелал бы сделать на основании этих частных фактов вывод об общей эволюции этимологии. Основной, хотя, разумеется, не единственный источник исследовательских возможностей славянской этимологии, ее базу составляют достижения сравнительно-исторического языкознания. Вместе с тем было бы неправильно отворачиваться от пересмотра ряда приемов, направленного на их улучшение.

Сравнительно-историческое языкознание дает славянской этимологии ряд конкретных сведений, подробный перечень которых занял бы здесь слишком много места и опускается поэтому как достаточно широко известный. Можно ограничиться здесь лишь общим замечанием, что эти сведения характеризуют отношения между языками в плане генетического родства и в плане контактов (заимствования) и относятся главным образом к области фонетики и морфологии. Но поскольку этимология не может ограничиться только сведениями грамматического порядка и в значительной мере определяется сведениями из таких областей, занимающих более или менее автономное положение относительно уже названных, как словообразование, лексикология и семасиология, которые в историческом аспекте представляются наименее разработанными, можно думать, что отношение именно к этим разделам наиболее существенно при формулировке принципов современного этимологического исследования. Другими словами, в целом план слова, его словообразовательной структуры и семантической характеристики подчиняет себе грамматический план.

Так, например, взаимоисключающая фонетическая характеристика, согласно которой звука *b* и *m* никогда не вступают в отношение чередования друг с другом в славянском и, напротив, образуют отношение чередования в тюркских языках, целиком принадлежит к сфере славянской или тюркской фонетики. В то же время вопрос о происхождении русских слов явно связанных друг с другом и одновременно содержащих упомянутое чередование согласных (*бусор*, *бусырь*, *бусор*: *мусор*), целиком входит в ведение этимологии, которая допускает для них заимствование из тюркских диалектных вариантов **büsr*/**müsr*- (откуда происходит также *бисер*).

Что касается характера взаимосвязи между изучением словообразования и этимологии, то здесь самостоятельность и особая роль этимологии проявляются особенно убедительно, поскольку этимология в данном случае может выступать в качестве важного источника информации о словообразовательных типах и формантах, функционировавших в предшествующие периоды истории языка. Именно в свете этимологии очевидна ошибочность точки зрения Вайяна о том, что славянское *къ* может выступать только как предлог (из первоначального послелога) и не выступает как приставка, в чем Вайян вслед за Бенвенистом усматривает черту близости с иранскими (согдийскими) фактами. Однако это мнение обладает лишь кажущейся очевидностью, потому что существует значительное количество

этимологически выявляемых случаев как глагольной, так и именной приставки *kъ* [ср. сербо-хорв. *knađiti*, русск. диал. *конозить* (*каназить*), слав. *kъdelъ*, *kъ dьrja*, русск. *ка-и-дёр* и др.]

Еще более интимна связь этимологии с вопросами лексикологии в целом и семасиологией. Для отношений этимологии с последней из названных дисциплин характерна известная форма обратимости: вероятные конкретные наблюдения над переходами значений могут быть использованы как решающая аргументация для этимологических сближений слов при остальных положительных условиях. Опасность порочного круга при этом, по-видимому, практически невелика, поскольку о конкретном характере и направлении семантического перехода можно говорить, когда известны по крайней мере два самостоятельных примера его осуществления на материале различных морфем. В действительности число примеров (а вместе с тем и возможность проверки) бывает нередко гораздо выше. Лексикологический и семасиологический аспекты вылетают в этимологию на каждом шагу и присутствуют при оценке огромного множества ситуаций. Их использование облегчает объяснение ряда фактов внешней, фонетической формы. Такими представляются различные метатезы звуков, вызванные мотивами табу или сходными, вторичные долготы гласных, закрепление различных фонетических вариантов слова за разными значениями и т. д. Вообще, чем менее регулярный характер носит фонетический факт, тем, как правило, значительнее его семантическое наполнение. Сказанное непосредственно подводит нас к одному из важнейших вопросов этимологического исследования. Говоря о принципах этимологического исследования, следует акцентировать, может быть, настойчивее, чем это обычно делалось прежде, необходимость дифференцированного их применения, что опять-таки логически следует из самой природы слов и их оформления и употребления.

Дифференцированное применение принципов этимологического исследования предполагает постоянный учет различной степени обобщенности вскрываемых в слове изменений. Это важно иметь в виду, поскольку неоправданное обобщение более или менее узко локализованных процессов ведет к ошибочности этимологии. Наибольшую степень обобщенности обнаруживают, по-видимому, кардинальные фонетические изменения и соответствия, максимально свободные от семантической нагрузки. Другая противоположность им — семасиологические изменения и соответствия — обладает наименьшей степенью обобщенности, поэтому важные сами по себе для этимологии семасиологические наблюдения тем надежнее, чем они конкретнее. Более общие семасиологические закономерности типа «от конкретного к абстрактному» имеют довольно небольшое практическое значение и решительно проигрывают в сравнении с конкретными наблюдениями, например, «сильный, резкий», «сильно, резко» > «очень»; «рождать (ся)» > названия различных частей тела; «совершать жертвенные возлияния» > «взывать, петь»; «поить» > «паять» и многие другие. Из формальных изменений и соответствий приближаются к семасиологическим по степени обобщенности, по-видимому, те, которые несут большую семантическую нагрузку, о чем уже говорилось выше. Это означает необходимость максимально конкретного, зачастую индивидуального этимологического анализа экспрессивных слов и вместе с тем — ошибочность произвольного обобщения наблюдаемых конкретных случаев на неограниченное число других (таков принципиальный недостаток работ ряда этимологов, главным образом в Чехословакии). Вместе с тем разумное выявление конкретных изменений, заряженных значительной дозой экспрессии, может быть весьма плодотворным как раз при этимологизировании слов ограниченного употребления и, возможно, позднего происхождения. В этом смысле оказывается удачной именно этимология русск. диал., укр. *шкапи*

(также в ряде западнославянских языков), предложенная Махском,— от глагола *скопить*, *оскоплять*, способного, вероятно, давать производные со значением «неповоротливое животное». Что касается изменения *s > sh* (или точнее *sk- > shk-*) и некоторых других, их следует расценивать как локальное выражение экспрессивности и не более.

Можно надеяться, что учет всего комплекса возможных изменений и соответствий и их специфики составит надежную базу для плодотворных этимологических исследований с достаточно высокой объективной ценностью результатов исследования.

В. Н. Топоров

**К ПРОБЛЕМЕ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Сравнение языков, если только оно преследует лингвистические цели и предполагает как итог некоторую, пусть весьма условную классификацию, может строиться на одном из трех принципов — типологическом, генетическом, ареальном. Каждый из них связан с выделением особых единиц сравнения, которые, собственно говоря, и образуют в своей совокупности объект сравнения; по отношению к нему сами сравниваемые языки выступают как нечто значительно более разнообразное и многомерное. Вопрос о том, какой тип сравнения важнее, корректен лишь в том случае, если определена конкретная цель сравнения. Практически, однако, оказывалось, что цель определялась как особо важная и в зависимости от этого преобладал один из типов сравнения, оттеснявший другие типы сравнения в столь подчиненное положение, что о них, по существу, совершенно забывали.

В частности, целесообразные аспекты балто-славянской проблемы, взятой в лингвистическом плане, гораздо шире, многочисленнее и разнороднее, чем обычно принято думать: они охватывают сферы типологического, генетического и пространственного исследования. К сожалению, до сих пор остается наиболее влиятельной тенденция свести все многообразие подходов в названной проблеме к одному вопросу — существовало ли в прошлом балто-славянское языковое единство (соответственно праязык, общность, языковый союз и т. п. в зависимости от исходных методологических основ и внимательности к терминологическим вопросам, присущих разным авторам).

Если учесть особенности развития языкознания XIX — начала XX в., а также факт несомненного генетического родства балтийских и славянских языков, то станет понятным, почему вопрос о генетическом отношении древнейших балтийских и славянских диалектов был и, пожалуй, остается центральным, начиная с работ Шлейхера до нашего времени. Сомнения относятся не к самому вопросу как таковому, а к формулировке его и к оценке возможных при его решении результатов. Основные недостатки современной постановки вопроса о древнейших языковых балто-славянских связях заключаются: во-первых, в органической невозможности хронологического решения проблемы (это зависит от того, что для сравнения выбираются разрозненные факты, для части которых установление относительной хронологии невозможно; что же касается тех фактов, которые — каждый порознь — хронологически локализованы, то они допускают слишком широкие возможности объяснения их при помощи разнообразных относительно-хронологических схем); во-вторых, в отсутствии сколько-нибудь строгих критериев оценки тех или иных фактов,

относящихся к предполагаемой балто-славянской общности (это объясняется рядом обстоятельств, в частности непониманием весьма абстрактного характера этих фактов, когда целесообразнее говорить о некоторой схеме отношений или о лучках, образующихся пересечением отношений, чем о конкретных фактах; игнорированием того обстоятельства, что оценка факта без учета его системных связей в лучшем случае недостаточна, а в худшем — совершенно неправильна; отсутствием отчетливо осознанного понимания зависимости наших построений от средств, имеющихся в нашем распоряжении («непроизвольный» характер выбора единиц генетического сравнения) и, наконец, в-третьих, в излишней конкретности, с которой описывается балто-славянская общность. Прогресс в области изучения древнейших балто-славянских отношений зависит прежде всего от умения правильно сформулировать вопросы, при ответе на которые проблема может считаться решенной. Естественно, что центральные понятия, фигурирующие в этих вопросах, должны быть строго определены, причем введение этих понятий должно решать некоторые вполне конкретные вопросы. Если же эти понятия являются самоцелью и лишены «операционных» свойств, то от них лучше отказаться. В силу сказанного такие вопросы, как «был ли балто-славянский праязык?» (соответственно — единство, общность и т. п.), в их современной форме не могут быть признаны корректными, и поэтому любой ответ на них будет в известной степени лишен строгого смысла. Если оставить в стороне общие правила построения научной теории и постановки проблем, то оказывается, что вопросы, относящиеся к решению интересующей нас в данном случае проблемы, должны быть, по-видимому, сформулированы таким образом, чтобы они имели в виду не конкретные праславянские или общебалтийские диалекты (задача все равно недостижимая), а лишь их модели, понимаемые как условное выражение функциональной зависимости этих построений от конкретно засвидетельствованных исторических данных балтийских и славянских языков; при этом абстрактный характер моделей еще более возрастает, поскольку речь идет, конечно, о схемах наддиалектного типа, предусматривающих дополнительную неопределенность конкретных реализаций некоторых фрагментов моделей. Вероятно, только в таком случае исследование древнейших балто-славянских языковых отношений оказывается «операционным», а сам аспект проблемы — существенно измененным (изучение отношений между моделями). При подобном подходе немигущий прирост в конкретности полученной картины возмещается большей ее строгостью и доказательностью. Помимо этого, такой метод исследования выводит балто-славянскую проблему из опасной изоляции от общей картины отношений между индоевропейскими диалектами. Наконец, тот путь, которым достигается построение древнейших балтийской и славянской моделей (последовательное снятие относительно поздних слоев и углубление в прошлое при помощи приемов внутренней реконструкции), обеспечивает максимально возможную непротиворечивость хронологической картины, поскольку, в частности, речь идет о временном соотношении моделей в целом, а не об относительной хронологии отдельных явлений (к тому же, как правило, исключительно фонетических).

Несомненно, что интересы исследователей, работающих в области изучения древнейших балто-славянских языковых отношений, не могут ограничиться исключительно тем подходом, о котором говорилось до сих пор. В связи с этим представляется необходимым вести исследование и в тех направлениях, где получаемые результаты помогают конкретизировать общую абстрактную картину. В первую очередь здесь имеется в виду серия работ, цель которых — в реальной (пространственной и временной) интерпретации отношений, существующих между древнейшими моделями балтийских и славянских языков. Все возможные аспекты этой интерпретации

сейчас учесть трудно и, может быть, даже едва ли целесообразно. Для начала лучше, видимо, ограничиться несколькими вопросами, сулящими при современном состоянии дел наибольшие перспективы.

Прежде всего речь должна идти об особенностях диалектного дробления балтийской языковой области и о преимущественных связях отдельных диалектных ареалов между собой и с другими индоевропейскими областями. Подобные исследования применительно к балтийским языкам приобретают тем большее значение, что в связи с ними трудно говорить о наличии общепалтийского языка, единого и однородного хотя бы в той мере, как прагерманский, не говоря уж о праславянском. Поэтому в отличие от подавляющего большинства индоевропейских языков понятие «общепалтийский», отнесенное к предполагаемому общему источнику исторически засвидетельствованных балтийских диалектов, не может, видимо, служить единицей отсчета при сравнении, даже если брать ее в довольно условном смысле. Отсюда следует, что в противоположность, например, славянским языкам, где реальными единицами отсчета являются и отдельные диалекты и праславянский язык, реальность которого в известном отношении можно считать особенно важной (так как к праславянскому сводятся все частные славянские диалекты), в балтийских языках при их историческом исследовании единственной реальностью, с которой имеет дело ученый, являются отдельные диалекты. При этом речь идет, конечно, не о всей сумме современных или исторически существовавших балтийских диалектов, а только о тех из них, которые могут рассматриваться как ишварианты при преобразованиях, не сводимые во всей совокупности образующих их черт друг к другу.

Работа по изучению диалектной дифференциации балтийской языковой области, успешно начатая исследованиями Буги, Эндзелина, Траутманна и Геруллеса, к сожалению, не получила продолжения в последнюю четверть XX в., если не считать изолированно стоящих работ Кизнерского (по куршескому языку) и Отрембского (по ятвяжскому языку). Хотя наличие ряда препятствий на пути осуществления подобных исследований несомненно, все же оно не может в полной мере оправдать недостаточность прилагаемых усилий, прежде всего в изучении ныне исчезнувших балтийских диалектов. В этом отношении представило бы существенный интерес выявление характера балтийских диалектов, некогда охватывавших территорию северной Белоруссии, Литвы и отчасти Латвии с запада, юга и востока. Наличие такого «внешнебалтийского» диалектного пояса позволяет, видимо, объяснить отсутствие переходных восточно-балтийско-славянских говоров и известную четкость границы между литовско-латышскими и восточнославянскими говорами, исключая, разумеется, случаи позднейшей интерференции. Следует подчеркнуть, что объяснение отсутствия таких переходных говоров, если оно окажется правильным, имело бы принципиальное значение, поскольку позволило бы отвести обескураживающий аргумент, согласно которому все славянские языки в равной степени близки или далеки балтийским и наоборот — все балтийские языки одинаково отличны от славянских. С другой стороны, изучение балтийских диалектов ныне исчезнувшего «внешнего» пояса обещает важные результаты в решении вопроса о весьма вероятном происхождении общеславянского языка из периферийных диалектов балтийского типа (возможно, это мнение нашло бы известное подтверждение в той зависимости, которая существует между высокой степенью лингвистического разнообразия и ограниченным размером нынешних балтийских территорий, и наоборот — между невысокой степенью лингвистического разнообразия внутри славянских диалектов и огромным размером славянских территорий). В связи с гипотезой о происхождении общеславянского языка из периферийных диалектов балтийского типа вопрос о тесных связях между

прусским и (как предполагают в последнее время) ятвяжским языками и славянскими заслуживает того, чтобы быть рассмотренным снова, на этот раз уже в свете предлагаемого объяснения.

К сожалению, наши сведения об этих периферийных балтийских диалектах крайне скудны, хотя то, что мы о них все-таки знаем, по-видимому, не только подтверждает мысль о преимущественной близости диалектов прусского типа к славянским, но и делает правдоподобным предположение о том, что эта близость производит впечатление первоначальной. Поэтому необходимы дальнейшие усилия в изучении балтийских диалекто-пруско-ятвяжского типа и тех балтийских говоров, которые некогда существовали на русских и белорусских территориях, ограниченных (в общих чертах) Припятью с юга, Сеймом с юго-востока, притоками Оки в пределах Тульской, Калужской и Московской областей на востоке, правыми притоками верхней Волги и бассейном Западной Двины на северо-востоке. Основные источники наших сведений в этой области сводятся, естественно, к гидронимическим и топонимическим фактам. Их число для русских территорий может быть увеличено по крайней мере в несколько раз по сравнению с имеющимся в работах Фасмера и Буги. При этом среди балтийских гидронимов русских территорий оказываются такие убедительные примеры (из неотмеченных до сих пор), как: *Абеста* (ср. лит. *Abista*), *Клевень* (ср. балт. *Klevinas*), *Кубрь*, *Кубарь* (ср. лит. *Каубри*, *Кавбре*), *Мороча* (ср. лит. *Merkys*), *Лекта* (ср. др.-пр. *Likulte*), *Ремистово* (ср. др.-пр. *Ramestow*), *Гейшишка* (ср. др.-пр. *Gezyelawken*, жем. *Гейшишки*), *Ворминка* (ср. др.-пр. *Wormen*), *Ворлинка* (ср. лит. *Varlinis*), *Иадва* (ср. др.-пр. *Nedwe*), *Страбна* (ср. др.-пр. *Stabingen*), *Локна* (ср. лтш. *Lukna*, лит. *Luknė*, др.-пр. *Lockeneun*), *Мордосы* (ср. лит. *Mardosai*), *Жубр* (ср. лит. *Жауберишки*), *Левень* (ср. лит. *Lėvuo*), *Кичета* (ср.-пр. *Keykot*), *Орша* (ср. др.-пр. *Russa*, лит. *Rusvė*), *Пальня* (ср. лит. *Palnė*), *Апелка* (ср. лтш. *Apalis*), *Болва* (ср. лтш. *Bolva*, лит. *Balvis*, др.-пр. *Balowe*), *Бручь* (ср. лит. *Brukis*, лтш. *Brucas*, *Bruči*). При этом для пространственной и временной локализации балто-славянских контактов, а также для выяснения характера и динамики балто-славянских языковых и этнических стыков особое значение имеют случаи калькирования старого балтийского названия при помощи славянских средств. Примеры такого рода существуют, однако достаточно полного их собрания пока нет, о чем приходится пожалеть. Особый вес при решении вопроса о конкретных формах балто-славянских языковых взаимоотношений следует придавать тем уникальным случаям тройного калькирования названий, которые дают еще одну вежу для дальнейшего уточнения реальных деталей языковых связей. Речь идет о таких случаях, как *Лисичка* (название реки в бассейне Сейма) с притоком *Лопанка* (от балт. названия лисы) при варианте *Лисичка-Ропша* (последнее — от иранского названия лисы); или несколько иной случай — два варианта названия одной и той же реки: *Хартислова* и *Серцысловка*; в первом примере речь идет об ирано-славянском калькировании (ср. иранск. *har* — течь, слав. *slov* — также от корня со значением *течь*), во втором примере — о балто-славянском калькировании (ср. балт. корень *ser-*, *sert-* в ряде водных названий и названный славянский корень со значением). Доказательная сила такого рода примеров очень велика, и тем печальнее, что ни один из них не вошел пока в научный обиход.

Не менее нужной оказывается задача гидронимической стратификации предполагаемых балтийских территорий. Очевидно, что для решения этой задачи следовало бы, во-первых, по возможности полно собрать все гидронимические суффиксы балтийского происхождения на русских территориях; во-вторых, установить сферы распространения тех из суффиксов, которые встречаются неоднократно (ср. *-ва* из *-ива*; *-еса/-оса* из *-еса/-аса*, *-ита*, *-ета*, *-ея*, *-га* и др.); в-третьих, учесть замкнутые локальные группы

гидронимии и общие гидропимические изоглоссы (ср. ареалы следов балт. *upė/ape* — река и *da* из **udā* — вода и др.). На материале подобного рода можно, видимо, уже в ближайшее время поставить вопрос о реконструкции некоторых существенных черт фонетики, словообразования и лексики, собственных вымершим балтийским диалектам этих территорий. К сожалению, определение степени и характера специфичности балтийской гидронимии к югу и востоку от Прибалтики встречает существенное препятствие, поскольку в области изучения гидропимии Литвы, Латвии и северной Белоруссии сделано явно недостаточно.

Несомненно, что исследования в области балтийских лексических заимствований в русской диалектной лексике дополнят и конкретизируют общую картину балто-славянских отношений. Хотя такая работа, по существу никогда не велась, в нашем распоряжении имеется уже много десятков достоверных примеров балтийских заимствований, относящихся к таким важным пластам лексики, как обозначение частей ландшафта, хозяйственных сооружений, утвари, посуды, разных видов пищи, экспрессивная лексика и даже демонология (ср. *аруд*, *баланда*, *валандаться*, *венгерь*, *витина*, *деготь*, *дякло*, *ендова*, *клуня*, *ковш*, *курпы*, *лаума*, *пакля*, *пелед*, *путра*, *рупить*, *скирд*, *твань*, *горпа*, *тюря*, *шакала*, *шкубунять*, *шуло*, *шурпа*, а также ряд других слов). Собрание и изучение подобных фактов было бы в равной степени поучительно для исследования вымерших балтийских диалектов и определения балтийского вклада в восточнорусские говоры. Можно думать, что перспективным окажется не только исследование лексического материала. В частности, пора серьезно поставить вопрос о генезисе южновеликорусских и белорусских диалектов с их аканьем. Впрочем, в качестве предварительного этапа следовало бы попытаться на основе всего имеющегося по этому вопросу материала произвести внутреннюю реконструкцию типов аканья и снять все то, что возникло несомненно на русской почве; получившаяся в результате этого картина могла бы быть сопоставлена с фрагментом той системы гласных в балтийских языках, когда в ней в ряде случаев было нейтрализовано противопоставление *a : o*, а некоторые особенности вокализма (*é : ē* при *ei > ie*) напоминали соответствующие черты восточнославянского развития. Как бы ни обстояло дело с аканьем в плане его возникновения, обращает на себя внимание, что восточная граница распространения балтов в общих чертах совпадает с западной границей сильного яканья (в основном 38—39° восточной долготы).

Понятно, что изучение балтийского вклада в язык и быт восточных славян предполагает, помимо уже перечисленного, исследование общих мотивов в фольклоре (в частности, в сказке), в особенностях обрядовых и религиозных представлений (прежде всего в демонологии). Было бы целесообразно, чтобы вокруг решения этих задач объединились усилия диалектологов, специалистов в области топонимии, этнографов, фольклористов, краеведов. При правильном выборе объекта исследования или собрания мог бы оказаться полезным труд работников не только разных специальностей, но и разной научной квалификации. Пожалуй, из всех возможных аспектов балто-славянской проблемы именно этот представляется наиболее целесообразным у нас для довольно широкого круга научных работников. Однако, ведя исследования в этом направлении, следует, конечно, помнить, что в центре внимания становится проблема симбиоза части балтов с частью восточных славян и их двуязычия (по крайней мере для первоначально балтоязычного населения русских территорий) в относительно позднее время — вплоть до начала II тысячелетия н. э. Характер складывавшихся здесь отношений и детали процесса усвоения балтийских элементов и их «славянизации», важные сами по себе, имеют лишь косвенную связь с вопросом о древнейшем соотношении балтийских и славянских

языков. Видимо, несколько большую связь с этим вопросом имело бы детальное изучение гидронимии Сувалкии, Великопольши, Куявского края. Вармии, а отчасти в связи с поисками балтийских следов к западу от Вислы (ср. *L. Kilian. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel.*— «Altpreussen», II, 1939/40; *H. Krahe. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel.*— «Altpreussen», III, 1943)— и Кодевья и Хелминско-Добжинского края. Однако вести исследование в этой области должны, разумеется, прежде всего польские ученые (ср., в частности, работу в этом направлении, начатую Отрембским).

Очерченный выше круг вопросов ставит целью выявление диалектной дифференциации балтийской территории, что важно и само по себе и как предварительное условие углубленных балто-славянских исследований. С другой стороны, первостепенное значение для реальной интерпретации балто-славянских связей древнейшей поры имеет изучение типично балтийских изоглосс за пределами областей, для которых можно предполагать балтоязычное население. Здесь в первую очередь следует иметь в виду чрезвычайно важный вопрос о связи балтийской гидронимии с центрально-европейской на фоне более изолированной славянской гидронимии. Суживая исследования в этой области, следовало бы прежде всего обратить внимание на тот бесспорный гидронимический континуум, который связывает балтийские территории Прибалтики (но, видимо, не ныне восточнославянские земли!) с Паннонией, Балканами и Адриатикой (ср. балтийские названия с корнем *Nar-* при иллир. *Nárov*, лит. *Skardupis* — иллир. *Scardua*, *Scardona*, лит. *Plavys* — иллир. *Plavis*, прусск. *Ramestow* — иллир. *Ramista* (по и *Ремистово* по Сожи) и ряд других не менее убедительных совпадений, отмеченных в работах Каспарсона, Алессо, Шокрнго и особенно, конечно, Краэ (см., в частности, *H. Krahe. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria.*— «Abhandl. d. Geistes- und Sozialwiss. Klasse». 1957, N 3. Mainz). Значение этого факта тем больше, что он подкрепляется некоторыми поразительными совпадениями в лексике, между балтийскими языками и древними диалектами перечисленных территорий к югу, а также в словообразовании, фонетике и морфологии. Отдельные следы общих представлений из области мифологии не менее поучительны.

Пространственно-временная интерпретация соотношения древнейших балтийской и славянской моделей была бы существенным образом облегчена и при другом условии, а именно, если бы нам была известна картина диалектного дробления славянской территории в ее древнейшем виде. В частности, некоторые важные лексические (реже — фонетические) совпадения между поморскими говорами и южнославянскими языками, с одной стороны, и последними и балтийскими языками в целом (ср. наблюдения В. М. Иллича-Свитыча), с другой, — внушают мысль, отвергавшуюся раньше с порога, о разной степени близости отдельных славянских диалектов к балтийским. Если дальнейшие исследования подтвердят эту мысль, то откроется перспектива воссоздания картины, изображающей относительно конкретно континуум балтийских и «балтообразных» диалектов, постепенно переходящих в славянские. Такой ход развития балтийских диалектов и возникновения славянских хорошо согласовывался бы с отмеченной выше непрерывностью балто-балканского гидронимического пояса, с наличием уникальных лексических и семантических изоглосс, ср. лит. *dainā* — рум. *doina*, песня, этн. *koks* — рум. *copac* дерево, балт. *Laumo, Laumė* — венетск. *Louzera* (и то и другое к **loudh-*), этн. *acis mazgāt* при аналогичном выражении в балканских языках (ср. рум. *a se spăle pe ochi*) со значением мыть лицо (собственно глаза) и ряд других совпадений.

Помимо работ, которые связаны с изучением отношения друг к другу

древнейших балтийских и славянских диалектов, с интерпретацией их в с процессом более позднего симбиоза балтийских и славянских племен, бесспорный интерес представит исследование любого конкретного вопроса из области фонетики, морфологии, словообразования, лексики, топонимстики, синтаксиса, построенное на использовании балтийских и славянских данных. Значение таких исследований, разумеется, как в том, что именно они доставляют в конечном счете материал, из которого по особым правилам строятся абстрактные модели (балтийская и славянская), так и в том, что они делают наглядной реконструкцию отдельных (но не более) фрагментов из истории балто-славянских языковых отношений. Работы такого рода по понятным причинам не могут претендовать на решение балто-славянской проблемы в целом или хотя бы одного из ее основных аспектов; зато только с помощью таких работ возможно увеличение наших знаний и отбор тех отношений, которые, собственно говоря, и составляют древнейшие модели. Всякая инициатива в этой области, особенно со стороны специалистов по балтийскому языкознанию, была бы весьма желательной, поскольку чаще всего исследователь испытывает недостаток именно в балтийских фактах. Естественно, что далеко не все из этих фактов могут быть собраны и исследованы в ближайшее время; нужно думать, что работу целесообразно начинать с относительно простых заданий (например, сбор и классификация по формантам балтийской гидронимии, изучение балтийских лексических изоглоссов, составление диалектных словарей, каталогизация фонологических описаний балтийских говоров с включением просодических подсистем, выделение частных семантических «полей» и определение в их пределах основных связей и т. п.).

Наконец, еще один существенный аспект балто-славянской проблемы достоин пристального внимания лингвистов. Речь идет об изучении довольно значительной области на стыке балтийского, славянского (а в ряде случаев и финского) миров, в которой проявляются черты, характерные для «языкового союза». Кое-что из этих типологически сходных особенностей можно назвать уже сейчас: конструкция инфинитив с именительным падежом в качестве объекта (ср. русск. диалект. *надо печка топить*, лит. *reikia krosnis kurinti*, лтш. *jākurina krasns*, финск. *pitää lämmitää uuni*), употребление особых перфектных форм из причастий, некоторые особенности падежного синтаксиса, ряд общих фонологических оппозиций (в частности, сглатение в известных условиях противопоставления двух рядов — шипящих и свистящих согласных), не говоря уж о довольно значительном количестве типологически одинаковых или сходных фразеологизмов. К сожалению, в этой области практически ничего не сделано и приходится оперировать лишь теми фактами, которые лежат на поверхности. Собрание и каталогизация их не составила бы слишком большого труда и, нужно думать, такая предварительная работа могла бы быть начата сразу. В связи с изучением этого аспекта балто-славянских связей уместно поставить вопрос о создании особого лингвистического атласа, задачи которого, впрочем, не исчерпывались бы намеченным выше планом. Составление особого лингвистического атласа для этих территорий (причем он, конечно, не должен быть суммой частных атласов) или же расширение общеславянского атласа за счет картографирования ряда явлений, продолжающихся и на балтийской территории, оказало бы серьезную помощь в решении этой проблемы, в которой интересы специалистов по балтийскому и славянскому языкознанию ближе всего сходятся с интересами лингвиста, занимающегося общетеоретическими вопросами, в частности проблемой лингвистической интерференции на разных уровнях. Изучение диалектов на стыке литовской и латышской языковой области, с одной стороны, и белорусской, русской и отчасти польской, с другой — доставляет необычайно благоприятные возможности для решения этой проблемы.

Представляется заманчивым показать схождение типологических моделей пограничных балтийских и славянских диалектов, причем эти модели накладываются на генетически весьма близкий материал.

Несомненно, что типологическое подобие влечет за собой и определенное выравнивание некоторых фактов уже в чисто материальном плане, приводящее к неразличению случаев такого рода с генетически тождественными случаями. Естественно, что в этой языковой ситуации отношение балтийского и славянского компонентов может быть представлено в виде двух пересекающихся множеств, общая часть которых одинакова и материально и типологически (естественно, что, исследуя факты, принадлежащие этой общей части, мы, строго говоря, обычно лишены возможности проводить различие между балтийскими и славянскими диалектами). Что же касается остающихся после исключения общей части элементов множеств, то между ними существуют довольно простые правила перехода (или пересчета) от одной системы к другой. Определение этих правил относительно несложно, причем наличие аутентичных текстов на балтийских и славянских диалектах этой пограничной зоны (например, те, что приведены в книге Арумаа) позволяет выявить эти правила пересчета не только в системе, но и проверить их во всей конкретности на тексте.

Более сложно, хотя в принципе для ряда случаев возможно, построение таких правил и применительно к лингвистическому контакту балтов и восточных славян на русских территориях. Изображенная здесь языковая ситуация, участниками которой являются балтийские и славянские диалекты, должна быть признана почти уникальной, поскольку исчерпывающая расшифровка ее требует одновременного сравнения, исходя из генетического, типологического и ареального принципов. Поэтому и специалист по общему языкознанию, разделяющий интересы Гринберга и Вайнрайха, найдет здесь немало поучительных фактов.

М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал,
В. Н. Топоров

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В языкознании принято обычно различать три типа сравнения языковых фактов — генетическое, ареальное и типологическое, отличающиеся друг от друга как выбором объектов сравнения, так и целями сравнения, определяющимися, впрочем, уже выбором сравниваемых объектов. Считается, что каждый из перечисленных видов сравнения имеет свою область и основывается на специфических критериях подобия. Хотя в принципе осознавалось, что генетическое, ареальное и типологическое сравнения не являются взаимоисключающими в том смысле, что можно типологически сопоставлять родственные языки или исследовать их в плане ареального сравнения, определяя влияние одного языка на другой, тем не менее наблюдалась тенденция излишне четко разграничивать сферы приложения каждого из трех типов сравнения. В тех случаях, когда все-таки делаются попытки распространить генетическое сравнение за пределы языков, признаваемых родственными, обычно исходят из того, что в будущем возникнет возможность признать эти языки родственными; или же — что на стыке двух неродственных в языковом отношении ареалов существуют явления лингвистического «осмоса», приводящие к возникновению условий, допускающих генетическое сравнение; или же, наконец, — что речь идет о простой случайности, когда в неродственных языках совпадают в семантическом отношении формально сходные слова. Прежнее понимание соотношения трех типов сравнения как независимых и, если угодно, равноценных не может быть сейчас признано правильным. В согласии с общим направлением развития современного теоретического языкознания оказалось возможным (хотя этот факт не всегда еще осознается) включить, по крайней мере в общем виде, сравнительно-историческое языкознание со свойственным ему генетическим сравнением в виде фрагмента в более всеобъемлющую картину отношений различных языковых систем, основанную на типологическом подходе (об этом см. ниже); точно так же становится очевидным, что приемы ареального сравнения получают более удовлетворительное объяснение при том условии, что они включаются в более общую теорию отношения двух или нескольких систем, намеченную в работах У. Вайпрайха; естественно, что эта теория основывается также на типологическом подходе. Уже эти обстоятельства, не говоря о ряде других, делают заслуживающим внимания предположение об универсальном характере типологических сравнений в отличие от ограниченных по сфере приложения и частных по характеру генетического и ареального подходов.

В чем же проявляется универсальность типологического подхода по сравнению с ограниченностью генетического и ареального? Во-первых, типологический подход к языковым явлениям произволен в том отношении, что исследователь каждый раз сам определяет критерии сравнения и может осуществлять сравнение, исходя из любого первоначального выбора; в отличие от этого при генетическом сравнении выбор критериев строго ограничен и поэтому произволен. Во-вторых, возможности типологического сравнения гораздо шире, поскольку в основу сравнения может лечь любой факт или любое отношение фактов в данном языке, в отличие от генетического сравнения, при котором сравниваемые факты в совокупности составляют число, заведомо меньшее, чем общее количество фактов этого языка. В-третьих, при типологическом сравнении исключается фактор времени, непременно присутствующий в любом сравнительно-историческом исследовании; такое исключение времени, естественно, увеличивает возможности сравнения.

Необходимые предпосылки для возобновления в широком масштабе типологических исследований были созданы вне традиционной типологии, которая так и не вышла за пределы задач так называемой «морфологической» классификации или сопоставления изолированных элементов без учета их места в соответствующих системах. Возможно, что именно критика в адрес современного состояния типологических исследований лучше всего раскрывает, откуда возникают импульсы, стимулирующие дальнейшее развитие лингвистической типологии. Достаточно указать на последнюю работу Бэйзела, в которой справедливо отмечается, что основные трудности в области типологии связаны с тем, что язык не гомогенен, а представляет собой ряды перекрывающихся друг друга систем (sets of overlapping systems); что существуют случаи, допускающие неоднозначную классификацию или сегментацию и т. п. Несомненно, что теперешний интерес к типологии связан самым непосредственным образом с успехами структурного языкознания в его стремлении к созданию общей теории языка.

Несколько меньшее, но принципиально аналогичное значение для оживления типологических исследований имели практические достижения в области сравнительно-исторического языкознания. Исследования по установлению относительной хронологии языковых явлений не могли не привести к хронологической стратификации изучаемых языков, причем оказалось возможным рассматривать каждый из получившихся срезов как своего рода совокупность фактов, образующих систему. Наличие отдельных фактов, не укладывающихся в систему, было со временем использовано с целью углубления возможностей реконструкции таким образом, что, опираясь на подобные исключения, исследователь воссоздавал не отдельные факты, а целые системы (метод «внутренней» реконструкции). На этом этапе сравнительно-историческое языкознание как бы «подключалось» к проблематике структурной лингвистики, и через нее открывался путь к типологическим исследованиям. Не следует, однако, забывать и тех работ, где типологические сравнения выступают в качестве средства доказательства той или иной реконструкции или даже ее углубления, причем структурные соображения могут вовсе отсутствовать.

Наконец, одним из наиболее мощных стимулов к развитию типологических исследований следует считать работу в области машинного перевода (МП). Дело в том, что работа по осуществлению МП с одного языка на другой предполагает сопоставительные исследования двух или более языков. При этом в отличие от начальных опытов, когда пытались сопоставлять отдельные единицы, в частности словоформы, в настоящее время преимущественное внимание в МП направлено на сопоставительное изучение синтаксического и морфологического уровней, что уже само по себе

может рассматриваться как структурно-типологическая задача. Следующий этап исследования — построение алгоритма перехода от одного языка к другому — по существу уже выходит за рамки частных типологических штудий, представляя собой фрагмент универсальной типологической схемы, которую можно будет считать построенной, как только в нашем распоряжении окажутся алгоритмы всех возможных переходов от одного известного языка к любому другому в синхроническом и в диахроническом планах. Если говорить о дальнейшем возможном вкладе МП в общую теорию структурной типологии и в разработку конкретных проблем, то заслуживают быть отмеченными две тенденции в области МП: с одной стороны, попытки свести описания конкретных языков к единой системе поддержательного плана, в то время как обычно сопоставление языковых структур в МП осуществляется на основе формальных критериев; с другой стороны — стремление расширенно толковать понятие слова в языке-посреднике, когда, например, под словом понимается не только множество эквивалентных друг другу при переводе слов и фразеологических сочетаний различных языков, но и множество эквивалентных показателей грамматических и лексических значений и множество эквивалентных показателей неграмматических словообразовательных значений различных языков. Несомненно, что структурная типология языков, описываемых в виде абстрактных алгоритмов, и практически и в области общих идей в дальнейшем будет тесно связана с успехами в области МП.

Встает вопрос — каким условиям должно удовлетворить типологическое исследование, чтобы не противоречить основным идеям и результатам структурного языкознания? По-видимому, прежде всего необходимо, чтобы понятие лингвистического типа, возникающее в процессе типологического исследования, соответствовало бы тому усложненному и усовершенствованному пониманию типа, которое сложилось в современной логике. Речь идет о переходе от старого «классификаторского» принципа определения научных понятий (в частности, типа) к новому принципу «ступенчатого» (*abstufbar*) образования этих понятий. Последний заключается в том, что данное явление (например, тип) описывается не просто классификационно, но указывается его место в «признаковом пространстве». Каждое измерение которого определяется градацией одного из признаков. Такой подход делает возможным строгое описание типов с расплывчатыми границами и разного рода переходных образований, поскольку он предполагает системный взгляд и позволяет ввести топологические методы исследования там, где ранее использовались (и то не всегда) исключительно метрические.

Описанным выше требованиям в настоящее время лучше всего удовлетворяют те типологические исследования, в основу которых кладется *сравнение систем*, а не отдельных черт или даже отношений между двумя или более языковыми элементами. Центральное положение, которое занимает в современной типологии сравнение систем, помимо ряда общих соображений, явствует и из того факта, что типология имеет дело с изоморфизмом, который не предполагает с обязательностью учета факторов времени и пространства, часто препятствующих разграничению систем (ср. трудности такого рода в историческом языкознании и в диалектологии).

Однако в речи, в тексте система не дана с наглядной конкретностью, из чего как раз и следует малая целесообразность типологического сравнения текстов, если только они не подверглись предварительной обработке. Если целью типологии является сравнение типологических систем, то прежде всего необходимо произвести ряд операций, которые позволили бы перейти от текста к системе. Поэтому необходимым условием типологического исследования нужно считать наличие предварительных описаний сравниваемых языков, причем эти описания должны быть сделаны таким

образом, чтобы их можно было сравнивать. *Сравнимость* следует видеть прежде всего в одинаковости вопросной процедуры применительно к каждому языку. Одинаковость употребляемой лингвистической терминологии, отражающая одинаковость элементарных структурных единиц всех языков (фонема, морфема и т. п.), естественно, способствует сравнимости описываемых с помощью этих универсальных единиц систем. Наконец, изоморфный характер описаний различных языков основывается на том, что все языки имеют одинаковый «субстрат» — окружающую нас действительность — и одинаковую прагматическую направленность — быть средством коммуникации в первую очередь. Различия между языковыми системами начинаются там, где выступают разные способы сегментации внеязыковой действительности с помощью языковых средств, индивидуально специфичных для каждого языка.

Знание того, что позволяет нам сравнивать различные языковые системы в типологическом плане, одновременно подсказывает и методы построения этих систем, выступающих в качестве абстрактных моделей сконструированных исследователем. При этом под моделью в лингвистике следует понимать любое непротиворечивое описание системы языка или фрагмента этой системы, основывающееся на строго выделяемой системе неопределяемых понятий, через которые определяются все остальные, и содержащее правила сочетания этих понятий друг с другом и правила перехода с одного уровня языка на другой.

Естественно, что при типологическом сравнении целесообразно иметь дело с такими языковыми моделями, которые с достаточной и при этом примерно с одинаковой степенью точности отражают соответствующие языки. В связи с этим возникает вопрос об определении степени удовлетворительности данной модели. Помимо общелогических критериев строгости, внутренней непротиворечивости, экономности (или, говоря в более общем виде, — простоты), для проверки того факта, насколько построенные модели соответствуют тому, что имеется в речи, представляется необходимым произвести статистическую проверку. Такая проверка тем более важна, что язык, видимо, представляет собой гетерогенную систему, включающую различные подсистемы, существование которых обусловлено различными условиями функционирования языка; при этих условиях ряд статистических закономерностей окажется действительным в пределах частных подсистем. То же в еще большей степени относится и к исследованию текста, который может быть однородным в отношении употребления единиц одного уровня и неоднородным, причем каждый раз по-разному, в отношении употребления единиц других уровней. В частности, особенно нужной оказывается статистическая проверка на морфологическом или синтаксическом уровнях, поскольку здесь количество фигурирующих единиц значительно больше и правила их сочетания сложнее, чем, например, на фонологическом уровне.

Построив на основании текста модель данного языка и проверив степень ее соответствия реальным языковым фактам, с одной стороны, и степень изоморфности с моделями иных языков, с другой стороны, исследователь получает в свое распоряжение материал для типологического сравнения. Поскольку подобное сравнение моделей должно осуществляться по сопоставимым характеристикам, обусловленным структурой данных моделей, целесообразно сначала определить языковое «пространство» каждого исследуемого языка, которое очерчивается кругом возможных в данном языке реализаций наличных лингвистических единиц в соответствии с правилами их сочетания. Языковое «пространство» каждого языка составляет лишь некоторую небольшую часть всего того «пространства», которое могло бы быть очерчено, если бы не существовали дистрибуционные ограничения. Очертив языковое «пространство» каждого языка, следует перей-

ти к описанию связей в нем между лингвистическими единицами, выделяя различные виды зависимости между элементами (например, если существует *a*, существует и *b*; если существует *a*, то *b* отсутствует; если *a* отсутствует, отсутствует и *b*, причем эти правила должны формулироваться и в терминах вероятности: если существует *a*, то с такой-то вероятностью существует и *b* и т. д.). Таким образом, типологическое исследование позволяет вскрыть определенные правила импликации тех или иных элементов, отражающие детерминированность в строении системы и вероятностный характер импликаций.

Особый круг проблем возникает при попытке построить структурную типологию языков в диахроническом плане. В обычных генетических (а не типологических) исследованиях структурного типа диахронические проблемы, как правило, сводятся к серии синхронических задач. Такой путь, несомненно, перспективен, хотя при этом остается в тени один из самых важных для науки о языке вопросов, — как осуществляется переход во времени от одной системы к другой. Нам кажется, что ответ на этот вопрос, важность которого осознается все более и более, в будущем следует ожидать от исследований в области диахронической типологии языков. Возможность построения диахронической структурной типологии объясняется некоторыми общими особенностями функционирования языка во времени. Дело в том, что язык как средство передачи информации должен отвечать двум условиям: во-первых, сохранять уже имеющуюся ценную информацию во времени, стремясь к панхроническому существованию, и, во-вторых, обладать известными ресурсами для передачи совершенно новой информации, изменяясь во времени. И то и другое достигается в языке тем, что в нем имеется узкая малоподвижная система максимально стандартизованных единиц и широкая, очень подвижная система, надстроенная над первой системой. С помощью этой подвижной системы дается описание новых ситуаций и новое описание старых ситуаций. Вследствие этого в системе языка постоянны изменения, которые, если не превосходят определенный диапазон, остаются в пределах данной системы; если же они переходят заданный системой порог, то образуется другое состояние той же системы. В таком случае можно говорить о соотношении исходной системы и системы-преобразования (в кибернетическом смысле) этой исходной системы. Было бы желательным построить для каждого языка возможно более длинную цепочку преобразований системы с тем, чтобы затем, установив принципы диахронической импликации (по аналогии со сказанным выше для синхронии), *вывести вероятностные типы преобразований* языковых систем во времени. Исследования такого рода, осуществляемые на уровне моделей и с применением топологических методов, могли бы открыть совершенно новый аспект в структурной типологии — типологию изменяющихся систем. Как ни сложен этот путь, он, видимо, является кратчайшим в решении задач, выдвигаемых структурной диахронией, в частности, сравнительно-историческим языкознанием.

Очерченный выше круг проблем структурной типологии никогда еще не был, строго говоря, предметом конкретных исследований, и в этом смысле вышеизложенное скорее показывает, какой должна быть структурная типология, чем ее современное состояние. Разница между задачами структурной типологии и тем, что достигнуто в конкретных работах, поможет, видимо, выявить наиболее отстающие участки типологических исследований и практически наметить основные направления в разработке структурной типологии славянских языков.

Вне всяких сомнений, что именно И. А. Бодуэн де Куртене еще в 70-х годах прошлого века впервые в славянском языкознании выдвинул и даже довольно конкретно развил идею типологического сравнения в связи с морфологической классификацией языков. Хотя в целом бодуэновская

типология не может быть названа структурной, в ней содержится (иногда в скрытом виде) немало предпосылок, которые — не будь они забыты последующими исследователями — привели бы к созданию структурной типологии намного раньше, чем это произошло в действительности. Бодуэна де Куртене интересовало не только то, как и с помощью каких средств слоги объединяются в слово (способы присоединения морфем, ударение, гармония гласных, чередование гласных и т. п.), но и гораздо более общие вопросы — связь морфологической классификации с различиями в хозяйственном укладе и исторических тенденциях; отношение морфологической классификации к генетической; основы (в смысле выбора исходных элементов) морфологической типологии и т. д. В работах, посвященных сравнительной или сопоставительной грамматике славянских языков, Бодуэн де Куртене нередко начинает с типологического сравнения графических систем (или в его терминологии — «писанно-зрительных элементов»), подчеркивая не только разный исторический путь, пройденный этими системами, но и определяя степень совпадения и несовпадения букв славянской латиницы и кириллицы. По такому же принципу строится сравнение «произносительно-слуховых языков», при котором постоянно указываются взаимные соответствия звуков и случаи нарушения этих соответствий. Привлекая статистические методы, Бодуэн де Куртене предлагает определить вероятность появления тех или иных гласных в отдельных славянских языках. Он же обращает внимание на важную, хотя и неточно им сформулированную, константу типологии фонетических процессов, а именно — на обратное отношение между суммой работы в полости рта и в гортани (ср. сопоставление в этом плане польского языка с обилием артикуляций в ротовой полости и сербо-хорватского с подчеркнутой ролью участия гортани в произнесении звуков). В плане дальнейшего развития языкознания поучительна попытка Бодуэна де Куртене дать нечто вроде типологии форм вежливости и почтения в отдельных славянских языках, а также исследование таких соотношений, как: русск. *он выше, она выше, оно выше* при польск. *on jest wyższy, ona jest wyższa, ono jest wyższe* и т. п. Но наибольшим вкладом в типологию славянских языков было предложенное еще в XIX в. классификационное деление их в зависимости от отношения долготы и краткости к характеру ударения на пять групп: 1) подвижное ударение — противопоставления долгих и кратких гласных (сербо-хорватский), 2) подвижное ударение — противопоставление долгих и кратких гласных только в ударных слогах (некоторые говоры словенского языка, в частности резьянские), 3) подвижное ударение — отсутствие противопоставления по долготе — краткости (русский, болгарский), 4) отсутствие подвижного ударения — противопоставление долгих и кратких гласных (чешский, словацкий), 5) наличие антропофонического (а не морфологического) ударения — отсутствие противопоставления долгих и кратких гласных (польский, кашубский, полабский, сербо-лужицкий). Не случайно, что уже в наше время усовершенствованная схема Бодуэна де Куртене послужила солидным основанием для фонологической типологии славянских языков. Уже в конце своей жизни Бодуэном де Куртене была подчеркнута первостепенная важность группировки славянских диалектов в соответствии с их синхроническими особенностями; внимание обращалось уже не только на фонетические различия, но и на те грамматические расхождения, которые образуют изоглоссы.

Можно смело утверждать, что работы Бодуэна де Куртене и тех лингвистов, которые продолжали его линию, более всего приближаются к требованиям, предъявляемым структурной типологии сегодня. В этой связи необходимо упомянуть схему Р. О. Якобсона, четко формулирующую отношение между музыкальными корреляциями и корреляцией согласных по твердости — мягкости в славянских языках: I зона триумфа музыкальных

корреляций — отсутствие корреляции по твердости — мягкости, II зона усвоения корреляции по твердости — мягкости, которая в свою очередь делится на две части: а) где музыкальные корреляции отсутствуют совсем, б) где они сохраняются в виде отдельных следов (болгарский, украинский). Еще более подробную разработку фонологическая типология славянских языков получила в докладе Э. Станкевича на последнем съезде славистов. Применение анализа по дифференциальным элементам («distinctive features») позволило очень четко и последовательно описать общие черты, присущие всем славянским языкам, и те точки лингвистического континуума, состоящего из постепенно варьирующихся фонологических схем, в которых такая схема превращается в самостоятельный тип фонологической системы. Станкевич учитывает в своей фонологической типологии не отдельные фрагменты из системы гласных (как, например, противопоставление долгих — кратких у Бодуэна де Куртене) или согласных (ср. корреляцию по твердости — мягкости у Якобсона), а системы гласных, согласных и просодических свойств в целом, что придает исследованию более универсальный характер. Поэтому и выводы оказываются связаны с большим числом различных фактов. В этом отношении показательна классификация славянских языков с учетом фонологической палатализации согласных в сравнении с аналогичной классификацией у Якобсона; у Станкевича она оказывается более объемной и теснее связанной с системными различиями. Разумеется, можно бы было выбрать и иные единицы для типологического сравнения фонологических систем, что привело бы к иной классификации славянских языков. Тем не менее, исследование американского лингвиста представляет собой пока наиболее совершенный фрагмент структурной типологии славянских языков.

Другие попытки типологического исследования славянских языков, сохраняя свое значение в связи с частными целями, строго говоря, не являются вкладом в структурную типологию, хотя иногда и могут быть переформулированы в терминах, характеризующих систему. Из таких попыток более значительной представляется предпринятая А. В. Исаченко в 1939 г. и нашедшая ряд продолжений, в частности и в славистике. Суть работы Исаченко заключается в классификации славянских языков в связи с количественным отношением гласных и согласных в системе (такого же рода исследования могут быть ориентированы и на текст, — *pragmatic quantitative statement*, по Гринбергу). Результатом наблюдений было установление четырех основных типов славянских языков, которые характеризуются различиями в указанном выше отношении; оказалось, что крайние полюса занимают «консонантическая» система польского языка (35 согласных — 5 гласных) и «вокалическая» система сербо-хорватского языка (20 согласных — 24 гласных). Помимо уже сделанных в печати критических замечаний по поводу статьи Исаченко, можно добавить еще некоторые; их суть сводится к тому, что, если отношение числа гласных и согласных и содержит некоторую информацию о системе, то она оказывается весьма ограниченной и к тому же нуждается в интерпретации и, видимо, в привлечении некоторых дополнительных данных для того, чтобы полностью извлечь эту информацию о системе; совершенно очевидно, что при наличии огромного числа языков и диалектов, измеряющегося тысячами, и при весьма ограниченном количестве фонем, свойственных каждому языку (в среднем от двух до пяти десятков), будет весьма много случаев совпадения указанного коэффициента, чтобы считать его достаточным различительным признаком. Лишь отчасти исправляет положение предложенный И. Крамским отдельный подсчет отношения согласных и гласных в тексте и в системе («инвентарь»), произведенный им для согласных восьми языков (в частности, для чешского и словацкого). Тем не менее следует считать ценными такие наблюдения, как, например, то,

что процент гласных фонем связанного текста должен быть ниже, чем в системе; эта закономерность окажется полезной для построения алгоритма перехода от текста к системе и обратно.

Несколько иной вид приобретают типологические исследования славянских языков, выходящие за пределы фонологии. Однако в некоторых таких работах ощущается стремление перенести мысль о зависимости между фонологическими единицами (гласные и согласные) на морфологический уровень. Так, указывалось, что потеря вспомогательного глагола в русском языке привела к сокращению глагольной системы, что русский язык обладает наиболее обширной падежной системой; напротив, в болгарском языке при максимальном сужении системы словоизменения в имени глагол сохраняет все богатство форм. Менее поучительными с точки зрения требований структурной типологии следует считать как раз те работы, которые составляют подавляющее большинство всех типологических исследований в области славянских языков. Ценные в других отношениях, эти работы подчеркивают гетерогенный характер различных частей языка, обычно не пытаясь проследить отражения подобной гетерогенности в системе или хотя бы определить количественно отношения между разными морфологическими типами (флективный, агглютинативный, изолирующий и т. п.) в пределах одного и того же языка. Поэтому исследования такого рода обычно не дают возможности построить соответствующие модели и оперировать с ними при сравнении (ср. работы Э. Леви, В. Люттенбауэра, И. Лекова, В. Скалички и др.). Некоторое исключение составляют работы В. Скалички. Не говоря здесь о больших заслугах этого ученого, хотелось бы отметить два обстоятельства, которые позволяют соотнести результаты исследований Скалички с требованиями, выдвигаемыми структурной типологией. Речь идет о предлагаемых им в одной из последних работ принципах, на которых должна быть основана фонетическая типология, — зависимость между числом гласных и согласных на условиях взаимной компенсации, зависимость между числом фонем и длиной слова, зависимость между дистрибутивными возможностями фонем. С другой стороны, заслуживает пристального внимания стремление чешского ученого изучать и диахронический аспект в типологии, хотя Скаличка оперирует не моделями, а отдельными явлениями или некоторой совокупностью их, причем степень формализации сравниваемых единиц явно недостаточна, получаемые результаты могут быть сформулированы в более «операционном» плане, а в дальнейшем, в случае успешного развития диахронической типологии (о ней см. выше), не исключено, что эти результаты смогут быть интерпретированы в более строгом виде как относящиеся к системе.

Наконец, следует упомянуть о новом и, с нашей точки зрения, весьма интересном подходе к типологии славянских языков в недавней работе А. В. Исаченко. Суть его заключается в структурно-типологическом сопоставлении определенного слоя лексики, вызванного к жизни определенными изменениями в окружающем мире; выяснение того, каким образом каждый славянский язык (речь идет о литературных языках, конкретно — о чешском и русском) справляется с этой задачей. Устанавливаемая противоположность между семантической конденсированностью чешского суффиксального словообразования и тенденцией к комплексным образованиям (включая аббревиатуры) в русском языке отражает весьма важное типологическое расхождение, зафиксированное на относительно ранней стадии его развития (ср. чеш. *železnice*, русск. *железная дорога*, чеш. *hledisko* — русск. *точка зрения*, чеш. *branice*, русск. *грудобрюшная преграда* и т. п.).

Практически сделанное в области типологии славянских языков исчерпывается перечисленными работами.

В свете сказанного выше первоочередной задачей структурной типологии славянских языков следует считать построение инвариантных моделей всех славянских языков на основе указанных выше принципов. Эти модели будут представлять собой исходный материал для сравнения типологических структур славянских языков. При этом целесообразно бы было приступить к созданию моделей славянских языков, начиная с фонологического уровня и постепенно поднимаясь на следующие уровни или наоборот — начиная с установления структурных отношений в предложении и постепенно спускаясь к слогу, фонеме, дифференциальным признакам фонем. Любая другая исходная точка при построении модели привела бы к усложнению работы. При окончательном выборе из двух предложенных путей, по-видимому, разумнее выбрать первый, т. е. начать исследование с построения фонологических моделей славянских языков. Если учесть, что как раз фонологические модели поддаются наиболее точному сравнению, то станет понятным предлагаемый здесь путь. Построение фонологической модели должно рассматриваться и как некоторая подготовка к созданию более сложных моделей на других уровнях. Естественно, что создание фонологических моделей может быть начато на материале любого славянского языка. По нашему мнению, постоянной является задача создать по возможности полный каталог (архив) фонологических моделей славянских диалектов, расширяя его затем за счет данных, относящихся к языкам, в той или иной мере «подключенным» к восточноевропейской фонологической зоне; в дальнейшем могла бы возникнуть необходимость создать чрезвычайно богатый архив фонологических моделей, который позволил бы приступить к построению универсальной типологии фонологических систем. В целях получения единообразных и полных описаний фонологических систем, необходимо предварительно составить программу вопросов, на которые должно отвечать каждое фонологическое описание. С другой стороны, для удобства сравнения было бы целесообразно давать предельно сжатые схемы фонологических моделей, используя соответствующую стандартную символику и таблицы. В дальнейшем было бы нетрудно наладить обмен материалами из фонологического архива.

Разумеется, проблемы реализации частных фонологических систем в тексте, особенно вопрос о соотношении числа дифференциальных признаков, с помощью которых можно описать данную фонему, с ее дистрибутивными возможностями, должны быть поставлены сразу же после того, как будут построены соответствующие фонологические модели. Одним из плодотворных и практически осуществимых подходов к описанию языка может явиться построение вероятностных моделей — прежде всего на фонологическом уровне (эта задача, видимо, могла бы быть в принципе решена и без обращения к вычислительным устройствам), а затем — и на других уровнях языковой системы. В последнем случае применение вычислительной техники представляется совершенно необходимым. Поскольку статистические исследования связаны с применением новейшей аппаратуры, следует поставить вопрос о скорейшем создании единого центра по статистическому обследованию различных знаковых систем, подобно аналогичным центрам, созданным в последние годы в других странах.

Нам кажется, что наряду с созданием частных моделей уже сейчас встает вопрос о построении общей модели конкретного языка, учитывающей все уровни языковой системы и переходы между ними. Такая модель могла бы быть построена при условии исчерпывающего структурного описания данного языка. Учитывая ряд соображений практического, методического и теоретического характера, представляется целесообразным начать исследования с русского языка, разумно ограничив свои задачи: речь шла бы, видимо, о синхронном описании некоторой относительно простой разновидности русского языка или же о создании синтезирующей

грамматики этого языка с учетом всех его разновидностей и с определением того, в какой степени общее описание учитывает частные разновидности языка.

Хотя на первых порах, как отмечалось выше, более целесообразны структурные описания современного языкового состояния, уже сейчас ясна необходимость разработки теоретических и некоторых практических предпосылок для изучения основных типов преобразований одной структуры в другую в диахроническом плане. В этой связи было бы полезным изучение, а в дальнейшем и систематизация основных типов лингвистических изменений применительно к некоторым элементарным микросистемам, повторяющимся в возможно большем числе языков. Некоторые пути к созданию структурной диахронии могут быть намечены в результате изучения диалектов в структурном плане. К сожалению, у нас такие описания практически отсутствуют, хотя теоретическое обоснование возможности такого подхода вполне убедительно. Поэтому структурное изучение славянских диалектов и составление хотя бы относительно несложных программ по сбору материала, а затем и атласов представляется той задачей, к осуществлению которой можно приступить уже сейчас и притом в разных славистических центрах.

Исходя из очерченных выше теоретических задач и практически существующих предпосылок, Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения Академии наук сосредоточил свои усилия на разработке следующих основных тем: 1) создание структурного описания русского языка в качестве первой части серии исследований, посвященных структурному анализу всех славянских языков, 2) статистическое обследование славянских языков (пока на материале фонологического уровня польского языка), 3) исследование дистрибутивных структур славянских языков в связи с определением моделей слога, 4) теоретическое обоснование методов и приемов структурной типологии в связи с идеей создания в будущем универсальной грамматики.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

В работе Лингвистической секции приняло участие 159 человек — представители научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Львова, Черновиц, Ужгорода, Воронежа, Харькова, Самарканда, Фрунзе, Владивостока и других городов. В прениях по докладам выступило 49 человек.

Все выступавшие отмечали своевременность и необходимость проведения совещания по вопросам славянского языкознания. Прения показали, что в представленных на совещании докладах была дана правильная характеристика состояния исследований в области славянского языкознания в нашей стране и правильно определены конкретные задачи на ближайшее будущее. Основное внимание выступавшие уделяли вопросам организации и координации научной работы в области славянского языкознания в СССР. В ходе прений состоялся также обмен мнениями и по ряду других вопросов, доклады по которым в силу ряда причин не были представлены.

Доклад Н. И. Толстого вызвал оживленную дискуссию. Участники совещания отмечали, что в докладе дана правильная оценка состояния исследований по южно- и западнославянским языкам, выполненных советскими славистами, и что выдвинутая в докладе проблематика исследований на будущее является актуальной и соответствует возможностям советских славистов. Вместе с тем некоторые участники совещания высказали и свое несогласие с рядом положений докладчика.

Возражение вызвал тезис Н. И. Толстого о том, что общеславянская проблематика в советской славистике должна доминировать и определять аспект и уровень исследований по отдельным славянским языкам. Так, В. Т. Коломиец (*Киев*) отметила, что в связи с этим тезисом докладчика встает вопрос: следует ли выделять в качестве отдельных славистических дисциплин полонистику, чехистику, болгаристику и т. д. с тематикой, относящейся к каждой из этих дисциплин в отдельности, относить ли к славистике только те части из этих дисциплин, которые имеют значение для общеславянского языкознания или же считать непосредственными объектами славистических исследований только западнославянскую и южнославянскую языковые группы в целом. По ее мнению, все три ответа являются допустимыми. В частности, если иметь в виду такую цель, как создание структурной типологии славянских языков, то исследование любой особенности строя какого-либо отдельного западнославянского или южнославянского языка должно быть отнесено к области славистики.

По мнению А. И. Вагмут (*Киев*) важность самостоятельного изучения каждого из южно- и западнославянских языков у нас иногда неправомерно заслоняется подчеркиванием тесной связи изучения этих языков с исследованием восточнославянских языков.

С. Б. Бернштейн (Москва) подчеркнул, что следует обратить особое внимание на изучение тех славянских языков, которые вообще никогда не изучались в СССР или не изучались в последние годы. Это касается словенского, македонского, верхне- и нижнелужицкого языков. Данные этих языков представляют большую ценность для сравнительной грамматики славянских языков, для изучения истории славянских языков, для развития многих теоретических проблем языкознания. *Л. И. Ройзензон (Самарканд)*, отметив, что в сорабистике еще есть много нерешенных вопросов, призвал к более интенсивному изучению верхне- и нижнелужицких языков.

Возражение со стороны некоторых участников совещания вызвал тезис *Н. И. Толстого* о том, что изучение южно- и западнославянских языков у нас не может проводиться в таком же объеме, в каком оно осуществляется в соответствующих славянских странах, и что изучение некоторых проблем этих языков у нас является нецелесообразным.

С возражениями против этого тезиса докладчика выступила *А. С. Посвянская (Москва)*. Указав на то, что трудности в изучении отдельных зарубежных славянских языков не являются непреодолимыми и что за последние годы в связи с развитием культурного и научного контакта со славянскими странами они в значительной мере отпали, она отметила, что ничто не может помешать нашей науке глубоко и полно заниматься исследованием любого славянского языка без ограничения какой-либо определенной проблематикой. Далее *А. С. Посвянская* остановилась на реальных возможностях и перспективах полонистики в СССР.

В. Т. Коломиец также считает, что *Н. И. Толстой* вносит некоторые излишние ограничения в проблематику славистических исследований у нас, в частности, исключая из нее вопросы стилистики инославянских языков. По ее мнению, вопросы стилистики не следовало бы исключать даже в том случае, если иметь в виду исследования только стилистического характера. Тем более естественным, по ее мнению, следует признать обращение советских славистов к вопросам стилистики западнославянских и южнославянских языков в связи с исследованием других вопросов, особенно лексикологии и синтаксиса.

С мнением предыдущих ораторов не согласился *М. О. Онышкевич (Львов)*. Он отметил, что реальные возможности изучения южно- и западнославянских языков у нас ограничены и что объем наших исследований в этой области будет меньше, чем в зарубежных славянских странах. Это объясняется, в частности, тем, что специалистов по этим языкам у нас гораздо меньше, чем в соответствующих славянских странах. В таком же духе высказался и *Г. Г. Мельниченко (Ярославль)*. *Л. И. Ройзензон* указал, что наши исследования в области славистики не следует ставить в зависимость от разработки соответствующих вопросов в других странах, так как наша методика лингвистического анализа отличается от методики ученых других стран.

Касаясь этого вопроса, *С. Б. Бернштейн* подчеркнул, что в докладе *Н. И. Толстого* речь шла не о «запрете» на исследования отдельных проблем западно- и южнославянских языков, а о том, что в наших условиях не целесообразно заниматься некоторыми проблемами. Доклад *Н. И. Толстого*, однако, не дает никаких оснований для свертывания работы, например, по культуре речи, стилистике славянских языков и другим вопросам, если такая работа ведется или будет вестись серьезно и квалифицированно.

Много внимания в выступлениях было уделено изучению проблемы глагольного вида в славянских языках. *Ю. С. Маслов (Ленинград)* остановился на тех теоретических вопросах этой проблемы, которые с его точки зрения являются в настоящее время наиболее актуальными. В рамках категории вида в узком смысле, т. е. в рамках корреляции совершенного

и несовершенного вида, одним из таких вопросов является вопрос о взаимодействии вида и способов действия (*Aktionsarten*), об отношении грамматической категории вида к способам действия и шире — к лексическому значению глагола. В числе актуальных задач, связанных с изучением видовой дефективности или видовой несоотнесенности, особый интерес представляет исследование видовой несоотнесенности, возникающей при имперфективации. Из более частных вопросов следует обратить внимание на выявление связей между способами действия и некоторыми частными видовыми значениями. Среди вопросов, связанных с изучением грамматической сущности и синтаксического употребления вида, в настоящее время наиболее актуальным, по мнению Ю. С. Маслова, является обобщение наблюдений над частными видовыми значениями совершенного и несовершенного вида в различных глагольных формах и случаях их употребления, изучение взаимодействия вида и времени и др., а также изучение вопроса об общевидовом значении категории вида.

По мнению *А. В. Бондарко (Ленинград)*, также посвятившего свое выступление изучению глагольного вида, наиболее актуальной является проблема структурной характеристики и классификации видового противопоставления. Указав на то, что следует различать прежде всего морфологическое и синтаксическое противопоставление видов, *А. В. Бондарко* затем остановился на тех более конкретных вопросах, которые связаны с данными противопоставлениями и изучение которых в настоящее время наиболее актуально. В кругу задач по изучению морфологического противопоставления вида наиболее важными, с его точки зрения, являются: выяснение соотношения между видовой оппозицией в рамках одной лексемы и оппозицией различных лексем, исследование отношения видов к глагольным формам и количественная характеристика морфологического видового противопоставления. Среди вопросов, связанных с изучением синтаксического видового противопоставления, наиболее актуальными *А. В. Бондарко* представляются: определение понятия позиции применительно к глагольному виду с изучением видового противопоставления как в одной, так и в разных позициях, исследование вопросов о конкуренции видов и нейтрализации видового противопоставления.

На важность изучения проблемы глагольного вида и времени указала *А. Г. Широкова (Москва)*. *Л. И. Ройзензон* высказался за создание обобщающих исследований о виде в славянских языках.

Говоря о задачах исследования вопросов словообразования славянских языков, *Т. Б. Лукинова (Киев)* отметила, что в последнее время интерес к этим вопросам заметно возрос и что в их изучении уже имеются известные результаты. Тем не менее вопросам словообразования до сих пор уделяется несравненно меньше внимания, чем вопросам фонетики и морфологии. Она подчеркнула необходимость расширения исследований по словообразованию славянских языков в историческом и сравнительно-историческом плане. Особую важность представляет изучение словообразования в современных славянских диалектах, словообразовательной системы старославянского и праславянского языков, изученной явно недостаточно.

Актуальность изучения вопросов словообразования подчеркнула в своем выступлении и *А. Г. Широкова*. Она отметила, что вопросы чешского и словацкого словообразования, уже в немалой степени разработанные как советскими лингвистами, так и учеными Чехословакии, требуют дальнейшего изучения и могут быть одной из центральных коллективных тем.

Изучению вопросов синтаксиса, в частности вопроса о методах синтаксического анализа, много внимания уделила в своем выступлении *В. Т. Колomieц*. Она высказалась против данной в докладе *Н. И. Толстого* ориентации советских славистов на отказ от разработки синтаксиса методами, связанными с научной традицией, и на признание более эффективными

новых методов, таких, как, например, трансформационный анализ и др., которые, по ее мнению, пока еще никак себя в науке не зарекомендовали. Она считает, что такая ориентация может нанести ущерб как дальнейшему развертыванию синтаксических исследований, так и подготовке научных кадров в этой области.

В. Т. Коломиец считает неосновательным отношение к традиционным методам синтаксического исследования как к якобы пригодным только для каталогизации фактов и не пригодных для более четкого выявления специфических типологических особенностей отдельных языков. С ее точки зрения, при более объективном подходе к этому вопросу следовало бы отметить, что в современных славянских языках нет таких синтаксических отличий, которые не могли бы быть вполне четко выявлены применяемыми в славистике синтаксическими методами, хотя эти методы и отличаются рядом внутренних недостатков. Что касается каталогизации фактов, то она необходима, потому что всякая описательная наука стремится к строгой каталогизации фактов. Ведь и трансформационный анализ ставит своей целью создание строгого каталога фактов, хотя и крайне схематизированного.

Этого же вопроса коснулся и *Л. И. Ройзензон*. По его мнению, спор о том, каким методам (старым или новым) синтаксического анализа отдать предпочтение — спор схоластический. Нужно применить и те и другие, чтобы можно было убедиться, какие методы дают лучшие результаты. *Л. И. Ройзензон* также считает, что каталогизацию фактов нельзя рассматривать как недостаток традиционных методов синтаксического анализа, так как каталогизация фактов представляет собой необходимую предпосылку для дальнейших исследований. В качестве примера он привел лужицкие языки, составление каталога синтаксических явлений которых является, с его точки зрения, первоочередной задачей, ибо отсутствие его тормозит дальнейшую работу.

По мнению *В. Т. Коломиец*, вряд ли была бы полезна для развития славянского языкознания также и предлагаемая в докладе ориентация на подчинение синтаксических исследований «в большей мере задачам типологического исследования и в меньшей — задачам реконструкции». Приводимый в этой связи докладчиком факт отсутствия в современной лингвистике надежных критериев для синтаксических реконструкций не может служить основанием для отрицания актуальности этих реконструкций. Наоборот, он говорит о необходимости усиления исследовательской работы в этом направлении. Ссылка *Н. И. Толстого* на недостаточность материала из диалектов западославянских и южнославянских языков, важного для целей реконструкции, до некоторой степени преувеличивает имеющиеся здесь трудности, поскольку соответствующий материал в той или иной степени отражен в значительном количестве опубликованных сборников.

О необходимости сравнительного изучения фразеологии славянских языков говорил *Л. И. Ройзензон*.

А. П. Кригенок (Киев) посвятил свое выступление задачам изучения лексики в диахроническом и особенно в синхроническом планах. Он отметил, в частности, необходимость сравнительного изучения тематических групп лексики славянских языков.

Планируемая Институтом славяноведения АН СССР работа по изучению некоторых проблем формирования национальных литературных языков, входящая как составная часть в большую совместную работу историков, литературоведов и лингвистов по изучению Возрождения у славян, была полностью поддержана лингвистической секцией.

А. Г. Широкова отметила, что изучение формирования норм литературного чешского языка в период Возрождения, связанного с национально-освободительной борьбой чешского народа, с возрождением национальной

чешской культуры, выдвигает целый комплекс важнейших вопросов. Среди них такие вопросы, как отличие языка формирующейся нации от языка народности, неравномерность становления общенародного языка в его различных структурных элементах, взаимоотношение литературного языка и диалектов, литературного языка и обиходно-разговорной речи и т. д. Эта же проблематика чрезвычайно актуальна и для словацкого языка. Здесь требует обстоятельного разрешения вопрос диалектной основы литературного языка, его структурных отличий от диалектов, вопросы лексического состава словацкого литературного языка и др.

О необходимости расширения работы по изучению проблемы формирования национальных литературных языков славян говорил *Г. К. Венедиктов (Москва)*, выступивший на межсекционном заседании по докладу *С. А. Никитина*.

С. Б. Бернштейн обратил внимание на особую важность изучения процесса формирования македонского литературного языка для решения общей проблемы формирования национальных литературных языков. Македонский литературный язык представляет в этом отношении совершенно исключительный объект наблюдения, так как его формирование происходит на наших глазах. Изучение процесса формирования македонского литературного языка позволит в известной мере представить процесс формирования и других славянских литературных языков. Конечно, при этом нельзя не учитывать различий культурно-исторического характера, при которых происходит формирование македонского литературного языка и происходило формирование национальных литературных языков других славянских народов.

Некоторые участники совещания (*М. О. Онышкевич, А. Е. Супрун, Г. К. Венедиктов*) указали на важность изучения межславянских языковых связей.

Задачам дальнейшего изучения старославянского языка в нашей стране было посвящено выступление *Р. М. Цейтлин (Москва)*. Она указала, что в последние годы намечилось определенное оживление в области изучения старославянского языка: был опубликован ряд исследований по старославянской морфологии и синтаксису, по вопросам, связанным с падежной и временной системами старославянского языка. Сейчас начинается совместная работа лингвистов Института славяноведения АН СССР и Института славяноведения Чехословацкой Академии наук над словарем старославянских памятников X—XI вв. Для того чтобы изучение старославянского языка смогло оформиться в значительную отрасль современного славяноведения, необходимо в самое ближайшее время определить проблематику исследований по старославянскому языку путем обсуждения отдельных проблем на специальных конференциях, а также на страницах лингвистических журналов. Но прежде всего необходимо принять энергичные меры для организации строго координированной работы по изданию и переизданию старославянских и важнейших церковнославянских текстов. Без новых изданий текстов невозможна дальнейшая серьезная работа в этой области. Нельзя забывать, что наша страна обладает памятниками письменности первостепенного общеславянского значения, и это накладывает на славистов нашей страны определенные обязательства перед мировой славистикой. В СССР хранятся многие ценнейшие памятники старославянского языка, громадное количество церковнославянских рукописей большой научной ценности не только русского извода, но и болгарского, сербского изводов, много памятников среднеболгарской письменности и т. д.

В этой связи *Р. М. Цейтлин* указала на ряд первоочередных задач, решением которых, по ее мнению, должна заняться прежде всего Текстологическая комиссия при Комитете славистов СССР. Среди таких задач ею

были указаны: составление и публикация сводного каталога старославянских и церковнославянских рукописей, хранящихся в СССР; составление рекомендательного списка рукописей, требующих переиздания в первую очередь; составление списка памятников, хранящихся в других странах и уже изданных, для переиздания их у нас фотоофсетом; организация поисков новых источников старославянской письменности с использованием при этом новых методов чтения палимпсестов и ряд других мероприятий. Р. М. Цейтлин указала также, что необходимо принять самые срочные меры для изготовления типографских старославянских шрифтов. Отсутствие таких шрифтов является едва ли не главным препятствием для издания и переиздания у нас древнейших памятников славянской письменности.

Е. И. Демина (Москва) обратила внимание на необходимость издания не только старославянских и церковнославянских памятников, но и памятников южно- и западнославянских языков. Известно, что в библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов хранится большое количество памятников южно- и западнославянских языков. Большая часть этих памятников уже так или иначе описывалась, частично они были изданы. Однако далеко не всегда описание носило систематический характер и давало полное представление о тематическом содержании и языке памятников. Если учесть при этом, что большая часть подобных описаний была сделана давно и что в силу ряда исторических событий рукописные фонды библиотек не остались без изменений, станет вполне очевидным, что вопрос об описании памятников южно- и западнославянской письменности является назревшим и актуальным. Особенно важны тематические описания (например, описание всех дамаскинов) или описания памятников по отдельным языкам, хранящихся во всех библиотеках СССР. *Е. И. Демина* предложила организовать обмен микрофильмами наиболее ценных в языковом отношении рукописей. Необходимо также координировать работу по изданию памятников южно- и западнославянской письменности. Здесь прежде всего встают вопросы выбора памятников для издания и выработки единых принципов издания. О неотложности задачи издания важнейших памятников говорили и другие выступавшие. Так, *Т. Б. Лукинова (Киев)* указала, что отсутствие изданий текстов крайне затрудняет работу в области старославянского словообразования. *А. Е. Супрун (Фрунзе)* считает целесообразным издать фотографическим способом сборник небольших по объему старославянских памятников, факсовых по различным изданиям и поэтому нередко малодоступных. *С. Ф. Самойленко (Запорожье)* обратил внимание на необходимость публикации памятников восточнославянских языков.

В ряде выступлений был поднят вопрос о назревшей задаче создания истории славянского языкознания. Об этом говорили *А. И. Багмут (Киев)*, *А. С. Посвянская*.

Напомнив, что в программе V Международного съезда славистов стоят и вопросы теории перевода, *Г. А. Лиллич (Ленинград)* обратила внимание на лингвистические аспекты этой проблемы. По ее мнению, было бы ошибкой, если бы теория перевода была полностью передана, с одной стороны, литературоведам, а с другой — специалистам по машинному переводу. Она рассказала о работе, которая проводится по теории перевода в Ленинградском университете, и сообщила, что в июне 1961 г. в этом университете организуется межвузовская конференция по лингвистическим аспектам перевода, где будет работать и славистическая секция.

М. А. Михайлов (Владивосток) сообщил, что в Приморском крае имеются богатейшие возможности для изучения взаимодействия разнообразных диалектов русского, украинского и белорусского языков, изучения смещения, возникающего на почве этого взаимодействия, разных струк-

турных преобразований в современных славянских диалектах, происходящих в результате этого смещения, и процесса становления приморского диалекта на основе смещения разных славянских диалектов.

Общие задачи по дальнейшему изучению славянского сравнительно-исторического языкознания, изложенные в докладе С. Б. Бернштейна, не вызвали каких-либо возражений со стороны участников совещания. Полную поддержку нашли конкретные научные мероприятия в этой области, в частности указанные в докладе составление западноукраинского регионального атласа и создание диалектного словаря Полесья, выполнение которых требует координации работы многих лингвистов ряда научных и учебных заведений.

Выступившие в прениях Р. Г. Пиотровский, Б. А. Ларин, В. М. Иллич-Свитыч, И. А. Дзедзельский, М. О. Онышкевич, С. Ф. Самойленко, В. В. Нимчук горячо поддержали идею создания регионального атласа западноукраинских говоров, отметив большое научное значение его.

В ходе дискуссии были высказаны и некоторые возражения. Так, по мнению *Б. А. Ларина*, предложенный в докладе С. Б. Бернштейна план атласа, ограничивающий работу исследованием только западноукраинских говоров и предусматривающий сбор материалов лишь из 50 пунктов, продиктован, видимо, соображением большей реальности осуществления плана. Однако при исследовании такой важной проблемы, как древнейшие связи южных и восточных славян, предложенный в докладе план создания атласа не сможет дать материала для положительного и мотивированного решения этой проблемы. В литературе появлялись сообщения, хотя и случайного характера, о поразительных совпадениях наиболее архаичных юго-западных украинских говоров и новгородских и псковских говоров, которые тоже признаются чрезвычайно древними. Поэтому необходимо, чтобы паряду с планируемым атласом была обследована по тому же вопросу и территория новгородских и псковских говоров.

В. М. Иллич-Свитыч выступил с возражением *Б. А. Ларину*. Он отметил, что *Б. А. Ларин* говорил об атласе несколько другого профиля. Если бы задача была создать атлас, направленный на выявление древних восточнославянских изоглосс, тогда действительно можно было бы принять предложение *Б. А. Ларина* о картографировании и обследовании территорий, тянущихся примерно от Псковщины и включающих районы Полесья и Западной Украины. Но перед атласом ставится совершенно иная задача, он должен выявить восточнославянские и южнославянские связи. А это предполагает в первую очередь картографирование не древних изоглосс, которые могут объединять эти две области, но, напротив, инноваций. По его мнению, вообще картографирование инноваций представляет гораздо большую ценность, чем картографирование архаизмов. Если представить себе такую задачу, то выбор западноукраинских областей и именно не всей Западной Украины, а области, прилегающей к району Карпат, представляется наиболее правильным.

М. О. Онышкевич подчеркнул, что работа над западноукраинским атласом даст достаточный и надежный языковой материал, необходимый для решения проблемы древнейших контактов между южными и восточными славянами, отсутствие которого было причиной отрицательного или скептического отношения к этой проблеме. Он напомнил, сославшись на работы *К. Мошинского*, что существование древнейших контактов между южными и восточными славянскими племенами подтверждается этнографическими данными.

Об этом же говорил и *В. В. Нимчук*. Попытки установления связей между южнославянскими языками и украинскими диалектами, сказал он, потерпели неудачу потому, что они опирались на довольно скудный фактический материал. Он отметил, что необходимо изучить лексический

состав диалектов в сравнительно-историческом плане, а уже потом приступить к составлению программы, потому что среди явлений, общих для южнославянских и закарпатских украинских говоров, выделяются слой более древний, представляющий отголоски древних контактов до IX в., и более поздние наслоения.

Р. Г. Пиотровский, ссылаясь на свой опыт работы над молдавскими и румынскими диалектами, считает, что при решении вопроса о древних контактах между южными и восточными славянами нельзя упускать из поля зрения территорию, занятую теперь романским населением. На территории Румынии хорошо прослеживаются изоглоссы славянских заимствований. Многие из этих изоглосс продолжают изоглоссы, отделяющие сербские говоры от болгарских, покутские говоры от буковинских. Эти связи румынских диалектов со славянскими, причем связи совершенно конкретные и географически локализованные, были учтены при составлении вопросника для молдавского диалектного атласа. Они должны быть учтены и при составлении вопросника для западноукраинского атласа.

И. А. Дзензелевский, рассматривая работу над вопросником западноукраинского атласа как чрезвычайно важную, считает, что этот вопросник должен быть составлен в нескольких вариантах и обсужден перед выработкой окончательного варианта.

В заключительном слове *С. Б. Бернштейн* выразил удовлетворение результатами дискуссии по вопросу о составлении регионального западноукраинского атласа. Он отметил, что предложенный в докладе план работы над таким атласом носил, естественно, предварительный характер. Важно было узнать мнение других лингвистов относительно целесообразности организации такой работы. Участники дискуссии единодушно поддержали эту инициативу Института славяноведения. В ближайшее время необходимо будет серьезно заняться составлением предварительного варианта вопросника для этого атласа.

Что касается изучения диалектной лексики Полесья, то выбор территории Полесья для исследования наиболее древней славянской лексики, по мнению *Б. А. Ларина*, не представляется бесспорным. Он считает, что для выделения области, на которой задержалось развитие диалектов праславянской эпохи, необходимо исследовать язык на более обширной территории, протянувшейся в виде клина от Карпат до Псковщины. В таком случае будет получен более надежный материал для определенной локализации праславянского языка. *Б. А. Ларин* высказал также ряд замечаний по организации самой работы сбора диалектного материала для областного словаря.

По мнению *В. В. Мартынова (Минск)*, сомнения *Б. А. Ларина* относительно особой важности изучения лексики Припятского Полесья не оправданы, так как можно привести очень много фактов в пользу действительно особой архаики лексики этого района. Кроме того, имеются некоторые другие соображения в пользу действительной целесообразности тщательной разработки лексики Припятского Полесья. Он указал на то, что Припятское Полесье действительно, по-видимому, разделяло географически четыре языковые и этнические группы: балтов, славян, финнов и иранцев. По его мнению, можно предположить, имея в виду сообщение Геродота о перходе невров в землю будинов, что движение невров шло вдоль Припятского Полесья. Сославшись на данные археологов, *В. В. Мартынов* отметил, что открытая здесь культура, связываемая с зарубинецкой культурой восточных славян, возникла в результате миграции славян с запада именно через район западной части Припятского Полесья. Эти соображения также, по его мнению, должны приниматься во внимание при собирании лексики Припятского Полесья. Он считает, что в западной части Припятского Полесья, вероятно, можно будет обнаружить архаику очень важную в связи

с тем, что первые поселенцы, пришедшие с запада, по-видимому, не нашли здесь субстрата, о чем свидетельствует отсутствие непрерывности в археологических культурах. Это особенно касается правого берега Припяти. Таким образом, не следует рассматривать вопросы, связанные с лексикой Припятского Полесья, с точки зрения ее местного интереса. Изучение лексики этого района даст богатый материал для исследования праславянской лексики.

В. В. Мартынов затронул также проблему славяно-германских языковых контактов. Он указал, что эта проблема может разрабатываться с разных точек зрения: соотношения моделей прагерманского и праславянского языков, лексических славяно-германских взаимопроникновений, с точки зрения более поздних контактов отдельных славянских языков с диалектами немецкого языка и, наконец, с точки зрения обнаружения славянских лексических заимствований в диалектах немецкого языка, сопредельных с предполагаемой прародиной славян. Успешное исследование этих вопросов возможно лишь при организации совместной работы многих лингвистов. В этой связи В. В. Мартынов поддержал предложенный Институтом славяноведения АН СССР проект создания исследовательской группы для исследования славяно-германской проблемы, в которую бы входили лингвисты, историки, археологи, фольклористы. Подобную группу следовало бы создать и для изучения балто-славянской проблемы.

В ходе дискуссии по докладам Н. И. Толстого и С. Б. Бернштейна участники совещания затронули и ряд других вопросов организации научно-исследовательской работы в области славяноведения. Так, высказывалось предложение о созыве периодических научных конференций по отдельным проблемам славянского языкознания. В частности, *Б. А. Ларин* от имени филологического факультета Ленинградского университета предложил провести в Ленинграде летом 1962 г. конференцию по теоретическим вопросам сравнительно-исторической грамматики. *Л. И. Ройзензон* предложил организовать конференцию по вопросам развития сложных предложений в славянских языках. Выдвигались предложения о созыве конференций научно-организационного характера с более узкими задачами. Так, *Г. Г. Мельниченко* предложил провести отдельные совещания болгаристов, полонистов, богемистов и т. д. По мнению *А. Е. Супруна*, было бы целесообразно и специальное совещание по старославянскому языку.

А. Е. Супрун обратил внимание совещания на то, что в работе будущего V съезда славистов сможет принять участие меньше советских ученых, чем это имело место на предыдущем IV съезде, поскольку съезд будет проходить в Софии. Поэтому следует подумать о проведении перед V Международным съездом Всесоюзной конференции славистов.

Выступавшие отмечали, что многие работы, изданные периферийными издательствами, часто не доходят до славистов, живущих в других городах. В связи с этим *Т. Т. Мельниченко* предложил поставить вопрос перед соответствующими организациями о возобновлении обязательного обменного фонда вузовских изданий. *В. Т. Коломиец* подчеркнула необходимость расширения межреспубликанской книготорговли, книгообмена и т. д.

В ходе прений поднимался вопрос о коренном улучшении полиграфической базы. *В. Т. Коломиец* отметила, что помимо вопроса о шрифтах для издания памятников необходимо поставить вопрос и вообще о различных славянских шрифтах, отсутствие которых в издательствах крайне затрудняет издание работ.

Много внимания выступавшие (*С. Б. Бернштейн, В. Т. Коломиец* и др.) уделили вопросу подготовки кадров.

Некоторые из выступавших, в частности *Н. В. Павлюк*, указывали на снижение уровня славистической подготовки, которую получают

филологи-слависты в университетах. *С. Б. Бернштейн* говорил о необходимости преподавания на славянских отделениях македонского, словенского, верхне- и нижнелужицких языков.

В прениях по докладу Р. И. Аванесова был затронут вопрос о принципах и задачах составления общеславянского лингвистического атласа, о сетке обследования пунктов и некоторые другие.

Выдвинутые в докладе Р. И. Аванесова принципы построения общеславянского лингвистического атласа вызвали возражения со стороны *В. А. Никонова (Москва)*. По его мнению, авторы атласа упускают из виду то главное, что произошло в лингвистике за последнее время, а именно представление о языке как о системе. Поэтому предложенный план составления общеславянского лингвистического атласа будет отражать, по его мнению, отдельные явления, а не систему. С его точки зрения, общеславянский лингвистический атлас должен отразить различие фонологических систем, вокальных и консонантных, систем словообразования и т. д. Он считает также, что в общеславянском атласе должны быть показаны количественные соотношения языковых факторов, например количественное соотношение гласных и согласных в славянских языках и диалектах. *В. А. Никонов* обратился с призывом покончить с терминологической путаницей в диалектологии, в частности с ошибочным употреблением термина *изоглосса* в значении 'граница распространения'. С его точки зрения, в лингвистической географии термин *изоглосса* должен употребляться в значении 'линия, соединяющая пункты с одинаковыми количественными показателями', т. е. линия, соединяющая все пункты, где данное явление распространено в 5%, 10% и т. д.

С. Б. Бернштейн согласился с *В. А. Никоновым* в том, что при создании атласа надо иметь в виду не просто изолированные факты, а элементы, характеризующие структуру языка. Он сказал также, что в общеславянском атласе должны быть отражены, насколько это будет возможно, и фонологические противопоставления. Вместе с тем он отметил, что критика *В. А. Никонова* была направлена скорее не на доклад Р. И. Аванесова, а на вышедший уже из печати первый том «Атласа русских говоров». *С. Б. Бернштейн* отметил также, что выдвинутое *В. А. Никоновым* положение о необходимости отражения в атласе количественных показателей является правильным. Однако в настоящее время эта задача не выполнима, так как сейчас еще не ясна методика сбора необходимого для определения количественных показателей материала из большого числа пунктов.

Касаясь этого же положения *В. А. Никонова*, в заключительном слове *Р. И. Аванесов* отметил, что в работе над общеславянским атласом, в которой примет участие большое число специалистов из разных стран, не следует увлекаться экспериментированием.

Л. Э. Калынь (Москва) отметила, что общеславянский лингвистический атлас должен дать возможность выявить как генетические, так и структурно-типологические связи между отдельными славянскими языками, т. е. осветить родство славянских языков в диахроническом плане и показать соотношение структур славянских языков в синхронном плане. По ее мнению, структурно-типологическая характеристика славянских языков и диалектов в атласе должна быть решена на основе ответов, полученных на генетически сформулированные вопросы, которые должны быть поставлены с учетом и такого именно аспекта.

Н. В. Бирилло (Минск), поддержав изложенную в докладе Р. И. Аванесова программу работ над общеславянским лингвистическим атласом, остановился на вопросах изучения говоров на территории Белоруссии.

Он коснулся также и вопроса о транскрипции, отметив, что транскрипцию, предложенную *Э. Штибером* и предусматривающую детальное описание всех особенностей различных славянских языков, практически при

собираании материалов по отдельным славянским языкам использовать будет трудно. В связи с этим он сказал, что необходимо, взяв за основу транскрипцию З. Штибера, для каждого языка составить отдельные транскрипции. Эти транскрипции для национальных языков должны быть сведены в единую таблицу с указанием значения каждого знака и языков, в транскрипции которых он использован.

Вопрос о сетке обследуемых для общеславянского лингвистического атласа пунктов затронула в своем выступлении *Е. В. Чешко*. Она считает, что этот вопрос должен решаться на основе только лингвистических данных без учета географического аспекта. Исходя из этого, необходимо предусмотреть более густую сетку в различных переходных зонах и в таких зонах, где в наибольшей степени сохраняются какие-либо архаические черты.

Совещание отметило актуальность постановки вопроса о региональных атласах, которому был посвящен доклад *И. А. Дзедзелевского*. В частности, *С. Б. Бернштейн* охарактеризовал этот доклад как очень своевременный и новаторский, ибо проблема региональных атласов в том аспекте, в каком она дана в докладе, до сих пор еще никем не ставилась.

Е. В. Чешко подчеркнула первостепенное значение региональных атласов для историков языка. Она полностью поддержала *И. А. Дзедзелевского* в вопросе о принципах составления комментария к атласу. Издание атласа без поясняющего, уточняющего и дополняющего комментария наполовину обесценивает атлас. Атлас не должен ограничиваться только простой регистрацией явлений. Он должен давать для исследователя также и конкретный материал и в первую очередь материал по противопоставляемым на данной карте вариантам. *Е. В. Чешко* рассказала о работе Института славяноведения АН СССР над атласом юго-восточных болгарских говоров. Эта работа еще раз убеждает в том, что включение в комментарии всех материалов картографируемых вариантов представляет большую ценность как для исследования современного состояния говоров, так и для изучения истории языка.

В выступлениях по докладу *О. Н. Трубочева* были затронуты вопросы о соотношении между работой по созданию этимологических словарей отдельных славянских языков и праславянского этимологического словаря, о формах этимологических исследований, об областных и специальных словарях, об объеме этимологических словарей.

Высказанные в докладе *О. Н. Трубочева* соображения о соотношении между работой над этимологическими словарями отдельных славянских языков и общеславянским этимологическим словарем вызвали возражения у *В. В. Мартынова*, по мнению которого не следует говорить о том, что создание словаря праславянского языка, имеет в настоящее время меньшее значение, чем работа над этимологическими словарями отдельных славянских языков. И та и другая работа должна проводиться параллельно, как это и происходит на практике.

О. Н. Трубочев в заключительном слове согласился с тем, что действительно нет оснований для того, чтобы оспаривать необходимость, в частности, той работы над праславянским словарем, которая ведется сейчас целым коллективом в Кракове, и опыт которой, судя по статье *З. Голомба* и *К. Полянского* («Slavia», год. XXIX, seš. 3, 1960, стр. 525—540) поучителен. *О. Н. Трубочев* не согласился с попыткой *В. В. Мартынова* подойти к созданию этимологического словаря отдельных славянских языков только через праславянский словарь, после создания праславянского этимологического словаря. Более правильным он считает обратный путь: составление этимологических словарей для каждого славянского языка, на базе которых будет определен состав и структура будущего славянского этимологического словаря.

Вопрос о формах этимологических работ затронул в своем выступлении *А. С. Мельничук (Киев)*. Он считает, что наряду с перечисленными в докладе тремя формами этимологических работ, принципиально возможна на современном этапе, уместна и четвертая форма — этимологические исследования, сопутствующие сравнительно-историческим исследованиям в области фонетики. Одновременно следовало бы несколько расширить или, возможно, уточнить понимание характера тех лексических групп, которые подлежат соответствующему этимологическому исследованию. *А. С. Мельничук* подчеркнул, что аналогичной формой этимологических исследований могут охватываться и функционально разграничиваемые группы лексики служебного характера (союзы, частицы, предлоги), а также лексика полузнаменательная (местоимения).

В заключительном слове *О. Н. Трубачев* отметил, что сказанное *А. С. Мельничуком* вполне справедливо и что это не противоречит положениям, высказанным в докладе.

В. В. Мартынов высказался против специального подчеркивания как особой формы этимологических исследований, сопутствующих сравнительно-историческим исследованиям в области фонетики, отметив при этом, что, может быть, не следует как-то особенно выделять и этимологов, потому что этимологию разрабатывают и не этимологи: лингвисты, исследующие другие области сравнительного языкознания, так же как и этимологи, в процессе этимологизирования могут прийти к решению вопросов, связанных с открытием новых фонетических соответствий.

Г. Г. Мельниченко (Ярославль) остановился на условиях, которым должны удовлетворять областные и специальные отраслевые словари как источники доброкачественного материала для этимологического исследования. Для этимологических исследований большое значение имеет максимально точная передача значений слов. Он считает, что в областных и специальных словарях толкования значений не следует подводить под общие понятия. Такие толкования, как *кадочка* — 'ручка' или *ширинка* — 'полотенце', сделанные по типу общего толкового словаря, не могут удовлетворить этимолога, потому что для этимолога останется не ясным, каждая ли ручка цепа называется кадочкой и т. д. В действительности оказывается, что *кадочка* — это ручка цепа, где ремешок имеет трубчатое строение, *ширинка* — это ткань, отрезанная поперек, не целое полотенце, а половина. Такие толкования проливают свет на значение, будут облегчать этимологам их разыскания. Поэтому в областных словарях требуется учет подобных особенностей предметов и максимально точная их характеристика. *Г. Г. Мельниченко* указал на необходимость создать ускоренными темпами специальные и отраслевые словари, так как многие ремесла и промыслы кустарного характера уходят в область преданий и с ними утрачивается та терминология, которая могла бы быть полезной и для этимологических и для лексикологических исследований. Он считает также, что необходимо издать аннотированный каталог этимологических исследований с алфавитным указателем слов, имеющих этимологии, полагая, что это облегчит дальнейшую работу в области этимологии.

Важность и необходимость публикации областных словарей отметил в своем выступлении *В. В. Нимчук*. Он сообщил, что в Закарпатье подготовлен словарь *М. Грицака* (около 100 000 тыс. слов), имеется также словарь бойковского диалекта (около 50 000 слов), подготовленный *М. О. Онышкевичем*. Эти словари уже давно готовы, но до сих пор еще не изданы. Публикация же этих словарей имела бы важное значение не только для этимологии, но и для решения вопроса о языковом контакте между восточными и южными славянами.

Вопрос о составе, объеме этимологического словаря стал предметом

оживленного обсуждения в связи с подготовкой украинского этимологического словаря.

Признавая вполне обоснованным включение в словарь на правах отдельных статей слов диалектных и вышедших из употребления (если они не могут быть рассмотрены при этимологизации более распространенной или более новой формы тех же слов), а также многих иноязычных слов, в той или иной мере воспринятых данным языком, А. С. Мельничук вместе с тем считает, что следует признать совершенно лишним, несколько не отвечающим задачам этимологического словаря включение в него иноязычных слов в их первоначальной, неизменной форме (за исключением грамматического оформления), не нашедших сколько-нибудь широкого распространения в данном славянском языке и не подвергшихся в нем никаким фонетическим или семантическим изменениям. А. С. Мельничук привел ряд слов типа *абсолюция*, *альтернация*, отмеченных в отдельных памятниках украинского языка, которые, по его мнению, должны найти свое место не в этимологическом словаре украинского языка, а в историческом, диалектном или в словаре иноязычных слов.

Касааясь этого же вопроса, В. В. Нимчук сообщил, что сотрудник Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР Р. В. Кравчук уже подготовил первый выпуск краткого этимологического словаря украинского языка, но словарь этот еще не рекомендован к печати из-за того, что в этом институте не все согласны с его словником. Этот словник включает не только лексику современного украинского языка и диалектную лексику, но и многочисленные историзмы латинского и польского происхождения, которыми изобилует украинский язык XVI—XVII вв. В. В. Нимчук считает, что при составлении первого этимологического словаря того или иного языка, например украинского или белорусского, не следует злоупотреблять этими словами, а лучше вводить только те слова, которые оставили какой-нибудь след в современном литературном языке или в пародных говорах. Однако надо стремиться к тому, чтобы в словаре была довольно полно представлена диалектная лексика, но и в этом вопросе лучше обладать чувством меры. Словарь не должен изобиловать диалектными словами, которые употреблялись на протяжении ограниченного отрезка времени, например в течение двух-трех столетий.

Подробно остановился на этом же вопросе в заключительном слове О. И. Трубачев. Он обосновал свою точку зрения, согласно которой этимологический словарь — это словарь-справочник, охватывающий не только лексику современного языка в полном объеме (насколько это возможно), но также и лексику, ныне не употребительную. Он отметил, что подготовленный Р. В. Кравчуком первый выпуск этимологического словаря украинского языка вполне заслуживает опубликования. Нужно одобрить метод работы Р. В. Кравчука, который включил в свой этимологический словарь весь доступный материал. Какое-либо посягательство на словник этимологического словаря Р. В. Кравчука неуместно, поскольку все существующее или существовавшее в языке заслуживает этимологизации, а также и потому, что речь идет не о заимствованиях современного языка, а об элементах лексики XVI—XVII вв., подход к которым с точки зрения задач этимологического словаря должен быть несколько иным, чем к заимствованиям самого позднего времени.

Поставленные в докладе В. Н. Топорова задачи по изучению балтославянской проблемы, не стали, к сожалению, предметом достаточно широкого обмена мнениями, за исключением вопроса об изучении топонимии.

В кратком выступлении А. И. Сабалюскас (*Вильнюс*) обратил внимание докладчика на труды литовского ученого Басанавичюса, в которых, несмотря на многие ошибочные сопоставления, содержится обширный

материал, представляющий интерес в связи с возможностью установления непрерывности балто-балканского гидронимического пояса. В. П. Мажюлис (*Вильнюс*) сообщил, что в настоящее время в Литве собран довольно большой материал по литовской диалектологии, который позволяет утверждать, что часть положений, основанных на трудах Я. Эндзелина, устарела. Исследование некоторых явлений древнепрусского языка показывает, что прусский язык не следует так решительно отделять от восточнобалтийских языков. В неопубликованной еще работе И. Казлаускаса содержатся данные, с достаточной убедительностью показывающие, что в восточнобалтийских языках существуют реликты аориста, наличие которого до сих пор отрицалось. Особенности дробления балтийских языков следует искать в самих балтийских языках. В. П. Мажюлис отметил, что западнобалтийский, т. е. древнепрусский язык очень близок к ятвяжским говорам, которые К. Буга и Г. Герулис считали прусским языком. Прусский язык сохранил не только фонетические, но и морфологические архаизмы. В некоторых отношениях прусский язык является для восточнобалтийских языков «праязыком». В. П. Мажюлис далее остановил внимание докладчика на литовском топонимическом форманте *-da*, считая, что он относится к корню * *ved-*. Это *-da* можно рассматривать и как старый суффикс, поскольку есть факты, показывающие существование такого суффикса не только на южнобалтийской и западнобалтийской территориях, но и в других районах Литвы.

Задачам акцентологических исследований в связи с балто-славянской проблематикой посвятил свое выступление В. А. Дыбо. Он указал, во-первых, что проблемы балто-славянской акцентологии должны быть исследованы как проблемы индоевропейской диалектологии, для чего следует изучить отражение индоевропейской акцентной системы (или системы предшествующей акцентной) в ряде индоевропейских языков, которые с этой стороны еще не изучались. Во-вторых, необходимо специально ориентировать диалектологов на изучение акцентных систем говоров, как при монографических исследованиях, так и при работе над диалектными атласами, ибо диалекты являются одним из основных источников поступления нового материала для сравнительно-исторической акцентологии, источником, еще очень мало использованным. В этой связи В. А. Дыбо указал на очень важное для акцентологии значение описания кайкавского беднянского говора. Для ориентирования диалектологов на исследование акцентных систем говоров В. А. Дыбо считает необходимым создание специальных акцентологических программ двух типов: для монографического исследования и для составления атласа. Важными являются вопросы картографирования акцентных явлений с целью изучения акцентологических процессов. Создание такого рода программ явилось бы средством координации диалектологических исследований с исследованиями в области славянской, праславянской и балто-славянской акцентологии.

В связи с докладом В. Н. Топорова в ряде выступлений были подняты вопросы изучения топонимики.

На причинах отставания исследований в области топонимистики остановился Ю. А. Карпенко (*Черновцы*). Главной организационной причиной, тормозящей у нас развитие топонимических исследований, он считает отсутствие специального периодического издания. Ссылка на то, что условия для создания такого журнала еще не созрели, не основательна. Замечательные ленинские слова о том, что газета является не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллективным организатором, вполне можно было бы отнести и к топонимическому журналу. Создание такого журнала явится организующим началом, без которого невозможно будет преодолеть отставание исследований в области топонимики.

Вторая причина заключается в том, что среди научных топонимических кадров обнаруживается довольно заметное разделение на топонимистов-практиков и топонимистов-теоретиков. Первые имеют много доброкачественного материала, но, как правило, не знают, что с ним делать. Вторые достаточно сильно подготовлены в области топонимики в теоретическом отношении, но не знают как следует топонимического материала. Лишь немногие из топонимистов совмещают у нас теорию с практикой и то не в совершенстве.

Для устранения этого недостатка, с одной стороны, требуются решительные меры по распространению и популяризации теоретических основ топонимики. В этом плане нужны специальные семинары и курсы в вузах, нужны, видимо, две-три консультационные статьи в «Вопросах языкознания», нужна учебная и обобщающая литература. С другой — крайне необходимы действенные меры по активизации сбора и опубликованию топонимического материала. Наряду с организацией сбора топонимического материала следует добиваться, чтобы в публикациях памятных обязателно содержались географические указатели. В последнее время эта хорошая традиция у нас почему-то не поддерживается. Нужно также издать сборник или несколько сборников, посвященных топонимии разных районов нашей страны.

Ю. А. Карпенко подчеркнул, что мнение о топонимике как о вспомогательной науке совершенно неверно и мешает ее развитию. В заключение своего выступления Карпенко остановился на некоторых вопросах методики топонимических исследований.

Вопросу организационных задач в области топонимики посвятил свое выступление К. К. Целуйко (Киев). Он поддержал идею создания единого руководящего центра по топонимике, который, во-первых, должен быть создан для постоянного руководства топонимической работой в СССР, а не только для решения задач, связанных с подготовкой к V Международному съезду славистов, и который, во-вторых, должен заниматься организацией и ведением всей топонимической работы в масштабе страны, а не только в области славянской топонимии. В этот центр, кроме лингвистов, должны быть включены представители исторической и географической наук.

Касаясь конкретных задач по изучению топонимии в ближайшее время. К. К. Целуйко указал прежде всего на то, что до конца семилетки следует создать план работы в области топонимики. План должен определить основные проблемы топонимических исследований, но он не должен предусматривать единой тематики исследования для всех топонимистов. По мнению К. К. Целуйко, такая основная проблематика, в рамках которой каждый ученый или группа ученых сможет применить свои силы и знания в соответствии со своими интересами и вкусом, должна включать: 1) анализ топонимов с точки зрения генетической принадлежности их к тем или иным языкам; 2) анализ лексико-семантического состава топонимов; 3) словообразовательный анализ топонимов; 4) словообразовательный анализ топонимов иноязычного происхождения, оформленных средствами родного языка (типа *Ингул*, *Ингулец*); 5) словообразовательный анализ родных топонимов, оформленных средствами других языков.

Переходя к практическим задачам изучения топонимики, К. К. Целуйко отметил прежде всего необходимость начать работу по всестороннему сбору топонимического материала. Для этого надо утвердить: а) единую программу для собирания этого материала и б) единую инструкцию к этой программе. Следует уже сейчас широко организовать работу по составлению региональных топонимических атласов. В связи с этим встает вопрос о необходимости разработки проспекта или определения принципов составления таких атласов. Далее, надо ориентироваться на составление

словаря микротопонимии, в связи с чем встает задача разработки принципов составления такого рода словарей.

Для выполнения этих задач, по мнению К. К. Целуйко, должны быть созданы опорные пункты. Предполагается, что на Украине в качестве таких опорных пунктов будут университеты, к которым будет присоединен ряд педагогических институтов, этнографических и географических музеев.

К. К. Целуйко считает, что издание топонимических журналов должно быть централизовано. Он подчеркнул также необходимость подготовки специалистов по топонимике путем организации спецкурсов в вузах, постановки дипломных работ и кандидатских диссертаций, создания учебных пособий по топонимике.

Л. Л. Гумецкая (Львов) высказала сомнение в том, что украинская ономастическая комиссия в состоянии координировать работу в области ономастики. Она считает, что здесь необходима общевосточнославянская координация, которая должна быть организована на основе задач составления общеславянского топонимического атласа и общеславянского топонимического словаря. Это координирование должно быть налажено на основе общих для всей восточнославянской территории принципов сбора материалов для такого атласа и словаря. Исходя из этих единых принципов, координационный центр (таким центром должна быть Топонимическая комиссия при Советском комитете славистов) на основе русского вопросника Б. А. Ларина и украинского вопросника К. К. Целуйко должен составить общевосточнославянский вопросник. *Л. Л. Гумецкая* отметила далее, что совершенно ненормальным является тот факт, что Советский Союз не представлен в Международном ономастическом комитете.

Г. Г. Мельниченко указал на необходимость обобщения уже сделанного в области топонимии и предложил издать аннотированный каталог исследований с указанием топонимов и гидронимов, которые подвергались изучению. Он высказался также за создание региональных топонимических словарей.

Коллективный доклад *М. И. Бурлаковой*, *Т. М. Николаевой*, *Д. М. Сегала* и *В. Н. Топорова* вызвал интересное и оживленное обсуждение. Выступавшие отмечали большую научную ценность прочитанного доклада, широкий и разносторонний охват теоретических вопросов, связанных с проблемой типологического исследования языка, глубокое проникновение в сущность ряда проблем типологических исследований, объективное представление всех трудностей и сложностей проблематики.

Один из важных вопросов, по которому развернулись прения, был вопрос о методах типологического сопоставления языков.

И. И. Ревзин в своем выступлении отметил, что для того, чтобы формальная типология была действительно структурной, нужно сравнивать не отдельные изолированные факты, а целые системы. В качестве модели, которая дает основание скорее для формального, чем для структурного сопоставления, выступающий привел модель языка с конечным числом состояний и статистическую модель *Н. Д. Андреева*. Модели, представляющие объект структурного сопоставления, должны быть системными моделями, учитывающими не отдельные факты, а построение определенного анализа действующей системы языка в упрощенном, предельно абстрактном виде. В области синтаксиса, по мнению выступающего, такой моделью может служить модель, построенная на основе трансформационного анализа.

А. А. Леонтьев (Москва) подчеркнул, что каждое типологическое сравнение предполагает существование определенной теории, разработанной системы основных понятий и основных терминов.

Вопрос о моделях затронул в своем выступлении и профессор *П. С. Куз-*

нецов (Москва), поддерживавший необходимость применения этого метода. Он отметил при этом, что к предмету исследования нужно всегда подходить с большой строгостью.

Другим кардинальным вопросом, по которому высказывались почти все выступавшие, был вопрос о месте и роли новых методов языкознания.

Профессор П. С. Кузнецов отметил, что работы в области машинного перевода и других прикладных областей имеют не только практическое, но и главным образом теоретическое значение. Последнее следует особо подчеркнуть, потому что с практической важностью этих работ все мирится, но в их теоретической важности многие сомневаются. Поэтому очень хорошо, по мнению П. С. Кузнецова, что в докладе убедительно и четко было показано и теоретическое значение машинного перевода.

Это же подчеркнул в своем выступлении и П. Н. Денисов (Москва). Он отметил как отрадное явление тот факт, что теперь признание идей машинного перевода, прикладной лингвистики распространяется не только на все большие круги специалистов-языковедов, а уже начинает складываться мнение о машинном переводе как проблеме, содержащей глубокие теоретические вопросы. Когда такой взгляд является достоянием узкого круга лиц, непосредственно связанных с машинным переводом, — это одно; если же такой взгляд распространяется среди широкого круга специалистов, то можно ожидать больших результатов в решении этой проблемы.

Касаясь этого же вопроса, И. И. Ревзин (Москва) подчеркнул, что структурная лингвистика является важной областью современного исследования языка, совершенно необходимой с точки зрения ее практических приложений, таких, как передача информации по каналам связи, хранение и обработка информации, машинный перевод и др. Структурная лингвистика, отметил в своем выступлении И. И. Ревзин, является не изолированной областью, а частью общей теории семиотики, она соприкасается с математической логикой, с идеями новой физики, с идеями формальной генетики. Работы последнего времени показали, что при помощи одних и тех же моделей с одинаковым успехом могут быть описаны факты языка и факты формальной генетики. Это доказывает необычайную общность и научную действенность таких моделей. Для того чтобы действительно обеспечить необходимое сейчас слияние старых и новых методов, для того чтобы обеспечить разумную преемственность, нужно четко выделить предмет структурной лингвистики и в так называемом традиционном языкознании взять не все, а только то, что действительно относилось к исследованию внутренней структуры языка. В частности, в этом отношении очень большое значение для развития новой структурной лингвистики имеют идеи московской школы, сформировавшейся под влиянием академика Ф. Ф. Фортунатова.

Иное отношение к структурной лингвистике высказал А. С. Мельничук. Он возразил, сославшись не на текст доклада, а на тезисы доклада, против тенденции свести сравнительно-историческое языкознание к исторической типологии. Дело в том, что каждый из этих двух аспектов изучения языка имеет свою специфику, настолько четко выраженную, что они не могут быть совмещены, а могут лишь дополнять друг друга в общей системе исторического изучения языка. По мнению выступающего, с точки зрения общих интересов является нежелательным стремление подвести всю теорию нашего языкознания под структурализм. В заключение А. С. Мельничук предложил отказаться от признания имманентности языковой структуры по отношению к действительности и от признания первичности отношений между элементами структуры и вторичности соотносимых в структуре элементов.

В заключительном слове *Т. М. Николаева* сказала, что о структурализме не следует судить по тому, что было известно в нашей литературе 50-х годов о структурализме 30-х годов. Сейчас структурализм 30-х годов не современен и не следует отождествлять идеи структурализма тех лет со структурализмом 60-х годов.

Т. М. Николаева подчеркнула, что структурное языкознание в целом скорее относится к области методологии, чем к области конкретных достижений. В рамках структурной теории можно принять и 4 падежа и 34 падежа. И то, и другое будет укладываться в рамки структурного метода исследования. Нужно только, чтобы описание было исчерпывающим, непротиворечивым и достаточно полным. Структурное языкознание — это определенный комплекс методов исследования, который нисколько не противоречит марксистско-ленинской методологии.

Трудно назвать такую область, которая не могла бы уложиться в рамки структурного описания. Другое дело, что структурализм возник всего несколько десятков лет, и многие области языкознания еще не подвергались структурному описанию.

Третий круг вопросов, по которым развернулось обсуждение, были проблемы, связанные с координацией работы, в частности координации исследований лингвистов и математиков, с использованием электронных вычислительных машин, и с подготовкой кадров.

По вопросу о том, как организовать сотрудничество лингвистов и математиков и для решения каких целей рациональнее использовать электронно-вычислительную машину, выступил профессор *Л. А. Калужнин (Киев)*. Он сказал, что при Киевском университете имеется лаборатория математической лингвистики, руководителем которой он является. Эта лаборатория работает в тесном контакте с Вычислительным центром АН СССР и имеет возможность ставить свои задачи на электронных быстродействующих машинах, которыми располагает этот центр. В настоящее время на машине «Урал» уже проводится ряд статистических обследований. *Л. А. Калужнин* подчеркнул, что только в результате тесного сотрудничества математиков и лингвистов может быть определен круг тех лингвистических задач, для решения которых нужно использовать машину.

Л. А. Калужнин указал далее на еще одну важную проблему: установление однородности текста относительно данного языкового явления. Такое установление необходимо для того, чтобы обеспечить достоверность результатов, полученных при статистической обработке отдельных выборок. В конце своего выступления *Л. А. Калужнин* отметил, что сотрудничество между лингвистами и математиками не должно ограничиваться вопросами статистики речи. Гораздо более сложные и интересные проблемы возникнут при построении языковых моделей и информационных языков.

В выступлении *П. Н. Денисова (Москва)* была высказана мысль о важности правильной организации изучения математики среди студентов-филологов. Он сказал, что основным вопросом сейчас нужно считать вопрос подготовки кадров, и указал в этой связи на необходимость создания специальных отделений, где бы студенты-филологи могли глубоко изучать математику.

В заключительном слове *Т. М. Николаева* сказала, что дело не только в введении математических курсов. Только усвоение определенного набора фактов недостаточно для математической подготовки лингвиста. Переквалификация лингвистов должна состоять прежде всего в усвоении математических методов исследования, в применении методов математики к лингвистике.

Кроме рассмотренных, в выступлениях были затронуты и другие вопросы. Так, *П. Н. Денисов* отметил, что насущной задачей лингвистов является установление общей системы единиц в языковедческих исследованиях,

выработка единой терминологии. Первым шагом к достижению этого, по мнению выступающего, было бы создание языковедческого словаря.

А. А. Леонтьев отметил важность типологического сопоставления письменной формы разных языков. Уже в XIX — начале XX в. сложилась система основных понятий научной теории письма, которая может представлять собой фактическую основу структурной теории письма. К сожалению, достигнутые ранее результаты в настоящее время почти совсем не используются. Даже сторонники структурного подхода к языку пользуются термином «буква», в то время как этот термин не является, строго говоря, термином научной теории письма. В научной теории письма понятию буквы должно соответствовать по крайней мере два-три термина.

Обсуждение коллективного доклада *М. И. Бурлаковой*, *Т. М. Николаевой*, *Д. М. Сегала* и *В. Н. Топорова* показало возрастающий интерес к проблемам и методам структурной лингвистики, к вопросам структурной типологии.

РЕШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

Лингвистическая секция Координационного совещания обсудила представленные доклады, характеризующие состояние и основные проблемы изучения славянских языков в Советском Союзе, и вопросы координации славистических исследований.

В работе секции приняли участие представители научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Кисева, Милска, Вильнюса, Львова, Черновиц, Ужгорода, Воронежа, Самарканда, Фрунзе, Владивостока и других городов (159).

В прениях по докладам участвовало 49 человек. Все выступающие отметили своевременность и необходимость проведения Координационного совещания по вопросам славянского языкознания. В ходе совещания подчеркивалась необходимость совместной работы советских славистов над решением наиболее важных научных проблем при условии четкого планирования и координации их деятельности.

Лингвистическая секция считает необходимым организовать координацию научно-исследовательских работ по следующим направлениям:

- 1) история славянских языков, взаимосвязи между ними;
- 2) сравнительная грамматика славянских языков;
- 3) структурная типология славянских языков;
- 4) составление общеславянского и региональных славянских атласов;
- 5) исследования славяно-балтийских, славяно-германских, славяно-романских, славяно-иранских и славяно-тюркских языковых связей;
- 6) топонимическое и этимологическое изучение в связи с разработкой вопросов славянского этногенеза;
- 7) развитие славянских литературных языков.

Участники совещания обращали внимание на имеющиеся недостатки в работе языковедов-славистов и на пути их преодоления.

Констатируя неравномерность в изучении славянских языков, участники совещания отмечали необходимость исследования всех западно- и южнославянских языков в крупных славистических центрах. Особое внимание обращалось на необходимость изучения словенского, македонского, верхне- и нижнелужицких языков, данные которых представляют большую ценность для сравнительной грамматики славянских языков, для развития многих проблем теоретического языкознания.

Отмечая неравномерность в исследовании различных элементов структуры славянских языков, участники совещания обратили особое внимание на необходимость углубленного изучения словообразования. В этой связи была поддержана инициатива Института славяноведения в подготовке сборника по чешскому словообразованию, в котором примут участие сла-

висты Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и Ужгорода. Необходимы серьезные экспериментально-фонетические исследования славянских языков, для проведения которых следует использовать старую фонетическую лабораторию Ленинградского университета и создать в некоторых научных центрах новые лаборатории, оснащенные новейшим оборудованием.

Совещание обратило внимание на необходимость организации систематических исследований в области лексики современных славянских литературных языков, диалектной лексики, истории лексического состава славянских языков.

Многие участники совещания говорили о больших трудностях в публикации словарных материалов.

Лингвистическая секция считает весьма желательным создание специального славистического журнала.

В целях дальнейшего улучшения и координации научно-исследовательской работы в области славянского языкознания необходимо обратить внимание славистических учреждений на проведение следующих мероприятий.

1. Поддержать инициативу Института славяноведения АН СССР по созданию специального западноукраинского диалектного атласа. В этой работе примут участие украинские диалектологи Киева, Львова, Дрогобыча, Ужгорода, Черновиц.

2. Поддержать инициативу Института славяноведения АН СССР по созданию диалектного словаря Полесья. В этой работе примут участие украинские и белорусские диалектологи Киева, Житомира, Минска и Гомеля.

3. Необходимо усилить исследовательскую работу в области изучения старославянского языка и старославянской письменности, укрепить контакт между языковедами и литературоведами, которые работают в области изучения древнеславянской письменности.

4. Поддержать инициативу Ленинградского университета в проведении в 1962 г. Всесоюзной теоретической конференции по вопросам сравнительной грамматики славянских языков.

5. Участники совещания обращают внимание на необходимость организации систематических исследований в области этимологии славянских языков. Следует поддержать инициативу Института языкознания УССР в подготовке украинского этимологического словаря. Целесообразно провести всесоюзное совещание по вопросам организации этимологических исследований в нашей стране и решения ряда общих и частных задач построения этимологических словарей.

Считать целесообразным ограничивать словник этимологических словарей только словами литературных языков. Этимологические словари должны широко включать в свой состав устаревшие и диалектные слова.

6. Поддержать инициативу украинских языковедов, поставивших вопрос о необходимости усиления топонимических исследований, о создании единого всесоюзного центра, который бы руководил всеми топонимическими исследованиями в Советском Союзе, о необходимости создания топонимического журнала.

7. Считать первоочередными проблемы становления и развития славянских литературных языков.

8. Усилить работу в области общеславянского атласа. Включить работу над общеславянским атласом в планы Института русского языка АН СССР, институтов языкознания Академий наук УССР и БССР. Просить Институт русского языка подготовить карту-бланковку с нанесением на нее населенных пунктов по всем восточнославянским языкам. В течение 1961 г. завершить работу над сеткой по всем восточнославянским языкам. Просить руководство институтов языкознания АН УССР и АН БССР организовать в течение 1961 г. группы ОЛЯ в составе 3—4 сотрудников.

9. Обратить особое внимание на изучение взаимосвязи славянских языков между собой и славянских языков с родственными и неродственными языками.

10. Расширить работу по структурной типологии славянских языков. Обратить особое внимание на описание фонологических систем с помощью единого набора дифференциальных признаков. Рекомендовать проведение широкого статистического обследования славянских языков.

11. Необходимо усилить научно-исследовательскую работу в области истории славяноведения в нашей стране. Эту работу языковедам необходимо вести в тесном контакте с историками и литературоведами. Необходимо приступить к систематической публикации архивных материалов по истории славяноведения.

12. Просить советскую текстологическую комиссию взять на себя руководство по составлению и публикации сводного каталога старославянских и церковнославянских рукописей, хранящихся в Советском Союзе; составить рекомендательный список памятников, требующих издания и переиздания в первую очередь.

13. Секция обращает внимание на неудовлетворительное положение с изданием лингвистических трудов. Типографии университетов и даже Академий наук не располагают необходимыми шрифтами. Даже типографии Академии наук СССР не имеют необходимого количества наборных знаков кириллицы. Нет совсем глаголического набора.

14. Секция просит Министерство высшего и среднего специального образования обратить внимание на резкое сокращение в последнее время объема славистических дисциплин в программах университетов: изъяты из учебного плана филологических факультетов отделений русского, украинского и белорусского языков все предметы славистического цикла (южные и западные славянские языки, сравнительная грамматика славянских языков). Это отрицательно сказывается на подготовке учителей-словесников. Почти прекратилась подготовка аспирантов-славистов.

15. Секция считает целесообразным регулярное проведение конференций по отдельным конкретным проблемам славянского языкознания.

РЕШЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ (Г. СОФИЯ, 11—16 НОЯБРЯ 1960 г.)

ОТ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

С 11 по 16 ноября 1960 г. в г. Софии проходило совещание Международного комитета славистов. Это была первая общая встреча членов Международного комитета славистов после состоявшегося в Москве в сентябре 1958 г. IV Международного съезда славистов.

Первым вопросом совещания было обсуждение научных итогов IV Международного съезда славистов и основных перспектив следующего съезда, которые были изложены в докладе академика В. В. Виноградова (СССР).

Главной задачей совещания было рассмотрение и утверждение проекта проблематики и тематики V Международного съезда славистов. Доклад по этому вопросу был сделан академиком В. Георгиевым (Болгария). Обсуждение проблематики и тематики предстоящего съезда развернулось на основе проектов, представленных совещанию Болгарским комитетом славистов и Советским комитетом славистов, а также предложений Украинского комитета славистов, Американской, Чехословацкой и Югославской делегаций.

Эти вопросы обсуждались как на пленарных заседаниях Международного комитета славистов, так и на специально выделенных Комитетом редакционных комиссиях: Лингвистическая комиссия (председатель — профессор И. Лёков, Болгария), Литературоведческая комиссия (председатель — профессор П. Динев, Болгария), Литературно-лингвистическая комиссия (председатель — академик В. В. Виноградов, СССР).

Совещание также рассмотрело вопрос о работе международных славистических комиссий. С докладом по этому вопросу выступил член-корреспондент АН СССР В. И. Борковский.

Председателем Международного комитета славистов был избран академик В. Георгиев, выдающийся филолог Болгарии, где будет проводиться очередной Международный съезд славистов в 1963 г. На совещании было образовано также Бюро Международного комитета славистов, выбраны члены Секретариата Комитета и отдельные новые члены Комитета.

Ниже публикуется текст решений Международного комитета славистов и утвержденная Комитетом проблематика и тематика предстоящего Съезда славистов.

* * *

Советский комитет славистов обращается с просьбой к Украинскому комитету славистов, Белорусскому комитету славистов, к славистическим институтам Академии наук СССР и академий наук союзных республик, к

славистическим кафедрам университетов, педагогических институтов и к другим советским научным организациям, связанным с проблемами славяноведения, внести свои предложения с конкретными темами научных докладов для V Международного съезда славистов. Темы докладов должны быть выбраны в соответствии с публикуемой ниже проблематикой и тематикой Съезда, подвергнуты коллективному обсуждению и предварительному отбору с тем, чтобы каждое предложение содержало темы докладов, наиболее важные в научном отношении и в наибольшей степени обеспеченные высококвалифицированным выполнением. Советский комитет славистов считает наиболее желательным, чтобы темы докладов представляли собой оригинальные исследования сравнительно-исторического характера.

Каждое предложение темы доклада должно содержать следующие сведения: фамилия, имя и отчество, ученая степень, почтовый адрес докладчика, формулировка темы доклада, аннотация доклада, раскрывающая основные его положения; желательно также рекомендация научного учреждения (Ученого совета, Института, кафедры и т. п.). Предложения следует направлять в Советский комитет славистов (Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2) до 1 июля 1961 г. Предложения тем докладов от украинских и белорусских научных центров и отдельных славистов должны поступать в Советский комитет славистов через Украинский комитет славистов (Киев, Владимирская ул., 64) и Белорусский комитет славистов (Минск, проспект Сталина, 108). После отбора и утверждения тем докладов Советским комитетом славистов темы докладов будут представлены на рассмотрение Международному комитету славистов, очередное совещание которого намечено провести в Югославии во второй половине 1961 г.

Авторы докладов должны будут представить в Советский комитет славистов тексты своих докладов (объем доклада не более 1,5 печ. листа) в готовом для печати виде в трех экземплярах каждый до мая 1962 г., поскольку все доклады должны быть опубликованы и распространены до предстоящего Международного съезда славистов. Тексты докладов украинских и белорусских славистов представляются соответственно в Украинский комитет славистов и Белорусский комитет славистов, которые возьмут на себя публикацию докладов по УССР и БССР.

РЕШЕНИЯ СОВЕЩАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ, СОСТОЯВШЕГОСЯ в Г. СОФИИ 11—16 НОЯБРЯ 1960 г.

На совещании Международного комитета славистов присутствовали следующие члены Комитета, заместители членов Комитета и члены Секретариата: Австрия — Р. Ягодич; Болгария — В. Георгиев, П. Динеков, И. Леков, С. Стойков; Великобритания — Е. Хилл; Венгрия — И. Книежа; ГДР — Г. Бильфельдт; Польша — Т. Лер-Сплавинский, В. Дорошевский; Румыния — Э. Петрович; СССР — В. В. Виноградов, В. Н. Борковский, А. Н. Робинсон; США — Р. Якобсон, В. Эджертон; Финляндия — Э. Ниэминен; Франция — А. Мазон; ФРГ — М. Фасмер; Чехословакия — Б. Гавранек, Ю. Долацкий, С. Вольман; Югославия — И. Бадалич, Б. Конеский.

Кроме того, присутствовали следующие делегаты: П. Кирай — Венгрия; К. Гурский, В. Ташицкий, П. Зволинский — Польша; М. Новиков — Румыния; Б. А. Рыбаков, И. И. Удальцов, М. Б. Храпченко — СССР; Г. Лант — США; Я. Белич — Чехословакия; Б. Крефт, Р. Лалич, И. Вукович — Югославия.

Некоторые члены Международного комитета славистов сообщили, что они не могут присутствовать на совещании из-за болезни, неотложных служебных дел или других объективных причин; отсутствовали: К. Баквис из Бельгии; С. А. Коновалов из Великобритании; К. ван Схонефельд из

Голландии; А. Стендер-Петерсен из Дании; Д. Мавер и Э. Ло Гатто из Италии; Ст. Д. Клер-Собелль из Канады; Х. Станг из Норвегии; А. Ваян из Франции; Э. Дикенман из Швейцарии; Г. Гупнарссон из Швеции. Отсутствовали также члены Секретариата Э. Георгиев из Болгарии и Н. И. Толстой из СССР.

После обсуждения вопросов, включенных в повестку дня совещания, Международный комитет славистов принял следующие решения:

1. Одобрить доклад предшествующего председателя Международного комитета славистов В. В. Виноградова о научных результатах IV Международного съезда славистов и основных задачах V съезда (этот доклад решено отпечатать в г. Софии и разослать членам Комитета).

2. Избрать:

а) Президиум Комитета: председатель Международного комитета славистов — В. Георгиев; кроме прежних вице-председателей¹, избрать также следующих новых вице-председателей Комитета: В. В. Виноградов — СССР; И. Бадалич — Югославия; Г. Бильфельдт — ГДР; П. Дилсков, И. Леков — Болгария;

б) Секретариат Комитета: Э. Георгиев, С. Стойков — Болгария; А. Н. Робинсон, Н. И. Толстой — СССР; С. Вольман — Чехословакия;

в) Бюро Комитета: В. Георгиев, П. Дилсков, И. Леков, В. В. Виноградов, В. Гавранек, Т. Лер-Славинский, И. Бадалич;

г) членами Международного комитета славистов: И. Бадалича — Югославия, С. А. Копвалова — Великобритания; и заместителями членов: Э. Кошмидера — ФРГ, Б. Конеского — Югославия.

3. Возложить на Бюро Комитета подготовку к следующему совещанию Комитета славистов:

а) о замене в Комитете прежних представителей Швейцарии Э. Дикенмана (уведомившего о своем переезде в ФРГ) и Голландии К. ван Схонфельда (переселившегося в США);

б) о включении новых членов в Международный комитет славистов из стран Ближнего и Дальнего Востока и Южной Америки;

в) о выборах историков-славистов из славянских стран и других стран, где широко развиты исторические дисциплины славистики, в состав Комитета в качестве заместителей членов Международного комитета славистов.

4. На основании предложений Болгарского комитета славистов и национальных комитетов славистов других стран, а также специальных комиссий, избранных во время совещания, утвердить проблематику и тематику V Международного съезда славистов по языкознанию, литературоведению, литературно-лингвистическим проблемам, проблемам народного поэтического творчества и историческим проблемам.

5. Одобрить доклад В. И. Борковского (СССР) о работе международных славистических комиссий, а также доклады, сделанные председателями и членами комиссий: К. Гурским (Польша) — об эдичионно-текстологической комиссии; Р. Ягодичем (Австрия) — о комиссии по истории славянской филологии; В. Дорошевским (Польша), Я. Беличем (Чехословакия) — о комиссии по славянскому лингвистическому атласу; Т. Лер-Славинским (Польша) — об информационно-библиографической комиссии; В. Тапицким (Польша) — о комиссии по ономастике.

6. Одобрить создание Комиссии по ономастике, Комиссии по славянскому лингвистическому атласу, Комиссии по единому церковнославянскому словарю. Возложить на председателей комиссий обязанность уточнить список членов каждой комиссии и представить его в Бюро Комитета до 1 июня 1961 г. Одобрить создание в заинтересованных странах национальных групп по каждой международной комиссии. Активизировать работу

¹ См. IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960, стр. 90.

тех комиссий, которые до сих пор работали мало (информационно-библиографическая, эдично-текстологическая, транскрипционная и др.).

7. Принять с благодарностью предложение Югославской делегации о проведении следующего заседания Международного комитета славистов в Югославии во второй половине 1961 г.

8. Уполномочить вице-председателя Комитета А. Мазона (Франция) войти в ЮНЕСКО с предложением Международного комитета славистов о включении Комитета в систему ЮНЕСКО.

9. Принять с благодарностью предложение Болгарского комитета славистов об издании для V съезда славистов в Болгарии трех международных сборников исследований и двух томов ответов на вопросы. Исследования и ответы на вопросы должны быть представлены в Бюро Комитета до 1 сентября 1962 г.

10. Обязать национальные комитеты славистов направить в Бюро Комитета в г. Софию предложения о вопросах для научной анкеты до 1 июня 1961 г. Окончательный текст вопросов утвердить на совещании Комитета в Югославии в 1961 г.

Международный комитет славистов сердечно благодарит Болгарское Правительство, Болгарскую Академию наук, Болгарский комитет славистов за оказанную ему всестороннюю помощь и за создание благоприятных условий для успешного проведения настоящего совещания в г. Софии.

ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕМАТИКА V МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ (СОФИЯ, 1963 г.)

Основной проблематикой Съезда является сравнительно-историческое изучение славянских языков и литературы.

А. Языкознание

Основные проблемы:

- а) историческое, сравнительно-историческое и типологическое исследование славянских языков;
- б) исследование взаимодействия славянских и неславянских языков и вопрос языковых союзов;
- в) проблемы описательного славянского языкознания в связи с прикладным языкознанием.

1. Литературные славянские языки, их история и взаимодействие

1. Сравнительное изучение славянских литературных языков.
2. Старославянский («древнеболгарский») язык, его структурная характеристика и локальные типы.
3. История и периодизация локальных типов церковнославянского языка и история церковнославянского языка.
4. Роль церковнославянских элементов и история отдельных славянских литературных языков.
5. Возникновение структурных особенностей славянских национальных литературных языков в период их становления.
6. Характер двуязычия в истории славянских литературных языков.
7. Периодизация истории славянских литературных языков и общие закономерности их развития.
8. Роль художественной литературы в развитии отдельных славянских литературных языков.

9. Сравнительная характеристика современных славянских литературных языков.

10. Взаимодействие между славянскими и неславянскими литературными языками.

II. Историческая и сравнительно-историческая грамматика славянских языков

1. Методы сравнительно-исторического изучения фонологических и грамматических систем славянских языков.

2. Значение типологических исследований сравнительно-исторической грамматики славянских языков.

3. Моногенезис и полигенезис фонологических грамматических и лексических явлений в славянских языках.

4. Основные закономерности фонологического и грамматического развития и отношения между фонологической и грамматической системами.

5. Основные вопросы словообразовательной системы славянских языков.

6. Задачи и методы реконструкции синтаксиса праславянского языка и основные тенденции развития синтаксиса в отдельных славянских языках.

7. Периодизация истории фонологического и грамматического строя отдельных славянских языков.

8. Общие и частные закономерности в лексическом развитии славянских языков и вопрос об их отношении к грамматическому строю.

III. Описательное языкознание и вопросы прикладного языкознания

1. Предмет и методы сравнительно-типологического рассмотрения славянских языков.

2. Фонологические и грамматические модели славянских языков.

3. Морфофонологическая характеристика склонения и спряжения отдельных славянских языков.

4. Типы синтагм в отдельных славянских языках и вопрос о трансформационном методе.

5. Словообразовательно-типологическая характеристика современных славянских языков.

6. Проблема классификации современных славянских языков и диалектов в связи с данными и задачами общеславянского лингвистического атласа и отдельными славянскими национальными лингвистическими атласами.

7. Структурные и математические методы исследования славянских языков и задачи прикладного языкознания (энтропия, эллипсис, избыточность и др.).

8. Моделирование славянских языков.

9. Статистический анализ славянских языков.

10. Проблемы машинного перевода (язык-посредник, составление алгоритмов и др.).

11. Типы транскрипции (фонетической и фонологической) и транслитерация славянских языков.

IV. Взаимодействие славянских и неславянских языков и вопрос языковых союзов

1. Проблема субстрата в истории славянских языков.

2. Проблема языковых союзов в истории славянских языков, например проблема балканского языкового союза и место славянских языков в нем.

V. Славянская ономастика как источник истории славянских языков и народов

1. Принципы составления общеславянского топонимического атласа.
2. Общеславянская топонимика и ее хронологическое распределение с учетом общественной жизни славян.
3. Славянизация неславянской топонимики и заимствование славянской топонимики в неславянских странах.
4. Проблемы славянской научной и народной ономастики.

Б. Литературоведение

Основные проблемы:

- а) взаимоотношения между славянскими литературами;
- б) взаимоотношения между славянскими и неславянскими литературами и роль славянских литератур в развитии мировой литературы.

I. Общие проблемы истории, теории и методики изучения славянских литератур

1. Место, роль и значение славянских литератур в мировом литературном процессе.
2. Общие закономерности развития славянских и неславянских литератур.
3. Сравнительно-историческое изучение славянских литератур, его результаты и задачи.
4. Роль межславянских связей в развитии отдельных славянских литератур.
5. Отражение идей славянской солидарности в славянских литературах.
6. Восприятие болгарской литературы в других славянских странах и славянских литератур в Болгарии.
7. Вклад славянских народов в развитие эстетической мысли; развитие марксистского литературоведения в славянских странах.
8. Роль национально-освободительного движения и его идеологии в развитии славянских литератур.
9. Национальные традиции и развитие социалистического реализма в славянских литературах.
10. Проблемы текстологии и научных изданий литературных памятников.

II. Славянские литературы с древних времен до конца XVII в.

1. Деятельность Кирилла и Мефодия и ее значение для развития славянской культуры.
2. Возникновение славянской письменности.
3. Взаимоотношение между древними славянскими литературами.
4. Славяно-византийские литературные отношения.
5. Значение латинской образованности для славянских литератур.
6. Славянские литературы и фольклор до XVII в.
7. Проблема художественного метода в древних славянских литературах.
8. Проблема соотношения жанров и средств стилистической изобразительности в славянских литературах до XVII в.

9. Идейные и художественные традиции литературы Киевской Руси в средневековой русской, украинской и белорусской литературах.

10. Публицистика древних славянских литератур как предмет литературоведения; значение художественного элемента в средневековой публицистике.

11. Сравнительное изучение рукописной демократической сатиры в славянских литературах XVI и XVII вв.

12. Своеобразие и развитие Ренессанса и гуманизма в славянских литературах.

13. Взаимоотношение между славянскими и неславянскими литературами в эпоху Ренессанса.

14. Проблема барокко в славянских литературах.

15. Древние славянские литературы и современность.

III. Славянские литературы XVIII—XIX вв.

1. Соотношение просветительства в славянских странах с просветительством в странах Западной Европы.

2. Предромантизм и романтизм в славянских литературах.

3. История славянского романтизма.

4. Происхождение и этапы развития реализма в славянских литературах.

5. Сатирическое направление в славянских литературах и его значение для развития реализма.

6. Основные проблемы романа и драмы в славянских литературах.

7. Воздействие русской классической литературы на другие славянские литературы.

8. Русский роман в развитии мировой литературы.

9. Идейное наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур.

10. Проблема пародничества в славянских литературах: влияние последнего на литературы соседних народов.

11. Зарождение рабочей темы в славянских литературах второй половины XIX и начала XX в.

12. Проблемы межславянских литературных связей в XVIII—XIX вв.

13. Идеи славянской взаимности и солидарности в славянских литературах XIX в.

14. Роль славянской филологии в развитии славянской культуры.

15. Славянские темы в неславянских литературах.

16. Значение и роль выдающихся славянских писателей XIX в. в мировом литературном процессе (о каждом в отдельности).

IV. Современные славянские литературы

1. Особенности реализма в славянских литературах XX в.

2. Предшественники социалистического реализма в славянских литературах.

3. Закономерности развития социалистического реализма в славянских литературах.

4. Традиции и новаторство в современных славянских литературах.

5. Концепция гуманизма в славянских литературах в свете идейных проблем нашей эпохи.

6. Разнообразие жанров и стилей в современных славянских литературах.

7. Проблема героя в славянских литературах социалистического реализма.

8. Сатира в славянских литературах XX в.
9. Славянские литературы и Великая Октябрьская социалистическая революция.
10. Новые формы литературных взаимосвязей между литературами стран народной демократии и их значение для развития славянских литератур.
11. Место советской литературы в мировом литературном процессе.
12. Связи и взаимодействия между славянскими и неславянскими литературами XX в.
13. Связи и взаимоотношения между славянскими и неславянскими литературами в СССР.
14. Проблемы символизма и модернизма в славянских литературах.
15. Возникновение и развитие марксистской литературной теории и критики в славянских странах.
16. Борьба марксистской эстетики в славянских странах за реализм, против декаданса.
17. Проблемы культуры и литературы славянских народов в современных буржуазных концепциях.

В. Литературно-лингвистические проблемы

Основные проблемы:

- а) художественный метод и творческая индивидуальность писателя;
- б) словесно-художественный стиль как историческая категория;
- в) стиль и язык.

I. Проблемы исторической поэтики и стилистики славянских литератур

1. Стилистическая проблематика основных литературных жанров (поэзии, прозы, драмы) в славянских литературах (в частности, поэтика гротеска).
2. Отношения между индивидуальным стилем и стилем эпохи.
3. Художественный метод и индивидуальный стиль писателя.
4. Проблемы поэтики реализма и социалистического реализма в славянских литературах.
5. Ономастика как средство художественной изобразительности.
6. Вопросы поэтики и стилистики фольклорных жанров (сказка, лирическая песня и др.).
7. Вопросы семантической и грамматической структуры словесного искусства у славян.
8. Вопросы композиции в славянских литературах и в народном творчестве.
9. Вопросы структуры и функции аллюзии в ранние эпохи истории славянских литератур.

II. Общие проблемы стилистики славянских литератур

1. Принципы и методы построения описательной и сравнительно-исторической стилистики.
2. Основные принципы изучения языка художественной литературы.
3. Общепонятный язык, язык художественной литературы и стиль писателя.
4. Данные языка и стиля при установлении авторства анонимных произведений в славянских литературах.

5. Принципы установления канонического авторского текста.
6. Принципы составления словарей языка и художественных средств писателя (в связи с вопросами истории лексики художественной литературы).

III. Исторические, сравнительно-исторические и типологические проблемы изучения славянского стихосложения

1. Происхождение славянского стихосложения.
2. Взаимовлияние между народным и литературным стихом в истории славянских литератур.
3. Соотношение между стихосложением и просодическими особенностями славянских языков.
4. Проблема «ритма» и «смысла» на материале славянских литератур.
5. История и сравнительный анализ рифм и других звуковых средств в славянских литературах.
6. Сравнительный анализ стиха и прозы и вопросы пограничных форм в славянских литературах.
7. Проблемы мелодики стиха у славянских народов.
8. Современные явления в области славянских стихотворных форм.

IV. Проблемы художественного перевода

1. Взаимоотношения языка оригинала и языка перевода, в особенности в свете стилистических средств языка (например, идиоматика, пословицы и др.) — межславянские переводы, переводы со славянских языков на неславянские и с неславянских языков на славянские.
2. Проблемы перевода народного творчества.
3. Проблемы перевода древних славянских произведений на современные языки.
4. Идеино-политические аспекты выбора и художественной реализации межславянских переводов.
5. Межславянские переводы как составная часть литературного процесса отдельных славянских литератур (взаимовлияние перевода и оригинального творчества).

Г. Славянское народно-поэтическое творчество

Основные проблемы:

- а) изучение взаимных связей в области славянского народного творчества;
- б) современное состояние народно-поэтического творчества у славян.

Проблемы современного состояния славянской народной поэзии, ее истории и теории

1. Современное состояние славянского народного творчества.
2. Фольклор славянских народов в период освободительной борьбы против фашизма.
3. Рабочий фольклор у славянских народов.
4. Сочетание национальных традиций и элементов международной социалистической культуры в современном славянском народном творчестве.
5. Проблема художественного метода в славянском народном творчестве.

6. Взаимоотношения традиционного и современного фольклора у славянских народов.
7. Происхождение и историческое развитие фольклорных жанров у славянских народов.
8. Проблемы исторического изучения героического и сказочного эпоса славянских народов.
9. Национальная специфика сказочного фольклора славянских народов.
10. Изучение географического распространения сказочных сюжетов в славянских странах.
11. Принципы классификации славянских сказок.
12. Сравнительное изучение народной песенной лирики славянских народов.
13. Происхождение, типы и классификация славянских народных пословиц и загадок.
14. Отношение фольклора славянских народов к фольклору их соседей; славянское народное творчество в неславянском окружении.
15. Проблемы истории славянского фольклора.

Д. История

1. Славянский этногенез.
 2. Образование славянских государств.
 3. Общественная мысль славянских народов в средние века и в новое время.
 4. Революционное и национально-освободительное движение славянских народов.
 5. Великая Октябрьская социалистическая революция и славянские народы.
 6. Общественно-культурное развитие славянских народов после второй мировой войны.
 7. Современные проблемы славянской этнографии.
-

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
УЧАСТНИКОВ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

- Абеледарский Л. С.— к. и. н., зав. каф. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина, Минск
- Аванесов Р. И.— чл.-корр. АН СССР, зав. сек. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Агапкина Т. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Алешина Л. С.— к. иск. н., м. н. с. Институт истории и теории искусств Академии художеств СССР, Москва
- Альтшуллер Р. Е.— к. и. н., ст. н. с. Центральный государственный военно-исторический архив, Москва
- Амброз А. К.— м. н. с. Институт археологии АН СССР, Москва
- Андреев В. Д.— к. ф. н., ассистент. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Антоненко В. И.— ст. препод. Тамбовский педагогический институт, Тамбов
- Артеменко Е. П.— препод. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Арцишевская Л. Б.— м. н. с. Институт этнографии АН СССР, Москва
- Ариш Г. Л.— к. и. н., м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Афанасьев Е. Г.— ст. препод. Москва
- Багмут А. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Байкова С. М.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН БССР, Минск
- Балакин А. М.— к. ф. н., ст. препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Барина Г. А.— м. н. с. Москва
- Барутчева Э. А.— редактор. Государственный комитет по радио и телевидению при Совете Министров СССР, Москва
- Бархударов С. Г.— чл.-корр. АН СССР, зам. дир. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Баскаков С. И.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бахтурина Р. В.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Бейлис А. С.— к. и. н., доц. Львовский государственный университет им. И. Франко, Львов
- Белановский В. Н.— к. и. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Белокривичка С. С.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Беляева Н. Т.— редактор. Издательство литературы на иностранных языках, Москва
- Беляева Ю. Д.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Белякевич И. И.— к. и. н., зав. каф. Львовский государственный университет им. И. Франко, Львов
- Бернштейн С. Б.— д. ф. н., зав. сек. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Беседина-Невзорова В. П.— к. и. н., доц. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького, Харьков
- Бирилю Н. В.— к. ф. н., зав. сек. Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР, Минск
- Бирман М. А.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бирюзов С. С.— маршал Советского Союза. Министерство обороны СССР, Москва
- Благой Д. Д.— чл.-корр. АН СССР, зав. сек. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Блинова Т. П.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бобрик Н. П.— редактор. Издательство АН СССР, Москва
- Боброва С. П.— к. и. н., препод. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Богатова Г. А.— к. ф. н., м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Богатырев П. Г.— д. ф. н., ст. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Богданов Ю. В.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Богданова И. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Богдановская Н. С.— аспирантка. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Богомолова Н. А.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бокарева Л. Е.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Болтин Е. В.— д. и. н., зав. сек. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва
- Бондарко А. В.— к. ф. н., ст. препод. Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, Ленинград

- Бондарчик В. К.— к. и. н., ст. н. с. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Минск
- Борисенко В. В.— чл.-корр. АН БССР, директор. Институт литературы им. Янки Купалы АН БССР, Минск
- Борковский В. И.— чл.-корр. АН СССР, зав. сек. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Боровишкин Э. Н.— журналист. Государственный комитет по радио и телевидению при Совете Министров СССР, Москва
- Бортников А. И.— к. и. н., доц., зав. каф. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Бромлей Ю. В.— к. и. н., ст. н. с., учен. секр. Отделение исторических наук АН СССР, Москва
- Будагова Л. Н.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Булатова Р. В.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Булыгина А. М.— к. ф. н., м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Булнина И. К.— к. ф. н., ст. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бурлакова М. И.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Бэлза И. Ф.— д. иск. п., зав. сек. Институт истории искусств АН СССР, Москва
- Вавиrowsкая Н. Н.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Вагапова Н. М.— аспирантка. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Вагина П. А.— к. и. н., доц. Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Свердловск
- Валев Л. Б.— к. и. н., зав. сек. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Василенок С. И.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Васильев М. Н.— ЦК КПСС, Москва
- Васильева Л. И.— ст. ред. Государственное Издательство иностранных и национальных словарей, Москва
- Ведина В. П.— к. ф. н., м. н. с. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев
- Велецкая Н. Н.— к. и. н., м. н. с. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Венедиктов Г. К.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Вентцель Т. В.— ст. п. с. Большая Советская Энциклопедия, Москва
- Вервес Г. Д.— д. ф. н., зав. отд. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев
- Верещак В. Л.— аспирант. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Виноградов В. В.— академик, академик-секретарь. Отделение литературы и языка АН СССР, Москва
- Виноградова А. И.— к. и. л., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Виноградов В. Н.— м. п. с., к. и. н., Институт истории АН СССР, Москва
- Винокур Т. Г.— к. ф. н., м. п. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Витт В. В.— м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Воздвиженская Т. А.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Вознесенский В. Д.— к. и. н., редактор. Журнал «Новая и новейшая история», Москва
- Волков А. Р.— к. ф. н., ст. препод. Черновицкий государственный университет, Черновцы
- Волков А. Г.— препод. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Волков В. К.— м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Волкова Т. А.— ст. ред. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва
- Волоцкая З. М.— м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Воробьева Е. Д.— м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Ворожейкина В. С.— н.-тех. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Воронков И. А.— к. и. н., ст. препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Восканян В. К.— к. и. н., зав. сек. Институт истории АН Арм. ССР, Ереван
- Востокова С. И.— к. ф. н., критик. Москва
- Гадолина М. Л.— к. ф. н., м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Гайдай М. М.— м. п. с. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Галактионов И. В.— ст. препод. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
- Галенко П. В.— к. э. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Галнайтите Э. А.— ст. препод. Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, Вильнюс
- Галстян Е. Г.— ст. препод. Ереван
- Ганевич И. В.— к. и. н., доц. Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, Одесса
- Герасимов А. В.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Глебо П. Ф.— академик АН БССР, директор. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Минск
- Гловинская Н. Я.— м. п. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Гогина К. П.— к. и. н., м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Гольберг М. Я.— к. ф. н., доц. Драгобычский педагогический институт, Драгобыч
- Горбунов Т. С.— академик АН БССР, академик-секретарь, Отделение общественных наук АН БССР, Минск

- Гордейчук Н. М.— к. и. н., зам. дир. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН УССР, Киев
- Горина Л. В.— редактор. Москва
- Городникова М. Д.— к. ф. н., доц. Московский обл. педагогический институт, Москва
- Горский И. К.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Горяинов А. Н.— гл. библиотечная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
- Градчак И. М.— к. и. н., доц. Ужгородский государственный университет, Ужгород
- Грацианская Н. Н.— к. и. н., м. н. с. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Грачев В. П.— аспирант. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Греков И. Б.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Грекул Ф. А.— к. и. н. Институт истории АН СССР, Москва
- Григорьева А. Д.— к. ф. н., ст. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Григорьянц Т. Ю.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Гринберг С. С.— к. и. н., доц. Сталинский педагогический институт, Сталино
- Гринчишин Д. Г.— м. н. с. Институт общественных наук АН УССР, Львов
- Гришина Р. П.— аспирантка. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Грозная Э. П.— препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Гудзий Н. К.— академик АН УССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Гудков В. П.— аспирант. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Гудонников Я. И.— доц. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Гумецкая Л. Л.— д. ф. н., зав. отд. Институт общественных наук АН УССР, Львов
- Гундоров А. С.— генерал-лейтенант, председатель комитета. Славянский комитет СССР, Москва
- Гусев В. Е.— к. ф. н., ст. н. с. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
- Гуторов И. В.— чл.-корр. АН БССР, зав. сек. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Минск
- Гуть М. В.— аспирант. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Данилова Н. П.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Дебтиренко В. В.— м. н. с. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Демяна Е. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Денисов П. Н.— аспирант. Московский го-
- сударственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Державина О. А.— д. ф. н., ст. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Десница Г. Д.— м. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Дзедзелевский И. А.— к. ф. н., доц. Ужгородский государственный университет, Ужгород
- Дмитриенко С. Н.— студент. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Дмитров К. Д.— к. э. н., доц. Московский энергетический институт, Москва
- Добродомов И. Г.— аспирант. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Довейка К. К.— к. ф. н., зав. сек. Институт литовского языка и литературы АН Лит. ССР, Вильнюс
- Довженок В. И.— к. и. н., зав. отд. Институт археологии АН УССР, Киев
- Долинская М. А.— магистр философии, переводчик. Москва
- Доронина Р. Ф.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Достян И. С.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Дьяков В. А.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Дыбо В. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Еланский Н. П.— к. ф. н., доц., зав. каф. Саратовский педагогический институт, Саратов
- Елизаренкова Т. Я.— к. ф. н., м. н. с. Институт народов Азии АН СССР, Москва
- Ерихонов Л. С.— к. ф. н., доц., зав. каф. Политехнический институт, Пенза
- Ермакова М. И.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Ершов Л. Ф.— к. ф. н., ст. н. с. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
- Ефременко Э. Л.— к. ф. н., м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Ешич Э.— редактор. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва
- Ешич М. Б.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Жебокрицкий В. А.— к. и. н., доц. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Железняк И. М.— аспирантка. Институт языковедения им. П. А. Потебни АН УССР, Киев
- Живов М. С.— критик, переводчик. Союз советских писателей, Москва
- Живова Ю. М.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Жиркович М. И.— к. ф. н., засл. деят. науки БССР, доц. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина, Минск
- Житомирская С. В.— к. и. н., зав.

- рукописн. отд. Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
- Жуков Е. М.— академик, академик-секретарь. Отделение исторических наук АН СССР, Москва
- Журавлев В. К.— к. ф. н., доц. Житомирский педагогический институт, Житомир
- Журавская И. Е.— к. ф. н., ст. н. с. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев
- Жюгжда Ю. И.— академик АН Лит. ССР, вице-президент. Президиум АН Лит. ССР, Вильнюс
- Забарило К. С.— к. ф. н., доц. Драгобычский педагогический институт, Драгобыч
- Зайцев В. К.— к. ф. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Зайцев В. М.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Зайцева А. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Ленинград
- Залеский А. И.— к. иск. н. зам. дир. Институт искусствovedения, этнографии и фольклора АН БССР, Минск
- Зализняк А. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Захарова Л. В.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Зеленин В. В.— к. и. н., м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Зеленина Э. И.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Злыднев В. И.— к. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Зуев В. И.— зав. отд. Журнал «Новая и новейшая история», Москва
- Зуев Ф. Г.— к. и. н., ст. препод. Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Москва
- Зуева Н. В.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Иванов С. С.— к. и. н., доц. Институт государства и права АН СССР, Москва
- Иванова И. И.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Иванова О. Е.— к. и. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Иллич-Свитыч В. М.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Ильина Г. Я.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Исламов Т. М.— к. и. н., м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Каждап А. П.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Казаков Н. И.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Казакова М. А.— ст. препод. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
- Казлаускас И. И.— к. ф. н., доц. Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, Вильнюс
- Калакуцкая Л. П.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Калениченко П. М.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Калинина М. А.— редактор. Государственный комитет по радио и телевидению при Совете Министров СССР, Москва
- Калынь Л. Э.— к. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Калужнин Л. А.— д. физ.-мат. н., проф. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Каменская Н. В.— чл.-корр. АН БССР, Институт истории АН БССР, Минск
- Кан Е. М.— м. н. с. Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Москва
- Карасев В. Г.— к. и. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Карпенко Ю. А.— к. ф. н., зав. каф. Черновицкий государственный университет, Черновцы
- Карская Т. С.— ст. препод. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта им. В. Н. Образцова, Ленинград
- Касименко А. К.— д. и. н., директор. Институт истории АН УССР, Киев
- Кизченко А. Ф.— к. и. н., ст. препод. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Киршевская А. Н.— к. и. н., ст. препод. Московский стоматологический институт, Москва
- Кишкин Л. С.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Клеванский А. Х.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Клепикова Г. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Климанов В. Т.— аспирант. Ленинград
- Клоков В. И.— к. и. п., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Коженников Ю. А.— к. ф. н., м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Козьменко И. В.— к. и. н., доц. Московский государственный институт международных отношений, Москва
- Коломиец В. Т.— к. ф. н., ст. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Коммар Ч. Б.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Кондратьев В. А.— к. и. н., редактор. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Кондратьева В. Н.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Кондрашев Н. А.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Коннова В. Ф.— н.-тех. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Копобеев В. Д.— к. и. н., доц. Военная Академия им. М. В. Фрунзе, Москва

- Копреева П. Н.— к. и. н., ст. н. с. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
- Копыленко М. М.— к. ф. н., доц. Алма-тинский педагогический институт им. Абая, Алма-Ата
- Копылов В. Р.— к. и. н., зам. нач. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Копыский З. Ю.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН БССР, Минск
- Корнеева Н. И.— ст. препод. Литературный институт им. А. М. Горького, Москва
- Королюк В. Д.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Короткова В. И.— к. и. п., гл. библ. Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
- Корсакас К. П.— академик АН Лит. ССР, академик-секретарь. Институт литовского языка и литературы АН Лит. ССР, Отделение общественных наук АН Лит. ССР, Вильнюс
- Костюшко И. И.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Котков С. И.— д. ф. н., зав. сект. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Котова Н. В.— к. ф. н., препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Кравцов Н. И.— д. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Кравченко И. С.— академик АН БССР, директор. Институт истории АН БССР, Минск
- Критенко А. П.— к. ф. н., м. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Кузнецов П. С.— д. ф. н., проф. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Кузнецова А. М.— н.-тех. с. Москва
- Кузнецова Р. Р.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Кузьмин М. Н.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Кузьмина В. Д.— д. ф. н., ст. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Кулинич И. М.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Кундюба И. Д.— к. и. н., доц. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Курант И. Л.— гл. библ. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Москва
- Курицын В. М.— к. ю. н., доц., зав. сек. Институт государства и права АН СССР, Москва
- Куркина Л. В.— аспирантка. Москва
- Лавров Ф. И.— к. ф. н., зав. отд. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Лазутич С. Г.— к. ф. н., доц. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Ланда С. С.— к. ф. н., ст. н. с. Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград
- Лаптева Л. П.— к. и. н., ст. препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Лаптева О. А.— зав. отд. Журнал «Вопросы языкознания», Москва
- Ларин В. А.— академик АН Лит. ССР. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Ларченко М. Г.— д. ф. н., проф. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина, Минск
- Левин В. Д.— к. ф. н., ст. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Левшина Ю. А.— к. ф. н., ст. препод. Тамбовский педагогический институт, Тамбов
- Лейкина-Свирская В.— д. и. п. Ленинград
- Леонтьев А. А.— к. ф. н., м. н. с. Институт языкознания АН СССР, Москва
- Лещиловская И. И.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Лилия Г. А.— к. ф. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Литвакова-Радволина И. М.— писатель. консультант. Союз советских писателей. Москва
- Лихачев Д. С.— чл.-корр. АН СССР, зав. сек. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
- Лихачева Л. П.— гл. библ. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Москва
- Логинова А. И.— к. и. п., зав. отд. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Лопатин В. В.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Лотман Ю. М.— к. ф. н., доц., зав. каф. Тартуский государственный университет, Тарту
- Лукинова Т. Б.— к. ф. н. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Лухт Л. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт языкознания АН СССР, Москва
- Львова Е. П.— к. иск. н., м. н. с. Институт истории и теории искусств Академии художеств СССР, Москва
- Лызлов Г. М.— к. и. п., ст. препод. Алма-тинский педагогический институт им. Абая, Алма-Ата
- Ляпон М. В.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Майжюлис В. П.— к. ф. н., и. о. доц. Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, Вильнюс
- Макова Е. С.— аспирантка. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Малаховская Л. С.— м. п. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Мальцев А. Н.— к. и. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

- Манусевич А. Я.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Манучарян Р. С.— ст. препод. Ереванский государственный университет, Ереван
- Марахов Г. И.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Марков Д. А.— к. ф. н. Москва
- Марков Д. Ф.— д. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Маркова Л. В.— к. и. н., м. н. с. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Мартемьянова В. А.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Мартыненко А. К.— к. и. н., доц. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Мартынов В. В.— к. ф. н., ст. н. с. Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР, Минск
- Мартынова Г. А.— зав. редакцией. Государственное издательство национальных и иностранных словарей, Москва
- Марченко Г. В.— к. и. н., доц., декан. Ужгородский государственный университет, Ужгород
- Марцишевская К. А.— гл. ред. издательства. Государственное издательство национальных и иностранных словарей, Москва
- Масальский В. И.— к. ф. н., и. о. проф. зав. каф. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Маслов Ю. С.— д. ф. н., проф., зав. каф. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Матвеева Г. В.— ст. библиотечный. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Москва
- Мацосович Я. В.— к. ф. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Межова И. А.— м. н. с. гл. библиотечный. Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Москва
- Мельникова И. Н.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Мельниковская О. И.— м. н. с. Москва
- Мельниченко Г. И.— к. ф. н., зав. каф. Ярославский педагогический институт им. К. Д. Ушинского, Ярославль
- Мельничук А. С.— к. ф. н., ст. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Мерперт Н. Я.— к. и. н., ст. н. с., учен. секр. Институт археологии АН СССР, Москва
- Мещеряков И. И.— к. и. н., зав. отд. Институт истории, археологии и этнографии Молдавского филиала АН СССР, Кишинев
- Миллер И. С.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Минаев Л. М.— к. и. н., препод. Академия общественных наук при ЦК КПСС, Москва
- Минц И. И.— академик. Институт истории АН СССР, Москва
- Миронова Т. И.— к. ф. н., консультант. Союз советских писателей, Москва
- Митряев А. И.— ст. препод. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького, Харьков
- Михайлов А. Д.— м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Михайлов М. А.— ст. препод. Дальневосточный государственный университет, Владивосток
- Михайлова Н. А.— ст. археограф. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Можаяева И. Е.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Можарова Г. С.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Можейко А. В.— м. н. с. Институт литературы АН БССР им. Я. Купалы, Минск
- Молошная Т. М.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Мордвинцев А. А.— к. ф. н., м. н. с. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Морозов А. А.— критик. Союз советских писателей, Ленинград
- Морозова О. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Моручков С. А.— к. и. н. Соцэргиз, Москва
- Москаленко А. Е.— к. и. н., доц. Воронежский государственный университет, Воронеж
- Моторный В. А.— к. ф. н., и. о. доц. Львовский государственный университет им. И. Франко, Львов
- Мыльников А. С.— к. и. н., гл. библиотечный. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
- Мурашко Г. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Мустейкене И. В.— ассистент. Вильнюс Мустейкис К. В.— к. ф. н., доц. Вильнюсский педагогический институт, Вильнюс
- Насилов Д. М.— аспирант. Москва
- Наумов Е. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Недорезов А. И.— к. и. н. ЦК КПСС, Москва
- Некраш В. А.— Москва
- Немченко Е. В.— к. ф. н., м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Непокунный А. П.— ассистент. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев
- Неупокоев В. И.— к. и. н., учен. секр. по координации. Отделение исторических наук АН СССР, Москва
- Нещименко Г. П.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Николаева Н. С.— к. ф. н. Москва
- Николаева Т. М.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Никитин С. А.— д. и. н., зав. сек. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Никитина Л. Д.— редактор. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва
- Никольская А. А.— препод. Московский

- государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва.
- Никольский С. В.— к. ф. н., зав. сек. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Никонов В. А.— критик, Москва
- Нимчук В. В.— м. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потемнина АН УССР, Киев
- Новгородова Н. А.— ст. препод. Тобольский педагогический институт, Тобольск
- Оболевич В. В.— к. ф. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Обушпенкова Л. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Озолин А. И.— к. и. н., доц. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
- Оглозова Э. М.— м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Опышкевич М. М.— м. н. с. Институт общественных наук АН УССР, Львов
- Опышкевич М. О.— к. ф. н., зав. каф. Львовский государственный университет им. И. Франко, Львов
- Орехов А. М.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Осипова Е. В.— к. ф. н., м. н. с. Москва
- Острой О. С.— библиограф. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
- Очак И. Д.— к. и. н., препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Павлов-Сильванский В. Б.— м. н. с. Археологическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР, Москва
- Павлович Н. Н.— к. п. н., ст. н. с. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Павлюк Н. В.— к. ф. н., доц. Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, Одесса
- Парсаданова В. С.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Пашаева Н. М.— к. и. н., гл. библиотечная Государственная публичная историческая библиотека, Москва
- Пашуто В. Т.— д. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Пауфашима Р. Ф.— аспирант. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Пеньковский А. Б.— ст. препод. Владимирский педагогический ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского, Владимир
- Перкин Н. С.— к. ф. н., ст. н. с. Институт литературы им. Я. Купалы АН БССР, Минск
- Петерс И. А.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН УССР, Киев
- Петров В. С.— к. э. н., доц. Львов
- Пилишек Е. В.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Пиотровская А. Г.— к. ф. н., м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Пиотровский Р. Г.— д. ф. н., ст. н. е. Институт языковедения АН СССР, Ленинград
- Пичета А. П. Москва
- Подобедова О. И.— к. иск. н., ст. н. с. Институт истории искусств АН СССР, Москва
- Подольская Н. В.— к. ф. н., м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Пожарицкая С. К.— к. ф. н., м. н. с. Институт истории искусств АН СССР, Москва
- Пономарева Н. Н.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Поплыко Д. Ф.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Попова Т. В.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Попова Т. П.— ст. препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Посвянская А. С.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Правдин А. Б.— к. ф. н., зав. каф. Тартуский государственный университет, Тарту
- Прилипка Я. П.— м. н. с. Институт искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Прокофьева Д. С.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Путилов Б. Н.— к. ф. н., ст. н. с. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
- Пухов И. В.— к. ф. н., м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Пширков Ю. С.— к. ф. н., ст. н. с. Институт литературы им. Я. Купалы АН БССР, Минск
- Ракитский Г. С.— зав. каф. Польский учительский институт, Вильнюс
- Рассыпнова Н. М.— археограф. Археологическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР, Москва
- Ратнер Н. Д.— к. и. н. Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Москва
- Ревзин И. И.— к. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Резонов П. И.— к. и. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Реформатский А. А.— д. ф. н., ст. н. с. Институт языковедения АН СССР, Москва
- Робинсон А. Н.— к. ф. н., ст. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва
- Рогов А. И.— аспирант. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Рожновская М. Г.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Розаускас Е. А.— начальник архива.

- управл. Архивное управление при Совете Министров Лит. ССР, Вильнюс
- Ройзензон Л. И.— к. ф. н., доц. Узбекский государственный университет им. Алишера Навои, Самарканд
- Романенко А. Д.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Ромапова Е. П.— м. н. с. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Рыбаков Б. А.— академик. Институт археологии АН СССР, Москва
- Рыжова М. И.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Ленинград
- Рябова Е. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Рядченко Н. Г.— ст. препод. Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, Одесса
- Сабалдускас А. И.— к. ф. н., ст. н. с. Институт литовского языка и литературы АН Лит. ССР, Вильнюс
- Савушкина Н. И.— к. иск. н., м. н. с. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Самойленко С. Ф.— к. ф. н., доц. Запорожский педагогический институт, Запорожье
- Саморукова Н. А.— м. н. с. Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР, Москва
- Санников В. З.— м. н. с. Институт языковедения АН СССР, Москва
- Свирида И. И. Москва
- Севостьянова Т. М.— аспирантка. Институт истории АН СССР, Москва
- Сегал Д. М.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Седельников Е. А.— к. ф. н., доц. зав. каф. Житомирский педагогический институт, Житомир
- Сенкевич И. Г.— к. и. н., м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Сенкевич К. Э.— переводчик. Москва
- Серцова А. П.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Силюянова Л. Г.— студентка. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Скрипка В. Н.— аспирант. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Славин Г. М.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Сливка Ю. Ю.— к. и. н., м. н. с. Институт общественных наук АН УССР, Львов
- Смирнов А. П.— д. и. н., зав. сек. Институт археологии АН СССР, Москва
- Смирнов А. Ф.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Смирнов Л. Н.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Смирнов Ю. И.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Смирнова О. И.— н.-тех. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Смирнова О. С.— зав. редакцией. Гослитиздат, Москва
- Смольская А. К.— к. ф. н., и. о. доц. Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, Одесса
- Снытко Т. Г.— зам. нач. Центральный государственный исторический архив, Москва
- Созин И. В.— к. и. н., редактор. Журнал «Вопросы истории», Москва
- Соколова В. К.— к. ф. н., ст. н. с. зав. сек. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Соловьева А. П.— к. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Софинский Н. Н.— к. и. н. ЦК КПСС, Москва
- Софронов Г. И.— ст. препод. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Стахеев Б. Ф.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Стеклова Ф. И.— к. ф. н., доц. Грозненский педагогический институт, Грозный
- Степанов А. Г.— Союз советских писателей, Москва
- Стефанович В. Н.— к. шед. н., переводчик, Москва
- Стецкевич С. Н.— к. и. н., доц. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Ленинград
- Стишова Е. М.— корр. ТАСС, Москва
- Стрекалова З. Н.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Струкова К. Л.— к. и. н. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Стрекалова З. Н.— к. ф. н., м. н. с. Институт языковедения им. Якуба Коласа АН БССР, Минск
- Судник Т. М.— студентка. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Сукьясова И. М. Тбилиси
- Суфрун А. Е.— к. ф. н., доц. Киргизский государственный университет, Фрунзе
- Сухомлинова Г. Ф.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Сюзюмов М. Я.— д. и. н., зав. каф. Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Свердловск
- Тальвирская Э. Я.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Тананаева Л. И.— м. н. с. Институт истории искусств АН СССР, Москва
- Тарасова М. В.— консультант. Союз советских писателей, Москва
- Тихомиров Б. П.— к. и. н., зав. отд. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Тихомиров М. Н.— академик. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Тихомирова Т. С.— препод. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Токарев С. А.— д. и. н., зав. сек. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Токсина И. В.— гл. библи. Всесоюзная го-

- сударственная библиотека иностранной литературы, Москва
- Толкачев А. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Толстов С. П.— академик Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Толстой Н. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Тонконогова С. Д.— редактор. Гослитиздат, Москва
- Топоров В. Н.— к. ф. н., ст. н. с. зав. сек. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Тропольская Н. Б.— редактор. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва
- Трубачев О. Н.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Турок-Попов В. М.— д. и. н., с. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Тутьчинский М. Р.— учитель. Школа № 88, Москва
- Удальцов И. И.— к. и. н., директор. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Удальцова З. В.— д. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Удунян А. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Удуханов И. С.— м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Усикова Р. П.— аспирантка. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Фалькович С. М.— редактор. Издательство восточной литературы, Москва
- Фарберов Н. П.— д. ю. н., ст. н. с. Институт государства и права АН СССР, Москва
- Федорищев В. Ю.— ст. препод. Черновицкий государственный университет, Черновцы
- Федосов И. А.— д. и. н., декан. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Федосова Т. Ф.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Федотова Н. Г.— ст. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Филиппова Т. Ф.— ст. н.-тех. с. Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР, Москва
- Филиппчикова Р. Л.— м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Филоненко Н. Ф.— к. и. н. «Учительская газета», Москва
- Фирсов Ф. И.— м. н. с. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва
- Флоря Б. Н.— м. н. с. Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР, Москва
- Фоменкова В. М.— к. и. н., ст. препод. Кировский педагогический институт, Киров
- Фоминов Г. Н.— ЦК КПСС, Москва
- Фрейденберг М. М.— к. и. н., доц. Великолукский педагогический институт, Великие Луки
- Фрейдзон В. И.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Фруменков Г. Г.— к. и. н., декан. Архангельский педагогический институт, Архангельск
- Хватов А. И.— м. н. с. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
- Хвостов В. М.— чл.-корр. АН СССР. Институт истории АН СССР, Москва
- Хвостова К. В.— м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Хевролина В. М.— археограф. Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Москва
- Хитрова Н. И.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Хлустикова С. Д.— н.-тех. с. Институт языкознания АН СССР, Москва
- Ходова К. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Хорев В. А.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Храпченко М. Б.— чл.-корр. АН СССР, зам. академика-секретаря. Отделение литературы и языка АН СССР, Москва
- Хренов И. А.— к. и. н., зам. дир. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Цейтлин Р. М.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Целуйко К. К.— к. ф. н., зам. дир. Институт языкознания им. А. А. Потебни АН УССР, Киев
- Цивьян Т. В.— аспирантка. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Цыбенко Е. З.— к. ф. н., доц., зав. каф. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Чеканова Г. П.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Ленинград
- Черкасский М. А.— ст. препод. Алма-Атинский педагогический институт им. Абая, Алма-Ата
- Черных М. Н.— с. н.-тех. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Чернышев И. П.— генерал-майор. Министерство обороны СССР, Москва
- Чернявская И. С.— ст. препод. Библиотечный институт, Москва
- Чешко Е. В.— к. ф. н., ст. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Чистов К. В.— к. ф. н., ст. н. с. Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Петрозаводск
- Чистякова Е. В.— к. и. н., доц. Московский государственный историко-архивный институт, Москва
- Чуркина И. В.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Шабловская Н. Б.— м. н. с. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Шатохина Е. М.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва

- Шевеленко А. Я.— к. и. н., ред.-конс. Журнал «Вопросы истории», Москва
- Шевченко Ф. П.— к. и. н., зав. отд. Институт истории АН УССР, Киев
- Шевчук В. И.— к. ф. н., м. н. с. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев
- Шейн И. Е.— м. н. с. Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Москва
- Шеламанова Н. Б.— м. н. с. Археографическая комиссия при Отделении общественных наук АН СССР, Москва
- Шелихова Н. Т.— ст. лаб. Москва, МГУ
- Шептунов И. М.— к. ф. н., учен. секр. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Шераймова С. А.— к. ф. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Шидловская В. С.— Библиотекарь. Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
- Шильдкрет Е. А.— препод. Тамбовский педагогический институт, Тамбов
- Широкова А. Г.— к. ф. н., доц. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Шихарева Г. С.— м. н. с. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Москва
- Шленова Н. А.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Шмелев Д. Н.— к. ф. н., м. н. с. Институт русского языка АН СССР, Москва
- Шмелькова И. А.— ст. библи. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Москва
- Шмераль Я. Б.— м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Шнитман А. М.— к. и. н., доц. Мурманский педагогический институт, Мурманск
- Шпилювая Е. В.— к. ф. н., м. н. с. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев
- Штамм С. И.— к. ю. п., м. н. с. Институт государства и права АН СССР, Москва
- Шумада Н. С.— аспирантка. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Шумилов В. Н.— к. и. н., директор. Центральный государственный архив древних актов, Москва
- Шуплецов Б. В.— зав. редакцией. Государственное издательство иностранной литературы, Москва
- Шур С. М.— студентка. Москва, МГУ
- Шустер У. А.— к. и. н., ст. н. с. Институт истории АН СССР, Ленинград
- Щанов Я. Н.— м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Эккерт Р.— аспирант. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
- Эльсберг Я. Е.— д. ф. н., зав. сек. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва
- Юзвенко В. А.— м. н. с., учен. секр. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев
- Язборовская И. С.— к. и. н., м. н. с. Институт славяноведения АН СССР, Москва
- Язькова А. А.— к. и. н., м. н. с. Институт истории АН СССР, Москва
- Якубайтис Т. А.— к. ф. н., доц. Латвийский государственный университет, Рига

